РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1908.

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1908.

ІЮЛЬ.—АВГУСТЪ.—СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда». Почтамтская, 13.
1908.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIX-й. СЕНТЯБРЬ. 1908 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Изъ дипломатической переписки сэра Джемса Гарриса—графа Мальмсбюри. 1777—1782 г.г. В. Т. . . . . 437—465

II. М. Т. Каченовскій и С. Н. Глинка подъ Иваномъ Великимъ. В. В. Данилова. 466—472

III. Изъ дневника Опочинина. 473—494

IV. Къ 200 лѣтней годовщинѣ сраженія при д. Лѣсной. Л. Драке. . . . 495—499

V. Памяти Григорія Григорьевича Даниловича, какъ выдающагося педагога. (Личныя воспоминанія и замѣтки бывшаго кандидата-педагога). М. Прокопьева. . . . . 501—546

VI. Къ біографіи М. Н. Муравьева. Сообщ. А. Я. Бирюковъ. . . . . . 547—550

VII. Изъ записокъ стараго помѣщика. Рядъ похищеній и увлеченій. В. А. Шомпулева. . . . . . . 551—558

VIII. Очерки изъ исторіи Тамбовской церкви. Александра Нечаева. . . . 559—578

IX. Учебныя воспоминанія. В. Лебедева . . . . 581—600

X. Къ 100-лѣтней годовщинѣ сраженія при Оровайсѣ. Сообщ. Л. Драке. . . 601—602

XI. Воспоминанія К. П. Каблукова. (Записанныя съ его словъ). Георгія Миллера. . . . . 603—633

XII. Забытая писательница и ея заслуги. А. Н. Фаресова. . . . . 635—648

XIII. Ардаганскій отрядъ. (Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 годовъ). В. Комарова. . . . . 649—660

XIV. Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей 1806—1812 гг. Сообщ. Е. Каменскій . . . 661—672

XV. Изъ записной книжки «Русской Старины»:

а) Донесеніе генерала Скобелева начальнику штаба дѣйствующей арміи. Сообщ. Д. Скалонъ. . . 500

б) Къ исторіи монастырей (1671 г.). Сообщ. И. Суворовъ. 634

XVI. Библіографическій листокъ (на оберткѣ).

Приложенія: 1) портретъ **Тамбовскаго епископа Ѳеодосія,**
2) портретъ **Людмилы Христофоровны Симоновой-Хохряковой.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1908 года.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Фонтанкѣ д. № 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Надежда». Почтамтская, 13.

1908.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1908 года.

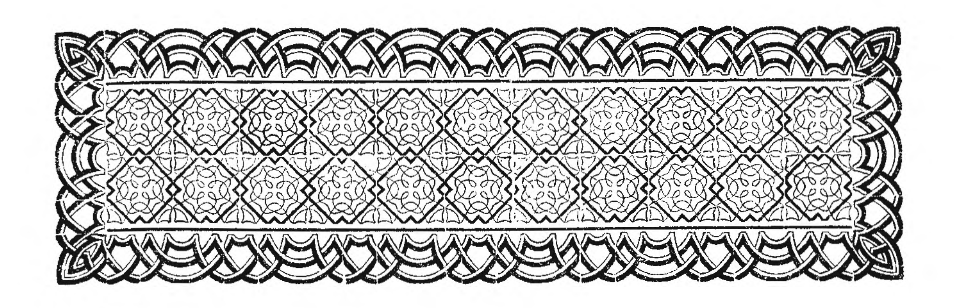
Библіографическій листокъ.

Н. Кашкинъ. Очеркъ исторіи русской музыки. Москва. 1908 г. Ц. 2 р.

Г. А. Ларошъ какъ-то сказалъ, что музыка въ своемъ развитіи отстаетъ отъ литературы лѣтъ на пятьдесятъ. Вѣрная мысль вообще, въ частности она примѣнима къ опытамъ разработки историческихъ свѣдѣній о русскомъ музыкальномъ творчествѣ: количество трудовъ по исторіи нашего художественнаго слова, какъ академическаго, такъ и публицистическаго характера, все разростается, а наша исторія звука все еще находится въ зачаточномъ состояніи, отражая на себѣ слѣды обывательскаго отношенія въ этой области. Большая часть вышедшихъ доселѣ изданій или по дилетантски наивны или же добросовѣстно-шаблонны; лишь въ самые послѣдніе годы стали появляться статьи и книжки съ болѣе серьезными намѣреніями самостоятельно изслѣдовать прошлое нашего искусства, чаще подготовительнаго характера для будущихъ ученыхъ. Попытку представить популярно изложенный обзоръ всего матеріала съ научнымъ его освѣщеніемъ сдѣлалъ въ нынѣшнемъ году представитель московской профессуры Н. Д. Кашкинъ.—Спеціальная критика уже показала немногочисленныя погрѣшности и пропуски въ книгѣ, относящіеся къ временамъ XVII и XVIII столѣтій, а также на обычную и въ прежнихъ работахъ сжатость изложенія до-глинкинскаго періода; мы считаемъ лишь нужнымъ обратить здѣсь вниманіе читателя на замѣчательную выпуклость характеристики тѣхъ пѣсенъ, которыя, появившись во второй половинѣ XVIII в. и видоизмѣнясь позднѣе въ т. наз. „русскій романсъ", оказывали самое сильное воздѣйствіе на сердца нашихъ любителей почти вплоть до конца слѣдующаго столѣтія, въ качествѣ старинныхъ и народныхъ (главы IV и V). Таковы романсы: „Среди долины ровныя", „Красный сарафанъ" и безконечный рядъ тому подобныхъ. Очень удачнымъ кажется намъ принятое авторомъ подраздѣленіе народныхъ пѣсенъ на деревенскія (діатоническія, стариннаго склада) и городскія (вышеупомянутыя, онѣ—позднѣйшія гармоническія, ихъ иногда называютъ ложно-народными). Если обратиться къ другимъ главамъ, то найдемъ не малое число здравыхъ мнѣній, точно высказанныхъ положеній и мѣткихъ характеристикъ. Останавливаетъ вниманіе картина упадка глинкинскаго таланта; врядъ ли кто до Кашкина такъ ясно очертилъ въ немногихъ строкахъ поистинѣ безумное отношеніе петербургскаго высшаго общества къ Глинкѣ, погубившаго его, какъ раньше Пушкина и Лермонтова. Но о послѣднихъ много писалось, трагедія же Глинки, какъ и Гоголя, отличается тѣмъ, что дѣятельность ихъ не была прервана исключительно раннею физическою смертью, но за то вся окружавшая среда (большинство было, конечно, изъ иностранцевъ, частью же русскихъ, утратившихъ свой обликъ) съ презрѣніемъ относилась къ національнымъ духовнымъ цѣнностямъ и сумѣла привести творца „Руслана" къ апатіи и упадку творчества. Такихъ примѣровъ достаточно и теперь. Вспомнимъ дорогого, только что скончавшагося Николая Андреевича Римскаго-Корсакова. Какъ расцвѣла и оживилась его работа, когда онъ нашелъ въ Москвѣ обширный кругъ почитателей, а главное, людей, имѣвшихъ возможность предоставить для его оперъ частную сцену и такимъ образомъ познакомить съ ними чуткую московскую публику. Сколько высокихъ оригинальныхъ произведеній далъ бы намъ геній Глинки, свободный отъ мнѣній несвѣдущихъ и чуждыхъ русскимъ и, вообще, художественнымъ интересамъ лицъ, вліявшихъ на участь его оперъ; отъ творчества же основателя національной музыки многое зависѣло въ дальнѣйшемъ.—Въ качествѣ удачныхъ страницъ упомянемъ сравненіе Даргомыжскаго съ Глинкою, объ историческомъ значеніи Чайковскаго; найдутся еще и другія. На всемъ лежитъ печать мягкаго, доброжелательнаго, вполнѣ культурнаго (что у насъ рѣдко) отношенія автора къ представителямъ музыкальнаго искусства и его неподдѣльная любовь къ темѣ изложенія; при томъ книга читается очень легко. Но получили ли мы съ нею современную и достаточно полную исторію? Самъ проф. Кашкинъ, назвавъ ее очеркомъ, въ предисловіи говоритъ: „Русская музыка имѣетъ ту особенность, что, за исключеніемъ произведеній Глинки, почти вся ея литература, имѣющая большую художественную цѣнность, возникла въ послѣднія 50 лѣтъ и по отношенію къ этой литературѣ авторъ книжки является не столько историкомъ, сколько лѣтописцемъ—очевидцемъ, передающимъ отраженіе впечатлѣній, какія возбуждали явленія этого рода и, при томъ, въ извѣстномъ кругу" и далѣе—„Весь такой разсказъ слишкомъ основанъ на личныхъ впечатлѣніяхъ музыкальной жизни, чтобы въ немъ не было пропусковъ, недосмотровъ или, быть можетъ, слишкомъ личнаго субъективнаго отношенія къ предмету". И помимо этого искренняго заявленія можно усмотрѣть позицію Кашкина. Онъ московскій музыкантъ-восьмидесятникъ, сверстникъ Чайковскаго, слегка посторонній наблюдатель исканій и стычекъ „молодой русской школы" съ противниками; къ тому

Людмила Христофоровна
Симонова-Хохрякова.

Изъ дипломатической переписки сэра Джемса Гарриса—графа Мальмсбюри.

1777—1782 гг. [1]).

Въ исходѣ марта прибылъ въ Петербургъ къ графу Герцу посланный изъ Потсдама, съ секретнымъ порученіемъ. Со времени его пріѣзда Герцъ чуть не ежедневно совѣщался съ Панинымъ и съ Потемкинымъ. Короля прусскаго такъ волновало предстоявшее въ Могилевѣ свиданіе Екатерины съ императоромъ Іосифомъ, что онъ рѣшилъ послать въ Петербургъ прусскаго принца; предполагаемый его пріѣздъ къ русскому двору и былъ предметомъ этихъ секретныхъ совѣщаній. Императрица три дня не давала никакого отвѣта Герцу, и, какъ писалъ Гаррисъ, „не была ничуть обрадована этимъ предложеніемъ; тѣмъ не менѣе, на это посѣщеніе ею было дано согласіе, въ самомъ дружескомъ тонѣ. Графъ Герцъ гордится тѣмъ, что онъ уладилъ этотъ важный вопросъ. Ему было поручено распространиться о миролюбивыхъ намѣреніяхъ своего монарха и изобразить вѣнскій дворъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; напомнить императрицѣ его поведеніе въ послѣднюю турецкую войну, его недавніе виды на Баварію... постараться возстановить Екатерину противъ Австріи, напомнивъ ей, что австрійская императрица была противъ поѣздки своего сына въ Россію [2]) и что она не дала на это своего согласія до тѣхъ поръ, пока она не получила увѣренности, что нравственности императора не будетъ угрожать опасности [3]). „Герцъ

[1]) См. «Русск. Стар.», іюнь 1908 г.

[2]) Для свиданія съ Екатериной.

[3]) Письмо Гарриса къ лорду Стормонту отъ 31 марта—11 апрѣля 1780 г.

съ большимъ усердіемъ старался выполнить данное ему порученіе, но я имѣю основаніе думать, говоритъ Гаррисъ, что ему не удалось произвести на императрицу особѐнно сильнаго впечатлѣнія". „Графъ Панинъ не хотѣлъ допустить свиданія Герца съ Потемкинымъ, когда Герцъ настаивалъ на этомъ, говоря, что онъ обязанъ выполнить данныя ему инструкціи, то Панинъ былъ внѣ себя отъ гнѣва и заявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ не будетъ болѣе поддерживать интересовъ Пруссіи. Но эта размолвка продолжалась не долго; они вскорѣ примирились".

Англійскій посланникъ узналъ, что графъ Герцъ, во время своихъ переговоровъ относительно пріѣзда прусскаго принца секретно передалъ Потемкину собственноручное письмо короля прусскаго, написанное въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ. Въ этомъ письмѣ, говоря о томъ, что единственной цѣлью свиданія въ Могилевѣ было, „какъ ему доподлинно извѣстно, разрушить союзъ, существующій между берлинскимъ и петербургскимъ дворами, и создать новую политическую комбинацію король прусскій убѣждалъ князя Потемкина поддержать его интересы; обѣщая, что если онъ сдѣлаетъ это, то онъ (король), со своей стороны, il tâchera de rendre possible ce qui parait impossible (сдѣлаетъ невозможное возможнымъ); эти слова, при всей туманности, были какъ нельзя болѣе выразительны; и я боюсь—говоритъ Гаррисъ—что они глубоко западутъ въ сердце князя Потемкина, такъ какъ они относятся либо къ его планамъ относительно Курляндіи или, что̀ еще вѣроятнѣе, они равносильны обѣщанію примирить его съ великимъ княземъ, чтобы въ случаѣ кончины императрицы обезпечить ему личную безопасность, сохраненіе почестей и богатствъ; боязнь лишиться всего этого часто преслѣдуетъ князя, и имъ овладѣваетъ иногда самая черная меланхолія".

Вслѣдствіе интригъ и происковъ Пруссіи, отношенія при петербургскомъ дворѣ до того запутались, что англійскій посланникъ, не будучи въ состояніи разобраться въ нихъ, обратился за разъясненіями къ одному близкому къ князю Потемкину лицу, пользовавшемуся его полнымъ довѣріемъ и безъ котораго князь ничего не предпринималъ. Щедрыя обѣщанія Гарриса возымѣли свое дѣйствіе, и онъ могъ вскорѣ сообщить своему правительству полученныя имъ подробныя объясненія на рядъ предложенныхъ имъ вопросовъ [1]), которые сводились къ слѣдующему: „чѣмъ была вызвана декларація? кѣмъ она была составлена? каковы были первоначальныя намѣренія императрицы и остались, ли они неизмѣнны? можно

[1]) Письмо къ лорду Стормонту отъ 15/26 мая 1780.

ли вѣрить искренности дружескихъ заявленій Потемкина и выражаемой имъ готовности служить Англіи? или онъ отводитъ глаза и дѣйствуетъ въ интересахъ враговъ Англіи лично или черезъ короля прусскаго? какіе шаги сдѣланы Франціей и Испаніей съ цѣлью снискать расположеніе петербургскаго двора, и удалось ли имъ достигнуть этого?

Собесѣдникъ Гарриса отвѣтилъ на поставленные вопросы, что декларація написана всецѣло по инициативѣ самой императрицы и была вызвана поведеніемъ Испаніи. Всѣ пять пунктовъ деклараціи были намѣчены въ черновомъ проектѣ деклараціи, посланномъ ею графу Панину; онъ не прибавилъ къ нимъ ничего существеннаго; неизвѣстно, кто подалъ ей мысль изложить эти пять пунктовъ, но такъ какъ послѣдніе мѣсяцы она часто видѣла своего гамбургскаго агента, St. Paul'я и графа Воронцова, стоящаго во главѣ коммерцъ-коллегіи, то, по всей вѣроятности, декларація сложилась у нея подъ впечатлѣніемъ разговоровъ съ ними. Вначалѣ, изъ врожденной симпатіи къ Англіи, императрица склонялась на ея сторону. Но происки ея министровъ и расточаемыя ей со всѣхъ сторонъ однѣ похвалы заставили ее измѣнить свое мнѣніе, и она видимо рѣшила соблюдать строжайшій нейтралитетъ.

„Князь Потемкинъ говоритъ и дѣйствуетъ вполнѣ искренно; онъ не любитъ французовъ, предубѣжденъ противъ короля прусскаго и остается глухъ къ предложеніямъ, сдѣланнымъ ему за послѣднее время этимъ монархомъ. Но его симпатіи къ Англіи не такъ велики, чтобы онъ преодолѣлъ для нея свою лѣнь и безпечность; онъ можетъ выйти изъ своей инертности только въ томъ случаѣ, если его вынудитъ къ тому противодѣйствіе графа Панина.

„Французы неутомимы въ своемъ стараніи обойти императрицу. У нихъ масса агентовъ, и они не щадятъ ни денегъ, ни труда чтобы разрушить всѣ наши планы. Имъ удалось перетянуть на свою сторону графа Панина; хотя императрица все еще не вполнѣ довѣряетъ имъ и относится къ нимъ нѣсколько пренебрежительно, но лесть нравится ей, и она полагаетъ, что ея могущество и слава нигдѣ не встрѣтятъ такой правдивой оцѣнки, какъ въ Версалѣ.

„На мой вопросъ вышеупомянутому лицу, что онъ подразумѣваетъ подъ выгодными предложеніями, сдѣланными князю Потемкину королемъ Прусскимъ, онъ отвѣтилъ, пишетъ Гаррисъ, что король обѣщаетъ помочь ему получить герцогство Курляндское и, если онъ пожелаетъ, предлагаетъ найти ему жену среди нѣмецкихъ принцессъ,—не называя впрочемъ ни одной изъ нихъ. Я полюбопытство-

*

валъ узнать, почему князь отвергнулъ столь лестное предложенiе? это объясняется тѣмъ, отвѣтилъ мой собесѣдникъ, что онъ не считаетъ это предложенiе искреннимъ, а разсчитаннымъ лишь на то, чтобы снискать его расположенiе на время свиданiя въ Могилевѣ. Я спросилъ, что думаетъ князь Потемкинъ объ этомъ свиданiи, и какъ онъ относится къ вѣнскому двору. „У князя нѣтъ опредѣленной политики; онъ дѣйствуетъ подъ впечатлѣнiемъ минуты. Въ данный моментъ онъ заискиваетъ расположенiе императора, который, подавая ему надежду пожаловать ему какое-нибудь княжество или что-нибудь въ родѣ этого, можетъ навсегда заручиться его расположенiемъ. Затѣмъ я попросилъ его сказать свое мнѣнiе о настроенiи двора". „Оно слишкомъ зависитъ отъ случая, отвѣчалъ онъ, поэтому объ немъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго; все зависитъ отъ событiй, и пока не случится чего-нибудь особенно важнаго, тотъ будетъ имѣть наибольшее влiянiя, кто лучше сумѣетъ льстить и потворствовать слабостямъ императрицы; у нея нѣтъ опредѣленнаго плана дѣйствiй, нѣтъ никакихъ видовъ на будущее... Можно сказать одно, что ежели ея величайшiй врагъ будетъ льстить ей, то она будетъ содѣйствовать его видамъ и будетъ усыплена его похвалами; съ другой стороны, если ея лучшiй и самый любимый другъ будетъ перечить ея желанiямъ или идти противъ нѣкоторыхъ ея мѣропрiятiй, то она въ первый моментъ будетъ готова разстаться съ нимъ, и въ ея душу глубоко западетъ чувство недовольства" [1]).

Въ исходѣ мая (1780 г.) состоялось волновавшее всѣхъ свиданiе Екатерины съ императоромъ австрiйскимъ въ Могилевѣ, которое имѣло огромное политическое значенiе, такъ какъ оно могло повлечь за собою сближенiе между Россiей и вѣнскимъ кабинетомъ.

„Императоръ прiѣхалъ 23-го, императрица два дня спустя. Кобенцель представилъ его ея императорскому величеству подъ именемъ графа Фалькештейна. Проведя въ Могилевѣ пять дней, и отъужинавъ 30 числа въ Шкловѣ, загородномъ домѣ генерала Зорича, ихъ величества отбыли въ Смоленскъ, откуда императрица поѣдетъ далѣе по заранѣе составленному маршруту, а императоръ отправится въ Москву. Онъ проведетъ въ древней столицѣ четыре дня и, осмотрѣвъ ея достопримѣчательности, отправится въ Петербургъ, куда его ожидаютъ одновременно съ ея императорскимъ величествомъ. Во всѣхъ письмахъ, полученныхъ изъ Могилева, говорится о взаимномъ удовольствiи, испытанномъ августѣйшими особами во время этого свиданiя; любезность императора и

---

[1]) Письмо Гарриса къ Г. Элiоту отъ 2/13 iюня 1780 г.

его душевныя качества должны были произвести самое благопріятное впечатлѣніе на государыню, которая сама обладаетъ въ высокой степени искусствомъ нравиться.

Прусская партія крайне встревожена тѣмъ, что прибываніе императора въ Россіи будетъ столь продолжительно, тѣмъ болѣе, что это дѣлается, очевидно, по желанію императрицы, которой не только льститъ посѣщеніе этого высокопоставленнаго гостя, но которая поражена его любезнымъ обхожденіемъ и пріятными манерами. Онъ, со своей стороны, сдѣлалъ все возможное, чтобы понравиться; дѣйствуя совершенно въ ея духѣ, онъ разсыпается въ похвалахъ по поводу всего, что сдѣлано ею, или что она предпринимаетъ въ настоящее время.

Императоръ уѣхалъ изъ Петербурга 25 іюля; онъ нанесъ такой чувствительный ударъ вліянію короля прусскаго и такъ замѣтно поколебалъ его вліяніе, что королю едва-ли удастся возстановить его".

„Прощаясь съ императрицею, Іосифъ II сказалъ ей, въ самыхъ простыхъ и благородныхъ выраженіяхъ, что онъ показалъ себя ей такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, что онъ не прибѣгалъ ни къ хитрости, ни къ какимъ-либо уловкамъ, чтобы снискать ея благоволеніе и дружбу, что она можетъ поэтому составить себѣ вѣрное представленіе объ его характерѣ и душевныхъ качествахъ, такъ какъ онъ вполнѣ увѣренъ, что послѣ его отъѣзда будутъ стараться оклеветать его и очернить въ ея глазахъ, то онъ проситъ ее, прежде нежели вѣрить тому, что ей скажутъ, справиться со своимъ собственнымъ сердцемъ. Онъ присовокупилъ, что не любитъ льстить, но долженъ сказать откровенно, что она превзошла добрую славу, которой она пользуется, и что онъ считаетъ дни, проведенные съ нею, самымъ пріятнымъ временемъ своей жизни, проведеннымъ съ наибольшей пользою. Императрица была до того тронута тономъ, которымъ все это было сказано, что даже прослезилась; она поцѣловала его съ большимъ волненіемъ и сердечностью, а когда Іосифъ II поцѣловалъ ея руку, она въ свою очередь поцѣловала ему руку. Это передано мнѣ человѣкомъ, который былъ единственнымъ свидѣтелемъ этой оригинальной сцены".

Любопытно сопоставить съ этими строками отзывъ Іосифа II объ Екатеринѣ, который передаетъ въ одной изъ своихъ депешъ англійскій посланникъ въ Константинополѣ, Кейтъ.

„Императоръ сказалъ мнѣ, писалъ Кейтъ, что все искусство состоитъ въ томъ, чтобы понять характеръ русской императрицы и польстить ей. Она обладаетъ, безъ сомнѣнія, выдающимся умомъ, но не можетъ все дѣлать сама. Тотъ, кому приходится вести съ нею пере-

говоры, никогда не долженъ упускать изъ вида ея пола, не долженъ забывать, что женщина мыслитъ и дѣйствуетъ иначе, нежели мужчина. Я говорю по опыту, что единственное средство быть съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ, это не потакать ей, но и не затрогивать ея предразсудковъ, предоставить ей дѣйствовать въ маловажныхъ дѣлахъ по своему собственному усмотрѣнію, чтобы имѣть возможность въ болѣе существенномъ отвѣтить ей отказомъ. Слѣдуетъ постоянно выказывать готовность быть ей пріятнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надобно дать ей понять, что вы твердо намѣрены слѣдовать извѣстнымъ принципамъ и вполнѣ ясно сознаете свои права; если она выражаетъ желаніе получить что-либо, на что можно согласиться, не отступая отъ этихъ принциповъ, то ей слѣдуетъ оказывать ту предупредительность и вниманіе, какія подобаютъ женщинѣ, но когда она настаиваетъ на уступкахъ, которыхъ невозможно сдѣлать, то надобно дать ей почувствовать, что ея желаніе будетъ исполнено лишь въ предѣлахъ возможнаго. Такимъ образомъ можно сохранить съ нею дружественныя отношенія и оградить себя отъ ея слишкомъ пылкихъ и стремительныхъ чувствъ и убѣдить ее въ то же время, что въ серьезныхъ вопросахъ всякій монархъ имѣетъ неоспоримое право держаться своей собственной политики и не отступать отъ нея ни на шагъ. Главное несчастье императрицы заключается въ томъ, что возлѣ нея нѣтъ человѣка, который осмѣлился бы ограничить или хотя бы сдержать вспышки ея страстей. Гр. Остерманъ человѣкъ ничтожный; онъ ничего не дѣлаетъ и не имѣетъ вѣса. Что касается Безбородко,—это выскочка; онъ былъ письмоводителемъ и простымъ переводчикомъ при фельдмаршалѣ Румянцевѣ и сохранилъ до сихъ поръ взгляды этого класса людей. У него есть кое-какія способности, есть навыкъ къ дѣламъ, но онъ мало читалъ, ничего не смыслитъ въ государственномъ управленіи и не понимаетъ высшихъ интересовъ, коими руководятся монархи. Когда государыня пользуется его перомъ и диктуетъ ему рѣзкія подъ часъ и несдержанныя выраженія, въ коихъ она изливаетъ чувства, волнующія ее въ данный моментъ, то у ея секретаря не хватаетъ твердости, а быть можетъ и желанія сдержать ея первый и необдуманный порывъ; онъ излагаетъ на бумагѣ ея мысли во всей ихъ непосредственности и при томъ, вѣроятно, говоритъ себѣ: „Не мое дѣло взвѣшивать послѣдствія и предостерегать государыню: пускай короли Франціи и Англіи или императоръ австрійскій сами разбираются въ этомъ“. Таково положеніе императрицы; это не слѣдуетъ упускать изъ виду тому, кто ведетъ съ нею серьезные переговоры.

— Но развѣ, со времени опалы гр. Панина, кн. Потемкинъ не является ближайшимъ совѣтникомъ императрицы? замѣтилъ я.

— Разумѣется,—возразилъ императоръ,—но это плохой совѣтникъ Его познанія крайне ограничены. При томъ онъ очень лѣнивъ; сама императрица относится къ нему, или по крайней мѣрѣ говоритъ о немъ, какъ о своемъ ученикѣ въ дѣлѣ политики, слѣдовательно, какъ о человѣкѣ, коимъ надобно руководить, но который не можетъ быть руководителемъ. Ей доставляетъ удовольствіе говорить: „это мой ученикъ; онъ мнѣ обязанъ всѣми свѣдѣніями въ дѣлахъ“. Вы понимаете, что тотъ, кому это она говорила, не былъ достаточно откровененъ, чтобы сказать ей: „да, в. в.; онъ вашъ ученикъ, но, по правдѣ сказать, онъ не дѣлаетъ вамъ чести“.

— Развѣ что-нибудь заставляетъ предполагать, сказалъ я, что вліяніе и значеніе Потемкина уменьшаются?

— Ничуть, возразилъ императоръ, но въ дѣлахъ политики его вліяніе никогда не было такъ велико, какъ полагали. Императрица не желаетъ разстаться съ нимъ; на это есть тысяча причинъ. Ей было бы не легко отдѣлаться отъ него даже, если бы она того желала. Надо побывать въ Россіи, чтобы понять всѣ особенности положенія императрицы“.

Шесть недѣль спустя послѣ отъѣзда изъ Петербурга императора Іосифа II, въ Россію пріѣхалъ другой высокій посѣтитель: прусскій королевскій принцъ, наслѣдникъ прусскаго престола и племянникъ Фридриха II, которому было поручено по мѣрѣ возможности постараться загладить благопріятное впечатлѣніе, которое произвелъ на Екатерину Іосифъ II. Прусскаго принца ожидалъ въ Петербургѣ совсѣмъ иной пріемъ.

„28 августа, въ среду, пріѣхалъ сюда прусскій принцъ“, писалъ Гаррисъ (8 сентября) 1780 г. „Его свиданіе съ императрицею; происшедшее вчера утромъ съ большимъ церемоніаломъ и этикетомъ, врядъ ли удовлетворило кого-нибудь. Императрица нашла принца неповоротливымъ, несообщительнымъ и неловкимъ; онъ, со своей стороны, нашелъ, что его приняли холодно и высокомѣрно. На вечернемъ пріемѣ онъ такъ же не имѣлъ успѣха, и хотя императрица принимала его въ Эрмитажѣ, гдѣ она бываетъ обыкновенно очень любезна и сообщительна; она обращала на него вниманіе не больше, какъ того требовало приличіе и самая простая вѣжливость“.

„Императрица съ каждымъ днемъ становится менѣе любезна съ прусскимъ принцемъ и всячески старается избѣгать его, писалъ Гаррисъ 22 сентября (30 октября). До сихъ поръ не было, да и впредь не будетъ никакихъ чрезвычайныхъ празднествъ по слу-

чаю его пріѣзда, и судя по тому, какъ государыня обходится съ нимъ, она видимо рѣшила показать ему, что это должно быть его послѣднее посѣщеніе. Принца это задѣло за живое; вѣроятно, онъ никогда не проститъ ей этого и не забудетъ той глупой роли, которую онъ здѣсь играетъ. Великій князь и великая княгиня относятся къ нему очень внимательно, хотя онъ и съ ихъ стороны не видитъ того радушія, на которое онъ разсчитывалъ.

„Давъ понять гр. Панину, что ей было бы пріятно, если бы принцъ назначилъ свой отъѣздъ на одинъ изъ ближайшихъ дней, императрица приказала наконецъ своему секретарю сказать графу безъ обиняковъ, чтобы онъ это устроилъ, ибо иначе она не ручается, что она не скажетъ принцу какой-либо грубости. Какъ это ни покажется страннымъ, но это совершенно вѣрно. Въ обществѣ императрица относится къ принцу съ холодностью и сдержанностью, которая совершенно не свойственна ея характеру; она никогда не говоритъ ни съ кѣмъ изъ лицъ его свиты. Въ пятницу, на маскарадѣ и въ субботу, на пріемѣ во дворцѣ, онъ не игралъ въ карты съ нею; это всѣмъ бросилось въ глаза, тѣмъ болѣе, что когда я вошелъ, она попросила князя Барятинскаго уступить мнѣ мѣсто за ея столомъ.

„Относясь пренебрежительно къ пруссакамъ, императрица весьма внимательна ко всѣмъ имѣющимъ отношеніе къ вѣнскому двору. Она сказала графу Кобенцелю, въ присутствіи прусскаго принца и его свиты, что не проходитъ дня, чтобы она не вспоминала графа Фалькенштейна и не пожалѣла объ его отъѣздѣ; разговаривая съ княземъ де-Линь, она расточаетъ похвалы императору и постоянно говоритъ о своемъ уваженіи къ нему. Это поведеніе не согласуется съ тѣмъ, на что̀ разсчитывалъ прусскій принцъ, и возбудитъ безъ сомнѣнія, неудовольствіе его дяди, когда онъ вернется изъ Петербурга. Все это такъ разстраиваетъ принца, что онъ чувствуетъ себя здѣсь еще хуже, чѣмъ въ Берлинѣ“.

Ничто такъ не оскорбляло прусскаго принца и его свиту, какъ вниманіе, которое императрица оказывала принцу де-Линь, не только какъ умному и любезному собесѣднику, но именно какъ австрійцу. Отличить принца, оказать ему особое вниманіе было въ глазахъ Екатерины равносильно тому, чтобы подчеркнуть свое расположеніе къ императору Іосифу II и свою антипатію къ королю прусскому и вообще къ Бранденбургскому дому.

Столичное общество подражало высочайшимъ особамъ; князь Потемкинъ также не старался быть пріятнымъ принцу и не оказывалъ ему должнаго вниманія.

„Отъѣздъ князя Потемкина (изъ Петербурга) въ настоящій мо-

ментъ, писалъ Гаррисъ лорду Стормонту 25 сентября (6 октября) 1780 г., считается знакомъ неуваженія къ прусскому принцу, да оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Я оставался съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сѣлъ въ экипажъ, и когда всѣ удалились, я имѣлъ съ нимъ еще длинный и интересный разговоръ. Онъ былъ очень сообщителенъ, говорилъ о характерѣ императрицы, о современномъ состояніи имперіи и о своемъ собственномъ положеніи въ такомъ тонѣ, который свидѣтельствуетъ о его здравомъ сужденіи и проницательности.

„Я совершенно увѣренъ, что всѣ старанія пруссаковъ снискать расположеніе императрицы не приведутъ ни къ чему и что только чудо можетъ измѣнить ея отношенія къ королевскому принцу и ея чувства къ нему. Послѣдніе три дня я былъ свидѣтелемъ такого пренебрежительнаго отношенія и такого невниманія къ нему со стороны императрицы, что я удивлялся его терпѣнію и сдержанности.

На-дняхъ у шталмейстера Нарышкина она не пригласила его къ своему столу ни за картами, ни за ужиномъ; съ ней сидѣли только ея фаворитъ, князь Потемкинъ и я.

Вчера во время маскарада она появилась въ маскѣ и, войдя въ залъ, попросила меня сопровождать ее, сказавъ: Ne me quittez pas de toute la soirée; je vous ai fait Chevalier, et je veux que vous me défendiez contre les ennuyeux“. Она пробыла на маскарадѣ отъ семи до десяти часовъ и все время не обращала ни малѣйшаго вниманія на принца и на его свиту.

Императрица выказывала въ присутствіи своего высокаго гостя неудовольствіе и скуку, и, говоря о немъ, давала понять, что она имѣетъ самое жалкое мнѣніе о его способностяхъ. Я увѣренъ, что хотя король прусскій имѣетъ при здѣшнемъ дворѣ многочисленныхъ и могущественныхъ друзей, его племяннику не удалось достигнуть ни одной изъ своихъ цѣлей, что онъ скорѣе поддержалъ, нежели ослабилъ выгодное мнѣніе, которое императрица составила себѣ о графѣ Фалькенштейнѣ, и повредилъ интересамъ своего дяди вмѣсто того, чтобы ихъ упрочить. Кн. Потемкинъ не позволилъ своей племянницѣ пригласить его на ужинъ. Словомъ, прусскій принцъ уѣхалъ недовольный и скучалъ здѣсь все время“.

„Послѣ отъѣзда принца о немъ говорили въ Петербургѣ не иначе какъ съ оттѣнкомъ жалости, близкой къ презрѣнію. Таково здѣсь настроеніе въ настоящее время, писалъ Гаррисъ, мѣсяцъ спустя послѣ отъѣзда принца [1]), но я не ручаюсь за то, что бу-

---

[1]) Письма къ лорду Стормонту отъ 17 и 29 ноября 1780 г.

детъ завтра. Прусская партія здѣсь многочисленна, ловка, изощрилась въ интригахъ и до того привыкла властвовать, что ея значеніе не легко поколебать.

„Стараясь изгладить благопріятное впечатлѣніе, произведенное на императрицу Іосифомъ II, прусская партія пускается на всѣ уловки; между прочимъ передаютъ разговоръ, который императоръ имѣлъ будто бы по возвращеніи своемъ въ Вѣну и въ которомъ было много оскорбительнаго для императрицы; къ этому примѣшиваютъ разныя замѣчанія и остроты, которыя могли оскорбить императрицу; низость дошла до того, что пруссаки утверждаютъ, будто графъ Фалькенштейнъ вошелъ въ соглашеніе съ молодымъ дворомъ, которое очень не выгодно для императрицы. Какъ это ни странно, но эти слухи поддерживались подъ рукою французской партіей; и хотя де-Веракъ (французскій посланникъ) обязанъ весьма многимъ неограниченному довѣрію, которое оказываетъ ему графъ Кобенцель (по всей вѣроятности по приказанію своего двора), однако и онъ и его близкіе относятся съ большой завистью и неудовольствіемъ къ возрастающему вліянію Австріи. Ихъ собственные интересы тѣсно связаны съ интересами Пруссіи, и слѣдовательно все то, что уменьшаетъ ея вліяніе, должно огорчать ихъ. Однимъ словомъ, прусскій и французскій посланники дѣйствуютъ въ полномъ согласіи . . . и я полагаю, что прежде чѣмъ предпринять какой-нибудь шагъ, они совѣтуются другъ съ другомъ. Графъ Панинъ покровительствуетъ обоимъ и относится къ Австріи такъ же недоброжелательно, какъ и къ Англіи“.

Какъ справедливо отмѣчаетъ Гаррисъ, французскій посланникъ явно держалъ сторону Пруссіи и старался передать самые неблагопріятные для нея факты въ такомъ освѣщеніи, которое было выгодно для пруссаковъ и въ то же время должно было ввести въ заблужденіе тѣхъ, кому онъ это писалъ, т. е. его собственное правительство. Такъ, напр., хотя онъ и вынужденъ былъ признать, что прусскому принцу былъ оказанъ въ Петербургѣ нелюбезный пріемъ, но онъ объяснялъ это не личными качествами принца или измѣнившимися взглядами императрицы, а совершенно иными причинами.

„Императрица была чрезвычайно раздражена послѣднее время событіями совершенно частнаго, семейнаго характера“, писалъ де-Веракъ 6 октября, „она такъ тревожилась, что стала неузнаваема. Всѣ окружающіе страдаютъ отъ этого; можно только пожалѣть о томъ, что прусскій принцъ пріѣхалъ сюда въ такой моментъ, когда его присутствіе могло еще болѣе усилить неудовольствіе императрицы, вслѣдствіе того, что ей приходилось скрывать свои чувства. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что при иныхъ обстоя-

тельствахъ королевскій принцъ очень понравился бы императрицѣ. Онъ соединяетъ съ благородной внѣшностью большую любезность, обладаетъ повидимому умомъ и познаніями, держитъ себя всегда съ достоинствомъ, приличнымъ его сану и, какъ частный человѣкъ, въ обществѣ весьма любезенъ".

„Прощанье императрицы съ королевскимъ принцемъ было трогательное. Говорятъ, будто при этомъ даже были пролиты слезы. Она выразила въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ свою симпатію къ королю прусскому; я не сомнѣваюсь, что королевскій принцъ снискалъ ея уваженіе, и что его поѣздка будетъ весьма полезна для прусскаго короля".

Ни въ депешахъ де-Верака, ни въ донесеніяхъ Гарриса не говорится подробно о событіяхъ, на которыя намекаетъ французскій посланникъ. Но что они дѣйствительно существовали, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, ибо въ депешѣ англійскаго посланника отъ 9 ноября мы читаемъ:

„Кн. Потемкинъ жалуется на то, что императрица разсердилась на него за его просьбу оказать какія-то особыя милости ему и его семейству, а когда онъ сталъ настаивать, то она приказала ему удалиться, осыпавъ его упреками. Онъ жалуется также на злобу враговъ, которые, по его словамъ, постоянно возбуждаютъ императрицу противъ него и убѣдили ее въ томъ, что онъ преслѣдуетъ только свои личныя, честолюбивыя цѣли; Потемкинъ говоритъ, что характеръ императрицы послѣднее время измѣнился, она стала болѣе чѣмъ когда-либо недовѣрчива и подозрительна, и такъ избалована лестью, что не можетъ выслушать правды, если она непріятна. Онъ говоритъ, что дворъ ему наскучилъ, и выражаетъ намѣреніе уѣхать изъ столицы и отправиться путешествовать: словомъ, онъ говоритъ тономъ фаворита, которому все наскучило и который считаетъ себя въ опалѣ".

„Когда все идетъ хорошо, говорилъ кн. Потемкинъ [1]), мое вліяніе ничтожно, но когда у императрицы бываютъ непріятности, она нуждается во мнѣ; въ такіе моменты мое вліяніе усиливается болѣе, чѣмъ когда-либо.

Когда это случится, я воспользуюсь, конечно, этимъ обстоятельствомъ такъ или иначе".

Время шло; между тѣмъ всѣ старанія англійскаго посланника склонить императрицу въ пользу Сентъ-Джемскаго кабинета разбивались объ упорное противодѣйствіе съ ея стороны. Екатерина оставалась глуха къ совѣтамъ Потемкина, который поддерживалъ домогательства посланника, и Потемкинъ, удивляясь этому необычай-

[1]) Письмо Гарриса отъ 1 августа 1780 г.

ному упорству, приписывалъ это главнымъ образомъ „тонко разсчитанной лести графа Фалькенштейна, который, по его словамъ, много повредилъ ему, увѣривъ императрицу, что она величайшая монархиня Европы и не должна позволять никому руководить ея политикой.

„Подобныя слова и въ прежнее время вскружили бы ей голову, говорилъ Потемкинъ, а за послѣдніе два года ея умственныя способности до того понизились, и она такъ поддалась своимъ страстямъ, что такія рѣчи дѣйствуютъ на нее очень сильно".

Но ему все-таки удалось добиться для Гарриса аудіенціи. Седьмого декабря онъ пригласилъ къ себѣ посланника [1]) и показалъ ему записку, посланную имъ императрицѣ и ея отвѣтъ на нее. Записка была немногосложна. Упомянувъ объ усердіи, съ какимъ онъ всегда служилъ ей, и высказавъ свое сожалѣніе по поводу того, что лица, не дорожащія ея славой, поставили ее въ ложное положеніе, Потемкинъ просилъ императрицу, если она сколько-нибудь довѣряетъ его словамъ, исполнить данное ему обѣщаніе и дать посланнику частную аудіенцію. Отвѣтъ императрицы былъ также немногосложенъ; она изъявляла согласіе принять Гарриса, но предварительно выражала желаніе говорить съ самимъ Потемкинымъ. Согласно съ этимъ, онъ отправился въ ея аппартаменты, гдѣ провелъ съ нею наединѣ болѣе двухъ часовъ. „Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ его возвращенія, говоритъ Гаррисъ, и былъ очень радъ видѣть, что онъ вернулся веселый и довольный. Онъ поспѣшно сообщилъ, мнѣ, что ея в. приметъ меня на другой день въ десять часовъ утра, что она выслушала его съ особымъ удовольствіемъ и очевидно измѣнила свой взглядъ".

Князь совѣтовалъ мнѣ быть съ императрицей вполнѣ откровеннымъ и искреннимъ.

„Государыня очень проницательна, сказалъ онъ, и если она замѣтитъ въ вашихъ словахъ какую-либо непослѣдовательность или умышленное искаженіе истины, она подумаетъ, что вы не довѣряете ей; дайте ей понять, что единственное ваше оружіе есть правда и справедливость, что вами руководятъ только эти принципы и любовь къ родинѣ. Не скупитесь на лесть; чѣмъ больше вы будете ей льстить, тѣмъ лучше.

„Не думайте, чтобы вы, или кто-либо иной былъ въ состояніи отклонить ее отъ ея излюбленной мысли о вооруженномъ нейтралитетѣ. Будьте довольны, если вамъ удастся парализовать послѣдствія этого плана; въ этомъ случаѣ ея рѣшеніе неизмѣнно. Этотъ проектъ льститъ тщеславію и гордости императрицы, и она настаиваетъ на

[1]) Письмо къ лорду Стормонту отъ 2/13 декабря 1780 г.

немъ изъ упрямства; вы очень хорошо знаете, какъ легко женщины поддаются этимъ страстямъ, и если вы вздумаете бороться съ ними, вы еще болѣе осложните дѣло. Повторяю вамъ еще разъ, будьте откровенны и чистосердечны, дайте понять императрицѣ, что вы относитесь къ ней съ полнымъ довѣріемъ; она недовольна, такъ какъ она полагаетъ, что англійскій народъ не питаетъ къ ней довѣрія".

Въ половинѣ одиннадцатаго въ аппартаменты Потемкина явился за Гаррисомъ камердинеръ императрицы и провелъ его заднимъ ходомъ въ ея покои, гдѣ между Екатериной и англійскимъ посланникомъ произошелъ слѣдующій въ высокой степени любопытный разговоръ, который былъ записанъ Гаррисомъ тотчасъ по окончаніи аудіенціи. По свидѣтельству лицъ, близко знавшихъ англійскаго посланника, онъ обладалъ изумительной памятью и могъ по окончаніи любого засѣданія продиктовать или записать дословно все, что говорилось; поэтому донесеніе, въ которомъ онъ передаетъ свой разговоръ съ императрицей, имѣетъ большую цѣну.

Разговоръ съ императрицей, по собственному свидѣтельству Гарриса, произвелъ на него столь глубокое впечатлѣніе, что онъ запомнилъ каждое ея слово и могъ поручиться, что имъ записаны подлинныя слова и выраженія его высокой собесѣдницы; разговоръ происходилъ на французскомъ языкѣ и записанъ въ видѣ діалога, такъ, какъ онъ происходилъ; сокращены нѣсколько только реплики самого Гарриса.

Harris. Je viens pour représenter à Votre Majesté Impériale la situation critique dans laquelle nos affaires se trouvent. Elle connait

---

Переводъ:

Г.—Я явился съ намѣреніемъ изобразить В. И. В. критическое положеніе, въ какомъ находятся наши дѣла. В. В. извѣстно, какое довѣріе мы питаемъ къ ней; мы льстимъ себя надеждою, что В. В. отвратите грозящую намъ бѣду и разсѣете наши опасенія въ томъ, что мы лишились ея расположенія.

Е.—Вамъ извѣстны мои чувства къ вашей націи: они столь же искренни сколь неизмѣнны; но я встрѣтила съ вашей стороны такъ мало взаимности, что мнѣ не слѣдовало бы долѣе считать васъ въ числѣ своихъ друзей.

Г.—Я хотѣлъ обратиться непосредственно къ В. В., такъ какъ я питаю надежду, что эти чувства еще не совсѣмъ изгладились, но я дѣлаю это не безъ боязни, ибо все, что я вижу, убѣждаетъ меня въ томъ, что наши враги извѣстнымъ образомъ успѣли воздѣйствовать на В. В.

Е.—Какимъ образомъ, въ чемъ?

Г.—Вездѣ, В. В., въ Голландіи, Даніи, Пруссіи. Если бы В. В. благоволили взглянуть на записку, переданную мною князю Потемкину, то вы увидѣли бы, на чемъ основаны мои опасенія.

Е.—Я прочла ее; повторяю вамъ, м. г., я люблю вашу націю; было бы слабостью вѣрить всѣмъ сплетнямъ, распускаемымъ мелкими государствами.

notre confiance en elle; nous osons nous flatter qu'elle détournera l'orage, qu'elle nous rassurera sur nos craintes d'avoir perdu son amitié.

Impératrice. Vous connaissez, Monsieur, mes sentiments pour votre nation; ils sont aussi sincères qu'invariables, mais j'ai rencontré si peu de retour de votre part, que je sens que je ne devrais plus vous compter parmi mes amis.

H. C'est dans l'espérance où j'étais que ces sentiments n'étaient pas entièrement effacés, que je désirais m'adresser directement à elle, mais ce n'était pas sans crainte que je l'approchais, les apparences n'annonçaient que trop les impressions qu'elle avait reçu de nos ennemis.

I. En quoi, et comment?

H. Partout, Madame, en Hollande, en Dannemarc, en Prusse. Si Votre Majesté Impériale a jeté les yeux sur note que j'ai remise au prince Potemkîn, elle aurait vu sur quoi mes craintes sont fondées.

I.—Je l'ai lue; je vous répète, Monsieur, que j'aime votre nation; c'est une faiblesse de croire à tous les commérages que les petits politiques répandent.

H.—Nos ennemis sont parvenus à tourner toutes les opérations de votre Majesté Impériale si fort à leur avantage, qu'à l'heure qu'il est on croit à Londres qu'elle est secrétement eu intelligence avec la France; qu'elle s'entend avec la maison de Bourbon, pour décider du sort de la guerre.

Г.—Ваши враги успѣли направить всѣ дѣйствія В. И. В. въ свою пользу, такъ что въ настоящую минуту въ Лондонѣ полагаютъ, что вы заключили тайное соглашеніе съ Франціей, и что вы ведете переговоры съ Бурбонами, чтобы рѣшить участь войны.

Е.—(съ живостью) Даю вамъ слово, это невѣрно; я никогда не питала и не буду питать склонности къ французамъ; но надобно сознаться, что они оказывали мнѣ такое вниманіе, какого я не встрѣчала со стороны другихъ.

Г.—Они имѣли въ виду только свои собственные интересы, В. В., ихъ вѣжливость всегда подозрительна; В. В., конечно, не сравните ту легкость, съ какою наши враги согласились на проектъ вооруженнаго нейтралитета, съ тѣми доказательствами недвусмысленной дружбы, какія она получала отъ насъ во время войны съ Портой; могла ли бы она когда-либо разсчитывать, въ подобномъ случаѣ, на такую готовность поддержать ее, какую мы выказали въ то время, когда ея флотъ вступилъ въ Средиземное море и когда онъ вышелъ изъ него?

Е.—Я признаю эти заслуги. Я никогда ихъ не забуду, ежели вы не заставите меня сдѣлать это; но что же я могу сдѣлать для васъ? вы не хотите заключить миръ.

I.—(avec une extrême vivacité). Je vous donne ma parole d'Impératrice, que non; je n'ai jamais eu de l'inclination pour les Français; je n'en aurai jamais; cependant je dois avouer qu'ils ont eu à mon égard des attentions bien plus marquées que vous autres.

H.—Ils n'ont eu, Madame, que leurs intérêts en vue; leur politesse est toujours suspecte. Elle ne comparera certainement pas la facilité qu'elle a trouvé chez nos ennemis à déférer à son projet de Neutralité armée, à toutes les preuves d'amitié non équivoques qu'elle a reçu de nous dans la guerre avec la Porte; et pourrait—elle jamais espérer dans un cas pareil, cet empressement à la soutenir que nous avons témoigné, quand sa flotte est entrée et qu'elle est sortie de la Mediterranée?

I.—Je les reconnais, Monsieur, ces services. Je ne les oublierai jamais, à moins que vous ne m'y forciez; mais que voulez-vous que je fasse pour vous? vous ne voulez pas faire la paix.

H.—Nous ne désirons rien tant; mais nous ne sommes pas les agresseurs, et nous sommes sans amis.

I.—C'est que vous ne voulez pas en avoir, Monsieur, vous êtes si *raides*, si *réservés;* vous n'avez point de confiance en moi.

H.—Je suis au désespoir de voir que l'effet des intrigues, qui n'ont que trop réussi en Europe, aient porté sur un esprit aussi éclairé que celui de Votre Majesté Impériale; je n'avais que trop raison de la croire prévenue contre nous.

I.—Je parle d'après des faits; les faux bruits ne me font rien; je

---

Г.—Мы ничего такъ сильно не желаемъ; но не мы начали войну и у насъ нѣтъ друзей.

Е.—Потому что вы не хотите ихъ имѣть, вы такъ *непреклонны* и такъ *скрытны*; вы не имѣете довѣрія ко мнѣ.

Г.—Я въ отчаяніи, что интриги, имѣвшія такой успѣхъ въ Европѣ, повліяли на просвѣщенный умъ В. И. В.; я былъ правъ, полагая, что вы предубѣждены противъ насъ.

Е.—Я говорю на основаніи фактовъ; пустые слухи на меня не вліяютъ; я выше предубѣжденій; но вы постоянно держали себя по отношенію ко мнѣ жестко; признаюсь вамъ, мнѣ это было весьма непріятно, такъ какъ я люблю вашу націю, какъ свою.

Г.—Такъ спасите же, В. В., націю, которую вы любите; она прибѣгаетъ къ вамъ за помощью.

Е.—Дайте мнѣ возможность сдѣлать это, и я ни минуты не буду колебаться; скажите мнѣ, на какихъ условіяхъ вы хотите заключить миръ. Пусть вашъ дворъ будетъ со мною откровененъ; ему бы слѣдовало знать меня лучше.

Г.—Требуйте отъ насъ все, что вы ни пожелаете; мы ни въ чемъ не сможемъ отказать В. И. В., если только мы будемъ знать, что можетъ быть вамъ пріятно.

suis au dessus des préventions, mais toute votre conduite a été dure vis-à-vis de moi; je vous avoue, cela m'a été fort sensible, car j'aime votre nation comme la mienne.

H.—Sauvez donc, Madame, la nation que vous aimez; elle a recour à vous.

I.—Mettez moi à même de le faire; je n'hésiterai pas un moment; dites moi sur quel pied vous désirez faire la paix. Que votre Cour s'ouvre à moi; elle devrait me connaître mieux qu'elle ne fait.

H.—Exigez de nous ce que vous voulez; nous ne saurions rien refuser à Votre Majesté Impériale, si nous savions ce qui pourrait l'obliger.

I.—Que voulez-vous que je vous dise, avant que je sois instruite des sentiments de votre Cour?

H.—Nous ne pouvons prétendre à moins que le renouvellement de la paix de Paris de 1762.

I.—Vous faites bien d'y prétendre, si vous êtes en force de la soutenir.

H.—Ne sommes nous pas en droit? Uofre Majste' n'est elle pas de nos amis? que ferait elle à notre place?

I.—Quand je saurai vos sentiments, je vous le dirai.

H.—Daignez nous donner des conseils.

I.—Quand vous me parlerez clairement.

H.—J'ose assurer Votre Majesté Impériale que nous avons une confiance aveugle en elle.

Е.—Что же я могу сказать вамъ, не зная намѣреній вашего двора?

Г.—Мы желаемъ возобновленія Парижскаго договора 1762 г. и на меньшее не можемъ согласиться.

Е.—Вы прекрасно дѣлаете, предъявляя это требованіе, если только вы въ состояніи поддержать его.

Г.—Развѣ мы не въ правѣ требовать этого? Развѣ В. В. не другъ намъ? какъ бы вы поступили на нашемъ мѣстѣ?

Е.—Я скажу это вамъ, когда мнѣ будутъ извѣстны ваши намѣренія.

Г.—Соблаговолите дать намъ совѣтъ.

Е.—Вы должны высказаться сперва вполнѣ ясно.

Г.—Смѣю увѣрить В. И. В., что мы питаемъ къ вамъ безграничное довѣріе.

Е.—Докажите его не на однихъ словахъ; вы увидите тогда, какого вы имѣете во мнѣ друга; вы до сихъ поръ только отталкивали меня. Какъ же вы хотите, чтобы я дѣйствовала въ вашу пользу?

Г.—В. И. В. не говорили бы такъ, если бы наши поступки были представлены вамъ въ ихъ истинномъ совѣтѣ, и если бы наши чувства не были изображены совершенно превратно.

Е—Кто могъ исказить ихъ смыслъ? Кто посмѣлъ бы обманывать меня?

I.—Témoignez la autrement que par des paroles; vous verrez alors combien je serai de vos amis; vous ne faites que me rebuter. Comment voulez vous que je vous veuille du bien?

H.—Votre Majesté Impériale ne dirait pas ainsi, si notre conduite lui avait été représentée dans son vrai jour, et si on ne lui avait pas rendu nos sentiments bien différents de ce qu'ils sont.

I.—Qui a pu les changer? qui aurait osé me tromper?

H.—*Votre premier ministre,* Madame, *le comte Panin*; il est le plus dangereux de nos ennemis.

I.—(avec chaleur). Il cessera d'être mon ministre dès l'instant qu'il me trompe.

H.—Il parait évident qu'il cherche à le faire; qu'il a juré de semer la discorde entre les deux nations; et mené entièrement par les intrigues de Potzdam, il ne vise à d'autre but qu'à lier Votre Majesté Impériale avec la France, et pour l'effectuer, *il est déjà lui même dans une intelligence parfaite avec le ministre de Versailles.*

I.—(piquée). Ne croyez pas que cela signifie quelque chose; je connais à fond Mons. Panin; ses intrigues ne font plus rien sur moi; je ne suis pas un enfant; personne ne m'empêche de faire ce que je veux; je vois clair.

H.—Votre Majesté Impériale ne saurait voir ce qui ne se passe pas chez elle; le comte Panin prône le parti trançais partout; il l'appuie et le soutient; il est entièrement dévoué au Roi de Prusse;

Г.—Вашъ первый министръ, В. В., графъ Панинъ; онъ нашъ отъявленный врагъ.

Е.—(съ горячностью) онъ пересталъ бы быть моимъ министромъ съ того момента, какъ онъ сталъ бы обманывать меня.

Г.—Но онъ, несомнѣнно, старается сдѣлать это; онъ, видимо, поклялся посѣять раздоръ между обѣими націями; поддавшись всецѣло интригамъ, которыя исходятъ изъ Потсдама, онъ преслѣдуетъ одну цѣль,—связать В. И. В. съ Франціей, и онъ уже сблизился съ французскимъ посланникомъ и находится съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Е.—(обиженнымъ тономъ) Не думайте, чтобы это имѣло какое-нибудь значеніе: я хорошо знаю Панина; его интриги на меня не оказываютъ никакого вліянія; я не ребенокъ; никто не заставитъ меня дѣлать то, что я не хочу; я все отлично знаю.

Г.—В. И. В. не можете знать того, что дѣлается внѣ этихъ стѣнъ; графъ Панинъ вездѣ превозноситъ французскую партію; онъ поддерживаетъ ее; онъ всецѣло преданъ королю прусскому и служитъ ему усерднѣе, нежели В. В. Онъ предложилъ королю присоединиться къ вооруженному нейтралитету.

Е.—(высокомѣрно) Я, со своей стороны, буду очень довольна, если онъ присоединится къ нему; я буду настаивать на своемъ проектѣ; я считаю его полезнымъ.

et le sert plutôt que Votre Majesté. Il l'a invité d'accéder à la Neutralité armée.

I.—(avec hauteur). Je serais bien aise qu'il accède moi; je soutiendrai mon projet; je le crois salutaire.

H.—On dit, Madame (mais je crains de l'offenser) que c'est le projet des Français, et que le votre était très différent.

I.—(avec violence). Mensonge atroce! vous devez savoir que je puis rendre politesse pour politesse, mais je n'aurai j'amais de la confiance en eux. Mais quel mal vous fait cette Neutralité armée, ou plutôt *Nullité armée?*

H.—Tout le mal possible, elle établit de nouvelles loix, qui mettent à couvert le commerce de nos ennemis en exposant le notre; elle leur laisse leurs vaisseaux marchands pour le transport des troupes et leur fournit de quoi construire des vaisseaux de guerre; elle sert encore à confondre nos amis avec nos ennemis, et on l'emploie encore à des projets bien éloignés de celui auquel elle doit sa naissance.

I.—Vous molestez mon commerce; vous arrêtez mes vaïsseaux; j'attache à cela un intérêt particulier; c'est mon enfant que mon commerce, et vous ne voulez pas que je me fâche?

H.—J'ose dire, Madame, que Votre Majesté Impériale a encore été

Г.—Говорятъ, В. В., что это французскій проектъ, что вашъ собственный былъ иной.

Е.—(запальчиво) Гнусная ложь! знайте, что я могу отвѣчать любезностью на любезность, но что я никогда не могу довѣрять имъ. Но что вамъ мѣшаетъ этотъ вооруженный нейтралитетъ, или, лучше сказать, это *вооруженное ничтожество?*

Г.—Онъ причиняетъ намъ очень много зла; онъ устанавливаетъ новые законы, которые покровительствуютъ торговлѣ нашихъ враговъ и вредятъ нашей собственной торговлѣ; онъ даетъ имъ возможность употреблять свои торговыя суда для перевозки войскъ, даетъ имъ средства строить военныя суда; даетъ возможность смѣшивать нашихъ друзей и враговъ; имъ пользуются не для тѣхъ цѣлей, для какихъ онъ былъ созданъ.

Е.—Вы наносите ущербъ моей торговлѣ; вы задерживаете мои суда; я придаю этому особое значеніе: торговля мое дѣтище; а вы хотите, чтобы я не сердилась?

Г.—Осмѣлюсь сказать, В. В., вы были обмануты и въ этомъ случаѣ. Соблаговолите припомнить все то, что мы отвѣчали на заявленія, сдѣланныя нами въ этомъ смыслѣ: обдумайте сдѣланный нами шагъ, когда мы включили статьи 10 и 11 договора, заключеннаго въ 1766 г., въ наши каперныя свидѣтельства.

trompée là dessus. Qu'elle daigne se rappeller les réponses que nous avons faites à tout ce qu'elle nous a dit à cet égard: qu'elle réfléchisse sur le pas que nous venons de faire, en insérant les articles 10 et 11 de son traité de 1766 dans nos lettres de marque.

I.—Permettez moi d'observer, que la nation que j'aime le plus, et de qui je croyais être le plus aimée, a été la dernière à avoir cette complaisance pour moi. Ne parlons plus la dessus, nous nous brouillerions. Mais écoutez ce que je vais vous dire. Faites la paix; le moment en est venu; ouvrez vous à moi avec une entière confiance; je suis amie de l'Angleterre d'inclination ainsi que d'intérêt. Ces sentiments assurent ma façon de me conduire; ne me cachez rien; je vous passe ma parole d'Impératrice de ne pas vous compromettre. Je désire ardemment vous tirer d'embarras, mais prêtez vous y vous — même: soyez plus souple, moins réservé; rendez justice à vos amis, et Dieu veuille que cette conversation entre Cathèrine II et Mons. Harris, bon Anglais et honnête homme, conduise au but que nous désirons; qu'elle devienne époque dans l'histoire. Je vous le répète, point de méfiance; point de raideur, je ne réponds alors plus de rien: mais soyez ouverts, clairs et francs, je répondrai alors de tout.

H.—La manière dont Votre Majesté Impériale vient de s'exprimer me touche; elle mérite et elle a notre entière confiance; nous n'avons jamais cessé d'en avoir en elle, mais nous avons toujours craint de

---

Е.—Позвольте мнѣ замѣтить, что нація, которую я болѣе всего люблю и которая, какъ я полагала, болѣе всего любитъ меня, послѣдняя оказала мнѣ эту любезность. Не будемъ говорить объ этомъ, мы изъ-за этого могли бы поссориться. Слушайте, что я вамъ скажу. Заключите миръ; моментъ для этого подходящій; откройтесь мнѣ съ полнымъ довѣріемъ; я другъ Англіи изъ личнаго расположенія какъ и изъ разсчета. Эти чувства будутъ руководить моими дѣйствіями; не скрывайте отъ меня ничего; даю вамъ свое царское слово, что я не скомпрометирую васъ. Я горячо желаю вывести васъ изъ затруднительнаго положенія, но вы должны мнѣ въ этомъ помочь: будьте сговорчивѣе, будьте менѣе скрытны; отдавайте должное вашимъ друзьямъ, и дай Богъ, чтобы этотъ разговоръ между Екатериной II и г. Гаррисомъ, добрымъ англичаниномъ и честнымъ человѣкомъ привелъ къ желаемой цѣли и составилъ эпоху въ исторіи. Повторяю вамъ: имѣйте довѣріе ко мнѣ, будьте сговорчивѣе; если этого не будетъ, я ни за что не ручаюсь; но если вы будете откровенно искренни, и если все будетъ ясно, я ручаюсь за все.

Г.—Все сказанное В. И. В. глубоко трогаетъ меня; мы относимся къ В. В. съ полнымъ довѣріемъ и всегда такъ относились къ вамъ; но мы боялись довѣриться вашему министру, такъ какъ я счелъ долгомъ изобразить его своему двору такимъ, каковъ онъ есть; В. И. В. не поставите мнѣ въ вину

*

nous fier à son ministre, que j'ai cru de mon devoir de représenter à ma Cour tel qu'il est; et Votre Majesté Impériale voudra bien me permettre d'observer, que si je dois m'expliquer avec lui, il me trahira, ou ne vous rendra que très imparfaitement ce que je lui aurai dit.

I.—Ne lui donnez rien que par ecrit; il ne pourra alors rien changer; s'il me cache la vérité, *je le chasse.*

H.—Je sais d'avance que rien moins que la paix de Paris, renouvellée en entier, peut nous satisfaire.

I.—(avec finesse) Je ne dis rien; parlez moi franchement de chez vous; desabusez moi de cette réserve, de cette méfiance que je crois apercevoir dans votre ministère; je vous dirai tout alors.

H.—En admettant ce que dit Votre Majesté Impèriale, cette méfiance ne serait que prudence, dès qu'elle nait de l'idée que Votre Majesté Impériale est dans les intérêts de nos ennemis; qu'elle a de l'éloignement pour nous.

I.—(avec chaleur). Moi, de l'éloignement pour vous! quelle idée!

H.—Si nos actions sont mal rendues à Votre Majesté Impériale, les siennes ne sont pas plus fidèlement rapportées à ma cour. L'Europe entière est menée par une cabale; en Hollande on assure que Votre Majesté Imperiale protège la faction Gallo-Américaine; en Danemarc

---

если я скажу, что если мнѣ придется объясниться съ нимъ, онъ подведетъ меня, онъ не точно передастъ вамъ сказанное мною.

Е.—Сообщите ему всѣ свои желанія письменно; тогда онъ ничего не сможетъ измѣнить; если онъ скроетъ отъ меня правду, я *прогоню его.*

Г.—Я знаю заранѣе, что мы будемъ удовлетворены только въ томъ случаѣ, если миръ, заключенный въ Парижѣ (въ 1762 г.), будетъ возобновленъ по всѣмъ статьямъ.

Е.—(уклончиво) Я ничего на это не скажу; говорите со мною откровенно о вашихъ дѣлахъ; убѣдите меня, что той скрытности, того недовѣрія, которое я замѣчаю въ поступкахъ вашего министерства, не существуетъ; тогда я выскажусь откровенно.

Г.—Допустивъ что, все это такъ, какъ В. И. В. изволите говорить, я скажу все-таки, что это недовѣріе есть только осторожность, такъ какъ она проистекаетъ изъ убѣжденія, что В. И. В. поддерживаете интересы нашихъ враговъ; что вы не сочувствуете намъ!

Е.—(съ горячностью) Я не сочувствую вамъ! какой вздоръ!

Г.—Если наши поступки переданы В. И. В. невѣрно, то съ другой стороны и ваши дѣйствія передаются моему двору въ столь же невѣрномъ освѣщеніи. Въ Европѣ идетъ какой-то заговоръ; въ Голландіи увѣряютъ, что В. И. В. покровительствуете англо-американской партіи; въ Даніи, ссы-

son nom a chassé le premièr Ministre, et les Rois de Prusse et de France l'emploient à leur fantaisie partout.

I.—Commérage, vous dis-je encore; c'est une imbécilité d'ajouter foi à de pareilles absurdités; mettez moi à même par votre conduite de leur donner le démenti, je le ferais demain; soyez mon ami, autant que je désire que vous le soyez. Je crois que vous avez encore des amis en Hollande, qu'ils ne permettent pas à la ville d'Amsterdam de plonger la République dans une guerre; et c'est une fausseté abominable de dire, que j'ai contribué à faire chasser Bernsdorff; c'était un honnête homme, un ministre intègre; mais faites la paix, je vous l'ai si souvent dit.

H.—Si Votre Majesté Impèriale me l'avait si souvent dit, je l'aurais certainement rapporté à ma Cœur.

I.—J'ai cependant bien ordonné à Mons. Panin de vous en parler.

H.—Il m'a bien tenu quelques propos vagues relatifs à une pacification, mais pas au nom de Votre Majesté Impériale et j'avoue que tout ce qui venait de lui seul m'a toujours paru suspect.

I.—Vous l'entendez du moins de ma part à présent; faites la paix; traitez avec vos Colonies en détail; tâchez de les désunir; leur alliance avec les Français tombe alors d'elle même, et cela leur servira

---

ляясь на ваше требованіе, уволили перваго министра; короли прусскій и французскій ссылаются постоянно на ваше имя.

Е.—Повторяю вамъ, все это однѣ сплетни; глупо вѣрить подобной нелѣпости; дайте мнѣ возможность опровергнуть все это вашимъ поведеніемъ я завтра же сдѣлаю это; будьте моимъ другомъ, какъ я того желаю. Я полагаю, у васъ еще есть друзья въ Голландіи; пусть они не дозволятъ городу Амстердаму ввергнуть республику въ войну; гнусная ложь говорить, будто Бернсдорфъ уволенъ по моему желанію; это былъ честный человѣкъ, неподкупный министръ, но вы должны заключить миръ, я уже не разъ повторяла это вамъ.

Г.—Если бы В. И. В. такъ много разъ говорили это мнѣ, я, конечно, передалъ бы это моему двору.

Е.—Но я приказала Панину передать вамъ это.

Г.—Правда, онъ говорилъ мнѣ, хотя довольно туманно, о заключеніи мира, но не отъ имени В. И. В.; а все исходящее отъ него лично, признаюсь всегда внушало мнѣ подозрѣніе.

Е.—По крайней мѣрѣ, вы слышите это теперь отъ меня лично; заключите миръ; начните переговоры съ вашими колоніями, съ каждой въ отдѣльности; постарайтесь разъединить ихъ; тогда ихъ союзъ съ Франціей раз-

d'échappatoire, car il faut penser aussi, que chaque puissance voudrait sauver son honneur.

H.—Mais les Français ont lésé notre honneur, faut il que nous pensions au leur?

I.—Quand on veut faire la paix, on commence par oublier le mal qu'on s'est fait réciproquement; mais, je le répète, votre ministère est dans la plus grande erreur de me croire changée, il m'a revolté, il m'a empêché de témoigner à votre nation ma bonne volonté; je l'ai trouvè en opposition à moi partout; c'est dans sa conduite, pas dans la mienne, qu'il faut chercher le mal passé, et le remède futur. Je vous réponds de mon amitié, de ma justice; je suis charmée que vous ayez témoigné une envie de me voir, j'ai voulu vider mon sac; je désirais infiniment m'exculper avec vous; j'ai voulu m'acquitter des derniers devoirs de l'amitié; si vous n'en profitez pas, je n'aurai plus rien à me reprocher. Tenez, mon cher Harris, je vous parle très sincèrement, et je prétends que vous fassiez un rapport très sérieux à Votre Cour; si après tout ce que je viens de vous dire, je lui trouve la même *indifférence*, la même *raideur*, que sais-je moi, le même ton de *supériorité* avec moi, je ne me mêle plus de rien; je laisse aller les affaires leur train, et vous vous trouverez alors dans cette position où vous croyez être déjà, mais d'où cependant vous êtes bien éloignés, en autant que cela dépend de moi, et vous pensez bien qu'il dépend uniquement de moi. En vous disant cela, je vous parle comme je n'ai

---

строится самъ собой, и это дастъ ей выходъ, ибо надобно имѣть въ виду, что всякая держава хотѣла бы спасти свою честь.

Г.—Но вѣдь французы опозорили нашу честь; почему же мы должны заботиться объ ихъ чести?

Е.—Когда хотятъ заключить миръ, надобно прежде всего позабыть зло, которое взаимно причиняли другъ другу; но, повторяю, ваше министерство жестоко ошибается, полагая, что я измѣнилась; я была имъ возмущена, оно не дало мнѣ возможности выказать вашей націи мое доброжелательство; оно всегда и вездѣ противилось моимъ видамъ; въ его, а не въ моемъ поведеніи слѣдуетъ искать причину зла и возможность исправить его въ будущемъ. Положитесь на мою дружбу, на мою справедливость; я рада, что вы выразили желаніе видѣть меня, я хотѣла высказаться, я хотѣла бы оправдаться передъ вами; мнѣ хотѣлось до конца исполнить долгъ дружбы; если вы этимъ не воспользуетесь, мнѣ не въ чемъ будетъ упрекать себя. Я говорю съ вами, любезный Гаррисъ, очень серьезно и надѣюсь, вы вполнѣ точно донесете все это вашему двору; если, послѣ всего сказаннаго, я увижу, что онъ относится также *равнодушно*, скажемъ, также *непреклонно*, будетъ говорить со мною тономъ такого же *превосходства*, то я болѣе ни во что не стану вмѣшиваться; я предоставлю дѣла ихъ теченію, и вы очутитесь тогда въ томъ положеніи, въ какомъ, по вашимъ словамъ, вы находитесь

parlé à personne; je croirais me compromettre vis-à-vis de tout autre; mais je vous veux du bien; profitez en, Monsieur Harris; rapportez fidelement tout ce que je vous ai dit; j'attends avec impatience le retour de votre courrier; mais je vous avoue, si je dois juger de l'avenir par le passé, je n'espère rien; je désespère même; vous continuerez à raidir, vous n'ajouterez pas foi à ce que je dis; vous indisposerez vos amis, vous augmenterez vos ennemis, et j'aurais le chagrin de voir vos difficultés sans pouvoir les diminuer.

H.—Votre Majesté Impériale a l'âme trop élevée pour jamais nous abandonner. Elle ne voudra jamais que la postérité dise, que de son règne, l'Angleterre a pensé succomber, sans qu'elle ait tendue la main pour la secourir.

I.—Je suis lasse d'être généreuse; faut-il toujours l'être sans que l'on le soit pour moi? Soyez le à mon égard, vous verrez comme je le serai au votre; laissez mon commerce en repos; n' arrêtez pas le peu de vaisseaux que j'ai; je vous dis qu'ils sont mes enfants; je voudrais que mon peuple devint industrieux; e: t ce dans le caractère d'une nation philosophe de s'y opposer?

H.—Nous ferons tout pour vos vaisseaux. Mais Votre Majesté Impériale ne prétend surement pas par cette Neutalité Armée, que toute nation jouisse du même droit?

нынѣ, но отъ котораго, по скольку это зависитъ отъ меня, вы очень далеки; вы понимаете, я думаю, что это зависитъ единственно отъ меня. Говоря вамъ это, я говорю съ вами, какъ никогда ни съ кѣмъ не говорила; говоря это кому-либо другому, я бы боялась скомпрометтировать себя; но я желаю вамъ добра; воспользуйтесь этимъ, г. Гаррисъ; передайте въ точности все, что я вамъ сказала; я буду съ нетерпѣніемъ ожидать возвращенія вашего курьера; но если судить о будущемъ по прошлому, признаюсь, я не только ни на что не надѣюсь, но я даже теряю всякую надежду; вы будете по-прежнему непреклонны, вы не будете довѣрять тому, что я говорю; вы возстановите противъ себя своихъ друзей, вы увеличите число своихъ враговъ, и я съ грустью буду видѣть ваше затруднительное положеніе, не имѣя возможности помочь вамъ.

Г.—В. И. В. слишкомъ великодушны, чтобы покинуть насъ. Вы никогда не захотите, чтобы потомство могло сказать, что въ ваше царствованіе Англія едва не погибла и вы не протянули ей руку помощи.

Е.—Я устала быть великодушной; возможно ли всегда быть великодушной, если мнѣ не платятъ взаимностью. Будьте великодушны ко мнѣ, и вы увидите, какъ я буду великодушна по отношенію къ вамъ; оставьте мою торговлю въ покоѣ; не задерживайте моихъ немногочисленныхъ судовъ; говорю

I.—Je vous dis que c'est une Nullité Armée, mais je la soutiendrai toujours; rendez la plus nulle encore en faisant la paix; proposez moi vos conditions.

H.—Certainement, Madame, nous ne pourrons jamais accepter de moins favorables que celles comprises dans le traité de Paix de Paris; et je ne saurais croire que Votre Majesté Impériale approuve que nous rabattions aucune de ces prétensions.

I.—Quand vous me les présenterez de la part de votre Cour, nous verrons; et j'atteste le Ciel que je désire que cette entrevue, dans la quelle (en riant) nous ne nous sommes pas mal expliqués, ait toutes les suites que je désire; je voudrais dire que j'espère.

H.—Cette entrevue est bien flatteuse pour moi; elle me rassure sur la façon de penser de Votre Majesté Impériale, et je vois qu'elle ne s'est point livrée à nos ennemis.

I.—(avec un air de vérité). Jamais je ne serai de leurs amis; je ne cesserai jamais d'être des votres, à moins que vous ne m'y forciez; si vous le voulez, je vous servirai d'inclination et d'intérêt; avec ces deux motifs on ne fait pas à moitié. Adieu, Monsieur (en se levant), n'oubliez pas l'importance de notre conférence.

H.—Avant que Votre Majesté Impériale se retire, qu'elle me permette d'observer, qu'on n'ignorera pas en ville que j'ai été chez elle

---

вамъ, это мои дѣти; я хотѣла бы, чтобы народъ мой занялся промышленностью; подобаетъ ли націи-философу препятствовать этому?

Г.—Мы сдѣлаемъ все возможное для вашихъ судовъ. Но В. И. В., вѣроятно, не имѣете въ виду, чтобы при существованіи вооруженнаго нейтралитета всякая нація пользовалась одинаковыми правами?

Е.—Я говорю вамъ, что это «вооруженное ничтожество», но я всегда буду поддерживать его; уменьшите его значеніе, заключите миръ, предъявите ваши условія.

Г.—Конечно, В. В., мы никогда не примемъ условій, которыя были бы менѣе благопріятны, нежели условія Парижскаго договора; и я не думаю, что В. И. В. ободрили бы насъ, если бы мы отказались отъ какого-либо изъ этихъ требованій.

Е.—Когда вы представите ихъ отъ имени вашего двора—увидимъ; клянусь вамъ, я искренно желаю, чтобы это свиданіе, во время котораго (добавила Императрица, смѣясь), кажется, мы вполнѣ договорились, имѣло тѣ послѣдствія, какихъ я желаю: я хотѣла бы сказать, что я надѣюсь на это.

Г.—Это свиданіе весьма лестно для меня; оно успокаиваетъ меня на счетъ образа мыслей В. И. В., и я вижу, что В. В. не перешли на сторону нашихъ враговъ.

et bien qu'on soit accoutumé à ses bontés pour moi, il n'est pas douteux qu'on ne remue ciel et terre pour en deviner l'objet, que peut être, à peu de chose près, le devinera-t-on, et que certainement on emploiera tous les moyens que la finesse, le manége, et la calomnie peuvent imaginer, pour nous desservir dans son esprit. J'ose donc la supplier de regarder tout ce qui ce passera entre le départ et le retour de mon courrier comme non avenu.

I.—Que vous me connaissez mal! suis-je un enfant? n'ai-je pas assez dit? faut il ajouter que je désire autant que vous que vous me mettiez à même de vous servir.

H.—Quelle perspective agréable Votre Majesté Impériale me fait entrevoir! Il me parait que je vois le moment approcher, quand les deux Cours s'entendront, et que Votre Majesté Impériale ajoutera un nouveau lustre à son règne, en donnant à son empire l'alliée la plus naturelle et la plus utile.

I.—Je le désire ardemment; j'y contribuerai de mon mieux; faites un pas de votre côté! Pour une femme, c'est peu exiger. Mais, je vous parle très sérieusement, Monsieur Harris, faites envisager à votre Cour, qu'il y va du tout. Surtout, qu'elle ait de la confiance en moi. Je veux qu'on se fie à moi; je n'en abuse jamais; cependant; je prévois qu'il n'en sera rien, et que je fais inutilement ce dernier effort en votre faveur. Adieu, monsieur.

Е.—(видимо вполнѣ искренно). Я никогда не буду ихъ другомъ; я никогда не перестану быть вашимъ другомъ, если только вы не вынудите меня къ этому; если хотите, я буду служить вамъ по склонности и изъ личнаго интереса; руководясь этими побужденіями, я никогда не буду дѣйствовать на половину. Прощайте, г. Гаррисъ (вставъ); не забудьте, какое важное значеніе имѣетъ нашъ разговоръ.

Г.—Прежде нежели В. И. В. удалитесь, позвольте мнѣ замѣтить, что въ городѣ будетъ извѣстно, что мнѣ была дана аудіенція, и хотя всѣ привыкли къ тому, что вы оказываете мнѣ благоволеніе, но, несомнѣнно, будутъ испробованы всѣ средства, чтобы угадать, что именно было предметомъ нашей бесѣды; быть можетъ, отчасти это угадаютъ; безъ сомнѣнія, будутъ пущены въ ходъ всѣ средства, всѣ уловки, какія можетъ придумать клевета, чтобы повредить намъ въ вашемъ мнѣніи. Поэтому я умоляю В. В. считать недѣйствительнымъ все то, что произойдетъ между отправленіемъ и возвращеніемъ моего курьера.

Е.—Какъ плохо вы меня знаете! Развѣ я ребенокъ? развѣ я не достаточно высказалась? нужно ли прибавить, что я не менѣе васъ желаю, чтобы вы дали мнѣ возможность быть вамъ полезной.

Г.—Какія пріятныя перспективы В. И. В. открываете мнѣ; мнѣ сдается, что я уже вижу моментъ, когда оба двора придутъ къ соглашенію и когда

H.—Je dois informer Votre Majesté Imperiale qu'en vertu de ses instances le Roi, mon maître, a décoré M-r Wroughton de l'Ordre du Bain, et que sa Majesté a toujours un plaisir infini en témoignant à Votre Majesté Imperiale son désir de lui complaire en tout.

I.—Dites à sa Majesté que je suis très sensible à cette attention de sa part, et que j'espère trouver en lui la même complaisance dans les affaires plus importantes. Il me trouvera toujours bien reconnaissante".

Изъ этой продолжительной бесѣды англійскій посланникъ вынесъ убѣжденіе, что въ вопросѣ о вооруженномъ нейтралитетѣ императрица не намѣрена была идти на уступки; ей не позволяла этого ея гордость, но она поняла, какія тяжелыя послѣдствія могъ имѣть этотъ проектъ для другихъ державъ, и какъ онъ могъ быть неудобенъ для нея лично; она искала предлога смягчить его послѣдствія; это было самымъ горячимъ ея желаніемъ въ тотъ моментъ, когда уполномоченные Даніи подписывали актъ вооруженнаго нейтралитета.

Съ этой непослѣдовательностью англійскому правительству необходимо было считаться; на это указывалъ посланнику и Потемкинъ, когда Гаррисъ передалъ ему свой разговоръ съ императрицей.

„Ваше министерство должно принять во вниманіе *характеръ* и *полъ* императрицы, сказалъ онъ; нѣтъ ничего постыднаго льстить слабымъ, когда изъ этого можно извлечь величайшія выгоды; пусть оно сдѣлаетъ то, что сдѣлали король прусскій и императоръ австрійскій, пусть оно затронетъ ея страсти и ея чувства, и она будетъ

В. И. В. еще болѣе прославите свое царствованіе, давъ своей имперіи самую естественную и полезную союзницу.

Е.—Я горячо этого желаю; я буду всѣми силами содѣйствовать этому; сдѣлайте же и вы шагъ со своей стороны; какъ женщина, я требую весьма малаго. Но я говорю очень серьезно, г. Гаррисъ, дайте понять вашему двору, что отъ этого зависитъ все. Главное надобно, чтобы онъ довѣрялъ мнѣ. Я хочу, чтобы ко мнѣ питали довѣріе; я никогда не злоупотребляю имъ; но я предвижу, что этому не бывать, и что я напрасно дѣлаю еще одинъ шагъ въ вашу пользу; прощайте, г. Гаррисъ.

Г.—Я долженъ довести до свѣдѣнія В. И. В., что король, мой монархъ, по настоянію В. В., пожаловалъ г. Роутону орденъ Бани, и что Е. В. всегда доставляетъ особое удовольствіе доказать В. И. В. свое желаніе быть вамъ пріятнымъ.

Е.—Передайте Е. В., что мнѣ весьма пріятно вниманіе съ его стороны, и что я надѣюсь встрѣтить подобную же уступчивость съ его стороны въ болѣе важныхъ дѣлахъ.

самой вѣрной и самой дѣятельной вашей союзницей. Бога ради не стѣсняйтесь со своей стороны льстить ей; это единственное средство снискать ея благоволеніе. Она жаждетъ похвалъ и комплиментовъ. Не скупитесь на нихъ, и она предоставитъ въ ваше распоряженіе всѣ вооруженныя силы имперіи".

„Это сказалъ мнѣ дословно Потемкинъ, и въ этомъ *весь секретъ* здѣшняго двора", присовокупляетъ Гаррисъ.

Но посланникъ предпочелъ прибѣгнуть къ тому средству, которое считалось самымъ дѣйствительнымъ при русскомъ дворѣ, т. е. щедро платить за дѣйствительныя или мнимыя услуги болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ, которыя могли ему быть полезны. Желая оправдать свою расточительность, онъ писалъ 24 декабря 1780 г. лорду Веймуту, стоявшему во главѣ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ:

„В. с—ть не можете себѣ представить, до какой степени въ этой странѣ всѣ продажны, какія огромныя суммы тутъ запрашиваютъ и съ какой безцеремонностью это дѣлается. Французскій, голландскій и даже прусскій посланники самые щедрые въ этомъ отношеніи; первый изъ нихъ истратилъ, насколько мнѣ извѣстно, огромныя суммы, впрочемъ, безъ всякаго успѣха. Онъ снабдилъ деньгами двухъ двоюродныхъ братьевъ графа Панина и вице-канцлера, которые купили дома, стоимостью отъ 4 — 5 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Всякій мелкій чиновникъ разсчитываетъ получить вознагражденіе, которое бываетъ соразмѣрно съ требованіями минуты. Герцогъ Курляндскій тратитъ 20.000 ф. ст. въ годъ и можетъ похвастать тѣмъ, что въ числѣ лицъ, получающихъ отъ него пенсіи, находятся гр. Панинъ, Чернышевъ и Остерманъ".

„Трудно себѣ представить расточительность французскихъ и прусскихъ дипломатическихъ агентовъ. Императрица сама подаетъ къ тому примѣръ. Она подарила, нѣсколько дней тому назадъ, кн. Потемкину 40 тысячъ ф. ст. безъ всякаго повода; этотъ странный человѣкъ до того избалованъ, что не счелъ даже нужнымъ поблагодарить за это".

Эта огромная сумма была вознагражденіемъ за новыя услуги, оказанныя государынѣ. Екатеринѣ наскучилъ Ланской, и Потемкинъ, посвященный въ эту тайну, поспѣшилъ найти ему достойнаго преемника.

„Я слышалъ, что новый фаворитъ, Мордвиновъ", писалъ Гаррисъ 18 мая 1781 г.: „который давно уже исполняетъ всѣ обязанности, сопряженныя съ этою должностью, будетъ на-дняхъ открыто пользоваться всѣми преимуществами своего положенія, а Ланской, числящійся пока оффиціальнымъ фаворитомъ, уступитъ ему свои покои въ разныхъ дворцахъ"

„Бывшій фаворитъ виситъ на волоскѣ“, сообщилъ посланникъ нѣсколько дней спустя; но онъ получитъ отставку не прежде, какъ съ отъѣздомъ двора въ Петергофъ. Дворъ представляетъ собою невообразимую картину безъ урядицы, тѣмъ болѣе, что Ланской держитъ себя безукоризненно и не подалъ ни малѣйшаго повода къ его увольненію. Онъ не ревнивъ, не дерзокъ и не заслужилъ упрека въ непостоянствѣ; онъ жалуется на свою отставку, которую считаетъ неизбѣжной, въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ, что государыня и ея довѣренныя лица поставлены въ весьма затруднительное положеніе и не знаютъ, какъ отдѣлаться отъ него, не заслуживъ упрека въ жестокости. Но его преемникъ громко заявляетъ свои права, и жалость, вѣроятно, скоро уступитъ мѣсто иному чувству. Я слышалъ, что кн. Потемкинъ, коего власть въ подобныхъ случаяхъ бываетъ безгранична, собирается испросить себѣ сумму въ 700 тысячъ рублей.

Перемѣны, происходящія при дворѣ, доставляли матеріалъ для каждаго письма Гарриса; никогда еще придворная жизнь не представляла болѣе удивительнаго зрѣлища. „Императрица становится съ каждымъ днемъ болѣе подозрительна и раздражительна“, сообщалъ Гаррисъ въ началѣ іюля 1781 г.: „гордясь своею властью и упорно настаивая на своихъ мнѣніяхъ, она недовольна всѣми своими приближенными и относится къ нимъ недоброжелательно. Государыня, которой прежде было такъ легко служить, стала теперь крайне требовательна, и служить ей весьма непріятно; ея собственныя слуги, точно такъ же какъ министры, страдаютъ отъ этой удивительной перемѣны въ ея характерѣ, которая такъ чувствительна и съ которой такъ трудно мириться, что многіе изъ главныхъ сановниковъ имперіи просятъ объ увольненіи.

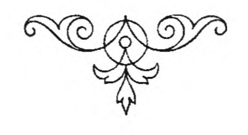
Генералъ Сиверсъ, губернаторъ нѣсколькихъ провинцій, человѣкъ весьма преданный государынѣ и вполнѣ достойный, уволенъ въ отставку; фельдмаршалъ Голицынъ неоднократно просился въ отставку; увѣряютъ, что то же намѣренъ сдѣлать Бецкій; кн. Потемкинъ, который болѣе всѣхъ терпитъ отъ послѣдствій этой перемѣны въ характерѣ императрицы, выразилъ ей совершенно серьезно желаніе сложить съ себя всѣ свои должности; но онъ долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія, такъ какъ императрица самымъ категорическимъ образомъ отказала ему въ этомъ. Но я не вѣрю, чтобы онъ дѣйствовалъ искренно, такъ какъ онъ отлично знаетъ, что императрица не можетъ обойтись безъ него, онъ хотѣлъ, вѣроятно, этимъ вернуть свое вліяніе, которое замѣтно поколебалось въ послѣднее время, а на случай неудачи съ этой сто-

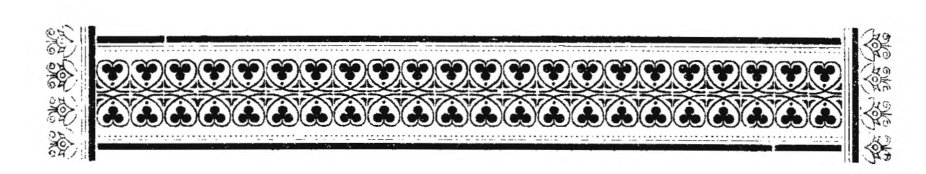
роны, онъ обезпечилъ себя въ другомъ отношенiи, убѣдивъ императрицу купить у него для Ланского, который видимо пользуется вновь большимъ благоволенiемъ, огромное помѣстье, стоимостью въ 500 тысячъ рублей: одно обстоятельство заставляетъ думать, что Потемкинъ дѣйствительно намѣренъ удалиться отъ двора, это то огромное количество наличныхъ денегъ, которое онъ скопляетъ, продавая свои помѣстья, лошадей и драгоцѣнности. Наибольшимъ влiянiемъ пользуется въ настоящее время Безбородко, секретарь императрицы, коего возвышенiе возбуждаетъ всеобщую зависть. Потакая всѣмъ капризамъ императрицы, онъ прiобрѣлъ уваженiе и довѣрiе и бываетъ ей весьма полезенъ своими выдающимися способностями и удивительной памятью. Онъ руководитъ почти одинъ внутренними дѣлами имперiи и принимаетъ значительное участiе въ веденiи иностранной политики".

Въ одной изъ нашихъ послѣднихъ бесѣдъ, кн. Потемкинъ высказался объ императрицѣ свободнѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ и прежде часто упрекалъ ее въ легкомыслiи, въ томъ, что она безпрестанно мѣняетъ свои взгляды и дѣйствуетъ безъ всякой системы. Теперь онъ не побоялся сказать мнѣ, что „съ годами блѣднѣютъ всѣ ея прекрасныя качества, что она стала недовѣрчива, робка, что ея умственныя способности становятся ограниченнѣе; что когда ей предлагаютъ какой-либо новый планъ, то она подозрѣваетъ со стороны предложившаго эгоистическiй разсчетъ, а если она вѣритъ его искренности, то видитъ лишь опасность предпрiятiя, а не тѣ блестящiя выгоды, которыя оно сулитъ; что ея честолюбiе меркнетъ при мысли о малѣйшемъ рискѣ, и что она доступна теперь только одной лести".

В. Т.

(Окончанiе слѣдуетъ).

М. Т. Каченовскій и С. Н. Глинка подъ Иваномъ Великимъ.

Стоявшій въ Москвѣ въ царствованіе Императора Павла I Ярославскій полкъ собирался въ походъ въ Швейцарію. Чтобы освободиться отъ ненужнаго въ пути хлама, кое-какія полковыя вещи были назначены въ продажу, завѣдывать которою начальство поручило офицеру Михаилу Трофимовичу Каченовскому. Въ числѣ предметовъ, признанныхъ ненужными для полка, оказался порохъ. Было ли послѣднее обстоятельство слѣдствіемъ недоразумѣнія высшаго офицерства, или порохъ, дѣйствительно, никуда не годился, но только этотъ опасный предметъ былъ назначенъ въ продажу.

Когда нашлись покупатели полковыхъ вещей, солдаты доложили объ этомъ Каченовскому, и онъ велѣлъ имъ продать вещи гуртомъ.

Самъ онъ въ то время увлекался чтеніемъ „Генріады" Вольтера и былъ очень занятъ этимъ, такъ какъ долженъ былъ справляться со словаремъ. Онъ уносился своими мечтами въ небо, почти забывая, что находится на землѣ, и потому совсѣмъ не интересовался продажею казенныхъ вещей.

И вотъ съ поэтическаго неба онъ упалъ на грязную землю и чуть было не пострадалъ сильно.

Каченовскій не зналъ, что покупать порохъ нельзя безъ разрѣшенія коменданта, а онъ продалъ, не спросивъ у покупателя такого разрѣшенія.

Законъ былъ нарушенъ, и послѣдовало наказаніе виновнаго.

Каченовскій былъ взятъ подъ стражу и посаженъ на гауптвахту подъ Иваномъ Великимъ.

Въ это время въ Москвѣ въ Архаровскомъ полку служилъ Сергѣй Николаевичъ Глинка. Часто онъ караулилъ на гауптвахтахъ и, между прочимъ, подъ Иваномъ Великимъ.

Однажды, когда онъ окончилъ повѣрку арестантовъ, ему при-

несли обѣдъ отъ его пріятеля, разгульнаго владимірскаго помѣщика Ѳедора Григорьевича Карина, жившаго въ Москвѣ. Каринъ любилъ хорошо поѣсть и повеселиться, на что̀ истратилъ большую часть своего состоянія, и впослѣдствіи былъ взятъ въ опеку.

Глинка положилъ около себя двѣ толстыя книги: примѣчанія Болтина на Русскую исторію, сочиненную Леклеркомъ, и сѣлъ обѣдать.

Каченовскій смотрѣлъ на Глинку, не сводя съ него глазъ. По его лицу можно было подумать, что его очень прельщаетъ прекрасный каринскій обѣдъ Глинки, и потому Глинка пригласилъ Каченовскаго откушать вмѣстѣ съ нимъ. Но Каченовскій, къ удивленію Глинки, отказался, сказавши, что онъ уже пообѣдалъ.

— На что же вы такъ пристально смотрите?—спросилъ Глинка Каченовскаго.

— На ваши книги,—отвѣтилъ Каченовскій.

Такъ Глинка познакомился съ Каченовскимъ и сталъ съ тѣхъ поръ приносить ему на гауптвахту книги.

Каченовскій подлежалъ суду, но былъ освобожденъ по ходатайству на Высочайшее имя генералъ-лейтенанта Дурасова: „Въ военныхъ процессахъ Петра I—писалъ въ своемъ прошеніи Дурасовъ—сказано, что собственное признаніе паче свидѣтельства цѣлаго свѣта. Признаюсь, Государь, что аудиторъ моего полка по приказу моему продавалъ порохъ, а потому подвергаю себя суду“ [1]).

Арестъ произвелъ на Каченовскаго сильное впечатлѣніе. У него даже явилась потребность высказать свои чувства по этому поводу, и онъ написалъ небольшое произведеніе: „Отпускная жаворонку“, которое послалъ въ журналъ: „Ипокрена или утѣхи любословія“.

„Прохладный вечеръ освѣжаетъ утомленныхъ жителей,—писалъ Каченовскій.—Уже великолѣпное свѣтило, склоняясь къ западу, простираетъ далеко тѣнь кремлевскаго исполина. Я сижу одинъ, устремляя взоръ на заключенную птичку“.

Въ неволѣ Каченовскій понялъ, какъ тяжело жаворонку сидѣть въ клѣткѣ, „сколь не сносна темница, и сколь вожделѣнно состояніе свободы“. Онъ рѣшаетъ выпустить птичку: „Лети, милый жаворонокъ, любимое чадо природы! Возвратися на лоно твоей матери, будь осмотрителенъ... Спѣши въ обновленную рощу!“ [2]).

Много времени прошло съ тѣхъ поръ. Каченовскій сталъ извѣстнымъ профессоромъ Московскаго университета, главою скептической школы въ исторіи. Глинка, послѣ многихъ патріотическихъ и

---

[1]) «Записки С. Н. Глинки», стр. 173--174.

[2]) «Русскій Филологическій Вѣстникъ», 1907, кн. 4.—Проф. Е. Бобровъ: «Литературный дебютъ М. Т. Каченовскаго».

литературныхъ трудовъ, которые ему ничего не дали, долженъ былъ поступить въ цензоры.

Въ концѣ 1828 г. Каченовскій объявилъ въ „Вѣстникѣ Европы“, который тогда выходилъ при содѣйствіи московскаго университета, что онъ съ будущаго года будетъ издавать журналъ вполнѣ самостоятельно. Объявленіе было написано въ высокопарныхъ выраженіяхъ, и Н. А. Полевой въ своемъ „Московскомъ Телеграфѣ“ началъ вышучивать по этому поводу „Вѣстникъ Европы“ и, между прочимъ, замѣтилъ, что журналъ выходитъ изъ стѣнъ университета „на скудельныхъ ногахъ“.

Совѣтъ университета увидѣлъ въ этомъ оскорбленіе должностного лица—статскаго совѣтника Каченовскаго, и поэтому послѣдній подалъ по начальству прошеніе, въ которомъ требовалъ „имати подъ стражу майора и кавалера Сергѣя Глинку“, какъ цензора, пропустившаго оскорбительныя для него выраженія „Московскаго Телеграфа“ [1]).

Такъ подлинно сбылась русская пословица: „Старая хлѣбъ-соль забывается“. Забылъ Каченовскій и гауптвахту подъ Иваномъ Великимъ, и свою тоску тамъ, и жаворонка... Забылъ и про книги Сергѣя Глинки, такъ забылъ, что даже просилъ заключить его на гауптвахту.

Но это не удалось Каченовскому. Дѣло кончилось ничѣмъ.

Однако Глинка все-таки не избѣжалъ гауптвахты.

Въ 1830 году профессоръ естествознанія въ Московскомъ университетѣ М. А. Максимовичъ издалъ альманахъ „Денницу“ [2]). Цензурное разрѣшеніе на „Денницу“ было подписано Глинкою.

Альманахъ былъ составленъ очень интересно и даже украшенъ участіемъ Пушкина. Въ немъ впервые появились двѣ начальныя сцены „Бориса Годунова“, пѣсня Языкова: „Пловецъ“ („Нелюдимо наше море“), а также были помѣщены произведенія Баратынскаго, Веневитинова, кн. Вяземскаго, Ѳ. Глинки, барона Дельвига, Мерзлякова, Полевого, Погодина и др.

Между этими извѣстными именами русской литературы были имена и неизвѣстныя, какъ, напримѣръ, сокращенная подпись: С—ма Т—ва, стоявшая подъ однимъ стихотвореніемъ.

Это была дѣвица Серафима Теплова, знакомая Максимовичу по Малороссіи, откуда происходилъ самъ онъ. Стихотвореніе было озаглавлено: „Къ***. Оно невелико и носитъ характеръ поэтическаго отрывка:

---

[1]) «Записки С. Н. Глинки“, стр. 352.

[2]) Денница, альманахъ на 1830 годъ, изданный М. Максимовичемъ. Москва. Въ Университетской типографіи. 1830.

Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена.
О вѣрь, о вѣрь, что надъ тобою,
Стонъ скорби слышала волна!
О вѣрь, что надъ тобой почило
Прощенье, миръ, а не укоръ, —
Что не страшна твоя могила,
И не постыденъ твой позоръ!

И вотъ въ этомъ стихотвореньицѣ увидѣли государственное преступленіе. Было рѣшено, что оно относится ни къ кому другому, какъ къ поэту Рылѣеву, казненному послѣ усмиренія Декабрьскаго возстанія. Почему же не къ Пестелю, не къ Каховскому, а именно къ Рылѣеву? Да потому, что клевета въ основаніяхъ не разбирается, и сила ея заключается не столько въ доказательствахъ, сколько въ дерзости и самоувѣренности.

Эта клевета исходила изъ такой сферы, которая всегда была перенасыщена ненавистничествомъ, ложью, продажностью и безстыдствомъ. Есть положительныя основанія думать, что клевета на стихотвореніе Серафимы Тепловой была сочинена пресловутымъ Ѳаддеемъ Булгаринымъ.

Булгаринъ имѣлъ вѣскія причины сердиться на „Денницу“ и на ея цензора Глинку. Въ „Денницѣ“ была помѣщена статья И. В. Кирѣевскаго: „Обозрѣніе русской словесности 1829 года“, первая статья, съ которою Кирѣевскій открыто выступалъ на литературное поприще.

Въ этой статьѣ Кирѣевскій сильно задѣлъ самолюбіе Булгарина, давъ такой неблагосклонный отзывъ объ его „нравственно-сатирическомъ“ романѣ „Иванѣ Выжигинѣ“: „Пустота, безвкусіе, бездушность, нравственныя сентенціи, выбранныя изъ дѣтскихъ прописей, невѣрность описаній, приторность шутокъ, – вотъ качества сего сочиненія, качества, которыя составляютъ его достоинства, ибо они дѣлаютъ его по плечу простому народу и той части нашей публики, которая отъ азбуки и катехизиса приступаетъ къ повѣстямъ и путешествіямъ. Что есть люди, которые читаютъ Выжигина съ удовольствіемъ и слѣдовательно съ пользою, это доказывается тѣмъ, что „Выжигинъ“ расходится. Но гдѣ же эти люди? спросятъ меня.—Мы не видимъ ихъ, точно такъ же, какъ и тѣхъ, которые наслаждаются Сонникомъ и книгой о клопахъ, но они есть, ибо и Сонникъ, и „Выжигинъ“, и „О клопахъ“ раскупаются во всѣхъ лавкахъ“ [1]).

[1]) «Денница», стр. 73—74.

Хоть какому писателю не поздоровилось бы отъ такого сосѣдства съ „Клопами“. Булгаринъ былъ раздраженъ и обозленъ противъ Кирѣевскаго и отвѣтилъ на критику по-своему—клеветами и доносами.

30 марта того же 1830 года Жуковскій писалъ императору Николаю I: „Въ Москвѣ напечатанъ Альманахъ, въ коемъ мой родственникъ Кирѣевскій помѣстилъ обозрѣніе русской литературы за прошлый годъ. Въ этомъ обозрѣніи сдѣланы рѣзкія замѣчанія на романъ Булгарина „Иванъ Вижигинъ“... Этого было довольно, чтобы заставить думать Булгарина, что статья Кирѣевскаго была написана по моему наущенію. Это бы ничего; но послѣ я услышалъ, что Булгаринъ вездѣ разславляетъ, будто бы Кирѣевскій написалъ ко мнѣ какое-то либеральное письмо, которое извѣстно и правительству“ [1]).

При этомъ достойно особаго замѣчанія то обстоятельство, что разговоры о преступномъ характерѣ стихотворенія Серафимы Тепловой въ кружкѣ Булгарина возникли раньше, чѣмъ послѣдовало какое-либо явное распоряженіе начальства по этому дѣлу.

8 февраля за обѣдомъ у барона Дельвига, гостившаго въ то время въ Москвѣ, издатель „Денницы“ Максимовичъ получилъ изъ Петербурга письмо отъ сотрудника Дельвига и Пушкина по изданію „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, писателя О. М. Сомова, который былъ расположенъ къ Максимовичу, какъ къ своему земляку—малороссу. Въ этомъ письмѣ Сомовъ предупреждалъ Максимовича о возможныхъ непріятностяхъ и сообщалъ о толкахъ по поводу стихотворенія въ средѣ Греча и Булгарина.

Сочиненный послѣднимъ доносъ достигъ цѣли. Глинка былъ взятъ подъ стражу и посаженъ на ту самую гауптвахту подъ Иваномъ Великимъ, гдѣ когда-то онъ былъ дежурнымъ офицеромъ и караулилъ Каченовскаго.

Каченовскій очень не любилъ, когда ему вспоминали про дѣло о порохѣ, такъ какъ, повидимому, слухи придавали этому дѣлу не совсѣмъ чистый характеръ. Вѣроятно, это воспоминаніе было больнымъ мѣстомъ ученаго, и потому-то Полевой, желая какъ можно сильнѣе уколоть своего литературнаго противника, замѣтилъ разъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ на счетъ Каченовскаго, что издавать журналъ, это не то, что порохомъ торговать. И, конечно, привелъ Каченовскаго въ возмущеніе.

Надо думать, что Каченовскій также не любилъ бывать около колокольни Ивана Великаго, такъ какъ „кремлевскій исполинъ“

---

[1]) Соч. Жуковскаго, под. редакціей А. Д. Алферова, т. I, стр. 358.

долженъ былъ живѣе всегда напоминать ему непріятную исторію изъ его прошедшей жизни.

Но когда подъ Ивана Великаго попалъ цензоръ Глинка, Каченовскій пошелъ его навѣстить.

Почему? Неужели, слѣдуя евангельскамъ словамъ: „Въ темницѣ я былъ, и вы пришли ко мнѣ"? Возможно ли такъ думать, когда только полтора или два года передъ тѣмъ Каченовскій самъ просилъ имѣющихъ власть взять Глинку подъ стражу за оскорбительныя, по его мнѣнію, слова. Врядъ ли съ тѣхъ поръ Каченовскій сдѣлался лучше и преисполнился любовью къ Глинкѣ.

И Глинка не принялъ посѣщенія Каченовскаго за выраженіе сочувствія, а понялъ его, какъ насмѣшку надъ собою.

— Вотъ встрѣча и судьба!—воскликнулъ Глинка, увидя Каченовскаго среди другихъ своихъ посѣтителей.—Помните ли, Михаилъ Трофимовичъ, какъ вы сидѣли здѣсь за дѣло о порохѣ, а я былъ тогда дежурнымъ офицеромъ? [1]).

Слова Глинки получаютъ особенный смыслъ, если принять во вниманіе указанное выше отношеніе Каченовскаго къ несчастью своей военной службы.

Вскорѣ, однако, была признана неосновательность подозрѣній въ преступности стихотворенія Серафимы Тепловой,—Глинка вышелъ на свободу и снова занялъ кресло цензора.

4 марта Сомовъ писалъ Максимовичу изъ Петербурга: „Не знаю, какъ у васъ, а здѣсь о „Денницѣ" все замолкло, разумѣется, въ отношеніи не литературномъ. Я старался дознаться чего-нибудь, но, кажется, ничего не выйдетъ замѣчательнаго. Скажите мнѣ ваши московскія вѣсти; не было ли чего съ вами, или не дано ли, по крайней мѣрѣ, дальнѣйшаго слѣдствія этому дѣлу?" [2]).

Впрочемъ, хотя дѣло съ „Денницей" обошлось для Глинки благополучно, оно все-таки имѣло косвенное вліяніе на его увольненіе отъ должности цензора, послѣдовавшее въ томъ же 1830 году.

Въ это время Пушкинымъ было написано посланіе „Къ вельможѣ" (кн. Н. Б. Юсупову, въ Архангельское). А въ майскомъ номерѣ „Новаго Живописца общества и литературы", составлявшаго приложеніе къ „Московскому Телеграфу", были напечатаны коми-

---

[1]) Нѣкоторыя подробности дѣла съ «Денницею» и извѣстіе о встрѣчѣ Каченовскаго и Глинки во время ареста послѣдняго мы заимствуемъ изъ не напечатаннаго воспоминанія М. А. Максимовича, записаннаго на клочкѣ бумаги, сохранившемся среди его писемъ. Самъ Глинка въ своихъ „Запискахъ" совсѣмъ не упоминаетъ о дѣлѣ съ „Денницею", и вообще эпизодъ этотъ не былъ описанъ послѣдовательно

[2]) Изъ неизданнаго письма Сомова къ Максимовичу.

ческія сцены подъ заглавіемъ: „Утро въ кабинетѣ знатнаго барина“, въ которыхъ высмѣивался князь Беззубовъ, совершенно глупый старецъ, подписывающій бумаги кверху ногами, котораго его любовница бьетъ по щекамъ. Высмѣивался и поэтъ, посвятившій Беззубову стихи, въ которыхъ онъ воспѣваетъ князя за то, что тотъ ѣздилъ „въ какую-то землю только за тѣмъ, чтобы взглянуть на хорошенькихъ женщинъ“, пилъ кофе съ Вольтеромъ и игралъ въ шашки съ Бомарше [1]).

Въ князѣ Беззубовѣ увидѣли прозрачные намеки на князя Юсупова; при томъ же, эпиграфъ, взятый для „Утра въ кабинетѣ“, былъ заимствованъ изъ посланія Пушкина къ Юсупову.

Попечитель Московскаго университета князь С. М. Голицынъ, въ завѣдываніи котораго тогда находилась цензура, позвалъ для объясненій Глинку, пропустившаго „Утро въ кабинетѣ“, и, когда тотъ явился, закричалъ на него:

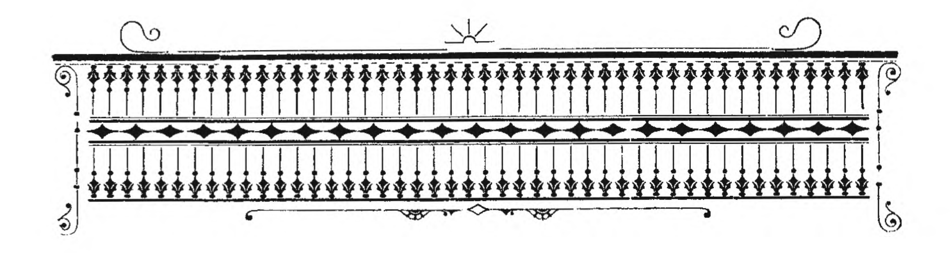
— Какъ вы, сударь, осмѣлились пропустить такія мерзости на князя Юсупова? Васъ и такъ и за такія мерзости государь сажалъ на обвахту [2])!

Такимъ образомъ, случай съ „Денницей“ какъ-будто усиливалъ послѣдующую цензурную вину Глинки. Онъ былъ уволенъ отъ должности цензора и остался безъ всякихъ средствъ къ существованію съ женою и восемью дѣтьми. И только заступничество Жуковскаго и князя Вяземскаго спасло Глинку отъ нищеты. Государь далъ ему пенсію въ три тысячи рублей въ годъ [3]).

В. В. Даниловъ.

[1]) «Русскій Архивъ», 1899, т. II, стр. 89.
[2]) «Записки», стр. 357.
[3]) «Русскій Архивъ», 1875, т. III, 495.

Изъ дневника Опочинина.

Октябрь.—1830 г.

(Окончаніе [1]).

Воскресенье, 2/14. Варшава.

Заговоръ, о которомъ говорили на всѣ лады, причисливъ его наконецъ къ выдумкѣ генерала Рожнецкаго, оказывается далеко не вымышленнымъ. Третьяго дня было захвачено 6 заговорщиковъ изъ нижнихъ чиновъ, которые, какъ говорятъ, хотѣли посягнуть на жизнь Его Высочества. Итакъ, нить заговора найдена, остается только искусно распутать ее. Неискусная или недоброжелательная рука, порвавъ ее, можетъ вызвать большое несчастіе.

Въ прошлую среду обычныя глупыя шуточки Шульгина вывели изъ терпѣнія Владека; онъ ему что-то отвѣтилъ, а нашъ московскій пѣтушекъ погрозилъ выбросить его въ окно. Слѣдствіемъ этого было объясненіе на смотру, колкости, сказанныя съ обѣихъ сторонъ, и дуэль въ прошлую пятницу. Секундантомъ Владека былъ Дерфельденъ 1; у Шульгина — гусаръ Шталь-фонъ-Гольштейнъ. Шульгинъ промахнулся; Владекъ отдалъ ему свой пистолетъ, не стрѣлявъ. По этому поводу ходитъ много толковъ, которые надоѣдаютъ мнѣ.

По утру обѣдня во дворцѣ. Смотръ. Фельдъ-егерь изъ Петербурга. Говорятъ, война въ отставкѣ. Обѣдалъ въ Бельведерѣ съ Грессеромъ; онъ получилъ выговоръ. Вечеромъ у Левицкихъ.

Да поможетъ мнѣ Господь.

---

[1]) См. „Русская Старина", августъ 1908 г.

Понедѣльникъ, 3/15. Варшава.

Вотъ что я узналъ о пресловутомъ заговорѣ: до сихъ поръ арестовано пятьдесятъ человѣкъ; между прочимъ много студентовъ, нѣсколько унтеръ-офицеровъ и юнкеровъ польской арміи. Говорятъ, что душою заговора были гренадерскія роты 3-го линейнаго полка. Предполагали начать съ убійства Его Высочества. Говорятъ, что обо всемъ донесъ какой-то юнкеръ. Все было готово, заговорщики имѣли патроны, заряды и оружіе. Первыми были арестованы шесть человѣкъ въ прошлую пятницу, съ оружіемъ въ рукахъ; они, какъ говорятъ, были совершенно готовы привести въ исполненіе свой гнусный заговоръ. До сихъ поръ арестованы все незначительныя лица, но подозрѣваютъ, что вожаками были нѣкоторые болѣе значительныя лица, принимавшія участіе въ предшествовавшихъ заговорахъ. Дѣло въ томъ, что все это разузнала вовсе не хваленая полиція Рожнецкаго; Его Высочество назначилъ слѣдственную комиссію изъ генер.: Гука, Крассинскаго и Ратенштрауха. Секретаремъ опредѣленъ Жадерновскій изъ канцеляріи Его Высочества. Особенно достойна вниманія храбрость, съ какою Его Высочество выходилъ въ субботу, какъ обыкновенно, хотя онъ и зналъ, что жизнь его въ опасности. Это прекрасная нравственная твердость характера.

Вставъ въ 7 часовъ, я былъ въ казармахъ до $2^3/_4$ ч. Обѣдалъ въ Бельведерѣ въ 4½ ч., потому что Его Высочество работалъ съ Рожнецкимъ. Вечеромъ у Левицкихъ. Легъ спать въ 12 ч.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Вторникъ, 4/16. Варшава.

28 іюля 1830 г., день паденія Бурбоновъ, совпалъ съ 9 термидоромъ, днемъ паденія Робеспьера.

Говорятъ, будто Карлъ X принадлежалъ къ ордену іезуитовъ и даже былъ посвященъ въ епископы, исполняя его обязанности во дворцѣ.

Вставъ въ 8 часовъ, былъ на смотру. Я былъ дежурнымъ: унтеръ-офицеръ Лукашевичъ, 1-го взвода, солдатъ Кимборъ въ моемъ взводѣ. Обѣдалъ дома; вечеромъ у Овандеръ. Проигралъ въ пять и пять мои послѣдніе 10 фл. Легъ спать въ 2 часа.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Среда, 5/17. Варшава.

Всталъ въ 8 часовъ; былъ въ казармахъ; гонялъ молодыхъ лошадей на кордѣ. Обѣдалъ въ Бельведерѣ. Возвратился къ себѣ въ 7 часовъ. Много писалъ. Вечеромъ у Левицкихъ. Озеровы... нужно объясниться. Легъ спать въ часъ.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Е. И. В. великій князь Константинъ, во время своего пребыванія въ Парижѣ 1815 г., встрѣтилъ особенно любезный пріемъ со стороны семейства Кубьеръ (Cubière). Въ его поѣздкахъ инкогнито, в. князя часто сопровождалъ одинъ молодой человѣкъ изъ этой семьи, служившій впослѣдствіи въ лейбъ-гвардіи. Въ одно прекрасное утро этотъ молодой человѣкъ пріѣхалъ въ Варшаву, поселился въ Бельведерѣ и нѣсколько времени спустя былъ зачисленъ въ гвардейскій уланскій полкъ и назначенъ адъютантомъ при Его Высочествѣ. Этотъ весьма умный и любезный юноша, Оливъ, сдѣлался тѣнью Его В., сопровождая его во всѣхъ поѣздкахъ, сталъ ухаживать за M-elle Скобининой, женился на ней, взявъ приданое съ 40.000 ежегоднаго дохода; наконецъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья оставилъ службу и уѣхалъ во Францію. Политическія событія заставили его выѣхать оттуда. Жена его проводитъ зиму въ Дрезденѣ, а онъ между тѣмъ заѣхалъ въ Варшаву и снова занялъ свое мѣсто въ коляскѣ и за столомъ Его Высочества. Мнѣ рѣдко случалось встрѣтить человѣка, болѣе пріятнаго въ обращеніи.

Представленіе оперы Обера Muette de Portici воспрещено; польскій театръ остается ни при чемъ со своими великолѣпными декораціями.

Вчера возобновились французскія представленія; говорятъ, начало было не блестящее.

Дюмушецкій говоритъ сегодня въ своемъ „Курьерѣ“, что 1-й и 2-й армейскій корпуса, литовскій корпусъ и польская армія получили приказаніе выступить въ походъ. Было ли ему разрѣшено сдѣлать подобное сообщеніе или это одна изъ его обычныхъ утокъ?

Да поможетъ мнѣ Господь.

Пятница, 7/19. Варшава. Въ казармахъ.

Я получилъ сегодня утромъ письма изъ Петербурга отъ своихъ, писан. 29 окт.

Въ Петербургѣ только и говорятъ о холерѣ, это вопросъ дня. Министру финансовъ Канкрину, у котораго собирается многочисленное общество, до того наскучили эти разговоры, что онъ назначилъ штрафъ въ 10 коп. сер. со всякаго, кто заговоритъ объ этомъ предметѣ, и собралъ огромную сумму, такъ какъ никто не хочетъ объ немъ молчать.

Замѣчено, что нигдѣ холера не свирѣпствовала такъ долго и не похитила столько жертвъ, какъ въ Москвѣ. До сихъ поръ она обнаруживалась болѣе въ народѣ, теперь же перешла въ высшее общество; въ примѣръ приводятъ Афросимова и его сестру и одного

врача по имени ***. Особенно странно, будто, какъ говорятъ, московскіе врачи пользуютъ эту болѣзнь съ гораздо меньшимъ успѣхомъ, нежели провинціальные доктора и даже деревенскіе лекаря. Впрочемъ болѣзнь эта весьма странная. Она занесена въ Москву однимъ студентомъ изъ Саратова, который не только не умеръ, но даже не хворалъ и это не единственный примѣръ. Папашѣ разсказывалъ это Е. В. Въ Саратовѣ одна дама умерла отъ холеры; мужъ ея, пускавшій ей кровь, хотѣлъ обтереть холодный потъ, выступившій у нея на лбу, и лишь только дотронулся до нея, какъ упалъ замертво. Хирургъ, бывшій при этомъ, въ свою очередь захотѣлъ обтереть потъ и также скоропостижно умеръ.

Утромъ 19 октября насчитывали со дня появленія 3.402 больныхъ, изъ коихъ 1.679 умерло.

Изъ письма лейбъ-медика Лодера къ редактору „С.-Петербургской Газеты“:

„Къ несчастью болѣзнь эта еще мало изслѣдована, но повидимому это тоже индѣйская холера, видоизмѣненная климатомъ. Она не въ такой степени заразительна, какъ чума, хотя и убиваетъ въ нѣсколько часовъ тѣхъ, кто особенно предрасположенъ къ ней. Здѣсь число заболѣвающихъ относится какъ 8 : 5, и они принадлежатъ по преимуществу къ низшему классу, что слѣдуетъ приписывать вліянію тѣсныхъ, сырыхъ жилищъ, а также привычкѣ простолюдинъ ходить босикомъ, ѣсть сырой лукъ, грибы, огурцы и испорченную соленую рыбу. Но въ особенности холера поражаетъ пьяницъ. Кромѣ того, въ народѣ есть привычка скрывать первые признаки болѣзни. Что же касается до лицъ высшаго сословія, которыхъ заболѣло впрочемъ не болѣе тридцати, то они погибли большею частью вслѣдствіе пустого страха, парализовавшаго дѣйствіе лекарствъ. Число больныхъ все еще не уменьшается, но болѣзнь начинаетъ уступать“.

Неоднократныя попытки докторовъ: Высоцкаго, Рихтера 2-го и т. д. доказали, что въ началѣ болѣзни весьма дѣйствительными оказываются уксусныя втиранія; ихъ производятъ до тѣхъ поръ, покуда не появится легкая испарина.

Было замѣчено, что холера проявляется иногда вслѣдствіе несвоевременнаго пріема даже самыхъ невинныхъ слабительныхъ средствъ, какъ-то: сильныхъ пріемовъ магнезіи и т. д. Санитарный комитетъ предлагаетъ не употреблять ихъ безъ предписанія врача. Иные употребляютъ при поносѣ соленую икру, и однако опытъ доказалъ, какія это можетъ имѣть гибельныя послѣдствія.

Въ „Journal de S. Petersbourg“ въ № 128 напечатано:

„Е. И. В. Государь Императоръ соблаговолилъ повелѣть при-

вести на военное положеніе нижепоименованные корпуса, именно: 1-й и 2-й пѣхотный корпусъ, 3-й и 5-й кавалерійскій, резервный, Литовскій корпусъ, *резервный корпусъ, состоящій подъ командою Е. И. В. великаго князя Константина*, польскую армію и подобное же число иррегулярныхъ казацкихъ полковъ. 3-му и 5-му кавалерійскимъ резервнымъ корпусамъ, стоявшимъ въ Херсонской и Курской губерніяхъ, приказано двинуться къ западной границѣ, останавливаясь временно въ губ. Подольской и Житомірской. Корпуса эти уже выступили.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Суббота 8/20. Варшава.

Существуетъ нѣкая M-lle Глотковская, воспитанница драматической консерваторіи въ Варшавѣ, дебютировавшая недавно съ большимъ успѣхомъ здѣсь, въ оперѣ. Она и M-lle Волкова—любимая ученица *Соливы*, капельмейстера этого заведенія; онъ представлялъ ихъ въ салоны, гдѣ онѣ поютъ.

Въ нее влюбился генералъ Исаковъ, который послѣ своей поѣздки за границу считаетъ себя обязаннымъ покровительствовать искусствамъ. На-дняхъ онъ далъ обѣимъ пѣвицамъ и Соливѣ обѣдъ; за десертомъ предложилъ Глотковской двѣ карамели; въ одной изъ нихъ была записка на французскомъ языкѣ; молодая дѣвушка отвѣтила ему, онъ въ свою очередь отвѣтилъ ей, и такъ завязалась переписка.

Актеры свели съ ума всѣхъ нашихъ генераловъ. Генералъ Рихтеръ на-дняхъ послалъ Волковой, которую онъ едва знаетъ, вуаль. Сумасшедшіе!!!

Да поможетъ мнѣ Господь.

Воскресенье 9/21. Варшава.

Варшавская драматическая консерваторія находится, неизвѣстно почему, подъ высокимъ надзоромъ генерала Рожнецкаго. Поручена ли ему эта должность въ качествѣ командующаго польской кавалеріи или какъ начальнику тайной полиціи? Суть въ томъ, что онъ сдѣлалъ изъ нея сераль для своихъ забавъ. Бѣднымъ пансіонеркамъ нѣтъ покоя, если онѣ не уступаютъ желаніямъ его превосходительства. Одна изъ этихъ дѣвицъ, по фамиліи Бемецкая, имѣла несчастіе понравиться ему и глупость отказать въ нѣкоторой благосклонности. Ее наказали, не отпустивъ даже повидаться съ матерью. Бѣдняжка скучала, отчаявалась и нашла, наконецъ, себѣ утѣшеніе въ маленькомъ Адеркасѣ—прапорщикѣ Волынскаго полка, который жилъ въ Маріенштадтѣ, противъ консерваторіи.

Въ воскресенье вечеромъ онъ видѣлся съ нею подъ воротами; она сказала ему, что намѣрена бѣжать; онъ далъ ей свою шинель и фуражку, нанимаетъ извозчика и отвозитъ ее къ матери. Этотъ побѣгъ возбудилъ сильный переполохъ; начальство пожаловалось Соливѣ, Солива—Рожнецкому, Рожнецкій—Его Высочеству, и одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ вся исторія кончится.

Сегодня былъ обѣдъ у коменданта; прежде у него давались роскошные обѣды, теперь же ихъ можно назвать только сносными. Вкусна одна только кулебяка. Вина отвратительныя; все носитъ отпечатокъ чванства и бѣдности. Обѣдали *Парадовскіе;* мужъ, человѣчекъ небольшого роста съ тыквообразной головой, походитъ на кота въ гусарскомъ мундирѣ. Когда онъ служилъ въ уланахъ въ Волынскомъ полку, деревня, въ которой стоялъ его эскадронъ, сгорѣла со всѣми лошадьми. Онъ считалъ себя разореннымъ; въ нашей гвардіи составилась подписка, Его Высочество заплатилъ остальное и, кромѣ того, великій князь запомнилъ его фамилію и перевелъ его въ гвардію, когда былъ сформированъ Гродненскій полкъ. Онъ настоящій полякъ, обращается къ вамъ всегда съ улыбкой и распростертыми объятіями. Жена его очень хорошенькая полька, съ рыжими волосами; она необыкновенно бѣла, обладаетъ восхитительными глазами и напоминаетъ женскія фигуры французской школы 18 вѣка; даже въ манерѣ ея проглядываетъ нимфа Буше или Ванъ-Лоо (Vanloo). *Г. Ланге*, тайный совѣтникъ, мужъ своей жены и отецъ г-жи *Альбрехтъ*; чопорный, неповоротливый, онъ никогда не высказывается прямо, коверкаетъ французскій языкъ, которому разучился во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, куда онъ былъ посланъ, не знаю по какому-то финансовому дѣлу. Онъ состоитъ теперь при Новосильцевѣ. *Мюнерое* (Munегое), американецъ, адъютантъ великаго князя. Я не могу объ немъ говорить. *Онъ сдѣлалъ мнѣ слишкомъ много зла, чтобы сказать о немъ доброе слово, а она слишкомъ благоволитъ къ нему, чтобы я могъ отнестись объ немъ дурно.* Можетъ быть я заблуждаюсь. *Озеровы.* Увы! ихъ пора миновала!!!

Павелъ Чичеринъ, добрый малый, который пороха не выдумаетъ, но съ прекраснымъ сердцемъ, что гораздо лучше. Этотъ ребенокъ дозволяетъ всѣмъ вертѣть собою, и не понимаю, почему послѣднее время всѣ особенно стали пользоваться этимъ. Кап. *Носовъ* плацъ-адъютантъ, женатый на племянницѣ коменданта. Красивый, высокаго роста, щекотливый, какъ всѣ не особенно умные люди, и вѣчно въ ссорѣ со своей дражайшей половиной, которая повидимому очень жеманна. За обѣдомъ я сидѣлъ рядомъ съ нею; моимъ vis à vis былъ Ив. Озеровъ, котораго я когда-то называлъ своимъ другомъ.

Однако, сколько я ни обдумывалъ своего поведенія относительно него, я не могу ни въ чемъ упрекнуть себя. Я такъ ихъ любилъ, такъ былъ преданъ имъ душою и тѣломъ, и чѣмъ они мнѣ отплатили... Я слишкомъ гордъ, чтобы искать объясненія; цѣлый мѣсяцъ я скрывалъ мое огорченіе и мои слезы, не показывалъ, что замѣчаю ихъ холодность, я надѣялся, что это не болѣе какъ недоразумѣніе, но тщетно; остается только отдалиться; я долженъ это сдѣлать, хотя такъ привыкъ ихъ любить, что это надрываетъ мнѣ сердце. Нѣтъ, я не вѣрю болѣе въ дружбу, я не положусь болѣе ни на кого. Но если бы когда-нибудь представился случай пойти за нихъ въ огонь, то я бы это сдѣлалъ, и они убѣдились бы въ справедливости пословицы: „старый другъ лучше новыхъ двухъ“.

Сегодня за обѣдомъ она говорила мнѣ о нѣкомъ *Адольфѣ*; это таинственное имя сводило меня когда-то съ ума. Оказывается, что это не кто иной, какъ милый американецъ, которому приписываютъ всѣ качества, не исключая и названія героя. „Не моего романа“, само собою разумѣется. Не понимаю, что онѣ нашли въ этой рыжей головѣ и этомъ тощемъ тѣлѣ. Ему все прощается, даже его эгоизмъ и вѣчное я... которымъ начинаются всѣ его фразы. Женщины, женщины, кто васъ пойметъ!

Я составилъ на сегодняшній день хорошій или дурной проэктъ, не знаю, но по крайней мѣрѣ я надѣялся, что онъ поведетъ къ объясненію. Онъ не удался, и я ограничился однѣми мечтами. Я вижу, что лучше все предоставить времени, пользоваться только обстоятельствами, не стараясь создавать ихъ. Это будетъ вѣрнѣе.

М. Вернонъ, французъ, служившій сначала своей странѣ, затѣмъ перешедшій въ австрійскую службу, а въ настоящее время состоитъ въ нашемъ гвардейскомъ уланскомъ полку, услыхавъ о приготовленіяхъ къ войнѣ, считаетъ неловкимъ идти противъ своего отечества. „Чти отца своего и матерь свою, и долголѣтенъ будеши на земли“. Онъ подалъ въ отставку и оставляетъ по себѣ репутацію негодяя, забіяки, хвастуна и гуляки. Его исторія съ Гудаковскимъ, адъютантомъ в. князя, не дѣлаетъ ему чести.

Сынъ Ивана Тимирязева умираетъ. Мать въ отчаяніи; это единственный плодъ ихъ брака, прелестный двухлѣтній мальчикъ. М-me Левицкая провела у нихъ почти весь вечеръ.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Понедѣльникъ 10/22. Варшава.

Великій князь въ минуту гнѣва назвалъ одного польскаго генерала коровой. Его превосходительство въ отчаяніи явился съ жалобой къ графу Курута; онъ считалъ себя оскорбленнымъ, даже

обезчещеннымъ. Графъ далъ ему высказаться, высморкался четыре или пять разъ и, складывая платокъ, сказалъ:—Словомъ, генералъ, что же онъ вамъ сказалъ? — Онъ назвалъ меня коровой. — Э, Боже мой, любезный генералъ, со мной это случалось не разъ, и однако я все же остался человѣкомъ.

Мнѣ говорили, будто нашъ генералъ получилъ письмо отъ моего двоюроднаго брата, *полковника Пиллера*, командующаго Кирасирскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Новгородѣ. Этотъ полкъ двинулся въ Подольскую губ., но къ несчастью въ немъ были случаи холеры, и заболѣло уже 10 человѣкъ. Не знаю, какъ размѣстятъ въ Подольской губ. весь этотъ полкъ по квартирамъ.

Сынъ г-жи Тимирязевой очень плохъ. M-me Левицкая поѣхала сегодня въ 11 часовъ вечера утѣшить мать. Несчастная женщина.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Вторникъ 11/23. Варшава.

П. Грессеръ, адъютантъ великаго князя, добрый малый, но къ несчастію болѣе образованъ, нежели уменъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ занялся чтеніемъ французскихъ книгъ, онъ имѣетъ претензію говорить на этомъ языкѣ; но это было бы ничего, если бы, не зная совершенно употребленія членовъ, онъ не старался говорить отборными выраженіями, что дѣлаетъ его бесѣду утомительною; видно, что онъ ищетъ отборныхъ словъ и, такъ какъ память иногда измѣняетъ ему, то онъ тянетъ, жуетъ свои фразы, перемѣшивая ихъ безпрестанными *ou pour mieux dire*, *pour ainsi dire*. Когда въ разговорѣ съ нимъ употребимъ какой-нибудь особенный оборотъ рѣчи, онъ остановитъ васъ среди фразы и заставитъ повторить. Ради Бога, говорите по-русски. Онъ въ раздорѣ съ Мюнероэ; я его очень люблю.

Ребенокъ г-жи Тимирязевой умеръ сегодня утромъ. Генералъ Трембицкій, бывшій адъютантъ в. князя, назначенъ директоромъ школы подпрапорщиковъ польской пѣхоты; это слѣдствіе знаменитаго заговора. Прежде директоромъ этой школы былъ е. пр. графъ Курута.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ Польшѣ существуетъ обширное тайное общество, которое постоянно думаетъ о возстановленіи отчизны. Увѣряютъ, что оно имѣетъ скрытое вліяніе на правительственный совѣтъ, посылаетъ всюду эмиссаровъ, чтобы розыскивать враговъ Россіи; эмиссары эти заѣзжаютъ даже въ Персію. Подъ вліяніемъ этого общества, Прушинскій, офицеръ конной артиллеріи, былъ посланъ въ качествѣ торговаго агента въ Лондонъ. Безобразовъ говорилъ вчера одному изъ этихъ господъ, которыхъ онъ не

хотѣлъ назвать мнѣ.—Русскіе не могутъ придти съ вами въ соглашеніе; никогда ни одинъ изъ насъ не захочетъ уступить губерній, пріобрѣтенныхъ Екатериной II.—Дѣло можетъ уладиться, отвѣчали ему; мы не хотимъ вашихъ губерній, пусть онѣ остаются при васъ: великую Польшу, Галицію, вотъ чего мы желаемъ, а въ замѣнъ Литвы, Волыни и т. д. мы имѣемъ Венгрію, которая протягиваетъ намъ руки. Это народъ такъ же, какъ и мы, недовольный своимъ правительствомъ, который только и желаетъ свободы и охотно сталъ бы подъ знамя Бѣлаго Орла. Что касается меня, то я думаю, что если бы Венгрія когда-нибудь стряхнула австрійское иго, то она отдалась бы подъ покровительство Россіи. Венгерцы любятъ насъ и большинство ихъ исповѣдуетъ одну религію съ нами. Однако надобно опасаться возстанія.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Пятница 14/26. День м. рожденія 22 года. Варшава.

Письма отъ мамаши и отъ сестры отъ 5/17 ноября. Въ Петербургѣ менѣе говорятъ о холерѣ, нежели о войнѣ. Въ Москвѣ эпидемія уменьшается. 27 окт.: заболѣло только 98 человѣкъ, выздоровѣло 90, умерло 62. Вообще, съ начала болѣзни заболѣло 4.408 человѣкъ; изъ нихъ умерло 2.292 человѣка.—Отецъ писалъ великому князю, прося уволить меня въ отпускъ.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Воскресенье 16/28. Варшава.

Я дежурный вмѣстѣ съ Далинскимъ. Весь день только и былъ разговоръ о нашихъ ложныхъ опасеніяхъ относительно революціи. Каждый излагалъ свой планъ побѣга, если бы пришлось оставить свои квартиры, и всѣ офицеры признали, что мнѣ угрожала наибольшая опасность, такъ какъ я жилъ очень далеко отъ казармъ.

Понедѣльникъ 17/29 ноября. Я покидаю Варшаву.

Утро я провелъ на ученьи, обѣдалъ въ Бельведерѣ съ Чичериными, и мы разговаривали о революціи, какъ о дѣлѣ поконченномъ, такъ какъ заговорщики были найдены и арестованы. Вернувшись домой довольно поздно, я наскоро переодѣлся и отправился къ Озеровымъ, жившимъ въ улицѣ Баклянской, близъ 1-го арсенала, намѣреваясь поѣхать оттуда вечеромъ къ Левицкимъ. У нихъ я засталъ Овандера, подпоручика Литовскаго полка, который вскорѣ ушелъ, намѣреваясь посѣтить свою возлюбленную, жившую въ улицѣ Моривзиль.

Мы сѣли играть въ пикетъ; около 8 часовъ тотъ же самый Овандеръ вбѣгаетъ совершенно растерянный крича: „Господа, русскихъ рѣжутъ, Бельведеръ взятъ, я бѣгу въ казармы!“ Поцѣловаться на прощанье и спуститься одинъ за другимъ съ лѣстницы—было минутнымъ дѣломъ. Сережа побѣжалъ въ казармы, я—во дворецъ, чтобы осѣдлать лошадь, а Ивану Озерову пришла несчастная мысль отправиться къ Левицкимъ. По дорогѣ я встрѣтилъ множество народу, даже женщинъ, бѣжавшихъ къ арсеналу; вдали раздавался глухой шумъ, но, несмотря на мой русскій султанъ, меня никто не затронулъ, и не могло быть сомнѣнія въ томъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня грабили арсеналъ. Завернувъ въ Белянскую улицу, я встрѣтилъ сына военнаго министра, *Гаука*, подпоручика конной артиллеріи польской гвардіи; онъ шелъ очень скоро. Я остановилъ его, спросивъ, что все это значитъ. „Не знаю, проходите“, отвѣтилъ онъ довольно сухо. Не предлагая ему другого вопроса, я поспѣшилъ ко дворцу. Нѣсколько шаговъ далѣе я увидѣлъ человѣка съ обнаженной саблей, за которымъ слѣдовали нѣсколько мальчишекъ и нѣсколько человѣкъ въ рубищахъ; они шли съ Саксонской площади, крича Do broni, Polacy, do broni, juz czas. Я едва успѣлъ спрятаться подъ воротами дома Думашевскаго. Они прошли мимо, не замѣтивъ меня, продолжая свой кровавый призывъ. Я не пишу съ цѣлью хвастовства, не хочу выставлять себя героемъ; однако я не трусъ, ихъ нѣтъ въ нашъ благодатный вѣкъ, но близость этихъ кровожадныхъ людей, предводимыхъ изступленнымъ фанатикомъ, произвела на меня такое впечатлѣніе, что покуда я буду живъ, я никогда не вспомню безъ содроганья этой минуты; еще долго спустя меня будилъ ночью этотъ фанатическій крикъ, раздававшійся въ моихъ ушахъ, и даже теперь, живя совершенно спокойно въ моемъ отечествѣ и припоминая эти событія, я не могу безъ отвращенія написать польскаго слова *do broni*. Какой герой не блѣднѣлъ при первой стычкѣ? Кто, проснувшись внезапно на бивакѣ отъ страшнаго возгласа: къ оружію! непріятель въ лагерѣ! не испыталъ жгучаго чувства ужаса, который, правда, минуту спустя разсѣивается разсудкомъ? А эта встрѣча была моей первой опасностью, моей первой стычкой; это было внезапнымъ пробужденіемъ отъ полной безопасности, и мои 17 лѣтъ могутъ извинить пробудившееся во мнѣ тогда чувство близкой опасности. Итакъ: покинувъ эти благодатныя ворота, я прибѣжалъ запыхавшись во дворецъ. Всѣ были объяты ужасомъ; мой конюхъ, полякъ, впрочемъ порядочный негодяй, плакалъ и упрашивалъ меня на колѣняхъ одѣть его платье, чтобы доѣхать въ полкъ. Генералъ Кривцовъ и Даниловъ въ отчаяніи находились въ канцеляріи, гдѣ

человѣкъ пятьдесятъ чиновниковъ и писарей передавали другъ другу все болѣе и болѣе печальныя извѣстія. Говорили, будто великій князь убитъ; многіе русскіе офицеры перебиты на улицахъ; ген. Исаковъ и Бутурлинъ изрублены. Во дворъ внесли кучера ген. Исакова; онъ имѣлъ двѣ раны въ животъ, истекалъ кровью и кричалъ: „Бѣдный баринъ погибъ!" Онъ испустилъ духъ у меня на рукахъ; это былъ первый убитый на моихъ глазахъ; ужасное зрѣлище заставило меня содрогнуться; оно могло случиться и со мною; я вспомнилъ объ матери. Она ожидала меня въ Петербургѣ; отецъ только-что просилъ великаго князя уволить меня для свиданія съ ними передъ моимъ отправленіемъ въ походъ, въ Бельгію. Великій князь отвѣтилъ ему наканунѣ, что это немыслимо, но я этого не зналъ и мечталъ уѣхать во вторникъ или въ среду. Ген. Кривцовъ поручилъ мнѣ разузнать, каковы были намѣренія дежурнаго офицера.

Въ караулѣ стоялъ 4-й линейный баталіонъ. Я подошелъ къ нему и прямо спросилъ, что онъ былъ намѣренъ сдѣлать, если бы на насъ напали: „Защищаться до послѣдней капли крови", отвѣчалъ онъ.—Но ваши солдаты? „Нашъ солдатъ—машина; они будутъ дѣлать то, что я прикажу, что я самъ сдѣлаю; я удвоилъ караулы у воротъ, потрудитесь вы, какъ русскій, приказать служителямъ помочь мнѣ завалить входы".—Я исполнилъ его просьбу; рѣшетка была завалена камнями, къ главнымъ воротамъ подкатили фургонъ, и такимъ образомъ мы были въ осадномъ положеніи. Я поднялся къ себѣ, чтобы наскоро зарядить пистолеты; мнѣ не хватило пыжей, я попросилъ бумаги, и мнѣ подали послѣднее письмо отъ мамаши. Еще разъ вспомнилъ я о моемъ бѣдномъ семействѣ и сошелъ во дворъ. Генералъ Нессельроде только-что пришелъ пѣшкомъ; онъ не зналъ, что предпринять; я предложилъ ему свою лошадь; онъ отказался; тогда, простившись съ офицерами, я вскочилъ на лошадь и, обнявъ мою прислугу, пришпорилъ коня и направился къ Саксонской площади. (Я выѣхалъ, по ошибкѣ человѣка, не въ колетѣ, а въ дежурной формѣ). Тамъ я нашелъ ген. Семянтовскаго и Турно съ гвардіей Бѣлаго Орла и 4 или 5 егерей изъ гвардейскаго пикета; они находились въ дозорѣ. Полковникъ Турно кажется встревоженнымъ, Семянтовскій былъ печаленъ и молчаливъ; онъ пожалъ мнѣ руку въ первый и послѣдній разъ; когда же я освѣдомился у полковника о великомъ князѣ и о полкѣ, то онъ отвѣчалъ мнѣ: Они въ Бельведерѣ. Я направился туда. Въ Мазовецкой улицѣ увидѣлъ многочисленныя группы народа, но все это большею частью любопытные, бѣжавшіе на пожаръ, который вспыхнулъ близъ арсенала. Домовладѣльцы запирали ворота, но въ

толпѣ шныряло нѣсколько человѣкъ въ плащахъ, съ шляпой надвинутой на глаза, а изъ-подъ плащей ихъ торчали пистолеты, сабли и кинжалы. Мое первое смущеніе смѣнилось теперь чувствомъ злобы противъ этого измѣнническаго города и во мнѣ проснулась вновь вся прежняя ненависть къ полякамъ, заглохшая было во время шестилѣтняго пребыванія въ ихъ средѣ.

Я желалъ встрѣтить на пути какое-нибудь препятствіе, чтобы пустить пулю въ лобъ какого-нибудь поляка. Близъ каплички младенца Іисуса мнѣ повстрѣчалась группа въ четыре или пять человѣкъ; одинъ изъ нихъ закричалъ мнѣ Stoi (Стой).

— Я имѣлъ глупость остановиться. Do kont Pan iedzisz? (Куда вы ѣдете) Do polko gwardye kirassirow.—(Въ гвардейскій кирассирскій полкъ). И я продолжалъ свой путь, заинтересованный тѣмъ, чего хотѣли отъ меня эти люди и что означалъ ихъ вопросъ. При въѣздѣ на Александровскую площадь, я увидѣлъ егерей конной гвардіи, занимавшихъ аванпосты; меня провели къ генералу Курнатовскому, который съ двумя эскадронами этого храбраго и вѣрнаго полка занималъ проходы въ аллеи. Возлѣ него я увидѣлъ бѣднаго Грессера, которому уже успѣли разорвать рукавъ штыкомъ. Въ этой части города все было мрачно и на военной ногѣ; нѣсколько ротъ пѣшихъ егерей, оставшихся вѣрными, занимали площадки. Великій князь верхомъ, окутанный въ плащъ, то разъѣзжалъ по большой дорогѣ, то останавливался поговорить съ генераломъ Рожнецкимъ, который повидимому былъ очень непокоенъ. Я нашелъ полкъ между деревней Саутъ и главной аллеей. Второй эскадронъ стоялъ противъ Бельведерскаго двора. Мы сошли съ лошади и каждый разсказалъ въ свою очередь и объ опасностяхъ, которымъ подвергался, и тѣ новости, какія успѣлъ узнать. Извѣстія быстро смѣнялись одни другими; великій князь постоянно разсылалъ во всѣ стороны своихъ адъютантовъ, и надобно отдать имъ справедливость въ томъ, что, исполняя возложенныя на нихъ порученія, они храбро преодолѣвали тысячи опасностей. Грессеръ былъ изрубленъ и взятъ въ плѣнъ близъ госпиталя, Гогель – раненъ въ руку около казармъ Волынскаго полка, а прочіе спаслись какимъ-то чудомъ, такъ какъ имъ не разъ приходилось проѣзжать среди мятежниковъ. Молодой Рихтеръ не хотѣлъ даже снять своего бѣлаго султана. Такъ прошла ночь. Тутъ-то я узналъ, какимъ образомъ начался этотъ страшный мятежъ. Впослѣдствіи я имѣлъ честь слышать этотъ разсказъ отъ самого великаго князя, но я помѣщаю его здѣсь.

Великій князь по своему обыкновенію легъ въ 5½ часовъ, приказавъ разбудить себя въ 7½, когда пріѣдутъ ген. Жандръ и вице-президентъ Любовицкій для вечернихъ занятій. Они были уже

во дворцѣ и ожидали его пробужденія въ камердинерской, когда вниманіе ихъ было обращено шумомъ, поднявшимся во дворѣ Бельведера. Они увидѣли, что къ подъѣзду бѣжала толпа людей въ длинныхъ плащахъ, вооруженныхъ ружьями и штыками. Жандръ кинулся къ стеклянной двери на лѣстницѣ, чтобы запереть ее; тутъ онъ былъ раненъ въ первый разъ; возвратясь въ камердинерскую и спускаясь по маленькой потаенной лѣстницѣ великой княгини, онъ направился къ конюшнямъ; но, преслѣдуемый четырьмя убійцами, получилъ нѣсколько ранъ и палъ мертвый у дверей большого сарая. Фрицъ, дежурный камердинеръ, разбудилъ великаго князя словами: Ваше Высочество! бунтъ! Великій князь тотчасъ схватился за ружье, чтобы дорого продать свою жизнь; но камердинеръ увлекъ его черезъ библіотеку и комнату в. князя Михаила на чердакъ, откуда, въ случаѣ надобности, они могли бы спуститься по маленькой лѣстницѣ въ боковой дворъ. Между тѣмъ убійцы, разломавъ стеклянную дверь, ворвались въ камердинерскую. Любовицкій хотѣлъ защищать дверь въ кабинетъ великаго князя, но получилъ 14 ударовъ штыкомъ; три камердинера Фельдманъ, Курочкинъ и Сылтуновъ имѣли ту же участь. Увѣряютъ, что мятежники проникли въ кабинетъ и, не найдя тамъ в. князя, считали себя спасенными и поспѣшили выйти. Выходя изъ подъѣзда, одинъ изъ этихъ господъ выстрѣлилъ изъ ружья; вѣроятно, это былъ условный сигналъ. Въ ту же минуту Podchoragi (пѣхотные юнкера), помѣщавшіеся въ Лазенкахъ, въ флигелѣ королевскихъ кухонъ, напали на гвардейскій эскадронъ улановъ, стоявшій въ караулѣ. Они явились въ конюшню, перебили фонари, убили нѣсколько человѣкъ и лошадей, но отбитые съ урономъ потеряли одного изъ своихъ, убитаго собственноручно дежурнымъ офицеромъ, г. Саваневскимъ. Въ это время въ казармахъ трехъ кавалерійскихъ полковъ гвардіи раздался призывъ сѣдлать лошадей. 4-й эскадронъ былъ готовъ первый и галопомъ примчался въ Бельведеръ. Юнкера хотѣли остановить нашъ 1 эскадронъ, слѣдовавшій за нимъ, и начали стрѣлять по немъ изъ-за деревьевъ; но или они худо цѣлились или не имѣли достаточно пуль. Имъ удалось ранить только одного человѣка, а другого задѣли по плечу (Попова 4-го взвода). Капитанъ Лѣсниковъ, дежурный по полку, находился при эскадронѣ; онъ скомандовалъ во фронтъ, и все утихло. Тогда эти господа отправились по новой дорогѣ въ городъ, гдѣ присоединились къ прочимъ мятежникамъ. Пожаръ, вспыхнувшій возлѣ арсенала, привлекалъ толпы народа, а студенты и другіе гражданскіе участники заговора старались взволновать его возгласами: do broni Polacy! москали убиваютъ поляковъ! Одинъ бата-

ліонъ четвертаго полка, не бывшій въ караулѣ, и нѣсколько гренадерскихъ ротъ ворвались въ арсеналъ и, выбрасывая оружіе въ окно, предлагали народу воспользоваться имъ. Волынскій полкъ, подъ командою полковника Овандера съ 4 пушками учебной артиллеріи, бывшими въ его казармахъ, двинулся на защиту этого пункта, столь важнаго по числу заключавшагося въ немъ всевозможнаго оружія (тамъ было около 80.000 ружей). Но было уже поздно. Непріятель былъ силенъ; *Наливки* (Naliwki) и баталіонъ саперовъ выходилъ изъ казармъ въ тылу нашей колонны, которая могла такимъ образомъ очутиться между двухъ огней и поэтому была принуждена возвратиться въ казармы, а затѣмъ присоединилась на парадномъ плацу къ Литовскому полку и къ 10 гренадерскимъ ротамъ, оставшимся вѣрными. Тутъ они получили отъ великаго князя приказаніе находиться въ оборонительномъ положеніи и прибѣгнуть къ силѣ лишь въ томъ случаѣ, когда сами поляки напали бы на нихъ.

Почти весь городъ былъ въ рукахъ мятежниковъ. Биржа и банкъ были заняты возмутившимися гренадерскими ротами и свободными гренадерскими баталіонами, которыхъ удерживалъ нѣкоторое время своимъ присутствіемъ ген. Стасъ Потоцкій; но когда послѣдній былъ смертельно раненъ, то гренадеры окончательно возмутились. Они убили полковника Сасса, котораго в. князь послалъ узнать о положеніи дѣла. Фурно и Семянтовскій съ горстью солдатъ защищали Саксонскую площадь. Въ этомъ пунктѣ бунтовщики высказали желаніе войти въ переговоры. Генералъ Семянтовскій выступилъ впередъ, но тотчасъ былъ пораженъ пулей и мертвый упалъ съ лошади. Подпрапорщики встрѣтили на пути ген. Трембицкаго и предложили ему стать во главѣ ихъ; онъ отказалъ; они протащили его съ угрозами до арсенала, гдѣ онъ наконецъ погибъ жертвою своей вѣрности. Военный министръ, ген. Гаукъ также имѣлъ несчастіе встрѣтить этихъ изверговъ; они вытащили его изъ кареты и безчеловѣчно убили противъ дворца намѣстника. Русскіе генералы: Исаковъ, Энгельманъ, ген.-лейтенантъ Рихтеръ, адъютанты Е. В.: Бутурлинъ, Грессеръ 1-й были взяты въ плѣнъ; послѣдній, упавъ раненый съ лошади, терпѣлъ всевозможныя оскорбленія со стороны черни, какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти и былъ перенесенъ въ караульню арсенала, гдѣ онъ два дня лежалъ безъ перевязки. Генералъ Новицкій, полякъ, ѣхалъ въ государственный совѣтъ. Группа разъяренныхъ бунтовщиковъ остановила его: „Кто ѣдетъ?“ — „Генералъ Новицкій“, отвѣчалъ онъ. Толпѣ послышалось Левицкій, и онъ былъ безжалостно убитъ. Ген. Блумеръ, полякъ, также былъ убитъ близъ арсенала. Необуз-

данные солдаты и чернь, какую можно встрѣтить только въ Варшавѣ, опьяненная кровью и виномъ, предаются всевозможнымъ безчинствамъ. Вслѣдствіе разграбленія арсенала толпа вооружена саблями, ружьями и т. п. Всюду водружаютъ бѣлую кокарду, несмотря на старанія нѣсколькихъ французовъ, каковы Жиранъ или Жираръ. Нѣкто Жирардо, хирургъ, состоящій при графѣ Красинскомъ, очень желалъ, чтобы было поднято трехцвѣтное знамя. Такъ ужасно прошла ночь съ 17 на 18 число. Мы провели ее, какъ я уже сказалъ, около Бельведера.

Вторникъ, 18/30 ноября.

Въ 4 часа утра я отправился въ Бельведеръ за знаменами нашего полка. Печальное, тяжелое зрѣлище представлялъ этотъ дворецъ. Въ сѣняхъ разбитыя окна, на лѣстницѣ кровь, въ камердинерской ею былъ залитъ весь полъ и стѣны; въ комнатахъ царствовалъ полнѣйшій безпорядокъ, всюду укладывали, уносили вещи, какъ на пожарѣ, и точно такъ же, какъ во время пожара, укладывались пустяки, а нужное забывалось; поэтому случилось, что великому князю и великой княжнѣ въ дорогѣ не хватило бѣлья. Во дворѣ стояли запряженные экипажи; я замѣтилъ между ними карету прусскаго генеральнаго консула, г. Шмидта. Онъ явился, по его словамъ, за приказаніями Его Высочества, но я полагаю, что онъ скорѣе искалъ убѣжища отъ черни. Въ комнатѣ дежурнаго адъютанта (деж. былъ Трембицкій) были раненые; вице-президентъ Любовицкій и нашъ поручикъ Дерфельденъ 1, раненый въ бедро. Каждую минуту ожидали, что первый изъ нихъ скончается; рана второго считалась легкою. На другой день оба были перенесены въ госпиталь Уяздова (Ouiasdoff); Любовицкій выздоровѣлъ черезъ три недѣли, а Дерфельденъ умеръ черезъ мѣсяцъ.

Въ 10 часовъ великій князь получилъ извѣстіе, что мятежники двигались черезъ Новый Свѣтъ и повидимому намѣревались напасть на насъ. Въ мигъ всѣ были на лошадяхъ; генералъ Кнорингъ, полагая, какъ и всѣ, что насталъ часъ дѣйствовать, обратился къ солдатамъ съ маленькой рѣчью. Всѣ обнажили сабли, подтянули стремена, — но пришлось отступить. „По три направо кругомъ!“ скомандовалъ великій князь, и мы вышли изъ Варшавы послѣ 17-ти лѣтняго пребыванія въ этомъ городѣ. Съ этой минуты великій князь потерялъ надежду возвратиться въ Варшаву, иначе какъ по слѣдамъ русской арміи. „*Прощай, Варшава!*“ Brzese протягиваетъ намъ руки. Съ этихъ же поръ онъ хотѣлъ возложить всю вину на поляковъ и избѣгать столкновенія съ ними русскихъ войскъ. Наши аванпосты, расположенные возлѣ церкви Св. Але-

ксандра, были заняты польскими отрядами, оставшимися вѣрными, именно нѣсколькими ротами пѣшихъ линейныхъ егерей и храбрымъ и вѣрнымъ полкомъ конныхъ егерей гвардіи. „Я хочу", говорилъ в. к., „чтобы это была не національная, а гражданская война". Наша пѣхота, все еще стоявшая на парадномъ плацу, получила приказаніе, также какъ пѣшая артиллерія, находившаяся въ Гура, и конная артиллерія, бывшая въ Скерневицахъ, присоединиться къ намъ въ Мокотовской равнинѣ, гдѣ мы расположились бивуакомъ. Княгиня Ловичъ и нѣсколько русскихъ дамъ, выѣхавшихъ изъ Варшавы, а также главная квартира находились въ Виржбѣ, помѣстьѣ г. Миттона, на шоссе. Это былъ мой первый бивакъ, на которомъ я могъ предвкусить всѣ ужасы войны. Солдаты грабили окрестные дома и деревни, разносили сараи и крыши. Хорошенькая дача г-жи Ванзовичъ была разграблена въ четверть часа; словомъ, солдаты, до крайности раздраженные голодомъ и лишеніями, которыя имъ приходилось переносить, предались съ такимъ неистовствомъ мародерству и грабежу, что пришлось употреблять строгія мѣры; двухъ или трехъ солдатъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, схватили, предали суду, приговорили къ смерти и повели на мѣсто казни, но тутъ они были помилованы в. княземъ. Въ то же время въ городѣ совершались не менѣе ужасныя вещи. Предводители мятежа, желая привлечь на свою сторону народъ, предоставили ему на разграбленіе русскій военный комиссаріатъ, гдѣ находилось въ то время денегъ на нѣсколько милліоновъ; все было ограблено; вечеромъ и въ послѣдующіе дни сторублевыя бумажки продавались по дукату и еще менѣе. Понизилась даже цѣнность серебрянаго рубля. Въ другомъ кварталѣ грабили домъ коменданта Левицкаго; все, что негодяи не могли унести, было сломано или сожжено; бѣдная M-me Левицкая съ ея четырьмя дочерьми и сыномъ спаслись какимъ-то чудомъ, перелѣзши черезъ стѣну. Нѣсколько лавокъ и кабаковъ были взяты со взломомъ; многія жены русскихъ офицеровъ, которыя не могли послѣдовать за своими мужьями, ограблены и оскорблены.

Богъ знаетъ, до чего дошли бы эти безчинства, и чего бы не сдѣлала эта необузданная чернь, если бы ген. Хлопицкій, взявшій командованіе войсками, не успѣлъ своею твердостью возстановить порядокъ, или, лучше сказать, не объединилъ бы безпорядокъ. Въ ночь съ 20—21 нояб. къ намъ присоединились Литовскій и Волынскій полкъ, нѣсколько вѣрныхъ ротъ польскихъ гренадеръ, русскій учебный баталіонъ, стоявшій въ Блони, пѣшая и конная артиллерія; они стояли лагеремъ возлѣ насъ всю среду и четвергъ.

Среда 19 нояб.—1 дек. Четвергъ 20 нояб.—2 дек.

Мы ожидали извѣстій изнутри Россіи. Было извѣстно, что мятежники разослали всѣмъ полкамъ приказанія идти въ Варшаву, но великій князь повидимому надѣялся еще, что они не перейдутъ на сторону виновныхъ, и что съ ихъ помощью можно будетъ наказать бунтовщиковъ. Однако извѣстія, доходившія изъ города, были не утѣшительны; ихъ сообщали намъ плѣнные, бѣглые и адъютантъ Замойскій, который съ этой минуты измѣнилъ русскимъ и одинъ только могъ расхаживать по улицамъ. Правительственный совѣтъ, подчиненный вполнѣ вліянію кн. Любецкаго, дѣйствовалъ нерѣшительно, или подъ вліяніемъ страха или отъ желанія измѣнить намъ; въ составъ его были приняты лица, фигурировавшія всегда въ рядахъ оппозиціи и поэтому любимцы студентовъ и молодежи. Наконецъ, въ ночь на 21 число, генералъ Шембекъ прибылъ въ Волю, во главѣ 1-го и 3-го бат. пѣхотныхъ егерей. Мы надѣялись, что они присоединятся къ намъ; 1-й егерскій полкъ, шефомъ котораго со времени организаціи польской арміи былъ Императоръ Николай, пользовался постоянно его особенной милостью: самъ ген. Шембекъ былъ адъютантомъ Е. В. и теперь еще состоялъ въ свитѣ. Великій князь посылалъ къ нему адъютанта за адъютантомъ, приглашая его присоединиться къ намъ. Онъ увѣрилъ Е. В. въ своей преданности и въ вѣрности своей бригады, далъ честное слово, что пришелъ съ намѣреніемъ образумить поляковъ и двинулся сопровождаемый благословеніями. Нѣсколько минутъ спустя онъ вступалъ церемоніальнымъ маршемъ въ Варшаву, и такъ какъ онъ первый изъ провинціальныхъ военачальниковъ присоединился къ мятежникамъ, то, разумѣется, былъ героемъ дня, идоломъ въ глазахъ черни.

Пятница 21 нояб.—3 дек.

Эта неожиданная измѣна разрушила всѣ планы, всѣ надежды великаго князя. Гренадеры, съ самаго начала высказавшіе намѣрѣніе не поднимать оружія противъ согражданъ, начинали теперь проявлять желаніе присоединиться къ нимъ. Роты пѣшихъ егерей также были въ нерѣшительности. Одни конные егеря выказывали слѣпую, безграничную преданность. Наше положеніе съ каждой минутой становилось болѣе критическимъ; примѣру Шембека могла послѣдовать вся армія; польскіе полки, стоявшія въ Мазовецкомъ и Краковскомъ воеводствѣ, могли напасть на насъ съ тыла, между тѣмъ какъ впереди находился весь гарнизонъ Варшавы, поддерживаемый возбужденнымъ населеніемъ, имѣвшимъ въ распоряженіи 8.000 ружей, найденныхъ въ арсеналѣ. Въ Вижбо, гдѣ нахо-

дился великій князь, прибыла депутація временнаго правительства. Я не знаю подробностей ихъ свиданія, но результатомъ его было родъ перемирія. Съ одной стороны, великій князь отослалъ въ Варшаву плѣнныхъ, заключенныхъ въ послѣдніе дни, и войска, оставшіяся вѣрными; съ другой, генералъ Хлопицкій, исполнявшій роль диктатора, хотя оффиціально и не носилъ еще этого титула, обѣщалъ снабдить насъ всѣмъ необходимымъ и обезпечить намъ свободное отступленіе до русской границы. Польскія газеты прибавили впослѣдствіи, будто великій князь обѣщалъ склонить Императора возвратить Польшѣ провинціи, присоединенныя къ Россіи по 3-му раздѣлу. Тогда обвиняли и до сихъ поръ обвиняютъ еще великаго князя въ томъ, что, заключивъ этотъ родъ трактата, онъ тѣмъ самымъ поощрилъ мятежниковъ. Послѣдній пунктъ, безъ сомнѣнія, не болѣе какъ выдумка; что же касается остальныхъ, то мы не могли предпринять ничего иного. Благопріятная минута прошла; теперь не было возможности напасть на бунтующій городъ; это повело бы лишь къ потерѣ семитысячнаго корпуса. Въ особенности было важно сохранить и обезпечить личность великаго князя.

Въ 11 часовъ утра мы начали отступленіе. Прощанье съ конными егерями были раздирающее. Насъ оставили всѣ поляки, состоявшіе при главной квартирѣ. Ген. Красинскій и Курнатовскій заливались слезами; они считали, что идутъ на смерть. При великомъ князѣ остался одинъ только ген. Рожненкій, котораго поляки слишкомъ ненавидѣли, чтобы онъ могъ надѣяться по возвращеніи въ городъ избѣжать ихъ мести; изъ адъютантовъ остались полковникъ Фурно, разыгрывавшій еще роль человѣка преданнаго, и капитанъ Трембицкій, опасавшійся раздѣлить участь брата. Ген. Мале, или Малетоки, также сопровождалъ насъ почти до Гуро; но онъ имѣлъ при этомъ въ виду найти только удобную минуту, чтобы, подобно ген. Бонтемо, попасться въ руки поляковъ; это былъ ловкій маневръ перейти на сторону непріятеля. Въ рядахъ войска вѣрность правительству высказалась также разсчетливо. Одинъ офицеръ 4-го линейнаго полка, стоявшій въ караулѣ на Саксонской площади, также не хотѣлъ со своими солдатами оставить насъ. Его опредѣлили въ Митавскій полкъ; во время похода онъ получилъ Владимірскій крестъ и былъ убитъ при штурмѣ Варшавы.

Мы направились къ Гурѣ, гдѣ надѣялись переправиться черезъ Вислу. Ничто не могло быть печальнѣе нашего движенія. Мы были принуждены тащить за собою цѣлую вереницу экипажей, наполненныхъ женщинами, стариками, дѣтьми, которымъ удалось спастись; одни оплакивали потерю своего имущества, другіе смерть родныхъ,

и всѣ, не имѣя лишней одежды, страдали отъ холода. Офицеры и солдаты, плохо одѣтые, впроголодь, также оставили въ Варшавѣ свое имущество, надежды и счастье. Всѣ вздыхали по Литвѣ, но приходилось еще прежде переправиться черезъ Вислу, а Богъ одинъ знаетъ, допустятъ ли это поляки. Все это до того омрачало картину, что нашъ походъ напоминалъ скорѣе погребальное шествіе. За войскомъ въ безпорядкѣ тянулись длинныя вереницы каретъ, колясокъ, бричекъ, дрожекъ, телѣгъ и т. д., полныхъ женщинъ и дѣтей; солдаты терпѣли недостатокъ во всемъ, и покинувъ все свое имущество въ Варшавѣ, движимые голодомъ и отчаяніемъ, неистово предались мародерству. Никогда не забыть мнѣ нашъ бивакъ на улицахъ Гуры; мы прибыли туда довольно поздно вечеромъ; улицы были уже полны народа, и войско съ трудомъ могло двигаться въ толпѣ. Гостиницы, частные дома, хижины—все наполнилось голоднымъ людомъ, который требовалъ за свои деньги поѣсть подобно тому, какъ разбойникъ требуетъ жизнь или кошелекъ. Тутъ посылаютъ за соломой и сѣномъ, тамъ ломаютъ заборъ на дрова, сто командъ съ разныхъ полковъ мечутся во всѣ стороны за разными потребами; темнота ночи не позволяетъ офицерамъ смотрѣть за солдатами. Со всѣхъ сторонъ слышны крики грабимыхъ жителей и визгъ издыхающихъ животныхъ. Наконецъ запылали костры, заварили кашу, и мародеры начали стекаться къ своимъ мѣстамъ, отягощенные разной добычей. По неосторожности, другіе говорятъ—по злоумышленію загорѣлся какой-то домъ и освѣтилъ сію ужасную картину бѣдствій войны. Для меня, не имѣвшаго понятія о войнѣ, это было хорошій дебютъ. Я прочувствовалъ вполнѣ всѣ ея ужасы тѣмъ болѣе, что самъ былъ одною изъ жертвъ. Не имѣя при себѣ ни одного денщика, въ одномъ мундирѣ и полуобгорѣломъ плащѣ, я вѣроятно умеръ бы вмѣстѣ съ моей бѣдной лошадью отъ холода и голода, если бы меня не спасли своими заботами и своею дружбою храбрые солдаты моего 4-го взвода. Во время этого отступленія они были для меня слугами, поварами, конюхами и друзьями. Они отплатили мнѣ съ лихвой мои попеченія о нихъ въ Варшавѣ. Я также много обязанъ Константину Ивановичу Килю, который мнѣ былъ отцомъ и благодѣтелемъ. Ни я, ни мои дѣти никогда не должны забывать его.

Суббота, 22 нояб.—4 дек.

Мы оставили Гуру на разсвѣтѣ, все еще въ полной увѣренности, что поляки преслѣдуютъ насъ.

На одной почтовой станціи задержали дилижансъ, ѣхавшій съ юга. Кажется, при немъ нашли около 2.000.000 флориновъ и между

прочимъ много банковыхъ облигацій; такъ какъ распространился слухъ, что нашъ корпусъ нуждался въ деньгахъ, то Е. Высочество велѣлъ забрать всю звонкую монету. Можетъ быть, это былъ только одинъ слухъ; я не подтверждаю его достовѣрность.

Неурядица все та же, но къ счастію становится темнѣе, что значительнѣе облегчаетъ намъ движеніе. Подъ вечеръ мы прибыли къ мѣстечку Реживола; тутъ намъ не позволили даже расположиться, и мы устроили бивакъ за городомъ.

Опять повторились тѣ же сцены грабежа и разоренія. Мы рѣшительно направились на Пулавы, намѣреваясь въ этомъ пунктѣ переправиться черезъ Вислу. Неизвѣстно, дозволитъ ли намъ исполнить это рота конной артиллеріи, стоящая въ этомъ мѣстечкѣ.

Воскресенье, 23 нояб.— 5 дек.

Сегодняшній переходъ довольно легкій. Главная квартира находится въ Цециковѣ. Нашъ полкъ стоитъ въ окрестностяхъ Кошеницы. 4-й взводъ занимаетъ несчастную деревеньку Вулна Тежинска. Я первый разъ нахожусь одинъ на квартирахъ съ моими храбрыми солдатами. Это одиночество тяжело дѣйствуетъ на меня, заботы солдатъ о моемъ обѣдѣ оживляютъ меня.

Меня занимаетъ новость моего положенія. Я былъ бы почти доволенъ своею судьбой, если бы зналъ что-нибудь положительное о нашемъ возвращеніи въ Россію. Вѣкъ живи, вѣкъ учись. Здѣсь я узналъ въ первый разъ, что въ Польшѣ есть крестьяне, которые никогда не ѣдятъ хлѣба. Какая бѣдность!

Понедѣльникъ, 24 нояб.—6 дек.

Мы выступили рано утромъ; дорога хороша; погода очень теплая, мы шли легко и весело. Великая княгиня опередила насъ съ уланскимъ полкомъ и 4 пушками. Она была уже въ Гура Пулавска, напротивъ Пулавы, гдѣ должна была совершиться переправа. Мы подходили къ маленькому городку, гдѣ должны были переночевать, какъ вдругъ Винцингероде, одинъ изъ гусарскихъ офицеровъ, бывшій въ аріергардѣ, прискакалъ во весь опоръ съ извѣстіемъ, что поляки атаковали насъ, ген. Пенхержевскій раненъ и взятъ въ плѣнъ, и одинъ эскадронъ разбитъ на голову. Всѣ ужаснулись при этомъ страшномъ извѣстіи. Надобно было побѣдить или умереть. Великой княгинѣ послали сказать, чтобы она вернулась. Его Высочество поскакалъ въ аріергардъ, а мы поспѣшили занять позицію передъ Гневажевымъ. Минута была ужасная, тутъ шелъ вопросъ о жизни; тутъ я увидѣлъ, какъ на войнѣ дурныя извѣстія передаются быстро, и какъ въ то же время каждый увеличиваетъ ихъ по своему усмотрѣнію.

Не прошло четверти часа, какъ уже разсказывали, какъ достовѣрный фактъ, что на насъ готовилась напасть цѣлая дивизія конныхъ егерей. Между тѣмъ весь этотъ переполохъ былъ не болѣе, какъ слѣдствіе паническаго страха. Ген. Пенхержевскій, отправляя свою жену въ Варшаву, замѣшкался на ночлегѣ. Въ то время, какъ онъ прощался съ супругой, прибыли два эскадрона конныхъ егерей, конвоировавшіе насъ съ самой Варшавы. Офицеры окружили его, даже солдаты этого храбраго полка казались счастливы повидать его. Между тѣмъ слугою его овладѣлъ страхъ; онъ побѣжалъ къ нашему аріергарду съ извѣстіемъ, что его баринъ взятъ въ плѣнъ, и отсюда весь переполохъ. Мы провели ночь въ городкѣ Тулвашева Граница. Это два мѣстечка, соединенныя вмѣстѣ, но они не стоятъ однако порядочнаго.

Вторникъ, 25 нояб.—7 дек.

Мы оставили мѣсто стоянки на зарѣ; погода была пасмурная, сырая; этотъ день долженъ былъ рѣшить для насъ вопросъ о существованіи, гамлетовскій—быть или не быть. Сердце у меня сильно билось, подходя къ желанной переправѣ.

Наконецъ мы достигли берега Вислы; три жалкихъ парома были къ нашимъ услугамъ; мы медленно принялись за дѣло; я горѣлъ нетерпѣніемъ; по ту сторону ожидала насъ родина и честь, здѣсь мы имѣли въ перспективѣ Кавдинское ущелье.

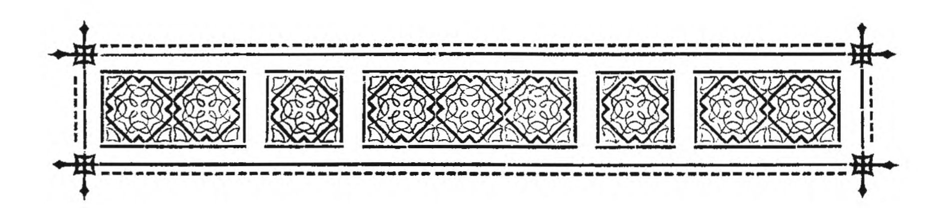
Въ ту минуту, когда мы были на срединѣ рѣки, солнце выглянуло изъ за-тучъ, туманъ разсѣялся, и мы пристали къ правому, столь желанному берегу Вислы въ самую восхитительную погоду. Разумѣется, поляки оказали намъ большую услугу, давъ намъ спокойно переправиться черезъ Вислу; одной артиллеріи, стоявшей въ Пулавѣ, было достаточно, чтобы остановить насъ. Въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы продолжать наше тяжкое отступленіе на Краковъ, силою оружія проникнуть въ этотъ городъ, который, конечно, не принялъ бы добровольно; нарушивъ такимъ образомъ нейтралитетъ этой мнимой республики, намъ пришлось бы наконецъ просить у Австріи разрѣшенія пройти въ Россію черезъ Галицію.

Какая прекрасная тема для французскихъ журналистовъ! Не считая еще, что въ силу договоровъ мы не могли бы пройти по австрійскимъ владѣніямъ иначе, какъ сложивъ оружіе, что не было бы особенно почетно для русской императорской гвардіи. Это благодѣяніе было однимъ изъ послѣдствій страннаго образа дѣйствій Хлопицкаго, которымъ онъ хотѣлъ или усыпить Россію или обмануть поляковъ. Словомъ, результатомъ этого была наша переправа,

между тѣмъ какъ батарея Вейсплокъ, занимавшая Пулаву, очистила его и направилась въ Варшаву, а мы, размѣстившись на хорошихъ квартирахъ въ окрестностяхъ Конскіо Вола, остановились на дневной отдыхъ. Я былъ помѣщенъ вмѣстѣ съ кап. Килемъ у добраго слѣпого нѣмца, и первый разъ по прошествіи 8 дней могъ выбриться, вымыться и раздѣться. Одежда моя была въ лохмотьяхъ. Кап. Киль одолжилъ мнѣ одну изъ своихъ трехъ рубашекъ; одинъ изъ моихъ кирасиръ, по фамиліи Голынскій, далъ мнѣ свои брюки, и благодаря 5 д. (?), которыми в. князь приказалъ ссудить всѣхъ офицеровъ, я могъ купить себѣ пару носокъ и сапоги.

Вел. князь провелъ этотъ день въ Гура Пулавская, онъ отправился верхомъ, въ сопровожденіи одного только адъютанта, къ старой княгинѣ Чарторыйской, матери кн. Адама и къ г-жѣ Замойской, жившимъ въ Пулавѣ.

Къ 200 лѣтней годовщинѣ сраженія при д. Лѣсной.

28 сентября текущаго года минетъ 200 лѣтъ со для достопамятнаго сраженія при дер. Лѣсной [1]), въ которомъ войсками нашей молодой регулярной арміи, созданной [2]), обученной и воспитанной подъ личнымъ руководствомъ царя Петра I, была одержана первая рѣшительная побѣда надъ шведами. Сраженіе это было серьезнымъ испытаніемъ нашимъ войскамъ, и блестящій результатъ его, вообще чреватый своими послѣдствіями во всѣхъ отношеніяхъ, оказалъ громадное вліяніе на дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій, завершившихся, спустя 11 мѣсяцевъ, полнымъ разгромомъ шведской арміи подъ Полтавою.

Предварительно изложенія въ общихъ чертахъ хода боя при д. Лѣсной, скажемъ нѣсколько словъ о военныхъ событіяхъ, непосредственно предшествовавшихъ этому бою.

28 августа 1708 года русская армія отошла за р. Наппу и расположилась у сел. Добраго, гдѣ, спустя два дня, шведамъ нанесенъ былъ порядочный уронъ, хотя съ нашей стороны въ этой стычкѣ участвовало только два гвардейскихъ полка.

---

[1]) Въ Могилевской губерніи, къ сѣв. отъ г. Пропойска.

[2]) По указу царя Петра I, отъ 8 ноября 1699 года, объявленъ былъ наборъ со всего государства новыхъ солдатскихъ пѣхотныхъ и драгунскихъ полковъ взамѣнъ прежде бывшихъ стрѣльцовъ, и это рѣшеніе состоялось въ предвидѣніи войны со Швеціею. Сначала образовано было 27 пѣхотныхъ и 2 драгунскихъ полковъ, распредѣленныхъ на три генеральства или дивизіи (генераловъ: Репнина, Головина и Вейде). Численный составъ пѣхотныхъ полковъ опредѣленъ былъ въ 35 офицеровъ и 1.000 нижнихъ чиновъ, но затѣмъ до 1711 года постоянно видоизмѣнялся. (Исторія 131 пѣх. Тираспольскаго полка. Сост. М. Михайловъ. 1900 г. Ч. I.),

О дѣлѣ у с. Добраго Петръ I писалъ такъ [1]): „Какъ я началъ служить, такаго огня и порядочнаго дѣйствія отъ нашихъ солдатъ не слыхалъ и не видалъ (дай Боже и впредь такъ) и такаго еще въ сей войнѣ король шведскій ни отъ кого самъ не видалъ; Боже, не отыми отъ насъ милость твою впредь“, а Екатеринѣ Петръ I писалъ: „правда, что я какъ сталъ служить, такой игрушки не видалъ; однако же, сей танецъ, въ очахъ горячаго Карлуса, изрядно станцовали“ [2]).

30 августа въ главной квартирѣ нашей арміи получено было извѣстіе, что Левенгауптъ съ 15 т. шведскихъ войскъ [3]), собранныхъ въ Лифляндіи и Курляндіи, и съ 7 т. повозокъ съ боевыми и продовольственными запасами, идетъ на соединеніе съ Карломъ XII. На военномъ совѣтѣ рѣшено было не допускать этого „слученія“ [4]), для чего и сформированы были два отряда—одинъ, подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева для дѣйствій противъ Карла XII, а другой—летучій—подъ личнымъ начальствомъ царя Петра I для преслѣдованія Левенгаупта, при чемъ, для ускоренія похода, пѣхота этого послѣдняго отряда посажена была на лошадей, а обозъ былъ исключительно вьючный [5]). Въ составъ ле-

---

[1]) Исторія Л.-Гв. Семеновск. полка. Составилъ П. Диринъ. Т. I, гл. IV, стр. 86.

[2]) Потеря шведовъ была болѣе 1.000 убитыми и ранеными (по русской реляціи до 2 т. убитыми), 6 знаменъ и 4 орудія. Потери русскихъ: убито 89 и ранено 90 офиц. и 258 нижн. чиновъ. (Исторія Л.-Гв. Семеновск. полка. Сост. П. Диринъ. Т. I, гл. IV, стр. 86).

[3]) Первоначально свѣдѣнія о составѣ этого отряда были не точны, и полагали, что онъ не превышаетъ 7 тысячъ (Энциклоп. воен. и морск. наукъ. Сост. подъ ред. Леера. Т. IV. стр. 624.).

[4]) Исторія Л.-Гв. Семеновск. полка. Сост. П. Диринъ. Т. I, гл. IV, стр. 86.

[5]) 4 сентября отрядъ этотъ выступилъ изъ Мстиславля на Мисновичи, Перепечи и Соболево (на границѣ Смоленской области и Польши), оставивъ по пути въ м. Григорково колесный обозъ. 15 сентября отрядъ, уже налегкѣ, т. е. съ вьючнымъ обозомъ, двинулся далѣе на югъ для преслѣдованія Левенгаупта (Энциклопедія воен. и мор. наукъ. Т. IV, стр. 624 и Исторія Л.-Гв. Семеновск. полка. Т. I, гл. IV, стр. 86).

Между прочимъ, пѣхотные наши полки состояли тогда изъ двухъ баталіоновъ по 4 роты въ каждомъ и назывались (кромѣ трехъ гвардейскихъ бывшихъ пѣхотныхъ) по именамъ первыхъ своихъ командировъ, а позднѣе указомъ 10 марта 1708 г., полки названы были по областямъ, преимущественно тѣмъ, гдѣ были первоначально сформированы; вооружены были нижніе чины: 2/3 ружьями съ багенетами, замѣнявшими тесакъ и штыкъ и 1/3 пиками и шпагами. Багенеты замѣнены были трехгранными штыками въ 1711 году. (Исторія 131 пѣх. Тираспольскаго полка. Сост. М. Михайловъ. Изд. 1900. Кіевъ. Стр. 2—4—11. Въ Петровское время этотъ полкъ назывался полкомъ Ивана Англера, а съ 1708 года Пермскимъ). Драгунскіе

тучаго отряда вошли слѣдующія части: Преображенскій, Семеновскій и Ингерманландскій пѣхотные полки, одинъ баталіонъ Астраханскаго [1]) пѣх. полка [2]), 10 драгунскихъ полковъ и нѣсколько сотенъ казаковъ и калмыковъ (4.830 ч. пѣхоты и 6.975 ч. конницы, а всего 11.800 ч.) [3]).

Послѣ 11 дней марша, 27 сентября, Петръ I настигъ отрядъ Левенгаупта, остановившійся у д. Долгіе Мхи. Стычка ограничилась канонадою, и шведы ночью, пользуясь густымъ туманомъ, потянулись черезъ лѣсъ и болото къ дер. Лѣсной, гдѣ и заняли позиціи: передовую (шестью батальонами) и главную—впереди названной деревни, тыломъ къ р. Лѣснянкѣ [4]). На разсвѣтѣ 28 сентября, войска наши, переправившись черезъ р. Гисту, двинулись для преслѣдованія шведовъ—двумя колоннами: *правою*—подъ личнымъ начальствомъ Петра I (Преображенскій и Семеновскій полки

полки назывались также сначала по именамъ своихъ командировъ и были 8-ми ротнаго состава, по 100 чел. въ каждой ротѣ; вооруженіе было простое. Поверхъ кафтана крестъ на крестъ надѣвались двѣ широкія лосиныя перевязи, изъ которыхъ на одной висѣла лядунка, а на другой—ружье (дуло внизъ). На поясной портупеѣ висѣлъ широкій палашъ, а при сѣдлѣ въ открытой чушкѣ—пистолетъ. (Исторія 1 Лейбъ-драгунскаго Московскаго Императора Александра III полка. Сост. Шебякинъ. 1894. Тверь. Стр. 5. Въ Петровское время этотъ полкъ назывался драгунскимъ Ефима Гулица полкомъ).

[1]) Въ поясненіяхъ на одномъ планѣ сраженія при д. Лѣсной, изложенныхъ на французскомъ языкѣ (В. Уч. Ар. Гл. Шт.), между прочимъ сказано слѣдующее:

„Le regiment d'infanterie d'Ingrie et celui des dragons de la Newa, ayant avancé jusqu'à la lisière du bois se trouvèrent attaqués par l'énnemi; cette circonstance détérmina la colonne droite à se rabattre sur sa gauche pour appuyer les troupes engagées. Le regiment de Sémenovsky se mit en ligne avec celui d'Ingrie et celui de Préobragensky; prit en flanc la gauche des Suédois qui rétrogradèrent en désordre sur le gros de leurs forces, portées en avant du Village de Lésnaia".

[2]) Хотя нынѣшній Астраханскій гренадерскій полкъ и сформированъ въ 1790 году изъ 8 ротъ Вологодскаго (Романа Брюса) и 2 ротъ Ингерманландскаго полковъ, тѣмъ не менѣе *онъ* является *продолжателемъ* стараго Петровскаго Астраханскаго (Александра Гордона) полка, баталіонъ коего участвовалъ въ сраженіи при д. Лѣсной, ибо и историческое Петровское знамя сего полка, съ Высочайшаго соизволенія, хранится, какъ регалія, въ нынѣшнемъ 12 Гренадерскомъ Астраханскомъ Императора Александра III полку. (По выдержкѣ изъ краткой исторіи сего полка).

[3]) Первоначально, въ составѣ летучаго отряда Царя Петра I находился только Невскій драгунскій полкъ, а остальные драгунскіе полки, подъ командою генерала Баура, присоединились къ отряду въ день сраженія при д. Лѣсной 28 сентября. (Энцикл. воен. и морск. наукъ. Т. IV, стр. 624).

[4]) Тотъ же источникъ; стр. 624.—Исторія л.-гв. Семен. полка, стр. 86—88. «Воен. Ист.» сост. полк. Россійскій и Сухомлинъ, стр. 75—76.

и батальонъ Астраханскаго полка) изъ д. Лопатичи проселкомъ черезъ лѣсъ и *лѣвою*—подъ командою полковника Кампбелля (Невскій драгунскій и Ингерманландскій пѣхотные полки) по большой дорогѣ, и около полудня настигли противника. Начался бой. Первоначально, шведы, бросившіеся на нашъ лѣвый флангъ, имѣли успѣхъ и даже взяли 4 орудія, но подоспѣвшій Семеновскій полкъ энергическою атакою поправилъ дѣло [1]), и шведы вынуждены были отступить на свою главную позицію, при чемъ нами не только обратно отбиты были 4 орудія, но и захвачены два шведскихъ. Въ 3 часа бой временно прекратился. Петръ I ожидалъ драгунскіе полки Баура, спѣшившіе изъ Кричева, а шведы—свой авангардъ отъ Пропойска [2]). Этотъ временный отдыхъ на полѣ сраженія въ „юрналѣ“ Петра I былъ слѣдующими словами описанъ: „зѣло дивно было видѣть, будто бы непріятели между собою были такъ кротки и, близко другъ отъ друга сидя,—отдыхали“ [3]).

Въ 5 часовъ по-полудни прибылъ Бауръ съ драгунами, а къ шведамъ ихъ 3-хъ тысячный авангардъ, и бой возобновился сначала канонадою, за которою вскорѣ началась общая атака нашихъ войскъ, завершившаяся жестокою рукопашною схваткою, продолжавшеюся почти два часа. Шведы были разбиты на голову, и путь отступленія имъ на Пропойскъ прегражденъ. Сильная вьюга съ снѣгомъ и наступившая темнота прекратили бой [4]). Шведы побросали остальныя свои орудія, обозы, больныхъ и раненыхъ и, не имѣя уже возможности отступить на Пропойскъ, сожгли всѣ остальныя, оставшіяся еще при ихъ войскахъ, повозки и въ безпорядкѣ двинулись на д. Глинки, гдѣ и переправились черезъ р. Сожъ вплавь [5]). Дальнѣйшее преслѣдованіе остатковъ шведскаго отряда Левенгаупта нѣсколькими драгунскими полками подъ командою генерала Флуга началось на слѣдующій день, 29 сентября. Побѣда одержана была полная и рѣшительная, и по поводу ея Петръ I писалъ впослѣдствіи такъ: „сія у насъ побѣда можетъ первая назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало; къ тому же еще гораздо меньшимъ числомъ будучи передъ непріятелемъ. И по истинѣ оная виною всѣхъ благопріятныхъ послѣдо-

---

[1]) Исторія л.-гв. Семеновскаго полка. Сост. П. Диринъ. Т. I, гл. IV, стр. 87—88.

[2]) Энциклоп. воен. и морск. наукъ. Т. IV. стр. 624.

[3]) Исторія л.-гв. Семеновскаго полка. Т. I. гл. IV. стр. 88.

[4]) Исторія л.-гв. Семеновскаго полка, стр. 88. Энциклоп. воен. и морск. наукъ. Т. IV, стр. 624.

[5]) Воен. исторія. Сост. полк. Россійскій и Сухомлинъ. Изд. 1905. Часть I, гл. VIII.

ваній Россіи, понеже тутъ первая проба солдатская была, и людей конечно ободрила, и мать Полтавской баталіи, какъ одобреніемъ людей, такъ и временемъ, ибо, по 9 мѣсячномъ времени оное младенца счастіе, произнесла" [1]).

На слѣдующій день 29 сентября, на полѣ сраженія, въ присутствіи Царя Петра I, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ при троекратной пальбѣ изъ пушекъ и ружей [2]).

Наши потери въ этомъ сраженіи состояли изъ 1.111 убитыхъ и 2.856 раненыхъ, а потери шведовъ изъ 8.000 убитыми и ранеными и 876 чел. плѣнными. Трофеями нашими были 10 штандартовъ, 34 знамени, 17 орудій и весь шведскій обозъ [3]).

По полученіи извѣщенія отъ Петра I о побѣдѣ, одержанной при д. Лѣсной, Апраксинъ отправилъ царю слѣдующее письмо [4]): „Всемилостивѣйшій Государь. Премилостивое Вашего Величествія письмо о преславной побѣдѣ надъ непріятелемъ, писанное отъ д. Лѣснаго сентября 29 черезъ адъютанта Пашкова принялъ при Санктъ-Петербургѣ сего октября 9 дня и, воздавъ хвалу всемилостивому Богу съ молебнымъ благодареніемъ и съ пушечною стрѣльбою въ Нарвѣ обще съ господиномъ оберъ-комендантомъ Нарышкинымъ и комендантомъ Зотовымъ и другими офицеры, Вашему Величествію приносимъ поздравленіе и молимъ всемилостиваго Бога, дабы и прочемъ такою жъ милостью окончати изволялъ".

Л. Драке.

[1]) Исторія л.-гв. Семеновскаго полка. Т. I, гл. IV, стр. 88.

[2]) Тамъ же, стр. 88.

[3]) Энциклопедія воен. и морск наукъ. Т. IV, стр. 624. Въ одномъ, напримѣръ, л.-гв. Семеновскомъ полку было убито 3 офицера и 210 ниж. чиновъ и ранено 23 офицера и 493 ниж. чина. (Исторія сего полка, стр. 89).

[4]) Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Вып. V. Сѣв. война на Ингерманландскомъ и Финляндскомъ театрахъ войны. 1708—1741. Соч. А. Мышлаевскаго. Письмо № 30, на стр. 30.

Донесеніе генерала Скобелева начальнику штаба дѣйствующей арміи.

Хаскіой, 8 января 1878 г.

Начальнику Штаба Дѣйствующей Арміи.

Вслѣдствіе приказанія Вашего Высокопревосходительства, вчера, 7-го января, мною была двинута часть ввѣреннаго мнѣ отряда на Хаскіой изъ Германлы.

Авангардъ колонны подъ начальствомъ Командира Углицкаго полка полковника Панютина въ 12-ти верстахъ отъ Германлы наткнулся на турецкій отрядъ (около 6-ти таборовъ и множество вооруженныхъ жителей). Послѣ двухчасового блистательнаго боя, несмотря на то, что у полковника Панютина было всего 4 баталіона и два орудія (3 Углицкіе баталіона и 11-й Стрѣлковый бат.), турки были отброшены, и путь къ Хаскіою свободенъ.

Обозъ Филиппопольскаго населенія, повозокъ около 20 т., остался на дорогѣ.

Потери наши въ этомъ дѣлѣ 46 чел. и 4 офицера.

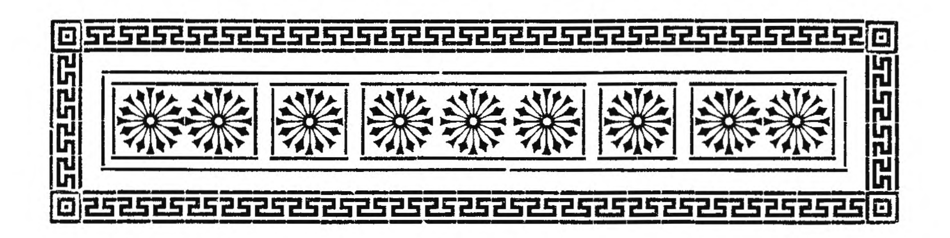
Подходя къ Хаскіою, я вступилъ въ связь со 2-й Гвард. Кавал. дивиз., которая, какъ я тутъ же узналъ, съ утра занимала этотъ городъ.

Вечеромъ 7 января я получилъ отъ г.-м. Струкова донесеніе о паникѣ, распространившейся въ Адріанополѣ. На этомъ основаніи я рѣшилъ воспользоваться положеніемъ дѣлъ и неожиданнымъ появленіемъ подъ стѣнами Адріанополя сильнаго отряда ускорить паденіе этой крѣпости.

Всѣ распоряженія для этого сдѣланы, и сегодня 4 баталіона занимаютъ Мустафа-Паша, куда завтра стянется большая часть отряда. Сосредоточить тамъ же весь отрядъ возможно не ранѣе 14 января.

Генералъ-Лейтенантъ Скобелевъ.

Сообщилъ Д. Скалонъ.

Памяти Григорія Григорьевича Даниловича, какъ выдающагося педагога.

(Личныя воспоминанія и замѣтки бывшаго кандидата-педагога).

---

6 апрѣля, 1906 года, скончался въ Петербургѣ генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи *Григорій Григорьевичъ Даниловичъ*, состоявшій при особѣ Его Императорскаго Величества.

Покойный былъ извѣстенъ, какъ выдающійся педагогъ по военно-учебнымъ заведеніямъ и какъ воспитатель нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича. Жизнь этого, рѣдкаго у насъ и выдающагося дѣятеля,—есть воплощеніе силы и величія духа, которыя проявилъ онъ въ теченіе своей продолжительной жизни, достигнувъ 82 лѣтъ. Этотъ скромный по внѣшнему виду, маститый генералъ, при своихъ богатыхъ талантахъ, обширномъ и глубокомъ умѣ, разностороннемъ образованіи, неутомимой дѣятельности и гуманности, представляетъ собою выдающійся типъ педагога, который онъ выработалъ самобытно, въ благословенную русскимъ народомъ эпоху Царя-Освободителя Александра II.

Покойный Г. Г. много работалъ надъ собой и своимъ самоусовершенствованіемъ духовнымъ, неуклонно достигая высшаго идеала человѣка и педагога. Въ этомъ отношеніи жизнь почившаго теперь Г. Г. представляетъ собою не только историческій интересъ, но и тотъ высоко поучительный примѣръ для всѣхъ насъ, кто трудится для общаго блага и пользы другихъ. Какъ увидимъ далѣе, покойный Г. Г. жилъ и работалъ всецѣло для другихъ, для ближняго.

Въ этомъ, по нашему искреннему и глубокому убѣжденію, заключается поучительный и психологическій интересъ бога-

той силою духа жизни Г. Г., какъ человѣка и педагога. Работая духовно и нравственно надъ собой, Г. Г. неустанно работалъ собственно для другихъ. Этой силой и величіемъ своего самоусовершенствованія духовного онъ неотразимо дѣйствовалъ и на другихъ. Трудно постигнуть личную психологію человѣка, особенно такого сосредоченнаго въ себѣ, человѣка, каковымъ былъ Г. Г.; но у такихъ людей мы видимъ дѣла, видимъ работу ихъ, постигаемъ мысли и слова—для другихъ. Здѣсь мы не претендуемъ на полную характеристику Г. Г.—это дѣло будущаго и историковъ.

Пишущему эти строки пришлось быть, такъ сказать, питомцемъ Г. Г. и его ученикомъ, когда онъ руководилъ педагогическими курсами, бывшими при 2-й с.-петербургской военной гимназіи, что нынѣ 2-й кадетскій корпусъ, гдѣ Г. Г. былъ тогда директоромъ. Затѣмъ, мнѣ пришлось быть преподавателемъ этого корпуса, хотя и одинъ годъ. На основаніи своихъ личныхъ воспоминаній, а также и другихъ данныхъ, я и рѣшаюсь предлагаемыя строки посвятить дорогой памяти своего учителя, незабвеннаго Г. Г. Прежде всего прошу снисхожденія у читателя за тѣ личныя и другія отступленія, которыя было нелегко мнѣ обойти, такъ какъ эти детали, такъ или иначе, хотя и косвенно, характеризуютъ личность Г. Г. Вѣроятно, найдутся бывшіе кандидаты—педагоги временъ Г. Г., которыхъ впрочемъ уже осталось, кажется, въ живыхъ немного, которые болѣе подробно и обстоятельно выполнятъ эту задачу, что, по моему крайнему разумѣнію, будетъ не только интересно, но и важно съ историко-педагогической точки зрѣнія, для будущаго нашей средней школы и вообще ея исторіи; особенно же это необходимо теперь, когда въ важномъ вопросѣ: основательной подготовки учителей нашей средней школы, требующей ея обновленія, возникла живая и насущная потребность.

I.

Образованіе Г. Г. и его служба вообще.

Григорій Григорьевичъ Даниловичъ родился въ 1825 г. Отецъ его былъ офицеръ, тяжело раненый въ Отечественную войну. Начальное образованіе онъ получилъ въ Александровскомъ корпусѣ для малолѣтнихъ въ Царскомъ Селѣ; потомъ покойный Г. Г. учился въ I и Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, а также и въ Дворянскомъ полку. Службу онъ началъ въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку, съ прикомандированіемъ къ офицерскимъ классамъ артиллерійскаго училища (нынѣ Михайловская артиллерійская академія). Получивъ

академическое образованіе, Г. Г. былъ назначенъ преподавателемъ артиллеріи въ Дворянскій полкъ. Вся послѣдующая служба покойнаго была посвящена педагогической дѣятельности. Во 2-й военной гимназіи онъ былъ сначала инспекторомъ, а потомъ и директоромъ. Въ 1863 г. было рѣшено приступить къ преобразованію прежнихъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи. Подъ вліяніемъ прогрессивныхъ идей того времени, устройствомъ военныхъ гимназій, на новыхъ педагогическихъ началахъ, имѣли въ виду воспитать человѣка вообще.

Тогда кадетскіе корпуса прежняго времени стали организовать въ военныя гимназіи, съ общеобразовательнымъ въ нихъ курсомъ; старшіе классы прежнихъ кадетскихъ корпусовъ были выдѣлены въ особыя военныя училища, откуда уже выходили офицеры, которые прежде были изъ кадетскихъ корпусовъ. Эта высокая преобразовательная работа всецѣло почти, или въ значительной ея степени, выпала на долю покойнаго Г. Г. Здѣсь-то и проявился широкій его умъ и энергія.

Въ 1865 г., при 2-й военной гимназіи учреждены были педагогическіе курсы, для приготовленія учителей вновь преобразуемыхъ тогда военныхъ гимназій. Предсѣдателемъ и главнымъ ихъ организаторомъ былъ назначенъ покойный Г. Г. Даниловичъ.

Въ 1877 г. покойный былъ избранъ Императоромъ Александромъ III воспитателемъ великихъ князей: Николая Александровича (нынѣ царствующаго Государя Императора) и Георгія Александровича. Впослѣдствіи Г. Г. руководилъ обученіемъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ: Михаила Александровича, Ксеніи Александровны, Ольги Александровны и др. малолѣтнихъ особъ императорской фамиліи. Съ 1895 Г. Г. состоялъ при особѣ Его Императорскаго Величества. Послѣднія 10 лѣтъ Г. Г. жаловался на слабость зрѣнія. Но это не мѣшало ему заниматься кабинетнымъ трудомъ и вести свои записки и воспоминанія, имѣющія большой интересъ по близкимъ личнымъ сношеніямъ съ Высочайшими особами. Какъ уже сказано, Г. Г. умеръ на 82 г. своей жизни. Послѣ тяжкой болѣзни онъ, по словамъ окружавшихъ его, скончался тихо, какъ истинный христіанинъ, въ свѣтлую недѣлю Пасхи. Масса лицъ, присутствовавшихъ на панихидахъ по Г. Г., а также на его проводахъ и выносѣ тѣла, наглядно свидѣтельствовала о томъ глубокомъ чувствѣ уваженія, которымъ они были проникнуты.

II.

Мое первое знакомство съ Г. Г. и поступленіе на педагогическіе курсы, бывшіе при 2-й с.-петербургской военной гимназіи

37 лѣтъ тому назадъ, въ маѣ 1871 г., мнѣ первый разъ пришлось увидѣть Г. Г., когда онъ уже былъ директоромъ 2-й военной гимназіи и предсѣдателемъ педагогическихъ курсовъ при ней. Объ этой послѣдней дѣятельности Г. Г. я и буду болѣе подробно говорить въ предлагаемыхъ воспоминаніяхъ и замѣткахъ.

Въ маѣ 1871 г. мы, студенты спб. духовной академіи, сдали послѣдніе экзамены, и я отправился къ Г. Г. Принявши меня со свойственной ему деликатностью, онъ сталъ меня разспрашивать подробно о дѣлѣ; онъ зналъ, что изъ духовнаго званія выходъ тогда былъ вообще труденъ, тѣмъ болѣе въ то время, когда оберъ-прокуроромъ въ Св. Синодѣ былъ извѣстный министръ, графъ Д. А. Толстой, который къ выходу изъ духовнаго званія относился строго вообще. Когда я подробно выяснилъ Г. Г. о возможномъ, хотя и трудномъ, своемъ выходѣ изъ духовнаго званія, то онъ, выслушавъ меня внимательно и сильно въ меня всматриваясь, сказалъ: „да, у васъ есть шансы поступить на курсы". Затѣмъ онъ еще сказалъ мнѣ, чтобы я представилъ ему особую, по его выраженію, *интимную рекомендацію* отъ кого-либо изъ профессоровъ академіи, въ дополненіе къ своему аттестату объ окончаніи курса.

Эта первая встрѣча и знакомство съ Г. Г., о которомъ я слышалъ многое и прежде, произвели на меня отрадное впечатлѣніе, но вмѣстѣ и имѣли для меня какое-то особенное, такъ сказать, психологическое значеніе. Когда я пришелъ въ первый разъ къ Г. Г., то у него уже было довольно лицъ, желавшихъ его видѣть; его еще не было дома; онъ былъ на экзаменѣ, у себя, въ заведеніи. Вотъ приходитъ Г. Г., видимо утомленный. Вызываютъ по очереди и меня. Г. Г. произвелъ на меня впечатлѣніе серьезнаго, но симпатичнаго начальника. Его мягкій, нѣсколько пѣвучій голосъ, деликатное отношеніе и пріемъ какъ-то сразу придали мнѣ бодрость и увѣренность въ своемъ настроеніи. Несмотря на его внѣшнюю серьезность и даже видимое утомленіе, онъ съ большимъ вниманіемъ выслушивалъ мои отвѣты на предлагаемые имъ вопросы. Эта первая бесѣда моя съ Г. Г. продолжалась замѣтно не малое время. Онъ принималъ отдѣльно каждаго у себя въ кабинетѣ; другіе ждали своей очереди.

Обдумывая затѣмъ эту первую встрѣчу съ Г. Г., я понялъ, что онъ умѣлой и деликатной постановкой вопросовъ произвелъ

надо мной нѣчто въ родѣ пріемнаго экзамена. Но все это онъ умѣлъ сдѣлать такъ тактично, что я не чувствовалъ никакого стѣсненія, или неловкости. Наоборотъ, я говорилъ съ нимъ свободно и непринужденно: рѣдко кто могъ такъ симпатично и серьезно обращаться съ молодежью, какъ это естественно выходило у Г. Г. Такія встрѣчи какъ-то отрадно дѣйствуютъ на молодыхъ людей Въ этомъ настроеніи нѣтъ самохвальства, а скорѣе бодрое чувство, которое возбуждаетъ васъ къ свѣтлому и отрадному будущему въ жизни, съ желаніемъ полезной и благотворной работы для другихъ. Эти мои свѣтлыя и отрадныя предчувствія тогда, потомъ оправдались въ жизни, хотя и съ нѣкоторыми препятствіями, какъ это будетъ видно далѣе.

Взявши свою записную книжку, съ которой онъ никогда не разставался, и записавъ мой адресъ, онъ сказалъ, чтобы я подалъ прошеніе и представилъ свои документы. Когда я возвратился въ академію, то помню, что меня нѣсколько затруднялъ вопросъ *объ интимной рекомендаціи*, о которой мнѣ говорилъ Г. Г. Не долго, впрочемъ, думая, я отправился къ своему ректору I. Л. Янышеву. Выслушавъ меня и повидимому удивившись такой просьбѣ о моемъ выходѣ изъ духовнаго званія, оставаться въ которомъ онъ насъ все-таки не принуждалъ, I. Л. мнѣ далъ особое письмо къ Г. Г., которое я и представилъ ему. Въ сентябрѣ 1871 г. я уже переѣхалъ въ помѣщеніе общежитія кандидатовъ-педагоговъ, которое тогда было на Петербургской сторонѣ, на Большой Спасской улицѣ, въ особомъ флигелѣ.

III.

Занятія и жизнь на курсахъ, руководимыхъ Г. Г. Мои первыя впечатлѣнія.

Какъ я уже сказалъ выше, въ предлагаемыхъ воспоминаніяхъ и замѣткахъ я буду, главнымъ образомъ, говорить о Г. Г., какъ о предсѣдателѣ и руководителѣ педагогическихъ курсовъ, бывшихъ при 2-й военной гимназіи. Насколько онъ отдавалъ свое время исполненію своихъ прямыхъ обязанностей, какъ директоръ, настолько же, если не больше, Г. Г., въ своихъ благородныхъ стремленіяхъ къ педагогическому идеалу, отдавалъ все свое время и богатыя силы на основательную подготовку будущихъ учителей военныхъ гимназій, которые проходили организованные имъ курсы. Безъ преувеличенія можно сказать, что эти курсы были любимое дѣтище Г. Г., которое онъ лелѣялъ и любилъ въ глубинѣ своего

духа. Протекшая жизнь и исторія этихъ курсовъ нераздѣльно и органически была связана съ личностью Г. Г. Создавая тогда единственное учрежденіе такого характера у насъ, въ Россіи при умѣломъ выборѣ выдающихся педагоговъ, онъ явился піонеромъ того великаго дѣла, которое дало такіе богатые плоды, особенно для тогдашнихъ военныхъ гимназій.

Поступая на курсы, по предложенію Г. Г., я сначала явился къ ближайшему своему руководителю по русскому языку, къ И. Ѳ. Рашевскому, тоже теперь покойному. Ознакомившись со мной, И. Ѳ. указалъ мнѣ учебникъ по русскому языку, по которому нужно было сдать отчетъ въ конференціи. Кромѣ того, онъ читалъ намъ свой курсъ грамматики русскаго языка, вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ. По педагогикѣ мы изучали, подъ руководствомъ Н. X. Весселя, извѣстное и единственное тогда сочиненіе К. Ушинскаго: „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“. Это изученіе происходило посредствомъ нашихъ очередныхъ рефератовъ, которые излагались, въ присутствіи Н. X. Весселя. Этотъ сотрудникъ Г. Г. тоже скончался въ началѣ іюня 1906 года, на 82 году своей жизни.

Кромѣ того, мы должны были посѣщать уроки И. Ѳ. Рашевскаго, которые тогда онъ давалъ въ III и VI классахъ. О посѣщеніи этихъ уроковъ мы должны были прочитать письменный отчетъ въ конференціи.

Что касается этихъ конференцій, имѣвшихъ важное воспитательное значеніе для всѣхъ насъ, я скажу подробнѣе далѣе, теперь же отмѣчу только свои первыя впечатлѣнія. Сравнительно съ духовной академіей, изъ которой я только-что вышелъ, на педагогическихъ курсахъ мнѣ многое сначала казалось новымъ и интереснымъ. Помню, что первое посѣщеніе такой конференціи во 2-й военной гимназіи произвело на меня серьезное впечатлѣніе. Передъ конференціей, сначала мы познакомились съ занятіями по педагогіи у Н. X. Весселя, которыя тоже происходили въ зданіи корпуса. Затѣмъ всѣ кандидаты - педагоги и руководители собирались въ особой комнатѣ, гдѣ всегда происходили засѣданія. Вотъ входитъ Г. Г., садится на свое мѣсто предсѣдателя; затѣмъ онъ достаетъ свою записную книжку, въ которой онъ отмѣчаетъ, какія должны быть выполнены работы въ предстоящемъ засѣданіи. Прочитанъ былъ, затѣмъ, протоколъ прошлаго засѣданія, составленный кандидатомъ-педагогомъ, поочереди. Тутъ же были высказаны замѣчанія по поводу только-что прочитаннаго протокола. Потомъ сдавались очередныя работы кандидатовъ-педагоговъ. При этомъ также высказывались замѣчанія. Ходомъ засѣданія руководилъ непосредственно Г. Г. Это первое засѣданіе произвело, повторяю, на меня серь-

езное впечатлѣніе. Г. Г., какъ предсѣдатель, велъ себя серьезно: онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ работы, придавая всему строгую отчетливость и провѣрку. Видно было, что такая общая и коллективная работа была необходима для того высокаго дѣла и его дальнѣйшаго развитія, о которомъ такъ заботился Г. Г. Побывши на этой первой конференціи, я невольно сказалъ своему коллегѣ, поступившему прежде меня: „однако, у васъ, какъ видно, строгая конференція!“ Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Это ничего, мы уже привыкли; здѣсь мы ученики, и въ то же время учителя: сдаемъ работы на конференціи, какъ ученики; въ то же время бываемъ оппонентами другимъ; тогда уже являемся равноправными членами конференціи, какъ учителя въ гимназіяхъ“.

Постоянная сдача работъ въ конференціи и ихъ коллективная провѣрка, посредствомъ преній и взаимнаго обмѣна мыслей, какъ нельзя лучше способствовали нашей будущей профессіи учителя. Зная все это, Г. Г. придавалъ ходу преній надлежащую свободу и границы. Тутъ я впервые убѣдился, что хотя кандидаты-педагоги всѣ свои работы сдавали открыто, при всѣхъ, но это, развѣ за нѣкоторыми исключеніями только, не имѣло того тревожнаго характера экзаменовъ, который переживаетъ каждый студентъ. Со своими товарищами мы жили вмѣстѣ, нѣкоторые руководители тоже жили съ нами въ одномъ флигелѣ; Г. Г. Даниловича тоже мы видѣли почти каждый день, такъ что мы уже сначала какъ-то примѣнялись къ своему положенію. Почти съ самаго начала поступленія на курсы, мы хотя и сдавали постоянно свои работы, или своего рода маленькіе экзамены, но это насъ не стѣсняло особенно, хотя и требованія на конференціи Г. Г. предъявлялъ, вообще, къ намъ строго и серьезно. Видно было, что строго продуманная работа на дому, у себя, затѣмъ, удачно сданная на конференціи, радовала и утѣшала нравственно Г. Г. Сдавался ли какой отчетъ по учебнику или отчетъ съ разборомъ данныхъ уроковъ кандидатомъ-педагогомъ, онъ, слѣдя внимательно за ходомъ работы, былъ всегда серьезенъ и сдержанъ; но какъ только всѣ, подъ удачнымъ направленіемъ Г. Г., начнутъ, что называется, входить въ курсъ и незамѣтно для самихъ себя интересоваться его содержаніемъ, дальнѣйшими замѣчаніями и преніями, тогда и нашъ предсѣдатель тоже начнетъ еще далѣе оживлять все это. Изъ его веселаго настроенія видно было, что удачная работа кандидата-педагога видимо радовала его душевно: это свѣтлое состояніе его духа мы между прочимъ замѣчали по тому внѣшнему проявленію, что тогда Г. Г. начинаетъ какъ-то особенно усиленно тереть рука объ руку. Это его доброе и свѣтлое настроеніе какъ-то невольно передавалось и

другимъ. При не особенно удачной работѣ, онъ становился какъ-то особенно серьезенъ, сдержанъ и молчаливъ. Какъ уже сказано, хотя его отношенія къ намъ въ общемъ устанавливались серьезно, но это не были отношенія какія-либо сухія, формальныя, или казенныя, какъ ихъ называютъ. Сохраняя серьезныя и дѣловыя отношенія съ нами, Г. Г. какъ-то умѣлъ поставить себя такъ, что мы потомъ откровенно высказывали ему свои мысли и настроеніе. При своей искренности и довѣрчивости, молодежь какъ-то тонко и чутко понимаетъ тѣхъ своихъ наставниковъ, которые тоже искренно относятся къ ней.

Хотя вначалѣ же у насъ съ Г. Г. устанавливались отношенія серьезныя, какъ я уже сказалъ, но это все создавалось естественно и органически, на здоровой почвѣ: видя серьезную работу Г. Г., его широкій умъ, какой-то особенный тактъ въ обращеніи со всѣми, мы какъ-то невольно проникались къ нему тоже особеннымъ уваженіемъ,—уваженіемъ, которымъ проникаетесь вы не какъ къ начальнику, стоящему выше васъ на іерархической лѣстницѣ, но какъ къ благородному человѣку, съ богатымъ интеллектомъ и силой нравственнаго величія. Такіе люди есть у насъ, хотя мы и рѣдко встрѣчаемъ ихъ въ жизни. Таковы мои первыя впечатлѣнія личнаго и субъективнаго характера, которыя потомъ развивались въ жизни и далѣе.

Въ виду особенно благотворнаго вліянія покойнаго Г. Г., всѣ строгія требованія на конференціи какъ-то потомъ устранялись естественно. Г. Г. умѣлъ молодого и неопытнаго кандидата-педагога такъ поставить, что въ этой же самой конференціи онъ незамѣтно учился у другихъ; по возможности, каждый изъ насъ старался вырабатывать и исправлять себя къ лучшему. Помню, одинъ изъ товарищей сдавалъ пробные уроки въ старшихъ классахъ, въ общемъ присутствіи кандидатовъ-педагоговъ, руководителей и членовъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, тоже покойныхъ теперь: Авилова и Гаярина. Первый протоколъ, по очереди, пришлось составлять мнѣ. Помню такъ же, что разборъ этихъ уроковъ г. К. въ конференціи имѣлъ оживленный и интересный характеръ. По своей неопытности, этотъ свой первый протоколъ я составилъ особенно подробно, но неособенно удачно. На мой протоколъ посыпалась такая масса замѣчаній оппонентовъ, что я пришелъ было въ сильное смущеніе; оппоненты изъ товарищей говорили, что, напр., онъ лично совсѣмъ не то говорилъ по поводу уроковъ, что сказано въ протоколѣ и пр. Видя мое смущеніе, Г. Г. въ концѣ концовъ предложилъ мнѣ исправить неточности въ протоколѣ и тогда уже сдать его по принадлежности. Этотъ урокъ

послужилъ мнѣ въ пользу: слѣдующіе протоколы, помню, у меня проходили уже безъ особыхъ замѣчаній.

Первой работой, которая собственно опредѣляла наше пониманіе и вкусъ къ педагогическому дѣлу, былъ отчетъ объ урокахъ своего руководителя. Здѣсь не только передавалось содержаніе, планъ и ходъ извѣстнаго урока или цѣлаго ряда ихъ, но также можно было высказывать въ этомъ отчетѣ и свое личное отношеніе къ ходу дѣла. Эта моя работа тоже вызвала извѣстныя замѣчанія, но въ общемъ признана была правильной, какъ объ этомъ тутъ же заявилъ И. Ѳ. Рашевскій. При этомъ считаю необходимымъ здѣсь отмѣтить, что когда, послѣ первыхъ своихъ работъ, а также и товарищей, сталъ я потомъ подробнѣе изучать дѣло и знакомиться съ ходомъ работъ на курсахъ вообще, то убѣдился, что всѣмъ сложнымъ дѣломъ здѣсь, съ замѣчательнымъ тактомъ и знаніемъ дѣла, собственно руководилъ нашъ предсѣдатель Г. Г. Наши руководители на курсахъ: И. Ѳ. Рашевскій, К. К. Сентъ-Илеръ, В. А. Евтушевскій, Н. Х. Вессель и др., были выдающіеся педагоги того времени, которые свой обширный запасъ опыта и знанія школьнаго дѣла дополняли еще въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ. куда они были командированы еще прежде. Все это требовало большого ума и такта, чтобы умѣло руководить такими засѣданіями, въ которыхъ иногда обнаруживалось разное направленіе, неизбѣжное во всякомъ коллективномъ учрежденіи. Г. Г. умѣлъ дѣлу этому придать надлежащій смыслъ, значеніе и пользу для общаго дѣла. Онъ уважалъ мнѣніе кандидата-члена, давалъ ему высказываться вполнѣ и открыто; онъ съ терпѣніемъ выслушивалъ доводы оппонента. Но если послѣдній въ своемъ увлеченіи уклоняется въ сторону, то Г. Г. умѣлъ, съ присущимъ ему тактомъ, остановить или направить его на истинный и прямой путь. На этихъ конференціяхъ я также увидѣлъ, что кандидатъ-педагогъ былъ не какой-нибудь заурядный практикантъ, который, въ качествѣ безправнаго ученика, только пассивно слушалъ старшихъ себя, опытныхъ педагоговъ-руководителей. Хотя нѣкоторые и считали Г. Г., какъ предсѣдателя, не любящаго оппозиціи въ преніяхъ и вообще; но, по нашему мнѣнію, это было больше недоразумѣніе, чѣмъ самый фактъ. На конференціи кандидаты-педагоги были, дѣйствительно, какъ ученики, какъ всякій изучающій дѣло; но нужно тоже отмѣтить и то, что мы, хотя и въ положеніи кандидатовъ-педагоговъ, были въ то же время и какъ члены той же конференціи: благодаря умѣлому такту Г. Г., намъ также предоставлено было право высказывать свои замѣчанія и вести дебаты, какъ и старшимъ насъ педагогамъ.

Въ эти же первые мѣсяцы моего поступленія на педагогическіе курсы мнѣ пришлось сдать еще слѣдующія работы: я былъ оппонентомъ сочиненія по психологіи своего товарища и участвовалъ въ разборѣ уроковъ другого.

Оцѣнивая и разбирая свое положеніе въ то время, я приходилъ къ тому выводу и убѣжденію, что въ общемъ, на педагогическихъ курсахъ, бывшихъ тогда при 2-й военной гимназіи, дѣло было поставлено раціонально и серьезно; особенно это важно было для того времени, когда у насъ, въ Россіи, только еще начинали появляться педагогическія учрежденія: учительскія семинаріи, курсы и т. п. Г. Г. Даниловичъ своими широко и разнообразно образованнымъ умомъ, энергіей, тактомъ и любовью къ дѣлу, умѣлъ блестяще руководить курсами: всѣ мы были въ постоянной работѣ; но это не была работа по какому-либо внѣшнему воздѣйствію, а именно по живому интересу къ ней; все дѣло на курсахъ, полное разнообразія, живости и плодотворности его, невольно какъ-то втягивало и увлекало насъ все дальше и больше. Но о дальнѣйшихъ занятіяхъ на курсахъ, по мѣрѣ раскрывавшагося для меня тогда горизонта, я еще скажу далѣе; это послужитъ, въ то же время, характеристикѣ дѣятельности Г. Г. Теперь скажу нѣсколько словъ о тѣхъ препятствіяхъ, которыя пришлось встрѣтить мнѣ въ начавшейся для меня новой жизни.

Заинтересовавшись такъ живо курсами и начавши уже работать, я мѣсяца черезъ два какъ-то узналъ, что дѣло мое о выходѣ изъ духовнаго званія „остановилось". Бывшій тогда оберъ-прокуроръ въ Синодѣ, графъ Д. А. Толстой, отнесся къ этому вопросу строго, тѣмъ болѣе, что до 10 кандидатовъ разныхъ духовныхъ академій тоже заявили о своемъ желаніи перейти въ другое вѣдомство. Дѣло мое становилось труднымъ; квартирой на курсахъ я пользовался, но жалованья на прожитіе не давали. Узнавши о моемъ затруднительномъ положеніи, покойный Г. Г. принялъ во мнѣ истинно отеческое попеченіе: онъ мнѣ предоставилъ занятія по русскому языку съ кандидатами-педагогами изъ французовъ, которые приготовлялись также къ преподаванію въ военныхъ гимназіяхъ. Эти занятія, въ томъ же общемъ помѣщеніи нашемъ, вполнѣ вознаграждали меня, и я, наравнѣ съ другими. получалъ потомъ тоже жалованье. Наконецъ, когда мое дѣло уладилось, то Г. Г. сказалъ: „ну и слава Богу! Теперь вы можете работать спокойно!" Нужно было только слышать и убѣдиться въ томъ искреннемъ чувствѣ, съ которымъ такъ открыто это все сказалъ незабвенный Г. Г. Да, такія отрадныя минуты бываютъ въ жизни не особенно часто!

IV.

Научныя и теоретическія занятія на педагогическихъ курсахъ, организованныхъ Г. Г. Даниловичемъ.

Хотя занятія на педагогическихъ курсахъ въ то время имѣли разнообразный характеръ, по ихъ теоретическимъ и практическимъ началамъ и цѣлямъ, но мы не ошибемся, кажется, если скажемъ, что тѣ и другія, т. е. наука и практика, были удачно сопоставлены здѣсь, особенно для того времени. Что касается научныхъ занятій, то еще, напр., въ духовной академіи насъ пріучали къ серьезной работѣ, полагаемъ, какъ и во всякомъ высшемъ учебномъ заведеніи; въ академіи мы писали сочиненія; посѣщая лекціи, мы записывали, по очереди, чтенія профессоровъ и пр. На педагогическихъ курсахъ изъ научныхъ предметовъ, какъ уже тоже отчасти сказано, мы серьезно изучали извѣстное, почти единственное въ то время, капитальное сочиненіе К. Ушинскаго: „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія". Изучая это сочиненіе у себя на дому, мы домашнія свои работы потомъ излагали, также по очереди, на лекціи Н. Х. Весселя, въ видѣ отдѣльныхъ рефератовъ. Такія научно-философскія работы для насъ, окончившихъ курсъ духовной академіи, не представляли особенныхъ затрудненій, и мы уже къ такимъ занятіямъ, сравнительно съ другими, были болѣе или менѣе подготовлены научно.

Исходя изъ этого сочиненія К. Ушинскаго, мы также писали свои сочиненія по педагогической психологіи; напр., мною была выбрана такая тема для домашняго сочиненія: „О сознаніи по Бенеке и Ушинскому". Въ такомъ же родѣ были сочиненія и у другихъ товарищей. Кромѣ того, что сочиненія эти прочитывали наши руководители и нѣкоторые изъ товарищей, мы подвергались еще особому диспуту на конференціи. Излагая основательно указанное сочиненіе К. Ушинскаго, естественно требовалось и дополненіе къ нему. Въ виду этого, у кандидатовъ-педагоговъ развивался вкусъ и интересъ къ чтенію книгъ философскаго содержанія, которыя способствовали бы къ уясненію серьезнаго педагогическаго дѣла, въ его примѣненіи на практикѣ.

Что касается лично Г. Г. Даниловича, то нужно здѣсь отмѣтить, что онъ, при своемъ обширномъ умѣ, если не былъ спеціалистомъ-философомъ, то, во всякомъ случаѣ, нужно сказать, что онъ перечиталъ массу книгъ по философіи и педагогіи. Въ этомъ отношеніи въ то время онъ стоялъ на высотѣ своего дѣла. Все это было видно на конференціи, когда возбуждались вопросы по педагогіи

вообще. Здѣсь онъ обнаруживалъ свою богатую эрудицію, не уступающую любому профессору Но объ этомъ еще будетъ сказано дальше, когда мы будемъ касаться общей характеристики Г. Г. По поводу же изученія книги К. Ушинскаго, отмѣтимъ еще, что это сочиненіе онъ зналъ основательно, не только какъ дилеттантъ вообще, но и какъ психологъ, каковымъ въ жизни, дѣйствительно, и былъ Гр. Гр. Даниловичъ.

Что касается изученія другихъ научныхъ предметовъ, то спеціальное знакомство съ ними мы тоже дополняли соотвѣтственными пособіями и средствами. По избранному, напр., мною предмету: русскому языку и словесности, кромѣ изученія разныхъ руководствъ по грамматикѣ, мы сначала должны были основательно усвоить одно какое-либо руководство. Познакомившись такъ съ однимъ учебникомъ, намъ уже далѣе легко было изучать, сравнительно, и другіе. Для насъ, спеціально не подготовленныхъ, изученіе грамматики составляло серьезное дѣло, особенно вначалѣ. Въ виду этого, нашъ руководитель И. Ѳ. Рашевскій читалъ намъ особый, имъ составленный и выработанный удачно, систематическій курсъ грамматики русскаго языка, сравнительно съ церковно-славянскимъ.

Затѣмъ, также посредствомъ домашняго чтенія и очередныхъ рефератовъ, мы изучали курсъ: „Исторической грамматики“ Буслаева, по которой сдавали особый экзаменъ. Словесность въ военныхъ гимназіяхъ того времени изучали, главнымъ образомъ, посредствомъ разбора образцовыхъ произведеній писателей. Все это мы изучали по курсамъ Галахова, исторіи общей литературы Шерра и др. По этимъ предметамъ также сдавали потомъ общій экзаменъ на конференціи.

Здѣсь позволю себѣ отмѣтить тотъ, такъ сказать, популярный методъ преподаванія и отношенія къ дѣлу И. Ѳ. Рашевскаго, который долгое время, въ теченіе своей жизни, былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Г. Г. Даниловича, какъ по 2-й военной гимназіи, такъ и во дворцѣ. Насколько вообще былъ сосредоточенъ и серьезенъ Г. Г., настолько былъ живъ и подвиженъ И. Ѳ. Послѣдній иногда горячился въ дѣлѣ, но Г. Г. такъ умѣлъ на него подѣйствовать, что И. Ѳ. вскорѣ же успокоивался. Но въ общей серьезной работѣ оба они, какъ умные люди, сходились. И. Ѳ. Рашевскій, какъ нашъ ближайшій руководитель, обращался съ нами просто и, можно сказать, отечески. Г. Г. въ обращеніи былъ вообще серьезенъ; но И. Ѳ., какъ истый малороссъ, проявлялъ иногда такой добродушный юморъ, который оживлялъ наши серьезныя занятія. Напримѣръ, пріѣзжалъ онъ къ намъ въ общежитіе большею частію въ вечерніе часы, послѣ уроковъ. И. Ѳ. потому

имѣлъ болѣе близкое отношеніе ко всѣмъ кандидатамъ-педагогамъ, что его курсъ слушали обязательно всѣ, такъ какъ этотъ предметъ былъ обязателенъ также для всѣхъ кандидатовъ-педагоговъ; окончившіе курсы по другимъ предметамъ, напр., математикѣ и др., также получали право преподаванія русскаго языка въ младшихъ классахъ военныхъ гимназій.

Г. Г. также былъ въ курсѣ этого дѣла. Когда мы на конференціи сдавали свои работы по русскому языку, то онъ тоже обнаруживалъ свои основательныя знанія и по этому предмету. Основательной постановкой вопросовъ онъ иногда удивлялъ насъ, которые спеціально изучали русскій языкъ.

Относительно занятій по русскому языку и литературѣ, нужно еще отмѣтить, что для дополненія своихъ свѣдѣній по этимъ предметамъ, кандидатамъ-педагогамъ, благодаря участію Г. Г., предоставлена была возможность, въ качествѣ вольнослушателей, посѣщать соотвѣтственныя лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

V.

Образованіе и эрудиція Г. Г. Даниловича. Его серьезное отношеніе къ научнымъ занятіямъ вообще.

Въ изложенномъ выше краткомъ біографическомъ очеркѣ Г. Г. было указано, какое основательное образованіе онъ получилъ для своего времени, какъ офицеръ, прослушавшій высшій академическій курсъ. Покойный Г. Г., какъ своимъ основательнымъ и всестороннимъ образованіемъ, также широтой и прогрессивнымъ направленіемъ ума своего и положительною талантливостью вообще,— былъ выдающійся человѣкъ своего времени. Это не былъ только кабинетный ученый, хотя онъ у себя дома, въ кабинетѣ, работалъ много и основательно. Онъ работалъ, какъ говорится, „съ перомъ въ рукѣ“, обращая и претворяя всякую теорію, всякое знаніе въ живое дѣло. Видно было, что Г. Г. много читалъ, много думалъ и старался оправдать, что возможно, на практикѣ воспитательнаго дѣла. Онъ не претендовалъ на ученаго, или какого-либо профессора; онъ зналъ, что наука необходима для жизни. Своей обширной и разнообразной эрудиціей онъ поражалъ многихъ. Не ошибемся, если скажемъ, что Г. Г. особенно любилъ читать книги философскаго и научнаго характера, имѣвшія отношеніе къ педагогіи, владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, а также и нѣмецкимъ, покойный Г. Г., для основательнаго знакомства съ ан-

глійской психологіей въ наше время занялся еще изученіемъ англійскаго языка. (См. „педаг. сборн." 1906 г. К. В. Ельницкаго). Намъ тогда было извѣстно, что онъ посѣщалъ ученые и литературные кружки профессоровъ того времени, напр., извѣстнаго тогда ученаго Кавелина и др. Масса книгъ и учебниковъ по разнымъ предметамъ школьнаго обученія имъ была тоже перечитана. Все это мы видѣли и убѣдились на засѣданіяхъ, когда Г. Г. высказывалъ свои замѣчанія по извѣстному предмету. Вотъ фактъ: вновь поступившій тогда во 2-ю военную гимназію преподаватель нѣмецкаго языка г. П. между прочимъ разсказывалъ тогда намъ о своемъ первомъ визитѣ и бесѣдѣ съ Г. Г. Этотъ педагогъ, получившій образованіе въ заграничномъ университетѣ и уже практиковавшій въ русскихъ школахъ, удивился той начитанности и знакомству съ массой учебниковъ по нѣмецкому языку, которые перечиталъ въ своей жизни Г. Г. Даниловичъ.

По близкому знакомству съ жизнью покойнаго Г. Г., которая, можно сказать, была на виду у всѣхъ, кто къ нему имѣлъ отношенія, мы знали, что у себя дома онъ много читалъ, думалъ и работалъ. Его богато одаренный отъ природы умъ все шелъ прогрессивно къ дальнѣйшему совершенству. Этотъ скромный дѣятель больше жилъ у себя одинъ; книги и умная бесѣда были его лучшіе друзья и духовное наслажденіе. Умную и серьезную книжку Г. Г. не только читалъ, но какъ-то глубоко, въ то же время, умѣлъ онъ мѣтко и быстро извлечь изъ нея главное и существенное. Это было очевидно изъ его бесѣдъ съ другими. Его умъ насколько быстро схватывалъ извѣстную мысль, или идею, настолько же глубоко и основательно удерживалъ её у себя въ памяти; но эта выработка знанія или новой идеи, у Г. Г. совершенствовалась и шла дальше, что уже составляло его личный психологическій процессъ, его дальнѣйшее творчество.

Напр., мы знали, что когда у насъ предполагалась научная конференція, то Г. Г. у себя, на дому, подготовлялся лично самъ къ тому, что послужитъ предметомъ засѣданія. Относительно изученія указаннаго выше обширнаго труда К. Ушинскаго, напр., тогда говорили, что каждый годъ, когда оканчивающіе кандидаты-педагоги сдавали экзаменъ по этому предмету, то Г. Г. снова перечитывалъ этихъ два тома книги Ушинскаго, повторяя и провѣряя свои знанія по ней. На конференціяхъ и вообще, дѣйствительно, мы видѣли, что на этихъ экзаменахъ, своими мѣткими вопросами и замѣчаніями, онъ основательно усвоилъ этотъ трудъ выдающагося педагога того времени, съ которымъ, какъ говорили, Г. Г. былъ тоже лично знакомъ. Уже было

сказано выше, что Г. Г. любилъ науку и знаніе, не только какъ теорію, вообще внѣ приложенія къ жизни, но и какъ дѣйствительное знаніе, необходимое для усовершенствованія и прогресса культурной жизни человѣка. Въ засѣданіяхъ и бесѣдахъ, также и въ обращеніи съ людьми, Г. Г. обнаруживалъ большую наблюдательность, мѣткую и справедливую оцѣнку свойствъ и внутреннихъ качествъ людей. Онъ былъ вообще психологъ не только по теоріи, но и по жизни. Этому психологическому таланту Г. Г., по нашему крайному разумѣнію, нужно приписать и имъ объяснять, напримѣръ, тотъ удачный выборъ сотрудниковъ и сослуживцевъ, который имъ былъ сдѣланъ въ то время для преобразованія, въ 60-хъ г.г., 2-й военной гимназіи и такого блестящаго устройства педагогическихъ курсовъ при ней. Эта характерная черта личности Г. Г. Даниловича отмѣчена также въ книгѣ К. В. Ельницкаго: „Русскіе педагоги 2-й половины 19 вѣка“. (С.П.Б. 1904 г. стр. 132). Свои психологическія и житейскія наблюденія Г. Г. обнаруживалъ не только въ правильномъ опредѣленіи своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, но и въ мѣткой оцѣнкѣ и характеристикѣ учениковъ и своихъ многочисленныхъ воспитанниковъ. Когда, напр., у воспитателя выходило какое-либо недоразумѣніе съ воспитанникомъ, которое требовало быстраго и опредѣленнаго рѣшенія, то Г. Г. всегда весьма удачно находилъ исходъ изъ этого труднаго положенія, когда ему объ этомъ докладывали лично. Тогда разсказывали, напр., такой случай: одинъ мальчикъ въ нашей военной гимназіи, въ сильномъ нервномъ возбужденіи, хотѣлъ было выброситься изъ открытаго окна верхняго этажа и вообще проявлялъ другіе рѣзкіе аффекты. Когда пригласили Г. Г., то онъ, какъ бы не зная, въ чемъ дѣло, сталъ упрекать возбужденнаго ненормально мальчика за невниманіе къ своему костюму: оказывается, у виновника печальнаго приключенія оторвалась у воротника форменной курточки пуговица. Мальчикъ такъ смутился этимъ, что сталъ постепенно успокоиваться и приходить въ себя, что̀ и было нужно Г. Г. Такъ мирно и благополучно кончился этотъ печальный эпизодъ къ общему удовольствію для всѣхъ. Секретъ психологическаго воздѣйствія Г. Г. сказался, въ данномъ случаѣ, въ томъ, что, имѣя въ виду успокоить крайне взволнованнаго мальчика, онъ старался отвлечь вниманіе его отъ ближайшаго предмета и направить его на другое, чтобы онъ пришелъ въ себя; словомъ, здѣсь нужно было строго-методично остановить аффектъ у больного психически субъекта. Такихъ случаевъ психологическаго воздѣйствія и тонкой наблюдательности въ жизни Г. Г. была масса, что̀ подтверждалось его сотрудниками и всѣми, которые знали его ближе.

Здѣсь мы только подтверждаемъ ту мысль, что психологія и вообще наука для Г. Г. не была только, какъ говорится, „искусство для искусства“, или какая-либо сухая и безжизненная теорія, питающая и увлекающая только самого себя. Всякое знаніе Г. Г. старался проводить на практикѣ, въ дѣйствительной жизни. При своей разнообразной начитанности и широтѣ воззрѣній, онъ прежде всего строго и методично относился самъ къ себѣ, къ своимъ работамъ и занятіямъ не только у себя, дома, но и внѣ его. Все время каждаго дня было правильно распредѣлено у Г. Г. Видно было, что онъ у себя много работалъ и читалъ, основательно подготовляя себя къ своимъ разнообразнымъ занятіямъ, напримѣръ, въ разныхъ засѣданіяхъ, гдѣ требовался не только административный опытъ педагога, но и научныя знанія, чтобы стоять на высотѣ своего положенія и авторитета. Это мы все видѣли и наблюдали.

Здѣсь мы позволимъ себѣ еще высказать, что въ отношеніи умственной и продуктивной дѣятельности Г. Г. могутъ возникнуть такого рода вопросы: гдѣ же плоды всего этого? Гдѣ литературные труды этого педагога? На это можно отвѣтить такъ: въ средѣ нашей интеллигенціи есть не мало такихъ скромныхъ, но въ то же время выдающихся дѣятелей, которые не любятъ или не желаютъ создавать себѣ имя какой-либо знаменитости въ литературѣ, или они руководятся въ этомъ случаѣ какими-либо другими побужденіями, понятными имъ самимъ, для себя лично. Но покойный Г. Г. Даниловичъ въ этомъ отношеніи представлялъ собою нѣчто другое. Читая и наблюдая, онъ постоянно отмѣчалъ у себя необходимое въ книжкѣ, съ которой онъ не разставался почти никогда. Кромѣ такихъ книжекъ, у Г. Г. была масса тетрадей для записи всего интереснаго, что онъ продолжалъ дѣлать до своей старости и болѣзни, какъ отмѣчено было объ этомъ выше.

Если не ошибаемся, то мы такъ понимаемъ эту особенность въ личной дѣятельности Г. Г.: работая и читая у себя въ кабинетѣ, для большей основательности и отчетливости своего умственнаго процесса и прочности его результатовъ, онъ все необходимое отмѣчалъ себѣ на память и выходилъ на дѣло или засѣданіе со строго выработанными мыслями и ихъ опредѣленнымъ планомъ, чтобы придать общей работѣ большій интересъ, для удобной выработки, коллективнымъ путемъ, въ засѣданіи извѣстныхъ выводовъ и положеній. Нужно еще сказать: когда же было время печатать или писать Г. Г. интересные трактаты по педагогическимъ вопросамъ, если продуманное и выработанное у себя въ кабинетѣ, ему нужно было провести на практикѣ, путемъ живого слова, чѣмъ онъ и пользовался? Хотя рѣчь Г. Г. въ педагогическихъ засѣданіяхъ не

отличалась разными красивыми эффектами, но его пѣвучій, симпатичный голосъ какъ-то увлекалъ невольно другихъ: всѣ со вниманіемъ слушали его рѣчь, полную содержанія, вполнѣ обдуманнаго и проработаннаго предварительно: у него, какъ видно было, только были намѣчены въ книжкѣ общія мысли, но подробное развитіе и выводъ онъ дѣлалъ, выходя изъ сказаннаго также и другими. Вообще, знанія, выводы и идеи у него отличались ясностью, глубиной и устойчивостью.

Повторяемъ еще, что, говоря объ умственныхъ дарованіяхъ покойнаго Г. Г. Даниловича, а также объ его широкомъ, разнообразномъ и всестороннемъ образованіи, какъ выдающагося педагога, мы отмѣчаемъ ту поучительную черту въ его жизни, что онъ, какъ говорится въ евангельской притчѣ, не зарывалъ своего таланта въ землю. Постоянно работая надъ собой, постоянно выработывая плодотворныя знанія для себя, обновляя, освѣжая ихъ и расширяя свой умственный горизонтъ, покойный, Г. Г. этимъ своимъ жизненнымъ прогрессомъ, какъ выдающійся дѣятель и педагогъ, въ широкомъ смыслѣ слова, былъ, можно сказать безъ преувеличенія, добрымъ, живымъ и нагляднымъ образцомъ для другихъ. Съ такими основательными данными Г. Г. былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Какъ серьезно и съ уваженіемъ онъ относился къ наукѣ и ко всякому основательному знанію, такъ же и всѣ относились съ уваженіемъ лично къ нему.

Сознательно оцѣнивая и уважая умъ Г. Г., также свободно, разумно и сознательно шли за нимъ и другіе, потому что Г. Г. умѣлъ уважать право другого, какъ и свое.

Впрочемъ, иногда въ этомъ отношеніи были и скептики, безъ которыхъ не обходится нигдѣ. Говорили, напр., что Г. Г., хотя и выслушивалъ мнѣнія оппонентовъ, не согласныя съ нимъ, но дѣлалъ все-таки по-своему, что будто бы онъ, не стѣсняясь, проводилъ свои личныя намѣренія и пр. Не беремся объ этомъ судить, такъ какъ это дѣло служебной и практической жизни, которой, при нашихъ занятіяхъ на курсахъ и нашей неопытности житейской, мы могли и не знать. Правда, что у Г. Г. иногда, въ практикѣ, проявлялась своя тактика, иногда непонятная для другихъ. Напр., разъ былъ такой случай: помню, я шелъ по корридору зданія 2-й военной гимназіи съ И. Ѳ. Рашевскимъ. Вдругъ, встрѣтился намъ Г. Г., который приглашаетъ его на засѣданіе въ тотъ день, въ 8 ч. вечера. И. Ѳ. отвѣтилъ Г. Г., что онъ никакъ не можетъ быть въ этотъ именно часъ. На это Г. Г. ему отвѣтилъ: „ну, да мы такъ и поставимъ дѣло, что въ 9 ч. вы, И. Ѳ., и пожалуете къ намъ“. Г. Г. сталъ отходить отъ насъ. И. Ѳ., сильно взволнованный, съ

позволенія сказать, плюнулъ и заворчалъ: „вотъ, вѣдь, не выслушаетъ до конца, а дѣлаетъ по-своему“.

Г. Г., зная вспыльчивость своего сотрудника, улыбаясь, пошелъ дальше. Все-таки И. Ѳ., не желая огорчить Г. Г., какъ говорятъ, хотя съ опозданіемъ, но все-таки пріѣхалъ въ засѣданіе. Я думаю, что этотъ эпизодъ представляетъ собою такое обычное въ жизни недоразумѣніе, которое всегда и вездѣ возможно при разности характера и настроенія. Во всякомъ случаѣ, здѣсь нельзя видѣть какого-либо произвола со стороны Г. Г., какъ начальника. Все равно: всѣ были уже извѣщены, и засѣданіе должно было состояться.

VI.

Практическія занятія на педагогическихъ курсахъ и провѣрка ихъ на конференціи, подъ руководствомъ Г. Г. Польза и значеніе этихъ занятій.

Какъ уже сказано, всѣ наши работы окончательно провѣрялись на конференціи. Кромѣ указанныхъ выше работъ, мы должны были сдавать отчеты и сами вести въ классѣ съ учениками самостоятельно отдѣльные уроки, какъ учителя, но подъ руководствомъ и наблюденіемъ своего ближайшаго руководителя. Уроки эти были двоякаго рода: пробные и семестріальные. Какъ научнымъ занятіемъ, такъ и практическому преподаванію въ классѣ каждаго кандидата-педагога у насъ, на курсахъ, было придано тоже серьезное значеніе. Какъ бывшій преподаватель и завѣдующій учебной частью инспекторъ, Г. Г. тоже серьезно относился къ практической сторонѣ школьнаго обученія. Онъ, обходя корпусъ ежедневно, посѣщалъ постоянно уроки преподаватей вообще, также и кандидатовъ-педагоговъ. Г. Г. не только слушалъ уроки и внимательно слѣдилъ за ихъ выполненіемъ, но дѣлалъ у себя отмѣтки въ книжкѣ, что потомъ и высказывалъ въ конференціи, при разборѣ данныхъ уроковъ кандитатомъ-педагогомъ, въ извѣстномъ классѣ, по очереди. При основаніи педагогическихъ курсовъ, въ 60-хъ годахъ, было прежде всего обращено вниманіе на элементарное обученіе, такъ какъ оно служило необходимымъ условіемъ для правильной постановки систематическаго курса. Прежнее наше обученіе въ младшихъ классахъ средней школы было механическое: учили на память, безъ развитія разсудка ученика. На педагогическихъ курсахъ, руководимыхъ Г. Г., прежде всего старались возбудить самодѣятельность ученика. Въ этомъ отношеніи 2-я военная гимназія была первымъ опытомъ здравой постановки учебнаго дѣла на практикѣ. Въ подтвержденіе этого

можно, между прочимъ, указать статью бывшаго руководителя курсовъ К. К. Сентъ-Илера, составленную имъ по протоколамъ конференціи: „Педагогическіе курсы при 2-й пет. военной гимназіи". (Пед. сборникъ. 1871 г.). Хотя здѣсь не говорится о Г. Г. Даниловичѣ, но вліяніе его очевидно. Этимъ мы нисколько не хотимъ умалять значенія заслугъ другихъ школъ того времени. Изъ исторіи столѣтія 2-й Спб. гимназіи министерства народнаго просвѣщенія, напр., мы знаемъ, что и здѣсь тоже заботились о здравомъ и цѣлесообразномъ обученіи. (См. „Историческія записки" къ 100-лѣтію 2-й Спб. гимназіи. 1905 г.). Здѣсь мы отмѣчаемъ только тотъ фактъ, что военное министерство того времени, во главѣ съ тогдашнимъ в. министромъ, Д. А. Милютинымъ, болѣе широко и раціонально приступило къ лучшей постановкѣ педагогическаго дѣла у насъ въ Россіи. Въ ту свѣтлую эпоху нашей внутренней жизни, какъ и другіе выдающіеся дѣятели и педагоги, Г. Г. Даниловичъ былъ призванъ обновить и преобразовать старую военную школу, съ ея тяжелымъ пережиткомъ механическаго обученія.

Выполняя эту высокую миссію, Г. Г. разумно и умѣло приступилъ къ дѣлу. Для обновленія тогдашней военной школы нужно было прежде всего позаботиться о приготовленіи хорошихъ учителей, не только теоретиковъ, но и практиковъ. Организуя педагогическіе курсы, Г. Г., со свойственнымъ ему тактомъ и умѣлымъ выборомъ людей, пригласилъ упомянутыхъ выше себѣ сотрудниковъ, или руководителей курсовъ, уже извѣстныхъ тогда педагоговъ: Модзалевскаго, Весселя, Рашевскаго, Евтушевскаго, Сентъ-Илера и др. Тогда же говорили, что Г. Г. часто совѣтовался также съ К. Ушинскимъ и др. Наши руководители не только были педагоги-теоретики, но и практики. Здѣсь нужно отмѣтить, что именно въ этомъ удачномъ выборѣ нашихъ руководителей сказался талантъ и психологія Г. Г. Даниловича. Эти руководители въ большинствѣ не только были люди знающіе, но также и талантливые педагоги. Мы съ истиннымъ наслажденіемъ слушали выдающіеся, и вдохновенные иногда, уроки въ классахъ: Рашевскаго, Евтушевскаго, Запольскаго и др. Въ этихъ урокахъ замѣчалась не только ихъ внѣшняя техника и отчетливая отдѣлка, но въ нихъ, въ минуты вдохновенія, былъ тотъ огонь души и чувства, который такъ неотразимо дѣйствуетъ на другихъ, особенно же юныхъ духомъ. Благодарнымъ матеріаломъ для этого особенно служили образцы словесности и умѣлые ихъ разборы съ учениками, веденные въ классѣ, напр., Рашевскимъ, Запольскимъ и др. Правда, что въ этихъ работахъ иногда проглядывало излишнее увлеченіе и даже крайности въ деталяхъ, но, въ общемъ, это производило отрадное, цѣльное и глубокое впечатлѣніе.

*

Правда и то, что наши руководители иногда впадали въ излишній методизмъ. Но это было болѣе временное увлеченіе, чѣмъ, постоянное настроеніе. Почти всѣ наши руководители были командированы въ Германію, гдѣ школьное обученіе тогда признавалось образцовымъ. Но все-таки, какъ въ большинствѣ умные и талантливые люди, они далеки были отъ крайностей нѣмецкаго методизма. Перенося въ русскую школу нѣмецкіе методы, они умѣли отнестись къ этому здраво и критически. Наши руководители не забывали самобытности русскихъ дѣтей, ихъ національныхъ и психологическихъ особенностей. Такъ самобытно и оригинально они вели вообще свои образцовые уроки въ классахъ. Выбирая лучшее въ методикѣ нѣмецкихъ педагоговъ, наши руководители на практикѣ шли своимъ путемъ, примѣняясь къ условіямъ и характеру русской жизни и русской школы. Учебный курсъ военныхъ гимназій тогда имѣлъ характеръ общеобразовательной школы. За выполненіемъ всего этого неуклонно слѣдилъ Г. Г. Онъ слѣдилъ не за формальнымъ исполненіемъ учебныхъ программъ. а за ихъ раціональнымъ и прогрессивнымъ направленіемъ къ лучшему, чтобы обученіе достигало возможнаго идеала.

Но эта цѣль достигается разными и сложными путями: здѣсь предполагается не только теорія, практика, но и постоянный прогрессъ въ выработкѣ опредѣленныхъ, твердыхъ и устойчивыхъ методическихъ положеній. Лучшимъ средствомъ къ этому служили практическіе уроки кандидатовъ-педагоговъ, въ особенности же ихъ коллективное обсужденіе въ конференціи. Обсужденіе практическихъ уроковъ въ младшихъ классахъ, отчасти и въ среднихъ, имѣло, большею частью, въ виду дидактическія и методическія цѣли. Что же касается старшихъ классовъ, то здѣсь предполагались не только частные пріемы элементарнаго преподаванія, но и научнаго метода.

Нужно отмѣтить, что пробные уроки, по большей части, помимо своего общаго интереса, извѣстнымъ образомъ уже опредѣляли будущую судьбу и профессію кандидата-педагога. На практикѣ уроковъ иногда выходило такъ: нѣкоторые кандидаты отлично сдавали уроки въ младшихъ классахъ, гдѣ предполагалась большая трудность въ томъ, что дѣтямъ нужно было провести урокъ путемъ умѣлой катихизаціи, по правиламъ методики; въ старшихъ классахъ такіе практиканты какъ-то терялись. Нерѣдко выходило и наоборотъ: хорошо сдавшій уроки въ старшихъ классахъ терялся въ младшихъ.

Какъ наши ближайшіе руководители, такъ и Г. Г., въ этомъ отношеніи, старались выполнить недостающее и привести кандидата-

педагога къ возможной нормѣ въ дѣлѣ преподаванія. Послѣ общей конференціи и сдачи особенно важной и серьезной работы, напр., окончательныхъ уроковъ кандидата-педагога, ближайшіе по предмету руководители дѣлали еще особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Г. Г., гдѣ они, опредѣляя достоинства и недостатки урока практиканта, сообщали ему о томъ, на что ему необходимо было обратить особое вниманіе, чтобы не повторять указанныхъ промаховъ и ошибокъ. Нѣкоторые изъ кандидатовъ, не чувствуя особаго призванія къ учительству, уходили сами, оставляя курсы. Другіе же, поступивъ на службу въ военныя гимназіи, твердо и до конца своей трудовой жизни, удерживали свое положеніе. Напр., я знаю лично одного бывшаго кандидата-педагога, преподавателя одного кадетскаго корпуса, который уже слишкомъ 30 лѣтъ преподаетъ ариѳметику въ младшихъ классахъ. И нужно отмѣтить, что это хотя и строгій преподаватель для мальчиковъ, но они, высоко уважая его знанія и отеческій авторитетъ, работаютъ у него отчетливо и съ большимъ интересомъ къ дѣлу. Были и есть и такіе учителя изъ кандидатовъ-педагоговъ, которые предпочитали быть въ старшихъ классахъ, гдѣ они тоже были вполнѣ на своемъ мѣстѣ и приносили пользу общему дѣлу. Многое, если не все, зависитъ отъ индивидуальныхъ качествъ педагога, его личныхъ дарованій, настроенія, характера и пр. Всякая профессія, а тѣмъ болѣе учительская, предполагаетъ прогрессъ и своего рода творчество. Съ другой стороны, кажется, что нигдѣ, кромѣ учительства, нѣтъ такихъ ближайшихъ поводовъ впасть въ состояніе ремесленника и опаснаго умственнаго застоя, какъ именно пробывши долгое время учителемъ извѣстнаго предмета, особенно въ младшихъ классахъ. Постоянное повтореніе одного и того же, особенно же постоянное примѣненіе къ складу дѣтскаго мышленія и языка, безъ чего не мыслимъ надлежащій успѣхъ обученія, поневолѣ многихъ педагоговъ дѣлаетъ отсталыми людьми отъ общаго прогресса; дѣлаетъ ихъ рутинными и какъ бы неподвижными въ умственномъ отношеніи. Въ виду этого, на педагогическихъ курсахъ, руководимыхъ Г. Г., на это важное условіе въ жизни педагога, особенно же въ провинціи, было обращено тоже должное вниманіе. Образцомъ въ этомъ былъ самъ Г. Г.

Мы видѣли, что Г. Г., постоянно работая надъ собой и читая массу книгъ, этимъ совершенствовалъ себя; онъ былъ въ постоянной работѣ, гдѣ немыслимъ былъ застой и рутина. Это стремленіе къ самоусовершенствованію Г. Г. побуждало и насъ къ тому же, а главное, его умѣлое руководительство на конференціяхъ. Самыя оживленныя и выдающіяся по интересу пренія у насъ возбуждались, главнымъ образомъ, по урокамъ въ старшихъ

классахъ. При разборѣ уроковъ въ младшихъ и среднихъ классахъ, наши дебаты носили большей частью методическій характеръ. Что же касается старшихъ классовъ, то здѣсь уже возбуждался научно-методическій интересъ. Здѣсь иногда высказывались совсѣмъ противоположныя мнѣнія. Дѣло доходило иногда и до жаркихъ преній, которыми увлекались оппоненты. Г. Г. внимательно слѣдилъ за ходомъ преній, искусно и умѣло направляя ихъ, какъ истый дирижоръ. Онъ давалъ полную возможность высказаться всякому; онъ умѣлъ во̀ время и деликатно остановить разгоряченнаго оппонента и направить его на истинный путь нормы и порядка. Этимъ умѣлымъ руководствомъ Г. Г. старался, главнымъ образомъ, поддержать общій интересъ къ дѣлу. Онъ замѣтно давалъ намъ понимать, что извѣстное научное, или методическое, положеніе только тогда прочно, устойчиво и жизненно, когда оно выработано путемъ основательнаго процесса; строго и отчетливо продумано, продѣлано удачно на практикѣ, а также провѣрено и всесторонне разсмотрѣно другими. Эти коллективныя конференціи, руководимыя Г. Г., невольно воспитывали и обучали насъ. Зная хорошо, что всякая наша работа, которую мы приготовляли у себя дома, будетъ провѣрена на конференціи, мы старались выполнить ее добросовѣстно и отчетливо, на сколько могли. Но, какъ извѣстно, во всякой работѣ или, пожалуй, экзаменѣ возможны случайности; это еще болѣе заставляло насъ основательнѣе приготовлять себя къ сдачѣ работы на конференціи. Если гдѣ предполагались всякія случайности, то особенно при сдачѣ практическихъ уроковъ. Но зная объективное отношеніе своихъ товарищей, также солидное отношеніе къ нашимъ работамъ своихъ руководителей и особенно Г. Г., мы, въ свою очередь, уважали общее дѣло. Такимъ образомъ, благодаря благотворному вліянію Г. Г., мы на педагогическихъ курсахъ пріобрѣтали для себя ту практическую подготовку, которая необходима для каждаго учителя; словомъ, мы были гарантированы отъ тѣхъ промаховъ и неловкости положенія, которыя приходится испытывать молодымъ учителямъ, только-что сошедшимъ со школьной скамьи. Поступивши на службу, первое время мы присматривались къ окружающей насъ новой обстановкѣ и новымъ лицамъ: начальникамъ, учителямъ, воспитателямъ и особенно къ ученикамъ. Уже на педагогическихъ курсахъ мы привыкли къ тому, что въ педагогіи, въ ея приложеніи къ практикѣ, нужно имѣть въ виду прежде всего общее благо, общій интересъ. Обучая ученика извѣстному предмету, мы прежде всего должны были вести дѣло такъ, чтобы, исходя изъ его особенностей, развивать его интересъ къ работѣ, возбуждать его самодѣятельность и пр. Возбуждая разумно его молодыя силы къ работѣ, постепенно

расширяя его кругозоръ, мы легко уже имѣли доброе вліяніе на ученика. Благодаря гуманному вліянію педагогическихъ курсовъ, насъ пріучили уважать личность ученика, любить его, не заискивая передъ нимъ и не потакая его разнымъ слабостямъ, что ведетъ къ распущенности. Педагогическіе курсы также дали намъ и то, какъ благотворно воздѣйствовать на отдѣльнаго ученика и на цѣлый классъ, что̀ весьма важно, при массовомъ обученіи въ школахъ. Для молодого и начинающаго самостоятельно работать учителя необходимо прежде всего умѣть поставить себя съ учениками, чтобы они уважали его умъ, знанія, справедливость и гуманное отношеніе къ нимъ. Еще бывши на курсахъ, мы видѣли и наблюдали, какъ мальчики „пробуютъ" новаго учителя. Здѣсь также мы видѣли, какъ можно пріобрѣсти ихъ уваженіе и возбудить разумную ихъ любовь къ учителю, на здоровыхъ началахъ. Поэтому-то насъ прежде всего пріучали къ тому, чтобы мы сначала основательно ознакомились съ общимъ составомъ всякаго класса въ отдѣльности, порученнаго намъ. Руководители курсовъ долго и часто бесѣдовали съ нами, указывали выдающихся учениковъ по способностямъ, прилежанію, а также о тяжелыхъ и трудныхъ для воздѣйствія субъектахъ. Въ этомъ отношеніи у покойнаго Г. Г. былъ обширный педагогическій опытъ и мѣткая наблюдательность: хотя самъ лично Г. Г., какъ директоръ, не давалъ уроковъ, чего и не было вообще въ военныхъ гимназіяхъ, но, ежедневно обходя корпусъ и обращая свое вниманіе на главное и существенное въ его внутренней жизни, онъ обнаруживалъ удивительную наблюдательность, при опредѣленіи личныхъ и субъективныхъ свойствъ питомцевъ. Эта наблюдательность и практическое пониманіе жизни и натуры мальчиковъ Г. Г. не рѣдко обнаруживалъ въ педагогическихъ засѣданіяхъ, чѣмъ не мало иногда удивлялъ ближайшихъ къ нимъ воспитателей и учителей.

. Затѣмъ, еще также нужно отмѣтить, что безъ всякаго педантизма и вмѣшательства въ наши личныя дѣла, при отсутствіи всякаго формализма и мелочности, при общемъ и раціональномъ руководствѣ Г. Г. курсами, насъ пріучали къ отчетливой и обдуманной работѣ съ учениками, въ классѣ. Добрымъ вліяніемъ и образцомъ самаго Г. Г. и другихъ его сотрудниковъ, мы какъ-то незамѣтно для самихъ себя вырабатывали то нравственное убѣжденіе, что съ учениками, для ихъ пользы, нужно работать не только интересно, умѣло, тактично въ педагогическомъ отношеніи, но и честно. Выходя изъ этихъ нравственныхъ побужденій и педагогическаго идеала, вообще, на курсахъ была организована вся система и строй практическихъ работъ. Какъ уже сказано, насъ

не сразу допускали самимъ давать уроки; сначала мы должны были посѣщать уроки своего руководителя, присмотрѣться къ составу и положенію своего класса, ознакомиться съ характеристикой учениковъ и пр. Кромѣ этого, нужно было составить примѣрныя программы, какъ пробныхъ, такъ и семестріальныхъ уроковъ, которые подробно провѣрялись руководителемъ. Это въ общемъ; въ частномъ, насъ пріучали детально разработать каждый урокъ, особенно первые изъ нихъ. Конечно, не трудный и несложный матеріалъ для преподаванія былъ въ младшихъ классахъ; здѣсь — не наука, а только ея элементы; главное было въ методическомъ выполненіи урока, въ его примѣненіи къ классу, вообще, и къ нѣкоторымъ ученикамъ, въ отдѣльности. Чтобы былъ успѣхъ урока и его благой результатъ, необходимо было строго и отчетливо его обдумать и продѣлать предварительно самому для себя, до деталей. При этомъ понятная для самолюбія кандидата опасность, въ виду коллективнаго разбора урока на конференціи, провалиться на пробномъ урокѣ, не мало также волновала многихъ; но все-таки благоразуміе и необходимое самообладаніе брали верхъ надъ чувствами мелкаго самолюбія. Въ большинствѣ, дѣло выходило благополучно: серьезное, разумное и спокойное отношеніе кандидата - педагога побѣждало, казалось, непреодолимое препятствіе. Эти побѣды, этотъ первый опытъ пріучалъ насъ къ добросовѣстному отношенію къ урокамъ. Потомъ, уже пробывши долгое время на службѣ, бывало такъ, что бывшій кандидатъ-педагогъ не пойдетъ на урокъ въ классъ, не приготовившись и не обдумавъ его, какъ слѣдуетъ. Впослѣдствіи мы встрѣчали такихъ изъ нихъ, можно сказать, идеальныхъ педагоговъ, которые до конца своей жизни не только трудились разумно, но и честно. Таковъ былъ для насъ добрый примѣръ Г. Г., какъ выдающагося педагога, самоотверженно преданнаго своему высокому служенію.

Выше было также отмѣчено, что у него теорія и практика были органически и естественно связаны между собою. Всякое практическое дѣло у Г. Г. было строго продумано, и онъ слѣдилъ за отчетливымъ его выполненіемъ на практикѣ. Всѣ окружающія его лица: руководители, преподаватели и кандидаты, готовясь къ сдачѣ работы въ конференціи, или приглашенные оппоненты, шли сюда съ матеріаломъ, приготовленнымъ у себя въ записной книжкѣ, или съ особеннымъ планомъ и программой на бумагѣ. Неувѣренность при сдачѣ предстоящей работы въ конференціи пріучала насъ къ предварительной работѣ относиться съ большей внимательностью къ ея деталямъ, особенно на первыхъ порахъ. Все это не исключало прогресса и творчества въ работахъ кандидата-педа-

гога, безъ котораго немыслимо живое, педагогическое дѣло. Какъ наши ближайшіе руководители на педагогическихъ курсахъ, такъ и особенно Г. Г.. старались только на первыхъ порахъ дать намъ надлежащее направленіе и толчокъ. Въ дальнѣйшемъ насъ не стѣсняли формальнымъ исполненіемъ программъ и учебныхъ плановъ, предоставляя детальную разработку уже дальнѣйшей нашей личной практикѣ. Здѣсь нужно еще указать такой фактъ, уже тоже отмѣченный выше, что военныя гимназіи того времени представляли собою типъ общеобразовательной средней школы. Согласно съ этимъ, таковы же были ихъ учебныя программы: въ нихъ намѣчены были только общіе идеи и принципы учебнаго курса, въ смыслѣ его содержанія и матеріала. Въ этихъ программахъ не видно было той регламентаціи, которую замѣчаемъ впослѣдствіи, гдѣ курсы и матеріалъ расположены по §§, за исполненіе которыхъ приходится отвѣчать преподавателю, въ ущербъ всякому прогрессу дѣла. Нестѣсненный регламентаціей преподаватель могъ дальше и лучше разрабатывать свой курсъ, сообразуясь съ прогрессомъ науки. Шаблонность и рутина обученія иногда устранялись и такими неожиданными вещами: на курсахъ бывали такіе, напр., случаи: приготовляя для разбора въ классѣ съ учениками какое-либо произведеніе образцоваго писателя, кандидатъ-педагогъ приготовитъ вмѣстѣ и планъ урока, съ вопросами. Прочитавши произведеніе съ учениками въ классѣ, при дальнѣйшей бесѣдѣ съ ними, онъ иногда наталкивается на такіе вопросы со стороны учениковъ, которыхъ онъ не ожидалъ. Между тѣмъ мальчики обнаруживали иногда такое оригинальное и самобытное творчество своего мышленія, указывая мѣтко на такія стороны въ деталяхъ художественнаго произведенія, которыхъ никакъ нельзя игнорировать и оставлять это безъ вниманія.

Въ такихъ случаяхъ обыкновенно возражаютъ въ томъ смыслѣ, что къ чему же служатъ всѣ эти детальныя программы, когда ученики сами даютъ поводъ и матеріалъ для разбора извѣстнаго произведенія писателя? Другими словами, не убивается ли всякая самодѣятельность и творчество ученика, благодаря заранѣе приготовленнымъ программамъ? На это можно отвѣтить, что это только такъ кажется. Если о чемъ, то о самодѣятельности ученика насъ пріучали заботиться прежде всего, насколько было возможно. Этотъ принципъ здравой педагогіи неуклонно проводилъ Г. Г. и наши руководители. Здѣсь не такъ важно было детальное выполненіе программы извѣстнаго урока, даже и на первыхъ порахъ, сколько его общая цѣль и общій планъ; детали же урока уже дополнялись самими учителями въ классѣ, при содѣйствіи и общей работѣ учениковъ.

Вообще нужно отмѣтить, что всѣ практическія работы, которыя мы сдавали на конференціи, при ихъ коллективной здѣсь провѣркѣ и дебатахъ, для насъ были насколько интересны и поучительны, настолько же и плодотворны для нашей будущей дѣятельности самостоятельнаго и отвѣтственнаго за свое дѣло учителя. Въ общемъ тоже нужно еще отмѣтить, что главное, на что тогда было обращено вниманіе,—это педагогическій тактъ и способность практиканта давать уроки въ классѣ. Здѣсь уже требовалось истинное, по возможности, идеальное призваніе къ тяжелой профессіи педагога. Г. Г. высоко цѣнилъ научныя знанія будущаго учителя военной гимназіи, но не менѣе, если не болѣе, онъ цѣнилъ и способности его и тактъ, какъ преподавателя, не говоря уже объ особенномъ талантѣ, составляющемъ счастливый удѣлъ немногихъ, живущихъ на землѣ. Нужно отдать справедливость: Г. Г. насколько умѣлъ выбирать умныхъ и талантливыхъ сотрудниковъ, настолько же умѣлъ онъ также цѣнить, направлять и поощрять молодые таланты. Невольно здѣсь припоминается то глубокое и искреннее сочувствіе, которое Г. Г. оказывалъ, напримѣръ, молодому тогда преподавателю Н. Н. Запольскому, который такъ художественно велъ съ учениками разборъ образцовъ словесности. Здѣсь Г. Г. сочувствовалъ не только технической отдѣлкѣ уроковъ Н. Н. З., но сколько, такъ сказать, поэзіи педагога вообще. Такія свѣтлыя и талантливыя натуры Г. Г. умѣлъ какъ-то особенно привлечь къ общему дѣлу.

Вообще же говоря, при раціональномъ и тактичномъ руководствѣ Г. Г. организованными имъ педагогическими курсами, какъ научная, такъ и ихъ практическая сторона—были уравновѣшены, насколько это было возможно въ то время. Раціональное начало въ организаціи курсовъ, благодаря вліянію Г. Г. именно и сказывалось въ томъ, что здѣсь не вдавались въ утопическіе и широкіе проекты и планы. Если прослѣдить общія положенія о курсахъ въ ихъ первоначальной постановкѣ на практикѣ, то нельзя не видѣть сравнительной умѣренности въ требованіяхъ. При основаніи курсовъ при 2-й военной гимназіи, еще въ началѣ 60 гг., существовалъ только проектъ приготовленія учителей, собственно для младшихъ классовъ военныхъ гимназій. Слѣдовательно, въ научномъ отношеніи здѣсь предполагались скромныя требованія, такъ какъ главнымъ образомъ имѣли въ виду приготовлять элементарныхъ учителей. Но эти требованія потомъ были расширены съ научной стороны. Расширяя постепенно научныя требованія, на педагогическихъ курсахъ все-таки придавали большое значеніе практическимъ урокамъ въ младшихъ классахъ, постепенно восходя далѣе,

по мѣрѣ развитія школьнаго дѣла въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, къ раціональной постановкѣ методическаго обученія въ среднихъ и высшихъ классахъ. Въ 80 гг. были закрыты педагогическіе курсы при 2-й военной гимназіи. Г. Г. тогда уже былъ приглашенъ во дворецъ. Но, какъ видимъ теперь, педагогическіе курсы опять возобновляются: въ настоящее время опять приготовляютъ молодыхъ педагоговъ къ спеціальной профессіи воспитателей и преподавателей кадетскихъ корпусовъ. Слѣдовательно, опять обновляется военная школа, для чего такъ самоотверженно и съ такимъ выдающимся талантомъ педагога поработалъ покойный теперь Г. Г. Даниловичъ.

VII.

Мои практическіе уроки на педагогическихъ курсахъ. Участіе Г. Г. при окончаніи курсовъ въ устройствѣ нашего положенія въ жизни. Его гуманность и самоотверженіе въ дѣятельности для другихъ.

Нашъ ближайшій руководитель по русскому языку И. Ѳ. Рашевскій въ наше время, въ 1871—2 учебномъ году, преподавалъ въ III, V и VI классахъ 2-й военной гимназіи. Поэтому мы должны были посѣщать его уроки и потомъ сами практиковаться въ тѣхъ же классахъ. Въ III классѣ я сдавалъ уроки двухъ родовъ: пробные и семестріальные; въ старшемъ классѣ только первые. Всѣмъ видамъ практическихъ уроковъ у насъ придавали свое значеніе, дѣлали свою опредѣленную оцѣнку, коллективное ихъ обсужденіе и разборъ на конференціяхъ, подъ предсѣдательствомъ Г. Г. Съ отраднымъ чувствомъ протекшей безвозвратно молодости вспоминаю я объ этихъ урокахъ, когда мы, молодые тогда люди, испытывали столько сладкихъ волненій, надеждъ, а иногда, при неудачахъ, не мало также и тяжелаго. Сдать удачно уроки—это считалось для насъ великими и дорогими минутами душевнаго счастья. Мы знали, что по послѣднимъ практическимъ урокамъ опредѣлялась окончательно наша будущая судьба и назначеніе. Мы знали также, что тѣ неизбѣжные промахи, ошибки и пр., которые мы допускали въ семестріальныхъ урокахъ, намъ прощались и забывались, такъ какъ для исправленія своихъ невольныхъ ошибокъ у насъ еще было время. Что же касается пробныхъ уроковъ, особенно въ старшихъ классахъ, которые мы сдавали почти при окончаніи двухлѣтняго пребыванія на педагогическихъ курсахъ, то это было дѣло особаго рода. Какъ уже отмѣчено, имъ придавали особенно важное зна-

ченіе, ими интересовались всѣ, начиная съ Г. Г. и кончая всѣми нами. Объ этихъ урокахъ предварительно оповѣщали членовъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, изъ которыхъ чаще у насъ бывали на урокахъ и на конференціяхъ, тоже покойные теперь. генералы: Авиловъ и Гаяринъ. Перваго, за его серьезное, до строгости отношеніе мы, откровенно говоря, тогда и побаивались-таки. Наружность и взглядъ покойнаго Авилова какъ-то дѣйствовали особенно на другихъ. Но въ этомъ случаѣ насъ всегда выручалъ Г. Г. Своимъ деликатнымъ отношеніемъ ко всѣмъ, онъ какъ-то умѣлъ сгладить все и придать дѣлу нормальный ходъ; словомъ, онъ, какъ выдающійся педагогъ, былъ на стражѣ своего дѣла.

При строгомъ разборѣ нашихъ уроковъ посторонними членами, онъ всегда умѣло, со свойственнымъ ему тактомъ, поддерживалъ интересы и права нашихъ товарищей. Относительно своихъ пробныхъ уроковъ въ VI классѣ, позволю себѣ разсказать нѣсколько подробнѣе. Составляя свой первый неудачный протоколъ, при началѣ поступленія на педагогическіе курсы, я живо заинтересовался пробными уроками своего коллеги г. К., который разбиралъ съ учениками разсказъ Тургенева: „Бѣжинъ Лугъ". Я въ свою очередь взялъ для разборки того же писателя разсказъ: „Пѣвцы". Готоваго разбора этого произведенія я тогда найти не могъ. Но зная хорошій по составу классъ, за которымъ мы наблюдали другой годъ, я попросилъ учениковъ внимательнѣе прочитать выбранный мною разсказъ внѣ урока. Намѣтилъ я примѣрные вопросы и программу для разбора этого образца, совмѣстно съ учениками. Сколько помню, разборъ происходилъ при многочисленномъ собраніи посѣтителей, съ Г. Г. во главѣ. Своимъ оживленнымъ интересомъ и толковымъ отношеніемъ ученики блестяще оправдали себя. Моя роль сводилась къ тому, чтобы они не уклонялись и сами, на основаніи усвоеннаго содержанія произведенія, отмѣтили характерныя его стороны, выяснили для себя идею произведенія и пр. Разборъ моихъ уроковъ въ конференціи вышелъ совсѣмъ неожиданнымъ для меня, по своему содержанію и дебатамъ. Большинство товарищей отнеслись къ моимъ урокамъ, строго-критически, хотя замѣчанія ихъ имѣли болѣе частный характеръ. Въ концѣ концовъ я уже началъ падать духомъ отъ этой безпощадной критики, которую нѣсколько смягчалъ И. Ѳ. Рашевскій. Но больше всего я боялся замѣчаній строгаго генерала Авилова. Въ заключеніе продолжительныхъ дебатовъ по моимъ урокамъ слово предоставлено было генералу Гаярину. Этотъ оффиціальный оппонентъ отъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній высказалъ совсѣмъ противоположное сужденіе; онъ выразилъ свое удивленіе, что оппо-

ненты указывали только отрицательныя стороны уроковъ, умалчивая объ ихъ положительныхъ свойствахъ. Къ этому мнѣнію г. Гаярина присоединились Авиловъ и Г. Г. Даниловичъ. Тогда я ободрился и воспрянулъ духомъ. Мои оппоненты тоже сочувствовали мнѣ. Бывшій тогда у насъ молодой преподаватель покойный Г. Н. Песковъ послѣ сказалъ мнѣ, что я удачно взялъ сюжетъ для уроковъ.

При этомъ онъ мнѣ разсказалъ такой эпизодъ изъ жизни Г. Г. Даниловича: когда по выходѣ въ свѣтъ разсказа Тургенева: „Пѣвцы" Г. Г. въ первый разъ прочиталъ его, то пришелъ въ большой экстазъ, при всей своей сдержанности; даже, по словамъ Г. Н. Пескова, Г. Г. Даниловичъ, съ избраннымъ своимъ кружкомъ пошелъ въ ресторанъ Палкина, гдѣ много судили и разбирали новое тогда произведеніе Тургенева. Здѣсь кстати нужно отмѣтить, что хотя и въ наше время, начала 70-хъ годовъ, въ программахъ военныхъ гимназій былъ указанъ примѣрный списокъ для изученія съ учениками извѣстныхъ образцовъ словесности, но этимъ насъ нисколько не стѣсняли, какъ это потомъ стало практиковаться въ возобновленныхъ кадетскихъ корпусахъ. Напр., сочиненій Тургенева, за весьма малыми исключеніями, почти не было указано въ программахъ, а также и въ приспособленныхъ къ нимъ хрестоматіяхъ. Но нужно сказать, что наши ученики тогда свободно читали произведенія образцовыхъ писателей въ цѣльномъ ихъ видѣ, а не по отрывкамъ въ хрестоматіяхъ. Вообще, у молодыхъ людей военно-учебныхъ заведеній того времени былъ замѣтенъ большой интересъ и вниманіе къ изученію произведеній новыхъ писателей, чего далеко нельзя сказать о послѣднемъ времени. Тогда наши ученики такъ зачитывались доступной имъ изящной литературой, при живомъ ея изученіи на урокахъ, что оставалось только радоваться за нихъ. Какъ на урокахъ нашихъ руководителей, такъ и на нашихъ лекціяхъ, они ставили толковые и разумные вопросы, безъ всякаго пустословія и излишней смѣлости. Помню такой случай: по распоряженію главнаго управленія, въ нашъ классъ прикомандированъ былъ одинъ кандидатъ университета для сдачи пробныхъ уроковъ, для полученія правъ преподавателя русскаго языка. Зная хорошо свой классъ, И. Ѳ. Рашевскій объ этомъ предупредилъ учениковъ, въ виду ихъ откровенныхъ отношеній съ преподавателями. И. Ѳ. старается выяснить ученикамъ, что это будетъ посѣщать и сдавать уроки постороннее лицо: поэтому они должны быть съ нимъ болѣе сдержанны и пр. Дѣло было въ старшемъ классѣ. Но вотъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ вдругъ спросилъ И. Ѳ: „а что, можно съ нимъ будетъ поспорить на урокахъ?". И. Ѳ. от-

вѣтилъ: „можно, только умно и толково; а то я прекращу всякія неумѣстныя замѣчанія“. Такъ у насъ тогда проявлялись возможная свобода и самодѣятельность учениковъ. Въ то время, благодаря разумному направленію всего учебнаго дѣла, данному Г. Г. Даниловичемъ, не было и помина о формализмѣ преподаванія. Г. Г. стоялъ выше всего этого и смотрѣлъ вообще широко на дѣло; онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы въ классѣ была вообще плодотворная работа.

Какъ уже отмѣчено, Г. Г. придавалъ серьезное значеніе интересу и живости въ практикѣ пробныхъ уроковъ кандидатовъ-педагоговъ вообще. Но особенное предпочтеніе онъ отдавалъ удачно сданнымъ урокамъ молодыхъ педагоговъ въ высшихъ классахъ.

На другой день, послѣ сдачи моихъ уроковъ, И. Ѳ. Рашевскій сообщилъ мнѣ интимно, что Г. Г. радуется моей удачѣ и успѣху; онъ рѣшилъ, что „вы останетесь въ Петербургѣ“. Я былъ радъ тоже, въ свою очередь, вообще и въ частности тому, что я все-таки могъ нѣсколько отблагодарить за то безпокойство, которое Г. Г. перенесъ при моемъ выходѣ изъ духовнаго званія.

Но вотъ, въ іюнѣ 1873 г., кончились всѣ наши работы, которыя мы выполняли на курсахъ, въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Насъ кончило тогда около 10 человѣкъ; изъ нихъ одинъ еще прежде былъ преподавателемъ гимназіи; поэтому онъ пробылъ среди насъ только одинъ годъ, какъ уже подготовленный къ дѣлу прежней своей учительской практикой. Онъ особо отъ насъ получилъ свое назначеніе. Во второй половинѣ іюня вдругъ всѣхъ насъ приглашаетъ къ себѣ Г. Г., чтобы объявить о нашемъ назначеніи. Троимъ изъ насъ онъ сказалъ, что мы опредѣлены уже главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній—преподавателями въ 3-ю с.-петербургскую военную гимназію, что нынѣ кадетскій корпусъ Императора Александра II. По идеѣ Д. А. Милютина, тогдашняго военнаго министра, тогда предполагалась для приходящихъ военная гимназія, какъ школа общеобразовательная, для учениковъ и дѣтей всѣхъ сословій, въ связи вскорѣ же съ тогда объявленной у насъ, всеобщей военной повинностью. Правда, сначала предполагалось только открытіе младшихъ классовъ этого новаго типа военныхъ гимназій для приходящихъ учениковъ.

Въ виду ограниченнаго пріема во вновь открываемую 3-ю военную гимназію, Г. Г. думалъ, что у насъ будетъ мало уроковъ для нашего будущаго обезпеченія. Поэтому онъ просилъ И. Ѳ. Рашевскаго и другихъ нашихъ руководителей, чтобы они постарались намъ найти уроки въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тогда же я получилъ еще уроки въ одной изъ женскихъ гимназій, по рекомен-

даціи И. Ѳ. Рашевскаго. Вообще, здѣсь нужно сказать, что при опредѣленіи насъ на учительскія мѣста, Г. Г. обнаруживалъ строгую справедливость, соединенную съ истинно-отеческой гуманностью. Нужно прямо и откровенно сказать, что для покойнаго Г. Г. Даниловича было высшимъ счастьемъ, когда ему удавалось удачно пристроить на мѣсто, вообще, или воспитанника, или молодого педагога. Можно сказать, что онъ жилъ радостью и горемъ близкихъ ему людей.

Откровенно могу теперь сказать, что на этой высоко-гуманной чертѣ въ характерѣ и натурѣ Г. Г. Даниловича, пріятно и поучительно остановиться въ своихъ воспоминаніяхъ. Всегда съ виду серьезный, Г. Г., по наружности своей, казался какъ бы серьезнымъ, иногда, до суровости.

Но это только такъ казалось. На самомъ дѣлѣ, въ глубинѣ своего гуманнаго чувства, онъ былъ сердечный и отзывчивый человѣкъ. Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ собою тотъ отрадный типъ общественнаго дѣятеля, который дѣлалъ добро по-христіански, разумно, тихо, о чемъ узнавали другіе послѣ. При наружной строгости Г. Г., гуманность его отлично понимали мальчики. Въ душѣ своей они все-таки чувствовали и соображали своимъ умомъ, что ихъ директоръ только съ виду строгій, а на самомъ дѣлѣ „*добрый*“. Они знали, что онъ любилъ ихъ, какъ своихъ дѣтей. Поэтому въ лицѣ своего начальника, при своихъ шалостяхъ и проступкахъ, они часто находили прощеніе у своего директора. Г. Г. отлично понималъ и сочувствовалъ тяжелому положенію мальчика въ закрытомъ учебномъ заведеніи, внѣ и вдали отъ своей родной семьи. Онъ всегда смягчалъ самое тяжкое для такого мальчика наказаніе— остаться въ праздникъ безъ отпуска. Не желая парализовать, или унизить авторитетъ воспитателя, назначившаго такое наказаніе, онъ, очень осторожно и со свойственнымъ ему тактомъ, освобождалъ такого узника. Эта высокая черта гуманности Г. Г. рельефно также указана и отмѣчена фактами въ статьѣ г. Л. („Истор. Вѣстникъ“. Май 1906 г.).

Нѣкоторые еще считали Г. Г. такимъ анахоретомъ, который отдался будто бы книгѣ, своимъ кабинетнымъ занятіямъ, чуждымъ семьѣ, какъ неженатый человѣкъ, отдавшійся своему служебному дѣлу и пр. Все это говорили, или люди, не знавшіе Г. Г., или вообще предубѣжденные, не умѣвшіе наблюдать другихъ и здраво относиться къ окружающимъ.

Можетъ быть, эти превратные толки о личности Г. Г. вытекали изъ его особенной сосредоточенности въ себѣ; но только мы прямо и открыто можемъ сказать, что Г. Г. дѣлалъ много добра для дру-

гихъ; какъ уже тоже сказано, что онъ дѣлалъ добро тихо, разумно и основательно. Его участіе къ положенію лицъ, которыхъ онъ узнавалъ потомъ лично, было тоже искреннее, глубокое и постоянное. Напримѣръ, въ разныхъ спорахъ въ засѣданіяхъ, по дѣламъ воспитанниковъ, онъ былъ ихъ отцомъ и защитникомъ; онъ всегда умѣло отражалъ и успокоивалъ суровый гнѣвъ педагога, возбужденный неумѣстной выходкой какого-нибудь шалуна и пр. Мы видѣли также и то, какъ потомъ Г. Г. заботился о бѣдныхъ мальчикахъ въ продолженіе ихъ учебнаго курса; какъ онъ старался облегчить ихъ горькую жизнь во время праздниковъ, каникулъ и пр., когда ихъ товарищи находились у своихъ родныхъ.

Мы знали также о томъ отеческомъ попеченіи и участіи, которое вообще Г. Г. оказывалъ своимъ питомцамъ. Знали мы это также и по своему собственному положенію. Наши опредѣленія на мѣста не всегда зависѣли лично отъ Г. Г., какъ директора и предсѣдателя педагогическихъ курсовъ.

Многое тогда зависѣло отъ высшей администраціи. Въ этомъ отношеніи Г. Г. приходилось иногда выдерживать сильную борьбу и испытывать неизбѣжныя волненія. За два года пребыванія на курсахъ мы обязательно должны были отслуживать военному министерству извѣстное число лѣтъ. Нѣкоторые изъ окончившихъ не особенно охотно ѣхали въ дальнія окраины, даже и совсѣмъ отказывались ѣхать далеко. Все это нужно было улаживать Г. Г. Насколько возможно было, онъ устраивалъ дѣло къ обоюдному соглашенію, и дѣло улаживалось.

Но были и другіе случаи. Нѣкоторые представители военно-учебныхъ заведеній иногда неособенно жаловали кандидатовъ учителей съ педагогическихъ курсовъ. Однимъ изъ этихъ представителей не нравилось опредѣленіе преподавателей, по назначенію свыше, помимо ихъ начальственной власти, у себя, особенно въ провинціи. Другіе изъ нихъ вообще не сочувствовали курсамъ: находили, что съ курсовъ выходятъ преподаватели-теоретики, которые мало заботятся о практической сторонѣ преподаванія и пр. Напр.; по адресу преподавателей русскаго языка говорили, что они стараются только развивать учениковъ, заставляютъ съ младшихъ классовъ писать изложенія и сочиненія; совсѣмъ игнорируютъ диктовки, списыванье съ книги и пр. Но тогда эти представители говорили еще тихо и не смѣло, пока не дошло дѣло до обратнаго теченія къ корпусамъ. Поэтому, не взирая на эти, тогда еще отдѣльные голоса, кандидаты-педагоги работали смѣло и увѣренно. Въ трудныхъ случаяхъ своей учительской жизни, особенно въ провинціи, они обращались къ своему бывшему начальнику Г. Г.; онъ

всегда успокоивалъ угнетаемыхъ и помогалъ имъ, чѣмъ могъ. Такъ онъ, напр., помогъ одному бывшему кандидату-педагогу, теперь тоже покойному, Т. В. Д. Послѣдній, какъ выдающійся преподаватель, составилъ себѣ въ провинціи почтенную и солидную популярность какъ педагогъ. Онъ уже былъ директоромъ одного средняго учебнаго заведенія. Но вотъ у него по службѣ вышло какое-то крупное недоразумѣніе, такъ что онъ долженъ былъ оставить мѣсто директора. Пріѣхавши въ Петербургъ, онъ обратился къ Г. Г., который предоставилъ ему уроки у себя; благодаря этому участію Г. Г. Д., опять, какъ говорится, онъ поднялся и умеръ уже на должности педагога-администратора. Такихъ примѣровъ гуманнаго отношенія Г. Г. къ ближнимъ было немало, о чемъ мы знали тоже хорошо.

Вообще, кто зналъ ближе Г. Г. Даниловича, тотъ легко могъ убѣдиться въ томъ, что это былъ выдающійся человѣкъ своего времени: какъ своимъ богатымъ умомъ и работой, онъ жилъ для другихъ, на ихъ общую пользу, таковъ онъ былъ и по своему гуманному направленію. Постоянная работа и служеніе для счастья другихъ, понимаемаго въ его разумномъ смыслѣ,—таковъ былъ идеалъ жизни Г. Г. въ его постоянной жизни, какъ выдающагося педагога. Эта высокая черта Г. Г., по нашему разумѣнію, есть та поучительная страница въ его жизни, которая служила для другихъ добрымъ примѣромъ для подражанія. Да, покойный Г. Г. умѣлъ работать энергично и плодотворно для другихъ; умѣлъ онъ почти всѣхъ близкихъ привлечь къ этой работѣ; онъ умѣлъ также отстоять и защитить, когда нужно было, полезныхъ и честныхъ работниковъ; уважая свое нравственное право, онъ глубоко цѣнилъ и ограждалъ его и у другихъ, которыхъ онъ зналъ ближе, какъ своихъ питомцевъ, учениковъ и многочисленныхъ сотрудниковъ. Здѣсь мы абсолютно не идеализируемъ личности Г. Г. Даниловича: какъ человѣкъ, онъ могъ ошибаться,—это общій удѣлъ всѣхъ людей, въ ихъ отношеніяхъ съ другими, въ массовой борьбѣ общественной и служебной жизни и пр. Но, кажется, наблюдая жизнь лицъ, руководящихъ другими, не трудно видѣть то, когда они дѣйствуютъ только лично для своихъ интересовъ, и когда они работаютъ всецѣло на общую пользу, по евангелію, для служенія и счастья другого. Мы видѣли, что Г. Г. жилъ уединенно, даже очень скромно для начальника и генерала, о которомъ тогда не мало говорили. Живя близко, мы не слышали, чтобы у него были какіе-либо вечера, исключая скромныхъ и рѣдкихъ собраній интеллигентныхъ его друзей, соединенныхъ высшими, культурными интересами. Говорили тогда, что Г. Г. посѣщалъ напр. кружокъ профессора Кавелина и изрѣдка другія интеллигентныя собранія. Боль-

шая часть вечеровъ у него занята была засѣданіями, дѣлами по корпусу и кабинетнымъ трудомъ.

Что же касается высшей административной карьеры, то онъ, сколько можно было видѣть, тоже не интересовался этимъ, какъ и матеріальными благами, которыми онъ былъ обезпеченъ для своей скромной жизни. Вообще, можно было видѣть, что Г. Г. работалъ и жилъ для другихъ, а не для себя только лично. Это мы видѣли, и многіе изъ насъ испытали это на себѣ, по нравственно-высокому довѣрію къ намъ покойнаго Г. Г. Если потомъ Императоръ Александръ III призвалъ Г. Г. на отвѣтственный постъ воспитателя своихъ дѣтей, то этимъ высоко-разумнымъ актомъ русскій царь осторожно, по особому выбору и довѣрію, опредѣлилъ личность Г. Г. Даниловича, какъ педагога-администратора, который уже тогда пользовался общей репутаціей, какъ выдающійся дѣятель. Это произошло при Александрѣ II, въ 1878 г. Такихъ выдающихся дѣятелей, съ ихъ высокими идеалами, выработанными въ жизни ими самими лично, каковымъ въ дѣйствительности былъ покойный Г. Г., всегда глубоко цѣнили и уважали всѣ разумные люди, начиная отъ высшихъ по положенію.

VIII.

Значеніе дѣятельности Г. Г. Даниловича въ развитіи общаго образованія военно-учебныхъ заведеній. Послѣдующая его работа и жизнь. Нѣкоторые случаи и эпизоды изъ жизни его.

Мы не ошибемся, если скажемъ, что выдающіяся заслуги Г. Г. Даниловича именно цѣнны тѣмъ, что, организуя педагогическіе курсы, для приготовленія дѣльныхъ учителей для тогдашнихъ военныхъ гимназій, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ насажденію и развитію идеи общаго у насъ образованія, понимаемаго въ его раціональномъ и прогрессивномъ смыслѣ. Цѣлью воспитанія и образованія воспитанника военной гимназіи поставленъ былъ тогда общій педагогическій идеалъ. Сначала стремились тогда воспитать и образовать человѣка вообще, а потомъ, уже примѣнительно къ военному быту, – офицера. Тогда старались о томъ, чтобы мальчикъ воспитывался и учился вообще, какъ всякій гражданинъ, который бы сталъ потомъ офицеромъ сознательно, по собственному его призванію и желанію. Дѣйствительно, въ 70-хъ годахъ было не мало такихъ молодыхъ людей, которые, окончивъ курсъ военныхъ гимназій, потомъ поступали въ разныя высшія учебныя заведенія, особенно спеціальныя, а также и въ университетъ, даже съ экза-

меномъ по древнимъ языкамъ, которыхъ вообще не преподавали никогда въ военныхъ гимназіяхъ. Но гдѣ же, скажутъ, результаты и плоды военныхъ гимназій, которыя опять обратили въ кадетскіе корпуса? На это можно только отвѣтить вообще, что военныя гимназіи дали не мало хорошихъ и дѣльныхъ офицеровъ Россіи, которые заявили себя истинными героями въ русско-турецкую войну 1878 г., въ другихъ своихъ подвигахъ и заслугахъ отечеству того времени.

Что же касается личности Г. Г. Даниловича, то мы только здѣсь можемъ сказать, что, благодаря его выдающимся способностямъ и энергіи, подъ его руководствомъ вышелъ цѣлый рядъ преподавателей и дѣятелей по народному образованію у насъ въ Россіи. При существованіи педагогическихъ курсовъ, организованныхъ Г. Г., ежегодно дополнялся и освѣжался составъ преподавателей военныхъ гимназій основательно и практично подготовленными кандидатами. Отмѣченное выше недовѣріе директоровъ нѣкоторыхъ военныхъ гимназій, при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ работой кандидата-педагога, постепенно сглаживалось и исчезало. Въ теченіе своей 30-лѣтней службы это отрадное явленіе я наблюдалъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи. Когда узнавали ближе бывшихъ кандидатовъ-педагоговъ, то ихъ больше потомъ цѣнили и уважали, какъ начальники, такъ и товарищи. Подъ вліяніемъ такого знакомства, нѣкоторые изъ молодыхъ учителей, уже со службы, также потомъ поступали на курсы. Правда, что нѣкоторые упреки относительно курсовъ отчасти были и справедливы. Тогда кандидатовъ-педагоговъ упрекали въ излишнемъ методизмѣ и пр., о чемъ уже отчасти сказано выше. Но вѣдь нужно было взять во вниманіе то время, когда у насъ тогда увлекались нѣмецкой школой не только молодые и неопытные педагоги, но и болѣе умудренные въ жизни. Прошло потомъ увлеченіе русскихъ педагоговъ нѣмецкими методиками; сталъ постепенно исчезать изъ русской школы и методизмъ, съ его первоисточникомъ, нѣмецкаго происхожденія и образца.

Но педагогическіе курсы, организованные Г. Г. Даниловичемъ, кромѣ военно-учебныхъ заведеній, дали потомъ цѣлый рядъ полезныхъ дѣятелей и администраторовъ для школъ другихъ вѣдомствъ. Многіе изъ бывшихъ кандидатовъ-педагоговъ впослѣдствіи заняли мѣста директоровъ, инспекторовъ и даже главныхъ начальниковъ цѣлаго ряда учебныхъ заведеній. Таковы мѣста по высшей учебной администраціи занимали: З. Б. Вулихъ, бывшій начальникъ спб. женскихъ гимназій, Н. А. Бетхеръ; не мало также изъ кандидатовъ-педагоговъ были инспекторами женскихъ гимназій, особенно въ столицѣ. Затѣмъ, спб. земская учительская школа, основан-

ная еще при первомъ ея инспекторѣ, И. Ѳ. Рашевскомъ, можно сказать, долгое время представляла собою замѣтное подражаніе педагогическимъ курсамъ, устроеннымъ Г. Г. Даниловичемъ. Инспекторъ этой семинаріи, бывшій кандидатъ-педагогъ, П. А. Аникіевъ слишкомъ, кажется, 30 лѣтъ пробылъ въ этомъ учрежденіи преподавателемъ и инспекторомъ. Въ этомъ симпатичномъ учрежденіи долго работали въ качествѣ преподавалей бывшіе также кандидаты-педагоги, покойные теперь: Медеръ, Бетхеръ, Докучаевъ и др. Пишущему эти строки тоже, въ теченіе 14 лѣтъ, пришлось поработать здѣсь съ прежними своими коллегами по педагогическимъ курсамъ. Конечно, бывшіе кандидаты-педагоги проводили свои идеи и методы, исходя изъ принциповъ и требованій народной школы. Также изъ бывшихъ кандидатовъ-педагоговъ на видномъ административномъ поприщѣ трудится и теперь С. С. Григорьевъ, который завѣдуетъ техническими училищами министерства народнаго просвѣщенія и др. Мало теперь уже осталось въ живыхъ бывшихъ кандидатовъ-педагоговъ временъ незабвеннаго Г. Г. Даниловича, какъ выдающагося дѣятеля. Когда онъ былъ приглашенъ во дворецъ, то сюда же онъ привлекъ къ дѣлу нѣкоторыхъ руководителей педагогическихъ курсовъ, напр., И. Ѳ. Рашевскаго, В. А. Евтушевскаго и изъ бывшихъ кандидатовъ-педагоговъ: З. Б. Вулиха, І. Е. Мандельштама и др.

Кромѣ практической дѣятельности преподавателей и администраторовъ школъ, многіе, можно сказать, большая часть, бывшихъ сотрудниковь и питомцевъ педагогическихъ курсовъ, съ пользой для русской школы, потрудились на литературномъ поприщѣ, гдѣ тоже твердо, умѣло и послѣдовательно проводили принципы здравой педагогіи, выработанные на курсахъ. Здѣсь мы не можемъ дать подробныхъ данныхъ. Но достаточно назвать, положимъ, педагогическіе журналы 70-хъ годовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Въ „Педагогическомъ Сборникѣ“, издаваемомъ главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній, вы встрѣтите массу статей бывшихъ кандидатовъ-педагоговъ: Запольскаго, Вулиха и многихъ другихъ. Здѣсь еще отмѣтимъ: въ концѣ сентября 1907 г. состоялось чествованіе 25-лѣтія редакторства „Пед. Сборника“, которое такъ умѣло ведетъ уважаемый А. Н. Острогорскій, одинъ изъ рѣдкихъ военныхъ педагоговъ временъ Г. Г. Даниловича. Маститый педагогъ-литераторъ трудится уже почти 50 лѣтъ, былъ также воспитателемъ во 2-й военной гимназіи. То же находимъ въ бывшихъ журналахъ: „Народной Школѣ“, „Педагогическомъ Музеѣ“, „Семьѣ и Школѣ“. Нѣкоторыми изъ кандидатовъ-педагоговъ составлены также дѣльные учебники для школъ, которые одобрены и

оправданы удачной практикой ихъ въ школахъ. Многіе изъ питомцевъ курсовъ трудились еще съ успѣхомъ, какъ члены бывшаго „Педагогическаго Общества", что при 2-й гимназіи, въ различныхъ съѣздахъ, комиссіяхъ и собраніяхъ „Педагогическаго Музея", что въ Соляномъ Городкѣ и др.

По уходѣ съ курсовъ Г. Г. Даниловича, мѣсто предсѣдателя, до ихъ закрытія, занималъ бывшій директоръ Педагогическаго Музея А. Н. Макаровъ. Этотъ высокоуважаемый педагогъ-ветеранъ, на своемъ 50-лѣтнемъ юбилеѣ, который въ маѣ прошлаго года ему справляли наши педагоги, въ своемъ отвѣтѣ на привѣтствія между прочимъ, съ глубоко-отраднымъ чувствомъ вспоминалъ о своемъ предшественникѣ и сотрудникѣ, Г. Г. Даниловичѣ, съ которымъ онъ поработалъ на педагогическомъ поприщѣ, при 2-й военной гимназіи. Отдавши должную дань заслугамъ своего предшественника Г. Г., почтенный юбиляръ также особенно рельефно очертилъ его симпатичный образъ.

Въ виду всего сказаннаго о Г. Г. Даниловичѣ, какъ выдающемся педагогѣ, нужно вообще отмѣтить, что самоотверженные труды этого рѣдкаго у насъ дѣятеля еще болѣе и лучше будутъ оцѣнены другими въ исторіи русскаго просвѣщенія. Много нужно было данныхъ для того, чтобы Г. Г. такъ удачно создать институтъ серьезно и умѣло подготовленныхъ педагоговъ для нашей средней школы въ то время. Благодаря своему таланту, всестороннему образованію, необычайной энергіи и самопожертвованію, Г. Г. Даниловичъ, при содѣйствіи своихъ, удачно выбранныхъ имъ талантливыхъ сотрудниковъ, воспиталъ для русской школы, хотя не особенно многочисленное, но высоко полезное учрежденіе и институтъ дѣльныхъ педагоговъ, которые, почти въ теченіе истекшаго полустолѣтія, трудились и теперь еще работаютъ на нивѣ русской школы. Времена измѣнились; пошло другое теченіе нашей жизни. Закрыты были педагогическіе курсы, организованные Г. Г. Даниловичемъ. Но идеи и принципы, также педагогическіе его идеалы опять оживаютъ: теперь снова открыты педагогическіе курсы для приготовленія воспитателей и преподавателей кадетскихъ корпусовъ. Этими курсами, какъ сказано, прежде руководилъ директоръ Педагогическаго Музея, что въ Соляномъ Городкѣ, А. Н. Макаровъ, который, какъ уже отмѣчено выше, былъ сотрудникомъ Г. Г. Даниловича и продолжалъ его дѣло, при 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Конечно, нынѣшніе курсы, какъ это было видно, между прочимъ, на 50-лѣтнемъ юбилеѣ А. Н. Макарова, по своей широкой постановкѣ научнаго образованія, при его современномъ развитіи и прогрессѣ, сравнительно съ прежнимъ, поставлены на большую

высоту. Съ прошлаго учебнаго года директоромъ П. М. и курсовъ для педагоговъ состоитъ генералъ-маіоръ З. А. Макшеевъ. При организаціи прежнихъ педагогическихъ курсовъ для военныхъ гимназій, при Г. Г. Диниловичѣ, слишкомъ 30 лѣтъ тому назадъ, какъ уже тоже отмѣчено, было такое теченіе, чтобы соединить въ школѣ практику съ теоріей, чтобы наука прочно и плодотворно дѣйствовала на ученика; тогда заботились развивать ученика и пріучать его къ самостоятельности, хотя и при меньшемъ научномъ матеріалѣ. Но съ другой стороны нужно брать во вниманіе и историческія условія: въ 60 и 70-хъ годахъ были другіе педагогическіе идеалы, чѣмъ теперь.

Какъ бы тяжело ни было время, которое мы переживаемъ теперь, но надежды на лучшее будущее намъ терять нельзя. Такіе выдающіеся по своему нравственному идеалу личности, каковымъ былъ Г. Г. Даниловичъ, поддерживаютъ и укрѣпляютъ наше чувство вѣры и надежды на лучшее будущее нашей жизни вообще и особенно нашей школы.

Что касается послѣдней дѣятельности Г. Г. въ качествѣ руководителя воспитаніемъ и обученіемъ Государя Императора, Августѣйшихъ Его Братьевъ и Сестеръ, то нужно сказать, что свѣдѣнія объ этомъ не составляютъ предмета предлагаемой статьи: здѣсь мы старались, по мѣрѣ нашего знакомства и разумѣнія, на основаніи своихъ личныхъ воспоминаній, а также и другихъ источниковъ, дать возможную характеристику Г. Г. Даниловича, главнымъ образомъ, какъ организатора и выдающагося дѣятеля по руководству педагогическими курсами, бывшими при 2-й военной гимназіи. Какъ уже сказано, во дворецъ Г. Г. приглашенъ былъ еще въ 1877 г.; слѣдовательно, здѣсь онъ пробылъ около 30 лѣтъ. Свѣдѣній объ этой дѣятельности покойнаго Г. Г. пока еще нѣтъ, но они, въ смыслѣ ихъ важнаго историческаго значенія и интереса, какъ сказано въ началѣ нашей статьи, еще будутъ обнародованы. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что и въ царской семьѣ, какъ и на своей службѣ вообще, покойный Г. Г. стоялъ на подобающей ему нравственной высотѣ. Говорили, что съ этого времени Г. Г. уже отдалился отъ круга педагоговъ и будто бы сторонился ото всѣхъ. Но это тоже едва-ли такъ. Въ то время я уѣхалъ на службу въ Кіевъ, гдѣ пробылъ 10 лѣтъ. Поэтому Г. Г. мнѣ потомъ почти не пришлось и видѣть. Но по пріѣздѣ вторично въ Петербургъ, я много слышалъ объ немъ, хотя я избѣгалъ свиданія съ нимъ, изъ опасенія стѣснить его. Но не мало пришлось слышать о Г. Г. отъ покойнаго И. Ѳ. Рашевскаго и своего земляка, покойнаго профессора И. Н. Жданова, который тоже преподавалъ исторію русской

литературы Государю Императору и ихъ Императорскимъ Высочествамъ, дѣтямъ Императора Александра III. По разсказамъ этихъ педагоговъ, Г. Г. Даниловичъ такъ же добросовѣстно, честно и разумно работалъ въ царской семьѣ, какъ и на прежней своей службѣ.

Всецѣло отданный выполненію своего высокаго долга, онъ и здѣсь такъ же жилъ скромно и просто, какъ и во 2-й военной гимназіи. Тогда разсказывали, между прочимъ, такой эпизодъ: собравшіеся, по приглашенію Государя, педагоги разъ сказали шутя Г. Г., что, вѣроятно, онъ будетъ министромъ; на это онъ имъ отвѣтилъ: „хотя бы мнѣ и предложили это, я бы не позволилъ себѣ принять такое дѣло".

Вообще и здѣсь покойный Г. Г. былъ вѣренъ себѣ и твердо проводилъ свой неизмѣнный принципъ—всецѣло служить дѣлу общаго блага. Зная, несомнѣнно, выдающуюся натуру Г. Г. Даниловича, можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что онъ и здѣсь стоялъ на той высотѣ выдающагося педагога-администратора, на которой онъ былъ и прэжде, во 2-й военной гимназіи, гдѣ онъ былъ такъ популяренъ, въ истинномъ значеніи этого слова. Какъ передавали, и въ царской семьѣ умная, симпатичная и энергичная личность Г. Г. была цѣнима всѣми. Будемъ надѣяться, что будущіе труды историковъ оправдаютъ это и полнѣе освѣтятъ рѣдкую у насъ личность Г. Г.

Да, много труда и силъ положилъ для другихъ Г. Г. Пробывши 14 лѣтъ на отвѣтственномъ вообще мѣстѣ директора только-что впервые преобразованной тогда 2-й военной гимназіи, онъ съ полнымъ самоотверженіемъ работалъ для воспитанія и образованія ввѣренныхъ ему дѣтей. Тотъ же великій подвигъ онъ совершилъ для подготовленія хорошихъ учителей, лишая себя семейныхъ, общественныхъ и житейскихъ радостей и утѣхъ. Позволю себѣ здѣсь привести еще такой разсказъ, извѣстный тогда намъ: разъ Г. Г. проходилъ по корридору младшаго возраста воспитанниковъ 2-й военной гимназіи; вдругъ къ нему подбѣгаетъ одинъ изъ мальчиковъ, вѣроятно, настроенный домашними разговорами, и спрашиваетъ откровенно Г. Г.: „отчего вы не женитесь?" На это Г. Г. ему добродушно отвѣтилъ: „Ты, кажется, видишь, что я занятъ и такъ у меня много дѣла, что мнѣ некогда объ этомъ и думать". Все это мальчикъ передавалъ и другимъ, нисколько не смущаясь. Вообще, въ наше время, начала 70-хъ годовъ, репутація Г. Г. Даниловича, какъ рѣдкаго человѣка и выдающагося педагога, установилась уже солидно и прочно. Въ массѣ разсказовъ объ его личности, иногда и добродушно-комическаго оттѣнка, обрисовывался рѣдкій умъ, талантъ Г. Г., также его гуманность, соединенная со справедливыми требованіями долга. Нужно еще отмѣтить, что въ

собраніяхъ, въ минуты душевнаго и свѣтлаго настроенія, иногда Г. Г. и самъ увлекалъ другихъ живыми и интересными разсказами изъ жизни, которую онъ умѣлъ наблюдать; тогда рѣчь его лилась плавно, какъ чистый и прозрачный ручей. Всѣ слушали его тогда съ наслажденіемъ, какъ остроумнаго и симпатичнаго собесѣдника. Эта черта въ натурѣ Г. Г. проявлялась не только въ частныхъ собраніяхъ, но даже иногда и въ засѣданіяхъ конференціи, въ минуты его свѣтлаго настроенія. Отмѣчая эту симпатичную черту Г. Г., мы имѣемъ въ виду устранить или, по крайней мѣрѣ, смягчить то мнѣніе, что Г. Г., какъ всегда сосредоточенный и только думавшій о дѣлѣ, былъ будто-бы далекъ отъ дѣйствительной жизни, съ ея радостями и печалями, не чуждыми даже и дѣтямъ. Бывая изрѣдка на собраніяхъ и обѣдахъ сослуживцевъ и знакомыхъ, Г. Г. держалъ себя просто и непринужденно; иногда даже позволялъ себѣ добродушныя шутки и пр. Припоминаю разъ такое благодушное его настроеніе на одномъ обѣдѣ, въ честь одного сослуживца, устроенномъ во 2-й военной гимназіи. Всѣ сослуживцы уже были въ сборѣ, кромѣ Г. Г., котораго задержали по дѣлу. Послѣ нѣкотораго ожиданія появляется и нашъ уважаемый директоръ. Его встрѣчаетъ распорядитель и собравшіеся сослуживцы, въ числѣ которыхъ былъ казначей Я. старый полковникъ. Обращаясь ко всѣмъ и указывая на Я—ва, Г. Г. довольно громко и добродушно замѣтилъ: „Вѣдь вотъ исправный сослуживецъ: не прозѣваетъ ни одного званнаго обѣда и пирушки; всегда является первый“. Эта добродушная встрѣча со стороны Г. Г. такъ подѣйствовала на всѣхъ присутствовавшихъ тогда, что весь обѣдъ прошелъ интересно и оживленно для всѣхъ.

Изъ этого и многихъ другихъ такихъ случаевъ мы видѣли, что всегда сосредоточенный и строгій къ себѣ въ дѣлѣ Г. Г., внѣ этой сферы, былъ такой же общественный, гуманный и симпатичный членъ семьи и общества, какъ и другіе. Позволю себѣ еще припомнить такой случай: изъ кандидатовъ-педагоговъ былъ нѣкто г. М. который, при своемъ веселомъ характерѣ, обладалъ способностью подражать другимъ, что онъ даже обнаруживалъ при участіи на сценѣ домашнихъ театровъ. М. довольно удачно умѣлъ воспроизводить также рѣчь и интонацію голоса Г. Г., но все это продѣлывалъ М. добродушно, не только не унижая авторитета Г. Г., но, наоборотъ, этимъ еще рельефнѣе обрисовывалъ выдающуюся личность его.

Между прочимъ, вотъ разсказъ, переданный покойнымъ тоже теперь, тѣмъ же бывшимъ кандидатомъ-педагогомъ М.: у Г. Г. была привычка повторять въ разговорѣ фразу: „Сдѣлайте одолже-

ніе!“ Эти слова Г. Г. повторялъ въ разговорѣ въ смыслѣ своего соглашенія, или одобренія. Въ наше время пребыванія на курсахъ, пріѣзжалъ въ Петербургъ бывшій руководитель, извѣстный тогда педагогъ, теперь тоже покойный, Д. Д. Семеновъ. По случаю пріѣзда въ столицу своего бывшаго сотрудника и сослуживца, Г. Г. устроилъ у себя маленькую пирушку, или ужинъ, куда приглашенъ былъ и молодой преподаватель, упомянутый выше М. Во время ужина М. какъ-то неловко повернулся, отчего отбилась ножка у стараго кресла директора. Молодой М. сильно сконфузился и сталъ извиняться предъ хозяиномъ. „Что же на это сказалъ Г. Г?“, стали мы спрашивать молодого педагога. „Да онъ сказалъ мнѣ добродушно, какъ всегда: „Сдѣлайте одолженіе!“ Все это покойный М. умѣлъ передать такъ естественно, съ комическимъ оттѣнкомъ, что невольно у всѣхъ вызывалъ добродушный и искренній смѣхъ.

Покойный М., благодаря своей тонкой наблюдательности и постоянному соприкосновенію по курсамъ и службѣ во 2-й военной гимназіи, разсказывалъ массу случаевъ и эпизодовъ изъ жизни Г. Г. Разсказы эти были тогда популярны въ нашемъ кругу.

Отмѣчая случаи изъ жизни Г. Г. Даниловича, которые такъ или иначе обрисовываютъ его умственную и симпатичную личность и, вообще, его натуру, глубоко все-таки сосредоточенную въ себѣ, нельзя еще не отмѣтить его самостоятельности и отсутствія ухаживанья предъ высшими себя. Въ 60 и 70-хъ г.г. 2-я военная гимназія, при ея новомъ тогда директорѣ—Г. Г. Даниловичѣ, первая подверглась реформѣ, на новыхъ началахъ и принципахъ, обнародованныхъ Императоромъ Александромъ II. Этимъ преобразованнымъ вновь учебнымъ заведеніемъ интересовались тогда всѣ, кому были близки вопросы воспитанія и обученіи.

Вторую военную гимназію, съ ея педагогическими курсами, посѣщали многія высокопоставленныя лица, начиная съ высочайшихъ особъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Г. Г. Даниловичъ, какъ директоръ, держалъ себя самостоятельно и вообще корректно.

При всей присущей ему скромности, въ этихъ особыхъ случаяхъ Г. Г. большею честью предоставлялъ право сопровождать почетныхъ посѣтителей инспектору, или кому-либо другому изъ старшихъ сослуживцевъ. Въ необходимыхъ же, и особенно выдающихся случаяхъ, онъ являлся и самъ. Такъ было при посѣщеніи 2-й военной гимназіи покойнымъ Императоромъ Александромъ II, также ближайшими начальниками: военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ и главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исаковымъ. Эти важнѣйшіе дѣятели той эпохи преобразованій военно-учебныхъ заведеній болѣе подробно и обстоятельно

входили въ сущность и детали педагогическаго дѣла. Здѣсь необходимо было личное присутствіе Г. Г., который давалъ необходимыя свѣдѣнія и объясненія. Помню, наше общежитіе на курсахъ посѣщалъ безъ директора одинъ великій князь, Н. В. Исаковъ и др., ихъ тогда сопровождалъ К. К. Сентъ-Илеръ; Г. Г. находился въ это время дома, хотя и зналъ о посѣщеніи. Еще бывши на курсахъ, мы вполнѣ цѣнили и уважали это самостоятельное и независимое положеніе, которое создалъ себѣ покойный Г. Г. Скромный въ своихъ житейскихъ требованіяхъ, при тихомъ образѣ жизни, полномъ благотворнаго труда на пользу другихъ, какъ уже нами отмѣчено, Г. Г. не искалъ на землѣ высшихъ почестей и богатства. При нравственной, доброй и честной жизни, ему не нужно было показывать у себя по службѣ „товаръ лицомъ". Г. Г. заботился о воспитаніи души ввѣренныхъ ему дѣтей, чтобы они привыкали къ простой и трудовой жизни въ будущемъ, которую онъ и самъ постоянно велъ, не увлекаясь пагубнымъ честолюбіемъ и внѣшнимъ блескомъ. Скромность, присущая Г. Г., подмѣчали и другіе. Когда я былъ еще на курсахъ, то помню, что по случаю царскаго дня въ Петергофѣ собрались у церкви генералы, въ числѣ которыхъ былъ и Г. Г. Собравшіеся ожидали Высочайшаго выхода. Въ публикѣ былъ одинъ заслуженный придворный протоіерей, который долго смотрѣлъ на Г. Г., о которомъ слышалъ тоже многое. Послѣ, въ разговорѣ со мной, этотъ о. протоіерей сказалъ мнѣ: „я долго любовался вашимъ генераломъ Даниловичемъ: онъ такъ умно и симпатично выглядывалъ, что я просто восхищался его скромной и пріятной личностью".

IX.

Послѣдніе годы въ жизни Г. Г. и его кончина. Заключеніе: историческое и нравственное значеніе личности Г. Г. Даниловича, какъ выдающагося педагога.

Уже давно ходили слухи о томъ, что покойный Г. Г. Даниловичъ сталъ серьезно болѣть и хворать. Отдавая свой, богатый благими послѣдствіями, трудъ на пользу другихъ, онъ дожилъ до глубокой старости, именно благодаря правильному и строгому образу своей жизни. Какъ уже сказано выше, Г. Г. умеръ на 82 г. своей жизни. Во время своей службы во 2-й гимназіи, какъ мы хорошо знали, у него было строго и методично распредѣлено время для труда. Вставалъ онъ рано. Поступая на курсы, я дивился тому, когда, напримѣръ, мнѣ сказали, что Г. Г. можно видѣть у себя дома, до 8 часовъ утра, то есть до того времени, когда уже на-

чинались уроки въ военной гимназіи. Въ эти же часы его можно было видѣть иногда на занятіяхъ въ гимназіи. Ведя строго правильный образъ жизни, при своей скромной физической наружности, онъ былъ крѣпокъ духомъ. Послѣднія 10 лѣтъ своей жизни, говорятъ, онъ сталъ замѣтно слабѣть силами. Давно у него уже стала обнаруживаться слабость зрѣнія, на что онъ иногда жаловался, еще бывши директоромъ. Слишкомъ 35 лѣтъ тому назадъ, онъ обходился больше безъ очковъ, но читалъ и писалъ уже съ очками на глазахъ. Видѣвшіе въ послѣдніе время Г. Г. говорили, что онъ почти ничего не видѣлъ, съ трудомъ читалъ и писалъ; при этомъ онъ также не могъ ходить отъ слабости въ ногахъ. Правда, очевидцы говорили, что еще незадолго до смерти видѣли Г. Г. въ Лѣтнемъ саду, куда онъ пріѣзжалъ для обычныхъ прогулокъ.

Но при всѣхъ этихъ физическихъ недугахъ и общей слабости, онъ сохранялъ ясность ума и крѣпость памяти; разсказываютъ такой случай: бывши у одного изъ преподавателей августѣйшихъ особъ, чтобы пригласить его на уроки, Г. Г. спросилъ о мальчикѣ, сынѣ преподавателя, котораго онъ видѣлъ еще ребенкомъ, лѣтъ около 20 тому назадъ. Бывшіе преподаватели въ царской семьѣ, на вопросы о Г. Г., говорили, что хотя онъ въ послѣднее время сильно ослабѣлъ и терялъ свои силы, но продолжалъ интересоваться и слѣдить за дѣломъ обученія и воспитанія, которое ему было довѣрено. Въ эти послѣдніе годы также сказалась всегдашняя высокогуманная черта Г. Г., по отношенію къ бывшихъ преподавателямъ: онъ старался обезпечить и устроить ихъ семьи, въ награду за понесенные ими труды, напримѣръ, онъ хлопоталъ ихъ обезпечить пенсіей и пр. Съ чувствомъ искренней и глубокой благодарности они вспоминаютъ все это и молятъ за добраго и справедливаго Г. Г., который всегда умѣлъ цѣнить трудъ педагоговъ. Повторяемъ еще разъ, что о жизни и трудахъ Г. Г. во дворцѣ мы подробно не знаемъ, исключая частныхъ и отрыводныхъ свѣдѣній, нѣкоторыми его сотрудниками отмѣченныхъ выше. Надѣемся, что записки, которыя здѣсь велъ Г. Г., о чемъ сказано въ его некрологѣ, еще болѣе и полнѣе освѣтятъ его симпатичный образъ. Нужно вѣрить и надѣяться, что въ интересѣ исторической правды этотъ драгоцѣнный матеріалъ не пропадетъ безслѣдно для потомства. Всегда глубоко сосредоточенный въ себѣ самомъ, можно сказать, покойный Г. Г. былъ силенъ и крѣпокъ духомъ, или, какъ говорятъ теперь, жилъ нервами. Многое онъ наблюдалъ; многое изучалъ своимъ богато одареннымъ умомъ; но главное, все это оригинально и прочно онъ обрабатывалъ въ своемъ сознаніи. Объ этой богатой силѣ его духа мы уже не разъ говорили здѣсь. Не

претендуя на психологію, кажется, въ этомъ отношеніи, можно наблюдать такой фактъ духовной стороны человѣка: люди, выдающіеся своей особой энергіей и силой духа, постоянно упражняя и укрѣпляя ее, именно и достигаютъ этимъ своего, возможнаго для нихъ, совершенства. По нашему крайнему разумѣнію, такъ или иначе, это все можно, вообще, объяснить; но все-таки нужно сказать, что Г. Г. Даниловичъ, во всякомъ случаѣ, принадлежалъ къ разряду особо выдающихся и рѣдкихъ натуръ въ нашей обычной, сѣрой дѣйствительности, которая теперь еще осложняется разными неожиданными явленіями и событіями.

Нужно также сказать, что мы, бывшіе его питомцы и ученики, интересовались положеніемъ Г. Г., хотя онъ и стоялъ отъ насъ далеко и находился въ другихъ сферахъ. Мы знали и вѣрили, что до самой кончины Г. Г. былъ вѣренъ своимъ идеаламъ. Мы знали, что принципы, убѣжденія и нравственные идеалы, выработанные тяжелымъ и продолжительнымъ опытомъ жизни Г. Г., были у него тверды, постоянны и устойчивы. Въ этомъ отношеніи нужно быть увѣреннымъ и далекимъ отъ того, чтобы думать о какой-либо реакціи, или перемѣнѣ убѣжденій Г. Г.

Затѣмъ нужно сказать, что, зная Г. Г., можно думать, что онъ былъ вообще далекъ отъ разныхъ вѣяній и теченій высшихъ сферъ. Вѣрный своимъ педагогическимъ, высоконравственнымъ идеаламъ, онъ тихо, но плодотворно выполнялъ свое отвѣтственное дѣло. Такъ объ этомъ намъ говорили люди, стоявшіе у этого дѣла. До послѣднихъ минутъ своей жизни, намъ говорили, Г. Г. живо интересовался учебнымъ дѣломъ въ Царской семьѣ.

Но пришелъ конецъ и земной жизни Г. Г. Узнавши изъ газетъ о кончинѣ его, я отправился въ квартиру покойнаго, чтобы побыть на панихидѣ. Тихо и мирно лежалъ въ гробу нашъ почившій учитель и наставникъ. Въ его скромной квартирѣ, при Аничковомъ дворцѣ, собрались бывшіе его сослуживцы по военно-учебнымъ заведеніямъ, напр., А. Н. Макаровъ и др. Пасхальное пѣніе у гроба почившаго производило свое неотразимое дѣйствіе, соединенное со свѣтлымъ и отраднымъ чувствомъ надежды въ будущемъ мірѣ для усопшаго, положившаго свою душу для другихъ... Одно изъ близкихъ лицъ, находившееся при кончинѣ Г. Г., передавало, между прочимъ, бывшимъ на панихидѣ, что покойный передъ смертью былъ слабъ, что кончина его была вообще тихая. Отдавши, по христіанскому обычаю, „послѣднее цѣлованіе умершему“, лежавшему съ открытымъ лицомъ въ гробу, мы отправились домой...

Пришлось намъ побыть и при выносѣ тѣла Г. Г. Подобающія военному генералу воинскія почести, отданныя открыто почившему

Г. Г., въ послѣдній уже разъ напоминали всѣмъ объ его высокомъ трудѣ и заслугахъ для Россіи. Но съ грустью еще нужно отмѣтить, что переживаемое нами теперь тревожное и тяжелое время таково, что даже кончина и утрата выдающихся дѣятелей и педагоговъ какъ-то проходитъ незамѣтно. Отмѣтимъ здѣсь, что, напр., о кончинѣ, и особенно о заслугахъ Г. Г. въ повременной печати не много было говорено вообще.

Наконецъ, что касается историческаго значенія дѣятельности покойнаго Г. Г. Даниловича, то нужно еще сказать, что ее слѣдуетъ разсматривать въ связи съ той эпохой, когда онъ выступилъ на общественное поприще, какъ выдающійся педагогъ. Призванный къ высокой дѣятельности обновить и преобразовать нашу военную школу, послѣ крымскаго разгрома, покойный Г. Г., какъ уже тоже сказано выше, благодаря своему выдающемуся уму, таланту, широкому и всестороннему образованію, необычайной энергіи, самопожертвованію и гуманности, съ честью выполнилъ свою высокую и отвѣтственную миссію воспитателя, наставника и руководителя многочисленныхъ своихъ питомцевъ, юношей, умѣлыхъ и опытныхъ педагоговъ. Онъ явился новаторомъ обновлявшейся тогда военной школы, на ея разумныхъ и прогрессивныхъ началахъ. 14 лѣтъ трудился Г. Г., какъ директоръ преобразованной тогда 2-й военной гимназіи. Бывшіе питомцы искренно любили и высоко уважали своего гуманнаго директора Г. Г. Даниловича; любили его, какъ отца, особенно бѣдные изъ нихъ. Особенно же незабвенна для потомства останется благотворная дѣятельность его, какъ перваго у насъ въ Россіи организатора и руководителя педагогическихъ курсовъ, которые дали столько полезныхъ педагоговъ, не только для военныхъ, общеобразовательныхъ школъ, но, въ значительной степени, и для другихъ подобныхъ учрежденій въ Россіи. Глубоко признательными должны остаться къ высоко полезной дѣятельности Г. Г. Даниловича тѣ, которые знали все это и видѣли на дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи онъ, по своимъ заслугамъ, какъ выдающійся педагогъ, служитъ лучшимъ украшеніемъ въ томъ ряду высоко полезныхъ дѣятелей, которымъ было славно царствованіе незабвеннаго Царя-Освободителя. Тѣмъ же неугасимымъ свѣточемъ онъ былъ и послѣ.

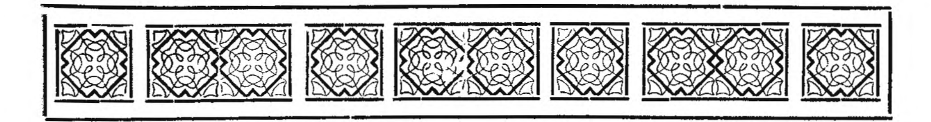
Велико должно быть и нравственное значеніе дѣятельности Г. Г. Даниловича: постоянно и неуклонно работая надъ своимъ внутреннимъ самоусовершенствованіемъ, отдавая свои богатыя дарованія и непрестанную дѣятельность всецѣло для другихъ, онъ шелъ неуклонно къ тому высокому идеалу, который завѣщанъ намъ І. Христомъ и Его послѣдователями. Въ этомъ самоотверженіи Г. Г.

для блага другихъ, по нашему крайнему разумѣнію, и заключается высокопоучительный смыслъ и значеніе благотворной дѣятельности его, какъ выдающагося педагога. Память о такихъ людяхъ не умираетъ въ потомствѣ: она возбуждаетъ его къ бодрой работѣ для будущаго. Особенно же дорога память о такихъ дѣятеляхъ въ наше тяжелое время; такіе дѣятели, какъ Г. Г., не падали духомъ въ тяжелой борьбѣ, потому что умѣли питать и укрѣплять его для общаго блага.

Вѣчная память дорогому учителю и рѣдкому человѣку—Г. Г. Даниловичу!

М. Прокопьевъ.

Къ біографіи М. Н. Муравьева.

Не смотря на то, что протекло уже 100 лѣтъ со смерти Михаила Никитича Муравьева, мы до сихъ поръ не имѣемъ сколько-нибудь полной его біографіи. Какъ извѣстно, Михаилъ Никитичъ былъ учителемъ и „приставникомъ“ Императора Александра I и великаго князя Константина Павловича, и съ этой стороны было бы очень важно знать, что былъ за человѣкъ Муравьевъ, каково было его вліяніе на своихъ высокихъ питомцевъ и т. п. Пыпинъ въ своемъ „Общественномъ движеніи“ и Буличъ въ „Очеркахъ“ очень глухо отзываются о педагогической дѣятельности Муравьева, вѣроятно, именно вслѣдствіе недостатка знакомства съ сочиненіями послѣдняго, а также его біографіей. Мы привыкли „звать варяговъ“ всякій разъ, какъ у насъ что-нибудь случится, и все готовы имъ приписать. Въ данномъ случаѣ сформированіе характера Александра I, его наклонностей, а главнымъ образомъ образованіе мы всецѣло почти приписываемъ Лагарпу,— между тѣмъ въ этомъ Михаилъ Никитичъ игралъ не маловажную роль. Правда, у насъ нѣтъ такого свидѣтельства относительно роли Муравьева въ жизни Александра I, какъ относительно Лагарпа, но это отчасти могутъ восполнить его сочиненія, а также дружескія отношенія Благословеннаго къ своему воспитателю изъ русскихъ.

Но личность Муравьева важна и въ другомъ отношеніи — вѣдь онъ былъ товарищемъ министра нар. просвѣщенія и попечителемъ Московскаго университета. И въ той и другой дѣятельности имъ было сдѣлано очень много. Вотъ слова Александра I относительно того, какую роль игралъ Муравьевъ въ министерствѣ: „Ваше сожалѣніе“, пишетъ Императоръ Лагарпу, „о назначеніи Завадовскаго уменьшится, когда вы получите вѣрныя свѣдѣнія относительно организаціи ввѣреннаго ему министерства. Онъ самъ нуль. Совѣтъ, составленный изъ Муравьева, Клингера, Чарторыйскаго, Новосильцева

и т. д., управляетъ всѣмъ“ (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. V, стр. 39). Что же касается дѣятельности Муравьева на поприщѣ попечителя Московскаго университета, то она отчасти выяснена проф. Шевыревымъ въ его „Исторіи Московскаго университета“.

Ниже мы приводимъ два документа, найденные нами при разборѣ бумагъ Муравьева, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ, которыя помѣщаемъ съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника. Одинъ изъ этихъ документовъ содержитъ лѣтнее росписаніе уроковъ для великихъ князей, а другой касается причины перехода Муравьева изъ военной службы въ гражданскую. Кромѣ того, изъ него мы видимъ, что Михаилъ Никитичъ былъ не только учителемъ Александра I въ русскомъ языкѣ, но и его супруги, тогда еще принцессы баденской.

I.

Порядокъ ученія Ихъ Императорскихъ Высочествъ великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича [1]).

По утрамъ:

Всѣ дни недѣли съ господиномъ де Ларпомъ [2]).

После обѣда:

Въ понедѣльникъ: оба великіе князья рисуютъ, а послѣ учатся: Александръ Павловичъ по-англійски, Константинъ Павловичъ погречески.

Во вторникъ: первые часы съ господиномъ де Ларпомъ, а послѣдніе съ господиномъ Муравьевымъ по-русски.

Въ среду: Александръ Павловичъ начинаетъ по-нѣмецки, а кончитъ по-англійски, а Константинъ Павловичъ начинаетъ по-гречески, а кончитъ по-нѣмецки.

*Въ четверг*ъ: сперва рисуютъ, а потомъ учатся съ господиномъ де Ларпомъ.

Въ пятницу: Александръ Павловичъ начинаетъ по-нѣмецки, а кончитъ по-русски; а Константинъ Павловичъ начинаетъ по-русски, а кончитъ по-нѣмецки.

Въ субботу: оба великіе князья учатся физикѣ у господина Крафта.

---

[1]) См. рукоп. Муравьева № 34, л. 45.

[2]) Лагарпомъ.

Въ *среду* и *пятницу*: оба великіе князья танцуютъ съ господиномъ Пикомъ.

Въ понедѣльникъ: Константинъ Павловичъ, а въ *четвергъ* Александръ Павловичъ ѣздятъ въ манежѣ.

Апрѣля „ “ дня
1790 года
Село Царское.

II.

Письмо М. Н. Муравьева къ князю А. А. Беклешову[1]).

Свѣтлѣйшій князь!
Милостивый Государь!
Александръ Андреевичъ!

Драгоцѣнное воспоминаніе, что я удостоился нѣкогда заслужить вниманіе Вашей Свѣтлости, останется навсегда впечатлѣннымъ въ благодарномъ сердцѣ моемъ. Оно мнѣ служитъ теперь единственною отрадою въ глубокой горести, въ которую ввержен я пропущеніемъ меня въ производствѣ почти всѣхъ бригадировъ, пожалованныхъ 4 іюня въ генералъ-маіоры. Я не вижу другого средства къ возстановленію меня въ глазахъ общества, какъ въ великодушномъ покровительствѣ, которымъ Ваша Свѣтлость можете возвысить жребій мой отъ сего оскорбляющаго униженія. Оно мнѣ тѣмъ болѣе чувствительно, что бывшіе со мною при воспитаніи ихъ Императорскихъ Высочествъ великихъ князей младшіе меня приставники воспользовалися Монаршею милостію, и я одинъ, кажется, былъ избранъ между ими для испытанія всей строгости наказанія въ то время, когда я ласкался имѣть нѣкоторое право къ отличеніямъ особенными моими трудами при ученіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ великихъ князей и Государынь великихъ княгинь. Ежели мнѣ еще позволено обманываться какою-нибудь отрадою, то я стараюся увѣрить себя, что сіе оставленіе меня въ прежнемъ чинѣ

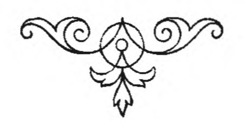
---

[1]) См. рукоп. Муравьева № 38, л.л. 6—7. Когда это письмо было написано, точно неизвѣстно, такъ какъ на немъ нѣтъ никакой хронологической даты. Во всякомъ случаѣ оно написано не ранѣе 1797 г., такъ какъ отъ 4 іюня этого года сохранилась его записка къ неизвѣстному лицу, изъ которой видно, что Михаилъ Никитичъ въ 1797 г. числился еще на военной службѣ въ чинѣ бригадира. Записка эта также хранится въ Публ. Бубл. подъ № 38, л. 1. Приводимъ ея текстъ: «Покорнѣйше прошу дать мнѣ билетъ на покупку ста пудовъ сѣна для имѣющихся у меня семи лошадей. 1797 г. іюня 4 дня. Бригадиръ М—айло Муравьевъ». *Прим. Я. Б.*

произошло отъ того, что я только считаюсь въ арміи и не несу дѣйствительно военной службы. Ежели отчаяніе имѣетъ какую-нибудь вѣроятность, соблаговолите, Свѣтлѣйшій князь! отвратить сіе обстоятельство исходатайствованіемъ мнѣ мѣста въ обширной части правленія ввѣренной особенно попеченіямъ вашей Свѣтлости [1]) и испросите мнѣ Высочайшее награжденіе слѣдующаго чина по гражданской линіи въ сравненіи съ моими сверстниками. Высокое чувствованіе чести, которымъ украшается душа ваша, представитъ себѣ, безъ моего выраженія, безпредѣльную обязанность, которую наложить на меня изволите возвращеніемъ того, что драгоцѣннѣе жизни.

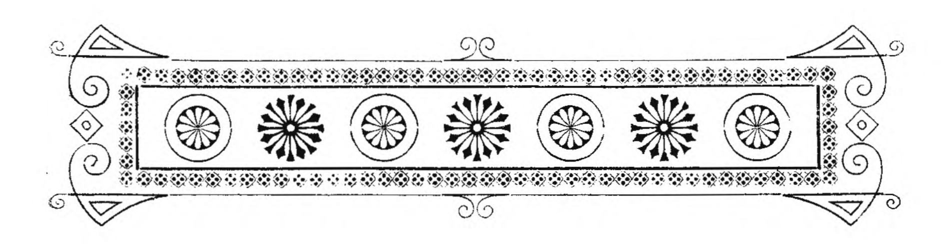
Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ пребывать честь имѣю
Свѣтлѣйшій князь
Милостивый Государь
Вашей свѣтлости
всенижающій слуга
Михайло Муравьевъ.

Сообщилъ А. Я. Бирюковъ.

---

[1]) А. А. Беклешовъ съ 3 декабря 1796 г. состоялъ военнымъ губернаторомъ Каменецъ-Подольска, а въ 1797 г. въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи былъ военнымъ губернаторомъ Кіева; должность эту онъ исправлялъ до 1799 г., когда Павелъ I назначилъ его сенаторомъ и генералъ-прокуроромъ. Въ 1800 г. 2 февраля Беклешовъ былъ уволенъ не только отъ должности генералъ-прокурора, но и вовсе отъ службы. Принимая въ соображеніе вышесказанное, а также то, что Муравьевъ въ началѣ 1800 г. былъ назначенъ сенаторомъ, можно предположить, что письмо къ Беклешову имъ было написано именно въ 1799 г., когда Беклешовъ находился въ фаворѣ у Павла I.

Изъ записокъ стараго помѣщика.

Рядъ похищеній и увлеченій.

Лѣтъ 60—70 назадъ, при крѣпостномъ правѣ, каждому чиновнику и купцу представлялась возможность имѣть дешевую прислугу, нанимавшуюся у помѣщиковъ, и въ то время трудно было встрѣтить на улицахъ безъ лакея или горничной хоть сколько-нибудь порядочныхъ женщинъ, не говоря уже о дѣвицахъ. И Боже упаси было увидѣть въ провинціи женщину, прогуливающуюся съ постороннимъ мужчиной и безъ провожатаго. Ей сейчасъ приписывалась безнравственность, и она дѣлалась притчей во языцѣхъ. О помѣщичьихъ семействахъ и говорить нечего. Для нихъ существовали кареты, запряженныя четверикомъ цугомъ, съ форейторами, а во время прогулокъ верхомъ были провожатыми жокеи или лакеи въ ливреяхъ. И трудно сказать почему именно, но въ тѣ времена стѣсненія женской свободы, случаи оставленія мужей женами были большой рѣдкостью и объ нихъ знали даже и въ другихъ губерніяхъ. Но зато похищеніе дочерей было дѣломъ заурядным и на своей памяти я могу ихъ насчитать не мало, при чемъ похитителями были преимущественно домашніе наставники и другія лица, допускавшіяся въ интимную жизнь семьи.

Тогда, при отсутствіи въ провинціи институтовъ и гимназій, женское образованіе было весьма ограниченное, такъ какъ не всѣмъ было доступно выписывать гувернантокъ, и въ городахъ преимущественно ограничивались приглашеніемъ для ученія своихъ дѣтей

*

недоучекъ мужскихъ гимназій, ссыльныхъ поляковъ, которыхъ въ Саратовѣ было довольно, французовъ, застрявшихъ въ Россіи послѣ двѣнадцатаго года, и разныхъ другихъ проходимцевъ-учителей. И эти люди вкрадывались въ довѣріе семьи, и пользуясь обычной близорукостью родителей, сплошь и рядомъ развивали юныхъ дочерей въ дурномъ направленіи, похищая изъ нихъ болѣе богатыхъ, и были случаи даже совращенія женъ.

Въ концѣ 30-хъ годовъ мѣщанинъ Вася ...кинъ, исключенный изъ IV класса гимназіи, былъ приглашенъ давать уроки въ весьма почтенный домъ богатаго помѣщика генерала, гдѣ спустя нѣсколько лѣтъ, когда единственная дочь этой семьи достигла 16-лѣтняго возраста, она бѣжала съ нимъ и обвѣнчалась. Высшее общество, къ которому она принадлежала, заперло свои двери для новобрачной, а вдовая мать не вынесла этого удара и вскорѣ скончалась, но молодая супруга, пользуясь пожизненнымъ правомъ дворянки владѣть крестьянами, увезла своего мужа въ деревню. Вася ...кинъ умеръ, и жена оплакивала его до тѣхъ поръ, пока не пришлось ей, внесенной въ пятую часть родословной дворянской книги, приписывать своихъ дѣтей къ мѣщанскому обществу. Тутъ она страшно возмутилась и долго не хотѣла покориться этому обстоятельству.

Такихъ случаевъ на моей памяти было очень много, и теперь еще живы нѣкоторые почтенные люди, которые вспоминаютъ, какъ послѣ смерти ихъ матерей у нихъ отбирали крѣпостныхъ крестьянъ въ казну, такъ какъ отцы ихъ не принадлежали къ потомственному дворянству.

Въ 40-хъ годахъ былъ возмутительный случай въ семействѣ полковника, носившаго голубой мундиръ. Жена его была дочерью ветерана двѣнадцатаго года и воспитывалась въ одномъ изъ столичныхъ институтовъ; красавица брюнетка была настолько скромна, что, бывъ уже замужемъ, служила примѣромъ для всѣхъ дѣвицъ. Мужъ ея былъ великолѣпный человѣкъ и они были вполнѣ счастливы до тѣхъ поръ, пока не стали выростать дѣти. Тутъ понадобился для нихъ учитель, для чего и былъ приглашенъ находившійся въ Саратовѣ, подъ надзоромъ полиціи, бѣжавшій изъ своего отечества, молодой шведскій офицеръ генеральнаго штаба, Девель. Онъ былъ очень красивъ, но въ высшемъ обществѣ не вращался, и его знали только, какъ учителя. Конечно, никому и въ голову не приходило, чтобы такая скромная женщина, какъ жена этого полковника, увлеклась Девелемъ.

Однажды въ нѣмецкомъ клубѣ, помѣщавшемся въ домѣ Челюскиныхъ, во время маскарада ко мнѣ подошла неизвѣстная мнѣ

стройная маска въ черномъ домино. Я былъ тогда еще очень молодъ и передъ поступленіемъ въ кавказскія войска служилъ чиновникомъ при губернаторѣ Кожевниковѣ. Съ маской, какъ вообще и водится, я ходилъ подъ руку, и она все время смущенно поглядывала на Девеля; когда же мнѣ пришлось съ ней танцовать кадриль, Девель безцеремонно подошелъ къ намъ и увелъ отъ меня маску. Возмущенный этой дерзостью, я потребовалъ отъ Девеля удовлетворенія, но онъ, не обращая на это вниманія, хотѣлъ насильно увести маску изъ клуба. Общество настолько было возмущено этимъ обстоятельствомъ, что даже прекратило танцы и поспѣшило передать о случившемся жандармскому полковнику, который въ это время въ гостиной игралъ въ карты. И тотъ, скрывъ, что эта маска оказалась его женой, просилъ меня проводить ее до кареты, а самъ снова сѣлъ за карты. Относительно Девеля тутъ же старшины составили актъ, вслѣдствіе котораго онъ былъ торжественно выведенъ изъ клуба и, по порядкамъ того времени, двое лакеевъ, идя за нимъ до выходныхъ дверей съ половыми щетками, заметали его слѣдъ.

Драться на дуэли съ Девелемъ однако же мнѣ не пришлось, такъ какъ, по распоряженію губернатора, утромъ онъ былъ арестованъ и затѣмъ вскорѣ высланъ въ Вятку за неслыханный поступокъ: когда жена полковника, возвратясь домой, раздѣлась въ своей уборной, выходившей окнами на улицу, то Девель бросилъ ей въ окно камень, обернутый запиской, въ которой съ угрозами требовалъ, чтобы она немедленно вышла къ нему. Полураздѣтая женщина, набросивъ на себя наскоро салопъ чернобурыхъ лисъ, исполнила его требованіе, умоляя не дѣлать скандала, но Девель, посадивъ ее въ сани, увезъ къ себѣ на квартиру, гдѣ, оставивъ у себя ея дорогой салопъ и брилліантовыя серьги изъ ушей, выгналъ ее на улицу, откуда эта несчастная женщина должна была пройти почти полгорода домой ночью, въ сильный морозъ, въ ночной кофтѣ и туфляхъ. Въ довершеніе же своей подлости Девель потребовалъ отъ мужа три тысячи рублей выкупа за оставленныя имъ у себя дорогія вещи.

Мужъ былъ настолько благороденъ, что, любя жену, простилъ ей, но самъ тутъ же впалъ въ эпилепсію и черезъ годъ умеръ. Жена же его, отвергнутая обществомъ, долго скиталась по разнымъ губерніямъ, преслѣдуемая слухомъ объ этой ужасной исторіи, и лѣтъ 20 назадъ говорилось въ столичныхъ газетахъ, что она кончила жизнь въ Одессѣ содержательницей дома терпимости.

Не стану упоминать здѣсь объ очень многихъ, бывшихъ на

моихъ глазахъ, случаяхъ похищенія дочерей богатыхъ семействъ, кончившихся свадьбой, хотя нѣкоторые изъ нихъ были немного лучше женитьбы Вася ...кина, и разскажу лишь о болѣе выдающихся.

Въ концѣ 50-хъ годовъ появился въ Саратовѣ молодой и далеко не красивый учитель-музыкантъ, Петровъ. Онъ былъ хорошій скрипачъ и давалъ въ то же время уроки на фортепіано. Очаровывая ученицъ своей игрой, онъ два раза неудачно похищалъ ихъ, такъ какъ при первой его попыткѣ бѣглянку, дочь бывшаго командира гарнизоннаго баталіона, успѣли захватить въ церкви до вѣнчанія, а вторую, дочь купца, вечеромъ задержали съ нимъ на улицѣ по дорогѣ въ церковь, но зато третья попытка ему удалась, и онъ съ дочерью вдовы богатаго помѣщика Степанова успѣлъ повѣнчаться. Однако же стройная брюнетка peau bronsé, съ синими глазами, напоминавшая собою типъ креолки, недолго пользовалась своимъ счастьемъ и черезъ два мѣсяца своего замужества сбѣжала отъ супруга прямо отъ рояли, гдѣ Петровъ, аккомпанируя ей на скрипкѣ, въ экстазѣ своей игры сломалъ объ голову жены смычекъ, вслѣдствіе чего красавица-креолка, выскочивъ изъ окошка въ одномъ платьѣ, въ страшномъ отчаяніи прибѣжала въ домъ къ своей матери. Петровъ послѣ этого подалъ заявленіе о водвореніи къ нему жены, и постановленіе о приводѣ ея къ мужу полиціей уже было составлено губернскимъ правленіемъ, но бывшій въ то время предводитель дворянства вошелъ въ положеніе молодой женщины и протестовалъ противъ этого распоряженія, принявъ во вниманіе, кромѣ грубаго обращенія съ женой, еще то обстоятельство, что Петровъ похитилъ все дорогое приданое жены, не исключая мебели, зеркалъ и проч.,—увезъ его въ Воронежъ, гдѣ подъ своимъ управленіемъ составилъ театральный оркестръ;—при чемъ онъ, воспользовавшись выданными его женѣ долговыми обязательствами на крупную сумму, успѣлъ передать ихъ кредиторамъ за половинную цѣну.

Предводитель дворянства по этому случаю снесся тогда съ воронежскимъ губернаторомъ, по распоряженію котораго все приданое, почти еще не тронутое, было цѣлымъ обозомъ доставлено въ Саратовъ.

18-ти лѣтняя креолка, получивъ свое великолѣпное приданое, которое ей дѣлали въ столицѣ, появилась затѣмъ на балѣ въ дворянскомъ собраніи, хотя этому и предшествовала цѣлая буря въ обществѣ благочестивыхъ дамъ, такъ какъ онѣ находили шокирующимъ присутствіе среди нихъ женщины, бросившей мужа. Три, пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ, дамы, имѣя вліятельныхъ мужей, которые въ то же время состояли старшинами клуба, узнавъ о

намѣренiи г-жи Петровой, настояли, чтобы мужья ихъ вызвали противъ этого протестъ членовъ дворянскаго клуба [1]).

Это обстоятельство дошло до предводителя и онъ, не долго думая, приказалъ запереть домъ дворянства, вывѣсивъ на дверяхъ объявленiе, что клубные вечера, впредь до особаго распоряженiя, прекращаются по случаю перекладки печей.

Дамское общество было поражено этимъ обстоятельствомъ неимовѣрно, такъ какъ для бала уже готовы были роскошные костюмы, выписанные нѣкоторыми изъ нихъ даже изъ Петербурга. Записки прелестнаго пола, съ мольбами къ предводителю отворить домъ дворянства, посыпались со всѣхъ сторонъ; прiѣзжали къ нему съ той же просьбой отъ женъ губернаторъ, жандармскiй полковникъ и другiя влiятельныя лица, а также и старшины клуба, которые и дали слово, что никакихъ демонстрацiй противъ Петровой не будетъ.

И вотъ дамы, слѣдовавшiя смѣшной и странной модѣ съѣзжаться на балъ послѣ полуночи, собрались на этотъ разъ гораздо раньше. Танцы начались, но шли очень вяло, такъ какъ общество, волнуясь, ожидало появленiя женщины, надѣлавшей такъ много шума. Наконецъ, въ дверяхъ залы появилась креолка въ брилліантахъ, въ малиновомъ бархатномъ платьѣ съ дорогими валансьенскими кружевами. Предводитель дворянства поспѣшилъ ей навстрѣчу и подъ руку провелъ черезъ всю залу. Она робко смотрѣла на незнакомыя ей лица, такъ какъ, кончивъ образованiе, тотчасъ же вышла замужъ, не успѣвъ войти въ общество. Но дамы, надо отдать имъ справедливость, сдержали свое слово и не только не проявили никакой демонстрацiи, но, наоборотъ, стали даже сами подходить къ ней. Нѣсколько уѣздныхъ предводителей, въ числѣ которыхъ одинъ оказался ея двоюроднымъ дядей, танцовали съ ней contredanse, при чемъ, въ видѣ раскаянiя, ея главный недоброжелатель, никогда не танцовавшiй, жандармскiй полковникъ Пашенный, также протанцовалъ съ ней кадриль.

Получивъ такое удовлетворенiе со стороны общества и отъ предводителя дворянства—отдѣльный видъ на жительство, г-жа Петрова уѣхала съ матерью изъ Саратова. Мужъ же ея, однако, не долго пользовался присвоеннымъ капиталомъ, такъ какъ вскорѣ затѣмъ, возвратившись въ Саратовъ, бросился съ баржи въ Волгу, гдѣ и утонулъ. Впослѣдствiи Петрова до конца жизни находилась въ Саратовѣ, давая уроки музыки.

---

[1]) Эти же самыя дамы, полгода передъ тѣмъ, не считали для себя предосудительнымъ провожать съ бокалами шампанскаго на пароходѣ одну госпожу съ княземъ Киргизской Орды,—для котораго она внезапно бросила мужа, пользовавшагося высокимъ положенiемъ среди дворянства губернiи.

Курьезно то обстоятельство, что ея мать, ранѣе въ свою очередь увлекшись во вдовствѣ молодымъ французомъ управляющимъ, вышла за него замужъ, но прожила съ мужемъ также не особенно долго, такъ какъ онъ, промотавъ значительную часть состоянія, ее бросилъ.

Еще разскажу одинъ курьезъ: жена одного извѣстнаго въ губерніи помѣщика, композитора С., увлеклась сельскимъ священникомъ, который, снявъ съ себя духовный санъ, женился на ней, съ оформленнаго согласія своей попадьи и покинутаго мужа, и поступилъ на гражданскую службу въ Западный край. Мужъ же помѣщикъ, скучая въ своемъ одиночествѣ, нашелъ впослѣдствіи утѣшеніе съ покинутой попадьей.

Съ 60-хъ годовъ многое измѣнилось. Щепетильность дамскаго общества настолько понизилась, что не только появленіе въ немъ соломенныхъ вдовъ стало дѣломъ зауряднымъ, но начали происходить иного рода, неслыханные до того времени, случаи.

Жена одного очень почтеннаго и чиновнаго человѣка, принадлежавшая къ извѣстной въ Саратовской и Пензенской губ. фамиліи, проживъ нѣсколько лѣтъ замужемъ, увлеклась молодымъ кучеромъ изъ бывшихъ своихъ крѣпостныхъ людей. Мужъ ея, далеко не старый и пользовавшійся уваженіемъ въ губерніи, узнавъ объ этой связи, скрывалъ ее отъ общества и, лишь умирая въ скоротечной чахоткѣ, объявилъ объ этомъ въ послѣдніе часы своей жизни нѣкоторымъ лицамъ. Я и мой beau frère Ивановъ были свидѣтелями его признанія, при чемъ онъ въ присутствіи жены указалъ на своего сына и на сына кучера, послѣ чего преступная женщина выбѣжала изъ комнаты. Возможность такого позорнаго случая намъ казалась невѣроятной, и мы готовы были приписать это бреду умирающаго, тѣмъ болѣе, что эту особу я зналъ еще прелестной дѣвушкой, вышедшей изъ Смольнаго монастыря съ шифромъ. Но когда на другой день смерти ея мужа мнѣ пришлось навѣстить ее, то, войдя неожиданно, я засталъ эту барыню сидѣвшей за самоваромъ въ гостиной съ ея кучеромъ, передъ которымъ стояла закуска и бутылка водки. Пораженный этой картиной, я, ни слова не говоря, ушелъ.

Вскорѣ затѣмъ, по желанію покойнаго, надъ его имуществомъ и сыномъ была учреждена опека, и обязанности опекуна принялъ на себя родной братъ этой госпожи, не желавшій даже слышать имени сестры, уже обвѣнчавшейся съ кучеромъ.

Года три спустя мнѣ, какъ предводителю дворянства, доложили о пріѣздѣ ко мнѣ этой госпожи, назвавшейся фамиліей своего перваго мужа. Я былъ страшно возмущенъ такой дерзостью, почему и принялъ ее стоя, высказавъ свое негодованіе, что она позволила себѣ называться честнымъ именемъ уважаемаго человѣка, но молодая женщи-

на упала въ обморокъ. Мнѣ стало жаль ее, я закричалъ женскую прислугу, которая принесла воды и помогла мнѣ привести ее въ чувство.

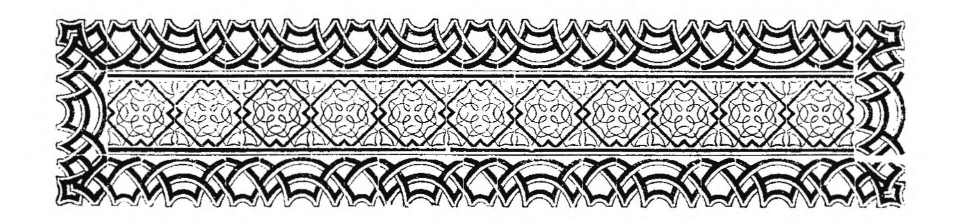
Спустившаяся съ ея головы длинная мѣщанская шаль раскрыла изнуренное лицо когда-то бывшей свѣтской барыни, и я невольно вспомнилъ въ ней молодую дѣвушку богатой помѣщичьей семьи, гордившейся своей единственной дочерью. Отецъ ея былъ предводителемъ одного изъ отдаленныхъ уѣздовъ губерніи, а братья мировыми посредниками. Когда эта несчастная женщина очнулась, она въ слезахъ разсказала мнѣ свою горькую участь жены мужика, по требованію котораго она продала свое имѣніе и купила на его имя небольшой домъ въ глухой улицѣ Саратова. Весь же остальной капиталъ мужъ забралъ въ свои руки и прожилъ въ короткое время на извозчичьи аферы.

Желая убѣдиться, насколько эта женщина заслуживаетъ участія, я въ своей обыденной прогулкѣ нашелъ ея скромное жилище. Это былъ двухъэтажный, въ три окна, небольшой флигель, выходящій окнами на улицу. При отсутствіи подъѣзда съ улицы, я вошелъ во дворъ и затѣмъ въ отворенную дверь нижняго этажа, гдѣ оказалась кухня. Тамъ въ русской печи варился въ горшкахъ обѣдъ. Вдоль стѣны стоялъ, покрытый грязной скатертью, кухонный столъ, на которомъ находилась большая глиняная чашка, блюдечко съ солью и нѣсколько деревянныхъ ложекъ. Сама же хозяйка, подоткнувъ за поясъ ситцевую юбку и съ шлычкой на головѣ, подмывала изъ лоханки полъ. Увидѣвъ меня, она съ крикомъ бросилась за занавѣску, отдѣлявшую кухню отъ темной комнатки, откуда, оправившись, вышла и пригласила меня въ комнату, выходившую окнами на улицу. На мой вопросъ, почему она не выйдетъ изъ этого положенія, не имѣя даже прислуги, она указала рукой на висѣвшую люльку, около которой сидѣла старуха, отгоняя мухъ отъ копошившагося тамъ ребенка, лежавшаго съ соской во рту. „Это матушка моего Ивана“, замѣтила она, „которая вамъ объяснитъ, что не мало перебывало у насъ молодыхъ работницъ, но изъ-за нихъ вѣчно происходили непріятности съ мужемъ, который на 10 лѣтъ меня моложе“. Вся эта обстановка и сама хозяйка произвели на меня крайне тяжелое впечатлѣніе. Когда же я собрался уходить, то на дворъ въѣхало двѣ извозчичьихъ пролетки. Это были ея мужъ Иванъ и его племянникъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ людей. Оказалось, что они стояли на биржѣ близъ моего дома, на Соборной площади, и мнѣ не разъ приходилось съ ними ѣздить. Оба они, снявъ шапки, предложили довезти меня до дома. Отказавшись на этотъ разъ отъ ихъ услугъ, я все-таки не стѣснился подать руку провожавшей меня за ворота хозяйкѣ дома, которую съ тѣхъ поръ я больше никогда не видалъ.

Затѣмъ на моей памяти было еще нѣсколько болѣе прискорбныхъ случаевъ, гдѣ крестьянскимъ парнямъ выпадала роль даже соблазнителей дѣвицъ-дочерей благородныхъ семействъ, но въ этихъ случаяхъ главная вина, конечно, падаетъ на родителей, которые, гоняясь за чинами и звѣздами и добиваясь службы въ высшихъ учрежденіяхъ столицы, оставляли въ глухой деревнѣ единственныхъ своихъ дочерей подъ предлогомъ хозяйства.

В. А. Шомпулевъ.

Очерки изъ исторіи Тамбовской церкви.

(*Окончаніе* [1]).

Преемникомъ преосвященнаго Пахомія былъ Ѳеодосій Голосницкій. По происхожденію своему онъ, какъ и его предшественникъ, былъ малороссъ [2]), образованіе получилъ въ Кіевской академіи [3]) и былъ, надо полагать, сверстникомъ и однокашникомъ его по академіи [4]). Обладая, какъ и первый, большимъ умомъ и твердой волей, онъ въ отличіе отъ перваго былъ человѣкомъ въ высшей степени мягкосердечнымъ и добрымъ. Всѣ отношенія свои къ подчиненнымъ онъ старался сводить, главнымъ образомъ, на нравственную почву, имѣя несокрушимую вѣру въ возрождающую силу любви. Всегда занятый мыслью о собственномъ нравственномъ самоусовершенствованіи и усовершенствованіи другихъ, онъ былъ человѣкомъ малопрактичнымъ въ жизни и далеко уступалъ епископу Пахомію въ своей хозяйственной распорядительности. Такимъ именно человѣкомъ изображаютъ его намъ добытыя нами историческія извѣстія. Будучи

---

[1]) См. „Русская Старина", іюль 1908 г.

[2]) Прибавленіе къ Вологод. Епар Вѣд. 1869 г. №№ 14 и 15, стр. 606—607. Объ іерархахъ бывшей Великоустюжской епар. Н. Суворова.

[3]) Аскоченскій, часть II, 289, Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ.

[4]) Такъ думать намъ даетъ нѣкоторое право какъ то, что оба они были малороссы и одновременно начали свое исторически-извѣстное административное служеніе. Е. Пахомій въ первый разъ встрѣчается въ спискахъ росс. іерарховъ въ санѣ архимандрита Іосифо-Волоколамскаго монастыря съ 1753, Е. Ѳеодосій—архимандритъ Желтиковскаго монастыря съ того же 1753. Умерли они почти въ одно время. Е. Ѳеодосій умеръ 24 дек. 1786 г., а Е. Пахомій 1789 г. 5 мая. Строевъ ср. Ист. стат. опись. Тамб. епар. Хитрова.

вызванъ въ ректора Псковской семинаріи и архимандрита Святогорскаго монастыря [1]), онъ вмѣстѣ съ архипастыремъ псковскимъ—Веніаминомъ Пуцекъ-Григоровичемъ послужилъ дѣлу возрожденія названной семинаріи и оставилъ въ исторіи ея неизгладимый слѣдъ. До него семинарія была въ самомъ жалкомъ состояніи. Въ 1756 г., напримѣръ (слѣдовательно, за 2 года до его назначенія сюда), въ трехъ высшихъ классахъ семинаріи не было ни одного ученика, а въ низшихъ же изъ 120, числящихся по записямъ, 70 значилось отпущенными въ домъ родителей „для обученія", а 7—въ бѣгахъ. О прочемъ — нечего и говорить. При немъ же все начинаетъ упорядочиваться и принимать лучшій видъ. Матеріальныя средства семинаріи, хотя были и ограничены, сдѣлались болѣе надежными. Для развитія умственныхъ и нравственныхъ силъ учащейся молодежи, полагались прочныя основанія. На учительскія должности назначались люди къ тому приготовленные, преподаваніе наукъ поставлено было на болѣе разумныхъ началахъ, и въ видахъ лучшаго развитія учащихся привнесены нѣкоторые новые предметы обученія. Въ основу воспитанія положена была христіанская любовь. Результатомъ всѣхъ этихъ благихъ начинаній добраго, сердечнаго ректора было то, что ученики не бѣжали теперь изъ пріютившей ихъ школы и за все 3-хъ лѣтнее управленіе его семинаріей исторія не знаетъ ни одного подобнаго факта. Очевидно, въ любвеобильномъ, пламенномъ сердцѣ о. ректора не тѣсно и не холодно было немалочисленнымъ [2]) питомцамъ старой, въ общемъ суровой школы. Вѣсть о необычайной добротѣ псковскаго ректора скоро проникла не только въ столицы, но и далеко за предѣлы. Когда онъ былъ назначенъ (1761 году) епископомъ великоустюжскимъ, то былъ встрѣченъ здѣсь съ необычайной и по тому времени почестью [3]). По всему видно было, что имъ хорошо извѣстна

---

[1]) До этого времени преосвящ. Ѳеодосій былъ настоятелемъ Калязинскаго Макарьевскаго монастыря, куда былъ переведенъ изъ Желтиковскаго 25 мая 1755 г. (Строевъ).

[2]) Въ 1759 г. въ семинаріи было 197 учениковъ, и всѣ они значились «на лицо», въ 1760—212; въ 1761 г.—226.

[3]) Вотъ какъ описывается эта встрѣча въ современныхъ запискахъ. «Сей Пр. по степени 10 прибылъ въ Устюгъ Вел. 1762 г. марта 21 д. въ ночи и, миновавъ г. Устюгъ, изволилъ проѣхать въ с. Богородское, въ которомъ продолжалъ бытіе свое марта до 25 числа; между тѣмъ какъ священные чины, такъ дворянскіе и гражданскіе поздравляли Е. Пр. съ счастливымъ прибытіемъ и получали его Архип. благословеніе, а 25 числа марта изволилъ въ Устюгъ вступить въ препровожденіи духовныхъ властей до вратъ Архангельск. монастыря; а во-первыхъ встрѣченъ былъ подъ Іоанно-Предтеченск. монастыремъ при множественномъ числѣ народа, малыми подъя-

была чистая открытая душа ихъ новаго архипастыря. Пробывъ 5 лѣтъ на В.-Устюжской каѳедрѣ, въ 1766 г. кроткій и смиренный архипастырь по волѣ Синода, къ великой грусти своей паствы долженъ былъ оставить Устюгъ и переселиться въ Тамбовъ, оставивъ въ своихъ устюжскихъ пасомыхъ память о себѣ, какъ о человѣкѣ добродѣтельной и богоугодной жизни [1]).

Напутствуемый слезами и самыми лучшими благожеланіями устюжцевъ преосвященный Ѳеодосій ненавистью и враждой былъ встрѣченъ на своей новой каѳедрѣ. Разсерженные насильственнымъ лишеніемъ горячо любимаго ими пастыря (е. Пахомія) и нежелательнымъ вниманіемъ высшаго церковнаго начальства (всѣ просившіе о возвращеніи были, какъ было уже замѣчено выше, наказаны) тамбовцы не хотѣли и знать новаго епископа, кто бы онъ ни былъ. Уже это одно обстоятельство — незаслуженная вражда и ненависть со стороны паствы сильно огорчало нашего архипастыря и доставляло ему рядъ ужасныхъ нравственныхъ страданій. Но тамбовцы не довольствовались этимъ и искали повода болѣе рѣзко заявить свое нерасположеніе къ своему новому архипастырю и, если возможно, совершенно изгнать его изъ епархіи, скрыто, можетъ быть, питая надежду на возвращеніе чрезъ это своего любимаго пастыря. Поводъ представился. Въ 1768 году въ декабрѣ одинъ „негодный канцеляристъ" консисторскій и выгнанный изъ хора

ками и семинаристами, облеченными въ стихари бѣлые, имѣющими на главахъ своихъ вѣнцы золоченные, а въ рукахъ держащими вербы украшенныя, которые шли по обѣимъ сторонамъ возлѣ его арх. кареты и пѣли стихиры: «Днесь благодать Свят. Духа нась собра» и прочія слѣдующія послѣ того стиха, идучи до вышеозначенныхъ вратъ монаст., а потомъ изволилъ выйти изъ кареты Е. Пр. и, вступая въ монаст. со всѣми града Устюга священно-церковно-служителями, изволилъ шествовать въ соборную Архангела Михаила большую холодную церковь, въ которой, облекшись по чину архіер., во все святит. облаченіе, при продолженіи тогда во всемъ г., по церквамъ, колоколеннаго звону; по облаченіи же началась цер. церемонія до каѳедр. Успен. собора со всякимъ благочиніемъ, предыдущимъ предъ Е. Пр. реченнымъ подъякамъ и учен. въ вѣнцахъ съ вербами два въ рядъ. И прибылъ Е. П. въ собор. цер., подалъ миръ всему гражданству, а потомъ служилъ божеств. литург. и, по окончаніи оной, молебствовалъ о здравіи Ея Импер. Вел. и всей Ея Высоч. Фам. и потомъ шествовалъ въ домъ свой съ такою же церемоніею. И по прибытіи въ крест. палату, чтены были предъ Е. П. на лат. и рос. діалектѣ кармина и ораціи (т. е. стихи и рѣчи), по окончаніи которыхъ пѣвчіе пѣли многія лѣта о здравіи Ея. Вел., а потомъ о здравіи Е. П., и тѣмъ кончилась церемонія. (Прибав. къ Вологод. Е. В. 69 г. №№ 14 и 15 стр. 606—607. „Объ іерархахъ бывшей Великоустюжской епархіи" Н. Суворова).

[1]) Прибавл. къ Вологод. Е. Вѣд. 1869 г. № 14 и 15 стр. 606—607. «Объ іерархахъ бывшей В.-Устюжской епархіи Н. Суворова.

пѣвчій, во время утрени ограбивъ въ Казанскомъ монастырѣ келію іеромонаха Паисія, самого его вытащили за монастырь, избили и оставили едва живымъ. Дѣло было какъ нельзя болѣе ясно. но, поступивъ къ воронежскому губернатору Маслову, оно там рѣшено было почему-то неправильно, можетъ быть, вслѣдствіе ложныхъ свидѣтельскихъ показаній — епископскихъ недоброжелателей. Ревнитель правды —преосвященный Ѳеодосій донесъ объ этомъ Св. Синоду. Губернаторъ закипѣлъ гнѣвомъ на епископа; гнѣвомъ увлеклись и всѣ недовольные архипастыремъ. На бѣду указомъ отъ 24 января 1769 г. открытъ былъ наборъ съ духовенства, вмѣстѣ съ чѣмъ открывалось широкое поле для всякаго рода козней противъ незлобиваго, жизненно-непрактичнаго епископа, и враги его не преминули воспользоваться этимъ. Наборы, какъ извѣстно, всегда были грозой для забитаго духовенства. Тяжелая доля вѣчнаго солдата пугала даже самыхъ безстрашныхъ церковниковъ, и лучшіе люди того времени сознавали это и по мѣрѣ силъ и умѣнія старались улаживать дѣло къ обоюдному удовольствію. Такъ намъ уже извѣстна политика перваго тамбовскаго епископа XVIII в. Пахомія Симанскаго, который, пользуясь расположеніемъ свѣтскихъ начальственныхъ лицъ, страшный по тогдашнимъ порядкамъ наборъ превратилъ въ наборъ тѣхъ, которые по своему нраву наиболѣе способны быть солдатами. Вздумалъ и епископъ Ѳеодосій послѣдовать обычаю лучшихъ людей времени, но къ несчастію неудачно. Незлобивый пастырь не видѣлъ того, что вездѣ и всюду вокругъ него клокотала злоба и ненависть, ежеминутно готовая излиться на его голову. Не замѣчалъ, повторяемъ, епископъ окружающей его злобы и дѣйствовалъ, какъ подсказывали ему разумъ и сердце. Правильно понимая мотивы приказовъ о разборѣ духовенства—удалить ненужный для церкви избытокъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей и только [1],—онъ удалялъ отъ службы неспособныхъ по старости лѣтъ и замѣнялъ ихъ новыми молодыми силами. Подобная мѣра епископа нисколько не противорѣчила духу высочайшаго повелѣнія, но она противорѣчила буквѣ указа, и этимъ не преминули воспользоваться враги его. Они доложили объ этомъ губернатору, губернаторъ Сенату. Результатомъ жалобы было то, что изъ Синода былъ присланъ епископу указъ отсылать къ разбору всѣхъ, кого только потребуютъ уполномоченные для разбора со стороны губернатора лица, и прислать объясненіе. Изумленный полученіемъ указа, епископъ медлилъ и ничего не писалъ въ Си-

[1] И. Экземплярскій. «Рекрутскіе наборы». Рук. для сельск. пастыр. 63 г. II. 22.

нодъ и только послѣ новаго настоятельнаго требованія — отвѣтилъ. Пока шла эта переписка, епископъ не отпускалъ въ военную службу всѣхъ штатныхъ священно-церковно-служителей, а враги преосвященнаго не медлили въ совершеніи своихъ козней противъ ненавистнаго имъ епископа. По ихъ проискамъ была отправлена новая жалоба въ Синодъ. Неудовлетворясь этимъ, ободренные заступничествомъ губернатора, они стали требовать къ разбору въ военную службу лицъ, совершенно не подлежащихъ этому даже по буквѣ закона; такъ, они стали требовать давнишнихъ канцелярскихъ служителей консисторіи и духовныхъ правленій. Епископъ не могъ выносить подобной несправедливости и доносилъ объ этомъ Св. Синоду, заявляя, что отъ подобныхъ противозаконныхъ распоряженій воеводы, дѣла въ канцеляріи остановились, что дѣйствія воеводы злонамѣренно направлены къ нарушенію порядка въ епархіальномъ управленіи и къ его личному оскорбленію. Но изъ Синода тотъ же отвѣтъ—отправить всѣхъ требуемыхъ канцеляристовъ къ разбору. За жалобу же на противозаконныя требованія губернаторскихъ уполномоченныхъ, по ихъ внушенію, губернаторъ въ 3-ій разъ послалъ въ Сенатъ донесеніе на архипастыря, защищавшаго своихъ подчиненныхъ. Это новое донесеніе губернатора вмѣстѣ съ жалобами священно-церковно-служителей, изъ которыхъ одни (пономари Тарасовъ и Никифоровъ) писали, что будто бы „преосвященный за укрывательство церковниковъ бралъ великія взятки - рублей до 70-ти“ [1]), а другіе заявляли, что они, имѣющіе на свои мѣста грамоты, отданы въ военную службу, тогда какъ опредѣленные на ихъ мѣста въ недавнее время оставлены въ покоѣ, — въ конецъ скомпрометтировало нашего святителя въ глазахъ Синода. Напрасно онъ писалъ Синоду, что доносчики изъ церковныхъ люди „негодные, штрафованные, бывшіе въ бѣгахъ“, что дѣйствія воеводы злонамѣренно направлены къ нарушенію порядка въ епархіальномъ управленіи и къ личному оскорбленію. Его словамъ не вѣрили, его прежней репутаціи не принимали въ разсчетъ и указомъ Синода онъ „удержанъ былъ отъ правленія Тамбовской епархіи“, съ дозволеніемъ ему одного священнослуженія. Вскорѣ надъ нимъ была учреждена слѣдственная комиссія, и онъ вызванъ былъ въ Воро-

---

[1]) Замѣтимъ, подобная наглая клевета направлялась противъ того архипастыря, у котораго по смерти его осталось самое нищенское имущество: нѣсколько бѣдныхъ рясъ, четокъ, духовн. книгъ, икона Богоматери и 1.100 руб., изъ которыхъ 1000 руб. завѣщана была на покупку народнаго училища, и это послѣ 25 лѣтняго епископскаго служенія, послѣ 33-лѣтняго административнаго служенія (Дубасовъ... I в. 103. ср. Хитровъ.. 108 стр.).

нежъ на судъ. Цѣлыхъ $2^1/_2$ года тянулось слѣдственное дѣло. Вслѣдствіе сильнѣйшей нерасположенности свѣтскихъ властей къ епископу слѣдственная комиссія [1]) не удовольствовалась росписями духовенства, составленными консисторіею, и разъясненіемъ смиреннаго епископа, признавая ихъ „неудовлетворительными", и требовала къ допросу многихъ священно-церковно-служителей и канцеляристовъ консисторіи и духовныхъ правленій. Слѣдственное дѣло было представлено на усмотрѣніе Императрицы Екатерины 2-ой, и она 14 февраля 1773 г. написала: „преосвященнаго Θеодосія въ несходственныхъ при разборѣ церковниковъ поступкахъ, равно и другихъ по тому дѣлу прилучившихся, прощаемъ".

Нравственно истерзаннымъ и утомленнымъ явился кроткій епископъ къ любимой имъ, но холодно равнодушной къ нему богодарованной ему паствѣ [2]) и съ ревностью истиннаго пастыря и вѣрнаго слуги Христова принялся за упорядоченіе епархіальной жизни. Много трудовъ и заботъ предстояло нашему архипастырю. Произведенный наборъ лишилъ многіе приходы хорошихъ (сравнительно) причетниковъ. Найти замѣстителей ихъ изъ среды своихъ поголовно невѣжественныхъ пасомыхъ было не легко. И только счастливая случайность помогла епископу выйти изъ этого непригляднаго положенія. 40 церковно-служителей были возвращены изъ военной службы за „неспособностью"—вотъ изъ этихъ-то „негодныхъ для царской службы", съ приказанія Синода, и были возвращены 19 человѣкъ въ церковный чинъ. Но замѣщеніе причетническихъ мѣстъ было далеко не первой заботою епископа. Отъ наблюдательнаго взора его не скрывалось то обстоятельство, что не-

---

[1]) Слѣдственную комиссію составляли: воронежскій епископъ Тихонъ II., не тотъ, который почиваетъ въ Задонскѣ, и рязанскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Антоній, присланный изъ СПБ., премьеръ-маіоръ Купреяновъ и губернаторъ; за недосугомъ послѣдняго могъ быть назначаемъ имъ чиновникъ губернской канцеляріи.

[2]) Свою преступную холодность въ отношеніи къ преосвященному Θеодосію тамбовская паства обнаружила во время слѣдственнаго дѣла надъ нимъ. Всѣ въ Тамбовѣ знали, за что страдалъ епископъ, но, «несмотря на это даже самые близкіе къ нему, архіерейскаго дома служители, пѣвчіе и священно-церковно-служители, когда узнали, что епископъ удаленъ отъ дѣлъ правленія, не чинили ему послушанія; и въ отправленіи божественной службы, этой единственной отрады епископа, производили остановки и великіе непорядки». а игуменъ Трегуляевскаго монастыря Іеронимъ, въ присутствіи самого преос. съ крикомъ и шумомъ называлъ его домъ—чортовымъ домомъ, а его самого—ярыжнымъ и озорническимъ полуименемъ. Оскорбленія и непокорство были на столько сильны, что епископъ вынужденъ былъ писать объ этомъ въ Синодъ (Дубасовъ, в. I., 104 стр. ср. Хитровъ. 92).

вѣжественнсе грубое духовенство, призванное къ нравственному возрожденію его предшественникомъ, съ удаленіемъ его возвратилось къ своимъ домашнимъ кумирамъ и далеко-далеко не оправдывало своего призванія и назначенія, тогда какъ историческія обстоятельства требовали этого. Дѣло въ томъ, что 1762 г. 18 февр. Императоромъ Петромъ III былъ изданъ знаменитый манифестъ о вольности дворянства, которымъ разрѣшалось дворянамъ служить и выходить въ отставку по собственному желанію, жить гдѣ угодно въ Россіи и за границей и учить дѣтей чему и какъ хочетъ (хотя послѣднее право скоро опять было отнято). Дворяне широко воспользовались предоставленной имъ свободой. Тотчасъ всѣ дороги изъ С.-Петербурга и Москвы покрылись дворянами, которые оставили службу и спѣшили по своимъ угламъ Россіи. Будучи въ большинствѣ случаевъ людьми еще не старыми, насмотрѣвшимися петербургской жизни, привыкшими къ ней, съ кое-какими знаніями, любящими общество [1]), они являлись сильными насадителями „барской“ культуры въ нашей сѣрой деревнѣ и съ самаго перваго дня по духу времени становились (въ большинствѣ случаевъ) въ антагонизмъ съ церковью и ея представителями. Нашъ край былъ особенно несчастливъ въ этомъ отношеніи. Въ наши многочисленныя барскія усадьбы и помѣстья много отлило сразу представителей свѣтскаго общества и, конечно, сразу начали культировать темную деревню.

Пастыри церкви самымъ своимъ званіемъ призывались становиться въ антагонизмъ съ наноснымъ вліяніемъ, но, при своей неразвитости и нравственной грубости, они не могли, конечно, сдѣлать этого и, естественно, или оставались молчаливыми свидѣтелями (въ лучшемъ случаѣ), или поддавались вліянію новаго вѣянія. Зло и нестроеніе общественной жизни все больше и больше росло. Видѣлъ все это епископъ, но не имѣлъ средствъ помочь горю. Скоро разразился пугачевскій громъ, и епархія преосвященнаго Θеодосія была еще болѣе разорена. „Въ это тяжелое для государства время ни въ одной изъ мѣстностей, взволнованныхъ бунтомъ, не было столько случаевъ измѣны между духовными, какъ именно въ Тамбовскомъ краѣ“ [2]).

Генералъ-аншефъ Петръ Ивановичъ Панинъ, слѣдуя по пятамъ Пугачева и укрощая бунты въ народѣ, отмѣтилъ множество священно-церковно-служителей, на которыхъ мѣстные воеводы то зло-

---

[1]) Чечулинъ. Русское Провинц. Общ. во 2-ой ½ XVIII вѣка. (Истор. очерк. 89 г.) 57 стр.

[2]) П. В. Знаменскій. Духов. школы въ Россіи до реформы 1808, 514 стр.

умышленно, то неумышленно указывали, какъ на покорныхъ слугъ мятежника [1]), и въ своемъ донесеніи Императрицѣ писалъ, что „если бы духовный чинъ хотя малоинаковъ былъ, злодѣянія не возрасли бы до такой степени; что онъ находилъ духовенство „погруженнымъ въ самомъ вышнемъ невѣжествѣ и грубіянствѣ", такъ что человѣкъ „съ настоящимъ чувствомъ добродѣтели и хотя съ нѣкоторымъ познаніемъ должности пастыря" казался среди него какимъ-то дивомъ [2]). Результатомъ донесенія гр. Панина было то, что несчастные служители алтаря присуждены были къ лишенію сана и изверженію изъ духовнаго званія, „*отчужденію отъ церкви и проклятію*" [3]). Окруживъ своего архипастыря, они оглушали его воплемъ и рыданіемъ и свидѣтельствовались Богомъ въ своей невинности, но добрый епископъ Ѳеодосій не могъ медлить въ рѣшеніи ихъ участи. Сто двадцать девять священно-церковно-служителей [4]) было лишено сана, „чрезъ одѣваніе ихъ въ мужичье платье и торжественное разстриженіе". Не видя помощи и защиты отъ своего архипастыря, разоренныя семьи духовенства обратились съ своей мольбой къ свѣтскому начальству, и искреннія, непритворныя слезы ихъ призвали гражданское начальство къ строгому, безкорыстному изслѣдованію дѣла лишенныхъ сана. Сдѣланъ былъ повальный обыскъ, и оказалось, что служители алтаря, подвергнутые жесточайшему наказанію, пострадали всѣ невинно. Воронежскій губернаторъ Потаповъ посылалъ въ Синодъ донесеніе за донесеніемъ о невинности священно-церковно-служителей, замѣшанныхъ въ бунтѣ, а казанскій губернаторъ князь Платонъ Ст. Мещерскій, подъ управленіемъ котораго находилась Пензенская провинція, ходатайствовалъ о помилованіи предъ самой Императрицей. Слѣдствіемъ ходатайства князя Мещерскаго было изданіе всемило-

---

[1]) Хитровъ... 94.

[2]) П. В. Знаменскій. «Дух. школы въ Россіи», 508 стр.

[3]) И. И. Дубасовъ. Чума и пугачевщина въ Там. краѣ. «Ист. Вѣст.» 83 г. т. XIII ср. II в. 100 стр.

[4]) Много горя принесла пугачевщина и дворянамъ. По донесенію Григорія Сердешнева во время Пугачевскаго бунта въ одной Пензенской провинціи изъ благородныхъ дворянъ государственнымъ воромъ и его толпами было убито 173 человѣка: 99 муж. 74 жен. изъ 92 фам. (Собран. писемъ къ о. Памфилову, 1 т., 158—159 листъ). Вообще въ Тамбовскомъ краѣ было очень много убитыхъ, такъ что въ 1775 году въ Шацкъ и Тамбовъ пріѣзжали изъ Петербурга чиновники, которые составляли списки дворянскихъ сиротъ, оставшихся по смерти убитыхъ родителей, раздавали имъ денежныя пособія и выбирали имъ благонадежныхъ опекуновъ изъ мѣстнаго уцѣлѣвшаго дворянства (Дубасовъ. Чума и Пугачевщина. «Истор. Вѣст.», 830 г., т. 13, 124 стр.).

стивѣйшаго манифеста (17 мар. 1775 г.), которымъ всѣ священно-служители, лишенные сана, оставлены въ духовномъ званіи, на причетническихъ мѣстахъ, а церковно-служители вмѣсто военной службы опредѣлены въ податное сословіе. Только священно-служители г. Саранска, Наровчата остались на своихъ мѣстахъ, такъ какъ еще не успѣли снять съ нихъ сана. Архимандритъ Нижне-Ломовскаго монастыря Исаакій, съ почестью встрѣтившій пугачевц., вмѣстѣ съ своими соучастниками всенародно лишенъ архимандритства и монашества и даже волосъ на головѣ и бородѣ [1]).

Неприглядная картина быта духовенства до Пугачевщины послѣ нея стала еще мрачнѣе и страшнѣе. Прежде, хотя плохіе, да были священно-служители, теперь не хватало ихъ, а взять было негдѣ. Прежде мало уважаемы были помѣщиками и барами священно-церковно-служители, теперь ихъ авторитетъ совершенно поруганъ и обезчещенъ. Архимандритъ одного изъ лучшихъ монастырей, служившаго убѣжищемъ для всѣхъ жизненныхъ страдальцевъ и источникомъ возрожденія для всѣхъ извѣрившихся въ истинѣ, поруганъ и обезчещенъ, какъ какой-то тяжкій, злонамѣренный преступникъ (онъ на площади былъ лишенъ архимандритства, монашества и даже волосъ на головѣ и бородѣ—былъ обритъ). И вотъ послѣ такого униженія священнаго сана, какое было допущено во время слѣдственнаго дѣла надъ епископомъ и измѣнниками (по невѣдѣнію) русскаго царя, преосвященный Ѳеодосій долженъ былъ взывать къ паствѣ о необходимости нравственнаго возрожденія, необходимости тѣснѣйшаго единенія между пастырями и пасомыми, какъ единственно вѣрномъ и надежномъ факторѣ жизненности общества! И епископъ съ ревностью истиннаго послѣдователя Невиннаго Страдальца принялся за это и съ честью вѣрнаго слуги Его выполнилъ. Не имѣя возможности найти замѣстителей изъ среды своихъ пасомыхъ, онъ просилъ Синодъ придти къ нему на помощь и дать ему способныхъ къ тому лицъ изъ другихъ епархій. Просьба его была уважена, и вотъ по приказу Синода нѣсколько священно-церковно-служителей были переведены въ нашу епархію изъ сосѣднихъ епархій: Крутицкой и Рязанской; духовникъ императрицы Екатерины—Ив. Ив. Памфиловъ, шлетъ къ Ѳеодосію кандидатовъ на епархіальную службу, которые и были опредѣлены соотвѣтственно его желанію: одинъ въъ Керенскій соборъ протоіереемъ [2]) и предсѣдателемъ духовнаго правленія, а другой канце-

---

[1]) Указъ см. изв. Арх. Ком. в. V. 85 г.

[2]) С.-Петерб. Император. Публич. библіот. Собраніе писемъ къ о. Памфилову, т. I. 3-е. Письма Ѳеодосія, епископа Тамб.

*

ляристомъ этого правленія. Укомплектовавъ штатъ священно-церковно-служителей этихъ главныхъ насадителей культуры въ глухой деревнѣ, епископъ всецѣло отдался дѣлу нравственнаго возрожденія ихъ. Чуждый внѣшняго величія, доступный для всѣхъ, просто и бѣдно одѣтый, онъ скромно, въ простой кибиткѣ, крытой рогожей, совершалъ свои путешествія по епархіи. Считая сельскихъ священно-церковно-служителей самыми близкими къ себѣ людьми, онъ вниманіе свое прежде всего обратилъ на этихъ безвѣстныхъ тружениковъ на нивѣ Христовой. Въѣзжая въ приходъ, онъ неизмѣнно направлялся въ убогую хижину сельскаго батюшки, настойчиво избѣгая роскошныхъ барскихъ хоромъ [1]). Вошедши подъ непривѣтливый кровъ смиреннаго труженика, онъ старался ближе познакомиться съ его насельниками. Голосомъ друга и старшаго учителя онъ подолгу бесѣдовалъ съ нимъ, печальныхъ утѣшалъ, невѣдующихъ научалъ, отчаявшихся ободрялъ, гордыхъ смирялъ и увѣщевалъ—всѣхъ же вообще призывалъ къ бодрой жизнедѣятельности, согласно съ ихъ пастырскимъ призваніемъ. И не вотще были слова кроткаго пастыря. Всѣ, кто только могъ, брались за дѣло народнаго образованія и воспитанія. Исторія сохранила намъ одинъ въ высшей степени поучительный фактъ. Престарѣлый заштатный пономарь Терентій Ѳеодоровъ, разбитый параличемъ, не владѣвшій правою рукою, подъ впечатлѣніемъ, вѣроятно, рѣчей симпатичнаго архипастыря, рѣшилъ посвятить свои послѣдніе дни дѣлу народнаго образованія и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1774—1786 г., годъ открытія главнаго народнаго училища) былъ самымъ замѣчательнымъ распространителемъ просвѣщенія [2]). Всѣ же, кто могъ и не могъ быть учителемъ другихъ, старились учиться сами и прежде всего у своего добраго архипастыря, почему появленіе епископа въ томъ или въ другомъ мѣстѣ епархіи наполняло радостью сердце пасомыхъ и собирало ихъ въ большомъ количествѣ около своего добраго пастыря. Взаимная любовь и довѣріе къ епископу были настолько сильны, что самая ссылка имъ священно-церковно-служителей на черныя монастырскія работы [3]) за неумѣніе совершать церковныя службы, за нечистоту въ храмахъ, за допущеніе женщинъ въ алтарь и т. п. проступки, не вызывали противъ него взрыва неудовольствія и негодованія. Всѣ видѣли въ этомъ отеческую мѣру исправленія. Передъ его гигантской силой любви безсильна была даже ярая вражда его

¹) Дубасовъ. Очерки Тамб. края в. I, 101 стр.

²) Дубасовъ. в. II, 109 стр. ср. Училищное дѣло въ Тамб. краѣ 93 г. 53 т. 155 стр.

³) Протоіерей Г. В. Хитровъ. Историко-Стат. опис. Тамб. епар., 101 стр.

ближайшихъ по мѣсту жительства пасомыхъ, разумѣю тамбовцевъ вообще и „интеллигенцію“ тамбовскую въ частности. Свое расположеніе къ нему они выражали по поводу обращенія къ нимъ нашего епископа съ просьбой о выпискѣ [1]) новаго, издаваемаго тогда Новиковымъ журнала „Утренній Свѣтъ“, поставившій своею цѣлью „споспѣшествовать колико возможно *истинному просвѣщенію*, утверждая оное на благонравіи и на любви къ отечеству“ [2]), содержащій между прочимъ училище для „бѣдныхъ и сиротствующихъ дѣтей“. Замѣчательно, что многіе изъ прихожанъ не только не отказались отъ предложенія епископа, но, слѣдуя примѣру его, давали болѣе нормальной подписной цѣны [3]). И только типичные

---

[1]) „Духовныя лица, читаемъ мы въ изслѣдованіи Незеленова о Новиковѣ, энергично поддерживали журналъ Новикова — „Утренній Свѣтъ“. Они были главными вкладчиками суммы, они же были и первыми главными распространителями его. Въ спискахъ подписчиковъ можно встрѣтить указанія, у какого епископа сколько подписалось“. Правда, всѣ подписчики тамбовскіе въ спискахъ не показаны подписавшимися именно у епископа, но то обстоятельство, что имя нашего ревностнаго, отзывчиваго на всякое благое дѣло пастыря стоитъ первымъ среди тамбовскихъ подписчиковъ, говоритъ именно за непосредственное усердіе его въ этомъ дѣлѣ. Мы полагаемъ, что причина молчанія о томъ, чрезъ кого подписались тамбовцы, кроется въ характерѣ святителя. (Незеленовъ. „Н. И. Новиковъ“, изд. жур. 1769—85 г. 235—270—271 стр.).

[2]) „Утренній Свѣтъ“, 77 г., часть I. СПБ. 281 стр. объявл.

[3]) Вотъ имена подписчиковъ съ обозначеніемъ ихъ платы за журналъ; (подписная цѣна была 3 р. 50 к. Незеленовъ, „Новиковъ“ 263 стр.):

1.	Его преосвященство Ѳеодосій	1 экз.	10 руб.
2.	Козлов. Троиц. монаст. игуменъ Иліодоръ	1 „	
3.	Козлова г. Покровскаго соб. Протоіер. Іоаннъ Тимоѳеевъ (объ о. Іоаннѣ, Дубасовъ, II, 77)	1 „	
4.	г. Тамб. протоіер. Васил. Яковлевъ	1 „	
5.	Тамб. Спасо-Преобр. соб. ключарь іерей Іоаннъ Герасимовъ	1 „	
6.	г. Наровчата Покр. Богоматери протоіерей Никита Алексѣевъ	1 „	
7.	г. Тамб. соб. свящ. Симеонъ Іоанновъ	1 „	
8.	Тамб. епар. проповѣд іерей Петръ Іоанновъ	1 „	
9.	Крылов. ратуши г. бургомистръ Ив. Алекс. Придорогинъ	1 „	
10.	Его высокород. Никол. Андр. Охлѣбининъ	1 „	5 „
11.	Тамбовскій гражд. депут. Савва Ив. Дитятевъ	1 „	5 „
12.	Его высокоблагор. Сергѣй Андреев. Чубаровъ	1 „	10 „
13.	Его высокоблагород. Сергѣй Иванов. Страховъ	1 экз.	10 руб.
14.	„ „ Ѳеодоръ Яковлевъ Мактѣевъ	1 „	
15.	„ „ Алексѣй Иванов. Масловъ	1 „	5 „
16.	„ „ Ник. Ив. Свѣчинъ	1 „	
17.	Его благородіе Иванъ Ильичъ Ознобишинъ	1 „	5 „
18.	„ „ Вас. Ив. Хрипуновъ	1 „	

сельскіе бары — „помѣщики, стремившіеся къ произволу относительно причтовъ и крѣпостныхъ не любили его. Но въ этомъ обстоятельствѣ мы видимъ, говоритъ почтенный И. И. Дубасовъ, только новый поводъ къ заявленію такого факта, что описанный нами епископъ былъ истымъ архипастыремъ, дѣйствовавшимъ въ духѣ апостольскаго служенія". (Дубасовъ . . . . 1, 101 стр.).

---

19. Его благородіе Алексѣй Иванов. Степановъ . . . . 1 экз. 5 руб.
20. „ „ Никита Ив. Каверинъ . . . . 1 „ 5 „
21. Его высокоблагородіе Стефанъ Ларіоновичъ Рахмановъ . 1 „ 5 „
22. Москов. куп. Ив. Петр. Плотниковъ . . . . 1 „
23. г. Козлова воевода его высокобл. Василій Масловъ . . . 1 „
24. Его благород. Аѳанасій Мих. Соминъ . . . . 1 „ 5 „
25. г. Козлова воеводскій товарищъ его благор. Никита Иван. Аленинъ . . . . 1 „
26. Того же гор. секретарь е. бл. Михайло Семенов. Иловайской . . . . 1 „
27. Его высокобл. Дементій Андреев. Чечеринъ . . . . 1 „
28. Его благор. Петръ Ив. Аврыйской . . . . 1 „
29. „ „ Петръ Ив. Голосницкій . . . . 1 „
30. „ „ Антонъ Ив. Петровъ . . . . 1 „
31. Москов. куп. Иванъ Плотниковъ . . . . 1 „ 5 „
32. Для приказ. служит. Тамбов. Дух. К—ріи . . . . 1 „ 6 „
33. Тамб. (Разсказовской) сук. фабр. содержат. Яковъ Тулинъ 2 „ 10 „
34. Тамб. штатной команды капит. Ив. Емельян. Давыдовъ . 1 „
35. Тамб. провинціальн. протоколистъ Василій Макаровичъ Завятинъ . . . . 1 „
36. Его благородіе Ив. Александровичъ Платковъ . . . . . . 1 „
37. „ „ Ив. Алексѣевичъ Давыдовъ . . . . 1 „
38. „ „ Яковъ Андр. Салтыковъ . . . . 1 „
39. „ „ Григорій Кириллов. Апушкинъ . . . . . . 1 „
40. Воронеж. куп. и фабрик. Яковъ Васильев. Тумановъ . . . 1 „ 5 „
41. Тамб. куп. Матѳей Петров. Бородинъ . . . . 1 „ 5 „
42. Его благородіе Никита . . . . . Сальновъ . . . . 1 „ 5 „
43. Тамб. провинціальн. магистрата г. президентъ Михайло Герасим. Бородинъ . . . . 1 „ 5 „
44. Моск. куп. Алексѣй Ив. Журавлевъ . . . . 1 „ 10 „
45. Тамб. куп. Степанъ . . . . . Расторгуевъ . . . . 1 „ 5 „
46. Тамб. куп. Алексѣй Тимофеев. Гриденъ . . . . 1 „
47. СПБ. куп. Ив. Мих. Орловъ . . . . 1 „
48. Москов. куп. и Тамбов. (Разсказовскій) фабрик. Михайло Павлов. Олесовъ . . . . 2 „ 10 „
49. Тамб. куп. Ив. Романов. Жмаевъ . . . . 1 „ 5 „
50. Тамб. провинц. канцеляр. секрет. Алексѣй Степановичъ Степановъ . . . . 1 „ 5 „
51. Оной же канцеляріи регистраторъ Петръ Даниловъ . . . 1 „ 5 „

„Утренній Свѣтъ" 78 г., III ч., изд. 2-ое: 78 г. IV ч., 1-ое изд.

Что особенно замѣчательно въ этомъ фактѣ, такъ это то, что подписка

Ревнуя о нравственномъ возрожденіи духовенства, а чрезъ него и всей своей паствы, преосвященный Θеодосій ясно сознавалъ всю недостаточность своихъ личныхъ силъ для такого труднаго дѣла и серьезно думалъ объ учрежденіи семинаріи, этого разсадника и питомника главныхъ и едва-ли ни единственныхъ истинныхъ просвѣтителей деревни. Зная, что дѣло учрежденія семинаріи столько же зависитъ отъ него, сколько, если еще не болѣе, отъ Св. Сѵнода и самой Государыни, онъ проситъ высшее начальство ходатайствовать предъ Государыней о самомъ дозволеніи учредить семинарію и ассигнованіи на нее обычной штатной суммы [1]), духовника Императрицы, протоіерея І. І. Памфилова, проситъ рекомендовать человѣка способнаго правильно устроить и направить жизнь новаго учебнаго заведенія [2]); съ своей стороны избираетъ мѣсто наиболѣе удобное для открытія семинаріи.

эта была сдѣлана ранѣе года открытія семинаріи и слѣдовательно косвенно подтверждаетъ то положеніе, что Θеодосій былъ не только ученымъ, но и слѣдящимъ за литературой. Онъ выписываетъ и убѣждаетъ выписать журналъ въ Тамбовѣ, тогда какъ въ Богородскѣ, значитъ, подъ самой Москвою, до 1779 года никто не зналъ о журналахъ, издававшихся Новиковымъ.

(Русское провинціальное общество во 2-ой половинѣ XVIII в. Историч. очерк. Н. Чечулинъ 1889 г., 76 стр.).

[1]) Вопреки высказанному печатно мнѣнію, что Тамб. сем. учреждена Св. Сѵнодомъ по волѣ самой Императрицы, безъ ходатайства о томъ епарх. архіерея (Хитровъ, «Истор. стат. описаніе Тамб. епар.», 102 стр.; архимандритъ Дмитрій „І-ый ректоръ Семинаріи"; П. В. Знаменскій „Духов. школы въ Россіи", 514 стр.), основанному вѣроятно на замѣткѣ Г. Р. Державина, что еп. Θеодосій былъ человѣкъ неученый (Записки Г. Р. Державина, 270 стр,), мы утверждаемъ, что сем. учреждена именно по ходатайству епископа. На такое утвержденіе насъ уполномачиваетъ, во 1-хъ, то обстоятельство, что о. Θеодосій былъ человѣкъ образованный, ученикъ Кіевской академіи и слѣдовательно могъ понимать значеніе учрежденія сем. для такой темной епархіи, какою была тогда Тамб. епархія, хорошо извѣстная ему по его личнымъ наблюденіямъ; во 2-хъ, то, что паства была для него единственнымъ предметомъ жизни, въ 3-хъ, Іоанникій, первый ректоръ семинар., переводится изъ Царево-Константинова монастыря въ Нижне-Ломовскій монастырь 7 мая (Асконченскій. „Кіевъ съ его древ. уч.", II ч. 287 и 537 стр., Исторія Амвросія, V кн. 179 стр. Н.-Ломовская лѣтопись), задолго до подписанія Императрицею указа о бытіи семинаріи въ Тамбовѣ, и въ 4-хъ, наконецъ, — обычай того времени, по которому инціатива учрежденія семинаріи всегда принадлежала епархіальному архіерею. (Г. М. Пясецкій. „Исторія Орловской епархіи и описаніе церквей, приходовъ и монастырей", 671—74 стр. П. В. Знаменскій. „Духовныя школы" 515 стр.).

[2]) Правда, среди дошедшихъ до насъ писемъ разныхъ лицъ, адресованныхъ къ названному о. протоіерею, хранящихся въ настоящее время въ Императорской Публичной библіотекѣ, мы не встрѣчаемъ подобнаго письма,

Какъ ближайшему начальнику и руководителю учрежденной семинаріи, преосвященному, безъ сомнѣнія, хотѣлось помѣстить ее гдѣ-нибудь около архіерейской каѳедры. Но всѣ попытки его въ данномъ отношеніи должны были кончиться полнѣйшей неудачей. Нѣкогда благоустроенный, а теперь уже пришедшій въ ветхость Казанскій монастырь не могъ дать учреждаемой семинаріи не только готоваго помѣщенія, но даже и пустопорожняго мѣста для усадьбы. Городъ же имѣлъ самый плачевный видъ и не могъ дать хотя какой-нибудь квартиры. Призванный къ жизни исключительно въ административныхъ цѣляхъ, а не естественными усиліями и мѣстными потребностями, онъ постоянно нуждался въ искусственной поддержкѣ со стороны правительства, а потому, какъ только о немъ стали забывать, по мѣрѣ утраты имъ своего оборонительнаго значенія, онъ постепенно ветшалъ и разорялся, пока не дошелъ до такого состоянія, что представлялъ изъ себя большое захудалое село, раскинутое около забытой, полуразрушенной крѣпости. До чего жалокъ былъ Тамбовъ при преосвящ. Ѳеодосіи, можно заключать изъ того, что когда въ 1779 г. нужно было устроить въ городѣ призванныя къ жизни, вслѣдствіе учрежденія намѣстничества, присутственныя мѣста, то ихъ пришлось размѣщать кое-какъ. Верховный земскій судъ, напримѣръ, былъ помѣщенъ въ развалинахъ старинной воеводской избы. Управленіе губернскаго прокурора заключалось въ одной малой комнатѣ [1]). Чиновники палатъ зимой должны были сидѣть въ шубахъ, подьячіе—въ своихъ чуйкахъ, такъ какъ печи, гдѣ таковыя и доставивали еще свои послѣдніе дни, никогда не топились [2]).

но бытіе его въ свое время намъ кажется несомнѣннымъ. Среди дошедшихъ до насъ писемъ преосвящ. Ѳеодосія къ о. Памфилову нѣтъ ни одного просительнаго письма, а между тѣмъ въ заголовкѣ писемъ называлъ его своимъ, между прочимъ, милостивѣйшимъ отцомъ и величайшимъ благодѣтелемъ. Считать подобное обращеніе только литературными пріемами писанія не позволяетъ какъ самый характеръ писавшаго, такъ и характеръ писемъ; слѣдовательно, надо полагать, нашъ преосв. считалъ себя на самомъ дѣлѣ облагодѣтельствованнымъ о. Памфиловымъ. Да, потомъ о. Памфиловъ принималъ широкое участіе въ дѣлахъ церкви, входилъ въ нужды всѣхъ обращавшихся къ нему и, видимо, считалъ за особое удовольствіе быть полезнымъ кому-нибудь. Его услугами пользовались очень многіе изъ россійскихъ іерархов времени Екатерины; поэтому чего-либо страннаго въ подобной просьбѣ со стороны нашего преосвященнаго не было ничего. Съ фактами его участливости въ судьбахъ нашего края мы еще встрѣтимся впереди и убѣдимся, что Тамбовскій край былъ близокъ его сердцу. Объ Іоанникіи, этомъ выдающемся молодомъ іерархѣ, онъ не могъ не знать.

[1]) Дубасовъ... III, 96 стр.

[2]) Гр. Саліасъ. Поэтъ Державинъ правитель намѣстничества „Рус. Истор. Вѣстн.“, 1876 г., 125 т., 104 стр. и отдѣл. брошюр.

Самъ губернаторъ Г. Р. Державинъ (въ 1786 г.) не могъ сыскать подходящаго мѣста для училища въ Тамбовѣ и долженъ былъ нанять такой домъ, который потребовалъ ремонту на 200 р. и при всемъ томъ побудилъ, не болѣе какъ чрезъ 4—5 лѣтъ, пріобрѣсти новый—за 30 верстъ отъ города [1]). Но если люди облеченные свѣтскою властью, не могли въ убогомъ Тамбовѣ сыскать болѣе или менѣе сноснаго помѣщенія, то что же могъ сдѣлать кроткій епископъ Ѳеодосій. Естественно поэтому, что скоро взоры его были устремлены на другія мѣста своей епархіи, и здѣсь вниманіе его невольно останавливалось на Казанско-Богородичномъ Нижне-Ломовскомъ монастырѣ—этомъ единственномъ 2-классномъ [2]) (остальные были 3-классными и заштатными) монастырѣ ввѣренной ему епархіи, недавно предъ тѣмъ возобновленномъ строеніемъ и неразоренномъ Пугачевымъ [3]). Правда, дальность разстоянія этого монастыря отъ Тамбова представляла и порождала много неудобствъ, но лучшаго исхода не было, и вотъ епископъ избираетъ этотъ монастырь временной резиденціей Тамбовской семинаріи, впредь до пріобрѣтенія собственнаго зданія въ Тамбовѣ.

Мѣсто для семинаріи было найдено. Найденъ былъ и человѣкъ устроить и направить жизнь нарождающагося училища — Іоанникій, архимандритъ Царево-Константиновскаго монастыря во Владимірской епархіи, который по желанію епископа Ѳеодосія и былъ переведенъ въ Нижне-Ломовскій монастырь 7 мая 1779 г. Оставалось теперь только получить высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе названнаго училища съ ассигнованіемъ обычнаго 2.000 оклада. Пугачевскій бунтъ какъ нельзя болѣе посодѣйствовалъ скорѣйшему осуществленію этого желанія епископа. Св. Синодъ, хорошо освѣ-

---

[1]) Тамъ же 571—572 стр.

[2]) Тамбовская епархія, читаемъ мы въ „Географическомъ словарѣ Россійскаго Государства“ Щекатова и Максимовича, заключаетъ въ себѣ 902 церкви, въ томъ числѣ штатныхъ и заштатныхъ мужскихъ и женскихъ монастырей и пустошь, а именно: мужской Нижне-Ломовскій, Казанско-Богородицкій 2-классный, подъ управленіемъ архимандрита; 2) Козловскій-Троицкій; 3) Троицкій-Елецкій, что въ Лебедяни, мужск. 3 класса,—оба управляются архимандритами; 4) женскій Тамбовскій Вознесенскій 3 класса, подъ начальствомъ игуменьи; 5) Тамбовскій Трегуляев. Предтеченскій; 6) Санаксарскій-Богородицкій; 7) Шацкій Николаевскій Черняев. монастыри; 8) Саровская; 9) Шацкая Успенская Вышенская пустынь, заштатные,—всѣ 5, управляются строителями и 10) Своекоштный Усманскій женскій монастырь („Географическій Словарь Тамб. г. въ концѣ XVIII и нач. XIX стол.“, сост. Ѳ. С. Соколовымъ по географ. слов. Р. Г., изд. Л. Максимовичемъ и А. Щекатовымъ „Извѣст. Тамб. уч. Арх. Ком. XVI в.“ и отд. брош. 66 стр.).

[3]) Истор. Стат. опис. Ниж.-Лом. Каз. Богор. 2-кл. м. монас., изд. 91 г.

домленный о повальномъ невѣжествѣ тамбовскаго духовенства, вошелъ къ Государынѣ со всеподданнѣйшимъ докладомъ объ учрежденіи семинаріи, и Государыня, не менѣе освѣдомленная изъ донесеній гр. Панина о состояніи Тамбовскаго края въ религіозно-нравственномъ отношеніи, въ исполненіи своихъ словъ, обращенныхъ къ тому же Панину 22 сент. въ день своего священнаго коронованія 1779 г., подписала докладъ Св. Синода о бытіи въ Тамбовской епархіи семинаріи и отпускѣ на нее 2.000 руб. ежегодно. Извѣщая о состоявшемся распоряженіи Императрицы, Св. Синодъ писалъ епископу Ѳеодосію:

Указъ объ открытіи семинаріи ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ С.-Петербургскаго Синода преосвященному Ѳеодосію, епископу тамбовскому и пензенскому. 3 окт. 1779 г., № 1645.

Минувшаго сент. 23 дня Св. Пр. Синоду синод. г. Оберъ-Прокуроръ Сергій Вас. Акчуринъ предложилъ копію съ послѣдов. по докладу Св. Синодальнаго имяннаго Ея Импер. Вел. указа, даннаго коллегіи экономіи того сент. 22 дня за собст. ручн. Ея Импер. Вел. предписаніемъ, въ которомъ между прочимъ написано: на заведеніе и содержаніе семинаріи въ Тамбовской епархіи повелѣваемъ отпущать во оную по 2.000 руб. ежегодно; и по ук. Ея Импер. Вел. Св. Пр. Синодъ приказали: о надлежащемъ по оному имянному Ея Импер. Вел. высочайшему указу исполненіи къ Вашему Преосв. и куда надлежитъ послать указъ съ слѣдующимъ предписаніемъ. 1-ое, чтобъ для заведенія оной семинаріи въ епархіи своей избрали пристойное мѣсто по своему усмотрѣнію, а какъ въ Тамбовской епархіи изъ настоятелей монастыря и изъ другихъ званіевъ духовныхъ къ заведенію училищному способныхъ людей не имѣется, Владимірской же епархіи Царя-Константинова монастыря архимандритъ Іоанникій, по довольному его въ наукахъ обращенію признается быть къ тому надежнымъ, для того его, арх. Іоанникія, перевести въ Тамбовскую епархію въ Нижне-Ломовскій Казанско-Богородицкій монастырь съ тою степенью, какую онъ въ Царя-Константиновскомъ монастырѣ имѣлъ, во оный же Царя-Константина того Нижне-Ломовскаго монастыря архимандрита Тихона и изъ нихъ архимандриту Іоанникію, будущему Тамбовской семинаріи ректору, къ тому и заведеніе и строеніе сея семинаріи въ точное распоряженіе поручить съ тѣмъ, чтобы онъ все то производилъ съ доклада В. Пр. съ возможнымъ поспѣшеніемъ, и какъ сія должность требуетъ особливыхъ трудовъ и почти вседневной

изъ монастыря отлучки, то ему, архимандриту Іоанникію, изъ положенной на семинарію суммы производить жалованья по 150 р. въ годъ, а дабы удобнѣе онъ могъ все исполнить, то ему, архимандриту, и въ консисторіи Тамбовской имѣть присутствіе.

2. Оную Тамбовскую семинарію за неимѣніемъ въ ней ученыхъ людей снабдить на первый случай учителями въ наукахъ достойными и состоянія честнаго П. Ряз. для обученія же той семинаріи учениковъ набрать В. Пр. въ епархіи своей изъ священно-церковно-служительскихъ дѣтелей и потребное число.

3. О содержаніи семинаріи учителей и учениковъ неимущихъ изъ пожалованной отъ Е. И. В. суммы, а богатыхъ отцовъ дѣтей въ силу Духовнаго Регламента на собственномъ отцовскомъ коштѣ, такъ же и о такихъ ученикахъ, которые по довольномъ усмотрѣніи окажутся непонятными, поступать по Духовному Регламенту.

4. Какъ на оную семинарію положенная сумма такимъ образомъ ежегодно производима съ состоянія о томъ имяннаго Высоч. Ея И. В. указа, въ первыхъ годахъ учителя и ученики быть еще не могутъ, слѣдовательно и, сумма подлежащая на нее, имѣетъ оставаться, то въ сіе время архимандритъ Іоанникій долженъ стараться первѣе на ту сумму для семинаріи потребное число покоевъ построить, дабы въ оныхъ можно свободно помѣщаться учителямъ, ученикамъ и библіотекѣ и прочее къ содержанію ихъ нужное, не оставляя при томъ и покупки самонужнѣйшихъ книгъ.

5. Гдѣ въ Тамбовской епархіи для семинаріи мѣсто назначено было и когда оная учредится и кто откуда имянно учительствовать опредѣляется, о томъ въ Св. Синодъ отрапортовать.

6. Въ предь же о состояніи школъ, о наличествѣ учениковъ и учителей и о протчемъ по силѣ преждепосланныхъ изъ Св. Синóда ко всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ архіереямъ въ разныхъ годахъ, а особливо въ 1774-мъ указовъ присылать въ Св. Синодъ ежегодныя вѣдомости, а къ пр. епископу рязанскому и владимірскому указы посланы. Окт. 3 дня 1779 года.

Подъ указомъ подпись:

Оберъ-Секретарь Апполосъ Наумовъ.

Секретарь Игнатій Калининъ.

(Ар. Нижне-Ломовскаго монастыря пачка указ., касат. Тамбовской семинаріи, № 1 по реестру) № 1645.

Получивши указъ, а можетъ быть и ранѣе, епископъ распорядился о томъ, чтобы священно-церковно-служители заблаговременно приготовляли своихъ дѣтей къ поступленію въ семинарію и въ началѣ слѣдующаго новаго (1780) года представили ихъ въ Нижній Ломовъ въ Казанскій монастырь. Въ ноябрѣ прибылъ въ Тамбовъ вновь назначенный и давно ожидаемый епископомъ архимандритъ Іоанникій. Увидѣвъ предъ собою полнаго внутренней силы и энергіи человѣка, о которомъ онъ, можетъ быть, зналъ очень много хорошаго чрезъ о. Памфилова, онъ сдалъ на его руки дѣло устройства учреждаемой семинаріи, за собою же оставилъ только почетное мѣсто блюстителя семинаріи, посредника въ сношеніяхъ съ людьми внѣшними для семинаріи, и главнаго благотворителя. Въ такихъ именно отношеніяхъ къ семинаріи и оставался преосвященный Θеодосій до конца дней своихъ. Жизнь семинаріи текла въ направленіи, указанномъ ей ея ректоромъ.

„Послуживъ 20 лѣтъ паствѣ Тамбовской во славу Господа Іисуса, архипастырь Θеодосій отошелъ къ Нему въ навечеріе Его рождества 1786 года. Погребеніе совершено епископомъ рязанскимъ Симономъ, при дѣятельномъ участіи въ печальномъ обрядѣ тамбовскаго намѣстника, знаменитаго русскаго поэта Гавріила Романовича Державина. Тѣло преосвященнаго Θеодосія положено въ каθедральномъ соборѣ у сѣверной стороны, гдѣ въ то же время устроена красивая деревянная гробница. Подъ портретомъ надъ этою гробницею начертаны неизвѣстною рукою стихи, которые подтверждаютъ и дополняютъ предложенное повѣствованіе о жизни и пастырской дѣятельности епископа Θеодосія:

Се памятникъ! подъ нимъ сокрытая особа,
Другимъ которая вѣщала смерть и судъ,
Безгласна днесь лежитъ сама внутрь мрачна гроба.
Скончалась среди ея лѣтъ нужныхъ для паствы и минутъ.
Се пастырь, въ городѣ Казани (?) что рожденъ,
И въ Лаврахъ многихъ былъ начальникомъ почтенъ:
Великаго Устюга потомъ былъ пастырь града,
Тамъ пять лѣтъ охранялъ овецъ Христова стада;
Въ Тамбовѣ 20 лѣтъ архіереемъ былъ.
Не тщетно здѣсь свою всю жизнь онъ проводилъ,
Но тщился и училъ тому овецъ словесныхъ:
Какъ должно получать часть въ свѣтлостяхъ небесныхъ,

И временную жизнь какъ должно провождать,
Дабы въ покоѣ ту душевномъ окончать.
Онъ Ѳеодосіемъ въ сей жизни назывался;
Судьбѣ отдавши долгъ, сей общій долгъ скончалъ,
Проживъ не больше трехъ шестидесяти лѣтъ,
И се воздвигнутъ печальный отъ паствы ему монументъ".

1786 г. 23 декабря [1]).

22 мая 1789 года родственниками почившаго было передано семинаріи нѣсколько книгъ изъ библіотеки преосвященнаго, на всегдашнее воспоминаніе объ учредителѣ ея. Вотъ эти книги:

Книги въ листъ.

1. Jacobi Tirini commentarius in sacram scripturam duobus comprehensus . . . . 1 lib.
2. Erasmi operum omnium tomus secundus . . . . . . 1 lib.
3. Iunckeri Lexicon Latino-Germano-Graecum . . . . . 1 lib.
4. Лексиконъ письменный латино-славян. Искалепина 1 lib.

въ четверть.

1. Retorica latina manuscripta . . . . 1 lib.
2. Проповѣди письменныя . . . . 1 lib.
3. Poetica manuscripta . . . . 1 lib.
4. Solomonis Vantil Theologia Paracletica . . . . . . 1 lib.
5. Confessio ecclesiae armenicae latine reddita . . . . . 1 lib.

въ осьмуху.

1. Theophanis Procopovicz tractatus de processione spiritus sancti duo exempl. . . . . 2 lib.
2. Eugenii logica Graeca . . . . 1 lib.
3. Xenophontis de Cyri expeditione . . . . 1 lib.
4. Ciceronis orationes selecta . . . . 1 lib.
5. Baumesteri elementa philosophia . . . . 1 lib.
6. Winkleri institutiones philosoph. pars secunda . . . . 1 lib.
7. Burgii elementa oratoria . . . . 1 lib.
8. Ciceronis de officiis . . . . 1 lib.
9. Theophanis Procopovicz liber historicus de jugo legis intolerabile . . . . 1 lib.

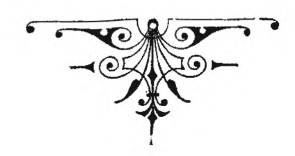
---

[1]) Хитровъ. 106—107 стр.

10. Compendium logicae Crusii . . . . 1 lib.
11. Langii medicina mentis . . . . 1 lib.
12. Лексиконъ латинскій Геснеровъ . . . . 1 lib.
13. Лексиконъ Целляріевъ . . . . 1 lib.
14. Lamentationes obscurorum virorum Erasmi Rotterdami in duodecimo . . . . 1 lib.[1]).

Александръ Нечаевъ.

12 августа 1906 г.

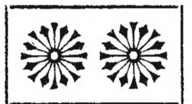
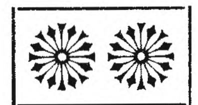
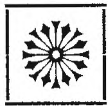
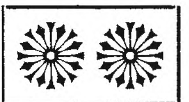
[1]) Арх. Тамб. Дух. Семинаріи.

Тамбовскій епископъ

Өеодосій.

Учебныя воспоминанія [1]).

ридическій факультетъ, какъ выше сказано, имѣлъ два разряда (или отдѣленія): юридическій и камеральный.

Въ росписаніи предметовъ юридическаго отдѣленія значились слѣдующіе, со слѣдующими преподавателями (1853—1854 г.г.):

1) Энциклопедія законовѣдѣнія и россійскіе государственные законы—проф. Пахманъ, нѣкоторое время проф. Осокинъ. Раньше читалъ проф. Станиславскій, который въ 1853 г. ушелъ въ Харьковъ, а потомъ, въ 1869 г., вернулся въ Казань.

2) Римское законодательство и его исторія—проф. Камбекъ.

3) Общенародное право и дипломація—Пахманъ.

4) Исторія русскаго права — онъ же „по собственнымъ запискамъ".

5) Россійскіе гражданскіе законы и судопроизводство—проф. Мейеръ, а по уходѣ его въ Петербургъ—законы—Пахманъ, судопроизводство—адъюнктъ Соколовъ.

6) 3-му курсу юридическаго разряда, и 2-му камеральнаго—Россійскіе уголовные законы по памятникамъ древняго русскаго уголовнаго законодательства и „Уложенію о наказаніяхъ" — проф. Фогель; онъ же 4-му курсу юристовъ и камералистовъ — полицейскіе законы по „Своду законовъ".

7) Законы государственнаго благоустройства и благочинія — 3-му к. юристовъ и камералистовъ по „Своду законовъ" и „сочиненію Рождественскаго" — Пахманъ, а потомъ, съ переходомъ его на гражданское право,—Осокинъ.

[1]) См. „Русск. Стар.", августъ 1908 г.

8) Законы о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ, по „программѣ, разсмотрѣнной и утвержденной м-вомъ народнаго просвѣщенія“: 3-му курсу обоихъ разрядовъ законы о государственныхъ повинностяхъ, имуществахъ и промыслахъ, вмѣстѣ съ исторіей; 4-му курсу—русское дѣйствующее законодательство о податяхъ съ его исторіей и обзоромъ средствъ къ удовлетворенію чрезвычайныхъ государственныхъ потребностей—проф. Осокинъ.

9) Каноническое право православной церкви — юристамъ 4-го курса—протоіерей Владимірскій, по „программѣ, утвержденной высшимъ начальствомъ“.

„Свобода преподаванія“, какъ видно изъ этого росписанія, была не очень широка: читалось то по Своду законовъ, то по утвержденнымъ начальствомъ программамъ, то по сочиненіямъ въ родѣ книги Рождественскаго, состоящей изъ буквальной перепечатки статей Свода законовъ, только безъ нумераціи.

Камеральные факультеты или камеральныя отдѣленія юридическихъ факультетовъ появились, какъ извѣстно, въ 17—18 ст., въ Швеціи и Германіи. Цѣлью ихъ учрежденія было приготовленіе для государства людей, знающихъ науки, нужныя для камеральной службы, проще сказать, для службы гл. обр., по вѣдомству финансоваго управленія. А такъ какъ главными источниками государственныхъ финансовъ того времени были государственныя имущества и казенныя промышленныя предпріятія, то въ кругъ камеральнаго образованія и вошли тѣ науки, знаніе которыхъ нужно для извлеченія доходовъ отъ государственныхъ земель, лѣсовъ, горныхъ и др. промысловъ, принадлежащихъ казнѣ. А какъ при веденіи хозяйственныхъ операцій встрѣчается надобность и въ нѣкоторыхъ юридическихъ познаніяхъ, равно и въ знакомствѣ съ общимъ строемъ государства и его управленія, то въ составъ камеральныхъ наукъ были введены и юридическія науки, но въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ для юристовъ чистой воды.

Въ Казанскомъ университетѣ, съ учрежденіемъ здѣсь камеральнаго отдѣленія (въ 1844 г.), преподавались на немъ слѣдующіе предметы:

1) Публичное россійское правовѣдѣніе, государственныя и губернскія учрежденія и право о состояніяхъ; 2) уголовные законы; 3) гражданскіе законы, какъ предметъ дополнительный; 4) политическая экономія и статистика; 5) законы государственнаго благоустройства и благочинія; 6) законы о государственныхъ податяхъ и повинностяхъ (первоначально подъ именемъ „камеральнаго права“); 7) химія неорганическая, органическая и аналитическая; 8) технологія; 9) ботаника и сельское хозяйство.

Въ другомъ, болѣе подробномъ, позднѣйшемъ оффиціальномъ перечисленіи предметовъ камеральнаго отдѣленія, значатся слѣдующіе—съ слѣдующими преподавателями:

1) Россійскіе государственные законы — по Своду законовъ — 3-му курсу, проф. Пахманъ; 2)—a) 3-му курсу камералистовъ съ первымъ к. юристовъ и общей словесности: политическая экономія, по „программѣ, разсмотрѣнной и утвержденной м-вомъ народнаго просвѣщенія“; b) 3-му курсу юристовъ и камералистовъ и 2-му общей словесности — общая сравнительная статистика европейскихъ государствъ и хозяйственная статистика Россіи „по утвержденной м-вомъ программѣ“—проф. Бабстъ; 3) ботаника и сельское хозяйство: 1-му курсу камералистовъ ботаника въ примѣненіи къ сельскому хозяйству, по Декандолю и Бишофу; 2-му курсу—общее земледѣліе; 3-му курсу—полеводство и садоводство по Бабсту,—кандидатъ Пелль; 4) химія: 1-му к. камералистовъ совмѣстно съ 1-мъ курсомъ медиковъ: неорганическая химія по Отто и Гросму; 2-му курсу органическая химія по Леману и Левичу; 3-му курсу—аналитическая химія (въ этомъ оффиціальномъ перечнѣ неупомянутая)—проф. Бутлеровъ; 5) технологія—камералистамъ 2, 3 и 4-го курсовъ, по Дюма и словарю Лабулэ, — проф. Киттары.

Въ этомъ оффиціальномъ спискѣ предметовъ камеральнаго отдѣленія не упомянуты почему-то: на 3 и 4 курсахъ уголовное право и полицейскіе законы, гражданское право и судопроизводство, на 1 и 2 курсахъ—русская исторія, на 1 курсѣ упражненія во французскомъ языкѣ и въ русскихъ сочиненіяхъ.

Съ 1855—56 учебнаго года введено было преподаваніе камералистамъ на 1 курсѣ очень полезныхъ для нихъ предметовъ—зоологіи и минералогіи и проектировано преподаваніе англійскаго языка и архитектуры.

Всѣмъ студентамъ университета преподавались необязательно „свободныя художества“: рисованіе и живопись (препод. Раковичъ), музыка (Мукъ) и танцованіе (Севастьяновъ). Обязательнымъ предметомъ для всѣхъ православныхъ былъ, конечно, законъ Божій—собственно богословіе дагматическое и нравственное и церковная исторія, читавшаяся по „программѣ, утвержденной Синодомъ“.

Съ богословія мы и начнемъ нашъ обзоръ предметовъ, намъ преподававшихся.

Этотъ предметъ читалъ протоіерей-настоятель университетской церкви, Александръ Поликарповичъ Владимірскій — преподаватель серьезный и требовательный. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ,

дѣлавшихъ репетиціи передъ святками. Однако экзаменъ изъ его предмета сдавать было очень легко. Экзаменъ этотъ производился съ большой торжественностью, въ присутствіи высшаго начальства, при участіи архіерея и архимандритовъ. Экзаменаторы эти были очень снисходительными, даже если кто изъ экзаменующихся и очень зарапортовывался. Но сіе послѣднее случалось съ экзаменующимися не часто. благодаря тому, что для подготовленія къ этому экзамену примѣнялся экономическій принципъ раздѣленія труда: большинство студентовъ готовили, каждый, только по одному билету, и только добросовѣстные пробѣгали весь курсъ. На экзаменѣ же дѣлалось такъ: студентъ, съ спрятаннымъ въ рукавъ мундира или иначе „своимъ" билетомъ подходилъ къ столу экзаменаторовъ, бралъ билетъ и моментально замѣнялъ его своимъ; для удобства подмѣна можно было нѣсколько отодвинуться за отвѣчающаго товарища или полѣзть за платкомъ въ карманъ... Можетъ быть, духовныя особы и замѣчали иногда происходящее, но совѣстились обличить; а зналъ ли объ этомъ фортелѣ самъ профессоръ—утверждать не могу; но думаю, что если бы достовѣрно зналъ, то, какъ человѣкъ добросовѣстный, постарался бы искоренить это зло. Вѣроятно, что онъ только подозрѣвалъ о его существованіи и потому весьма основательно пробиралъ тѣхъ изъ студентовъ, которымъ приходилось экзаменоваться у него самого.

Замѣчу кстати, что тогда на экзаменахъ не давалось такъ много времени для обдумыванія билетовъ, какъ это дѣлается теперь, по крайней мѣрѣ у насъ, въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ иногда 2—3 человѣка разомъ берутъ билеты и садятся въ сторонѣ для обдумыванія, пока отвѣчаетъ предыдущій. Обдумываніе это производится нерѣдко при помощи конспектовъ или же программъ, на которыхъ бисернымъ почеркомъ выписано содержаніе каждаго билета, а то и съ помощью учебниковъ, скрытно читаемыхъ, сидя за партой. Не совѣстятся дѣлать это даже и на такъ называемыхъ государственныхъ испытаніяхъ... Въ наше время „обдумывали", стоя передъ самымъ столомъ экзаменатора, пока отвѣчалъ товарищъ, такъ что пользованіе „пособіемъ" тутъ было уже рѣшительно невозможно; приходилось или являться во всеоружіи знанія и памяти или прибѣгать къ гнуснымъ уловкамъ съ билетами, въ родѣ только-что описанной и т. п. Добросовѣстнымъ студентамъ уловки эти, конечно, претили, но общее теченіе и нежеланіе казаться выскочкой увлекали и нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Продѣлывались и другія штуки: такъ, напримѣръ, если профессоръ поручалъ изготовленіе билетовъ кому либо изъ слушателей, то выставлялись условные значки на оборотной сторонѣ билетовъ, или дѣ-

лались билеты—часть съ гладкообрѣзанными краями, часть съ рваными—и распредѣлялись между экзаменующимися по соглашенію, кому брать тѣ, кому другіе. На окончательномъ экзаменѣ, изъ технологіи, помню, былъ примѣненъ такой способъ: билеты—продолговатые—были сдѣланы выпуклыми—часть вдоль, часть поперекъ, т. е. одни съ широкаго, а другіе съ болѣе узкаго борта, съ тѣмъ чтобы продолговато-выпуклыхъ (или наоборотъ не помню) вовсе не готовить и не брать.

Всѣ подобныя ухищренія были, однако, не въ прокъ тѣмъ изъ близорукихъ, которые не носили очковъ; наклоняться къ столу, чтобы выбирать билетъ съ признакомъ, или избѣжать его, было неудобно и приходилось полагаться на свое счастье. Мнѣ, какъ таковому, несмотря на вышеупомянутое внушеніе Ланге, очковъ не носившему, приходилось, разумѣется, готовить весь курсъ каждаго предмета, да и совѣсть претила идти на обманъ. За это или за другую какую „добродѣтель", не знаю, судьба иногда не отказывалась меня и побаловать. Такъ, на этомъ самомъ экзаменѣ изъ технологіи мнѣ, не желавшему руководствоваться „признаками", достался билетъ о „стеклодѣліи", считавшійся наитруднѣйшимъ; а я, готовясь ночью къ экзамену, такъ заинтересовался стеклодѣліемъ, что прочелъ о немъ съ большимъ вниманіемъ и потому, къ удивленію товарищей, пораженныхъ моей неудачей съ билетомъ, отвѣтилъ великолѣпно и привелъ въ удивленіе профессора, если не знавшаго, то, вѣроятно, подозрѣвавшаго, что съ его экзаменомъ устроенъ какой-то фокусъ: товарищамъ моимъ попадались все легкіе билеты; только мнѣ попался трудный.

Злоупотребленія съ билетами (кромѣ богословія, гдѣ прямо происходилъ подмѣнъ билетовъ) были возможны, вслѣдствіе снисходительности профессоровъ, предоставлявшихъ студентамъ самимъ заготовлять билеты; студентъ, болѣе извѣстный профессору, предлагалъ свои услуги избавить его отъ лишняго труда, и дѣло въ шляпѣ. Изготовивши же билеты съ условными „признаками", вручалъ ихъ профессору, который „ничесо же сумняся" и приносилъ ихъ на экзаменъ. Впрочемъ многіе изъ профессоровъ имѣли свои билеты.

Припоминая давно прошедшее и свою профессорскую практику, невольно удивляешься, какъ рѣдко наши тогдашніе профессора предлагали экзаменующимся вопросы внѣ содержанія билета или, какъ студенты выражаются, „проходили по всему курсу". Вѣдь въ тѣ времена, при десяткѣ-другомъ экзаменующихся такъ легко было это дѣлать!

На первомъ курсѣ предлагались еще камералистамъ и отчасти студентамъ другихъ факультетовъ—упражненія во французскомъ языкѣ и въ сочиненіяхъ на русскомъ. Упражненія эти, какъ и рус-

ская исторія, введены были въ число предметовъ обязательныхъ для первокурсниковъ юридическаго факультета, вѣроятно въ виду той скудости познаній въ отечественной исторіи и упомянутыхъ языкахъ, какую обнаруживали поступавшіе въ университетъ изъ гимназій и семинарій. Но не лучше были ихъ познанія и во всеобщей исторіи и въ нѣмецкомъ языкѣ; такъ что для пополненія гимназическихъ quasi-познаній слѣдовало бы предложить и эти предметы студентамъ первыхъ курсовъ, но не худо бы даже и въ настоящее время, позаняться студентамъ этими предметами.

Дѣйствительно, хотя французскій и нѣмецкій языки преподавались обязательно въ тогдашнихъ гимназіяхъ въ теченіе всего 7-милѣтняго курса, но успѣхи учениковъ, не имѣвшихъ подмоги дома, были очень незавидны, оттого ли, что учителя были плохи, или оттого, что на экзаменахъ и въ аттестатахъ новымъ языкамъ не придавалось большого значенія,—Богъ вѣсть. Это печальное положеніе иностранныхъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ давало, не безъ основанія, поводъ В. И. Далю утверждать, что примѣра не было, чтобы въ русской гимназіи кто-либо научился французскому или нѣмецкому языку. Но не лучше было и съ русскимъ языкомъ: долбили грамматику, риторику, исторію словесности (не дальше Гоголя); а грамотно и безъ крупныхъ ошибокъ въ грамматикѣ излагать свои скудныя мысли большинство гимназистовъ не научалось. Такъ что и въ отношеніи русскаго языка Казанскій университетъ имѣлъ полное основаніе предложить студентамъ поупражняться въ изложеніи своихъ мыслей.

Что же касается до всеобщей исторіи, то въ гимназіяхъ тѣхъ временъ она преподавалась по довольно подробнымъ учебникамъ Смарагдова, неизвѣстно за что впослѣдствіи преданнымъ осмѣянію и замѣненнымъ, кажется, всюду учебникомъ Иловайскаго, достаточно краткимъ для того, чтобы въ памяти учащихся не осталось никакого представленія о связи историческихъ событій. Смарагдовъ все-таки давалъ больше; не его вина, что учились вообще плохо. Русская же исторія проходилась тогда въ послѣднемъ — седьмомъ классѣ по очень краткому и крайне тяжелымъ языкомъ написанному учебнику Устрялова. Пополнять въ университетѣ скудныя свѣдѣнія, даваемыя этимъ учебникомъ, было вовсе не лишнее.

Французскимъ языкомъ занимался въ Казани лекторъ de Plagny съ 5 и 2-мъ курсами историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ и камеральнаго разряда. Занятія эти состояли, какъ сказано, въ отчетѣ за 1853—54 учебный годъ, въ переводахъ съ французскаго на русскій изъ хрестоматіи Noel'я и Chapsal'я, и съ русскаго на французскій изъ хрестоматіи Галахова, съ объясненіями

синонимовъ и идіотизмовъ французскаго языка. Посѣщались эти упражненія и объясненія очень лѣниво; видимо, студенты не сознавали пользы этой практики въ языкѣ для своихъ научныхъ занятій. Заходили же въ аудиторію де-Пляньи больше для того, чтобы просить его подписывать библіотечные требовательные бланки, такъ какъ для полученія книгъ изъ университетской библіотеки требовалось, чтобы бланкъ былъ снабженъ ручательствомъ профессора. Такъ какъ не всѣ профессора подписывали охотно и не спрашивая, какую книгу мы хотимъ взять, то мы и обращались больше къ тѣмъ, которые охотнѣе подписывали. Случалось, конечно, что подписи эти и поддѣлывались, безъ злаго умысла, конечно, чтобы поскорѣе получить нужную книгу, раньше чѣмъ удастся поймать профессора.

Де-Пляньи былъ добрѣйшій старецъ, патріархальнаго вида, оставшійся въ Россіи, какъ говорили, обломокъ Наполеоновской арміи, въ которой онъ будто-бы состоялъ барабанщикомъ [1]).

Русскимъ языкомъ, собственно упражненіями въ сочиненіяхъ, занимался съ 1-мъ и 2-мъ курсами обоихъ разрядовъ юридическаго факультета и общей словесности, только что кончившій въ 1853 г. курсъ кандидатъ историко-филологическаго факультета Павелъ Аполлоновичъ Ровинскій — симпатичнѣйшая личность. Много лѣтъ спустя, кажется въ 1876 г., я встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ, уже какъ съ завѣдующимъ колоніею малолѣтнихъ преступниковъ.

Къ упражненіямъ этимъ студенты относились не лучше, чѣмъ къ французскимъ, можетъ быть и потому, что и тутъ, какъ тамъ, не предстояло повѣрки успѣховъ—экзаменами.

Русскую исторію читалъ профессоръ Николай Алексѣевичъ Ивановъ; читалъ онъ намъ на первомъ курсѣ пропедевтику русской исторіи, на второмъ—эпоху Петра Великаго. Посѣщали его лекціи частью съ охотою, какъ хорошаго лектора, частью — страха ради, какъ строгаго экзаменатора. Своимъ ораторскимъ искусствомъ и зычнымъ голосомъ онъ, пожалуй, даже злоупотреблялъ, часто впадая въ напускной паѳосъ. Голосъ у него былъ какой-то странный — замогильный, какъ называли нѣкоторые; но дикція была хорошая, выразительная. Читалъ онъ громко, округленными фразами, нѣсколько напоминая своей торжественностью и излишнимъ паѳосомъ того гоголевскаго учителя, который изъ-за Александра

---

[1]) Въ отчетѣ за 1853—54 г. упомянуто, что онъ «написалъ» Chrestomatie des sciences juridiques. Книги этой мы однако не видали, и онъ намъ о ней не говорилъ.

Македонскаго казенные стулья ломалъ. Хотя эта напыщенность лекцій Иванова и его ультрапатріотическое направленіе не очень нравились студентамъ, однако аудиторія его была почти всегда полна, а читалъ онъ въ самой большой.

Онъ былъ не очень аккуратенъ и нерѣдко пропускалъ лекціи и, хотя пропуски эти не очень огорчали слушателей (по школьнической склонности къ праздношатанію), однако профессоръ всегда считалъ нужнымъ извиняться передъ аудиторіей, ссылаясь то на множество факультетскихъ дѣлъ, лежавшихъ на немъ, какъ деканѣ, то на нездоровье. Главною причиною этого нездоровья, какъ всѣмъ намъ было извѣстно, была выпивка, къ которой питалъ склонность,—что грѣха таить,- не одинъ онъ изъ тогдашнихъ казанскихъ профессоровъ [1]).

На экзаменѣ Ивановъ былъ очень требователенъ; срѣзаться у него было очень легко; плохіе отвѣты сильно его раздражали: онъ краснѣлъ и пилъ воду стаканъ за стаканомъ, все время ходя взадъ и впередъ по залѣ. Если отвѣчающій, сбившись, успѣвалъ поправиться, профессоръ обыкновенно приговаривалъ: „это дѣло десятое". Несмотря на вообще небольшое тогда число студентовъ, экзаменъ у Иванова тянулся цѣлый день, съ утра до глубокой ночи [2]).

Несмотря на свою суровую личность, Ивановъ былъ очень вѣж-

---

[1]) Въ числѣ таковыхъ грѣшниковъ называли особенно Попова—математика, Корнуха-Троцкаго, Бабста, Осокина, даже Мейера, его друга и нѣк. другихъ.

Въ стихотворной характеристикѣ профессоровъ объ Ивановѣ значилось:

Нашъ деканъ Ивановъ,
Тянетъ сиволдай,
Выпьетъ хоть пять жбановъ,
Только подавай.

[2]) Ивановъ былъ также грозой гимназій, когда его посылали, по существовавшимъ тогда правиламъ, на ревизію. Разсказывали, что онъ приводилъ въ трепетъ и гимназическія начальства, и учителей, и гимназистовъ, даже въ Нижегородской гимназіи, близкой ему, какъ ея ученику, нижегородскому уроженцу. При пріѣздахъ своихъ въ Нижній онъ обыкновенно не забывалъ навѣстить свою мать, вдову мелкаго чиновника или дьячка, жившую невдалекѣ отъ города при считаемомъ святынею «Барановомъ ключѣ».

Н. А. Ивановъ, какъ значится въ біографическомъ словарѣ, изданномъ по случаю столѣтія Казанскаго университета, былъ авторомъ нѣсколькихъ историческихъ работъ и, между прочимъ, участвовалъ въ составленіи книги, изданной подъ своимъ именемъ—извѣстнымъ Ѳаддеемъ Булгаринымъ въ 30-хъ годахъ: «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи». Изданіе это не было доведено до конца.

ливъ къ студентамъ; на поклоны наши при встрѣчахъ онъ всегда любезно раскланивался, приговаривая: „здравствуйте, господинъ студентъ“.

Я засталъ Иванова уже въ концѣ его профессорства въ Казани, когда, какъ говорили, онъ уже не стоялъ на прежней высотѣ научнаго пониманія и исторической критики. Въ 1856 г. онъ перешелъ въ Дерптскій университетъ, гдѣ въ 30-хъ годахъ готовился къ профессорскому званію въ такъ наз. „профессорскомъ институтѣ“. Въ 1859 г. онъ перешелъ изъ Казани въ Митавскую гимназію учителемъ, а въ 1869 г. былъ приглашенъ на каѳедру въ Дерптскій университетъ. Въ Дерптѣ онъ и умеръ 30 марта 1869 г. на 56-мъ году жизни.

Преемникомъ его въ Казани былъ совершенно юный адъюнктъ Степанъ Васильевичъ Ешевскій,—ученый совсѣмъ другого пошиба, ученикъ Грановскаго и Кудрявцева. Съ появленіемъ его на каѳедрѣ совсѣмъ новымъ духомъ повѣяло въ бывшей Ивановской аудиторіи. Посѣщать ее стали массами уже не страха и не ораторскаго искусства ради (Ешевскій былъ нѣсколько косноязыченъ и по слабости легкихъ громко говорить не могъ), а ради того новаго направленія въ изученіи исторіи, представителемъ котораго оказался Ешевскій. Не обладая ни видною фигурою Иванова, ни ясной дикціей, ни громкимъ голосомъ,—словомъ, ни однимъ изъ внѣшнихъ качествъ хорошаго лектора, онъ привлекалъ слушателей содержательностью своихъ лекцій, массою сообщаемыхъ интересныхъ фактовъ, даже вполнѣ интимнаго характера, и мастерскими характеристиками дѣятелей послѣ-петровской эпохи, о которой онъ тогда читалъ.

Казань не была ему симпатична; онъ стремился въ Москву, куда и перешелъ въ 1857 г. учителемъ 3-го разряда въ Александровскій сиротскій кадетскій корпусъ, успѣвъ впрочемъ жениться въ Казани на сестрѣ профессора Н. П. Вагнера. Профессоромъ же Московскаго университета онъ сдѣлался въ 1858 г., а въ 1865 г. скончался, слишкомъ рано (35 лѣтъ) для науки, потерявшей въ немъ крупную силу. Несмотря на раннюю кончину, Ешевскій оставилъ довольно много монографическихъ работъ [1]).

---

[1]) Младшій братъ С. В. Ешевскаго Василій былъ моимъ товарищемъ по нижегородской гимназіи. А сестра ихъ Елизавета Васильевна († янв. 1908) была замужемъ за профессоромъ Константиномъ Николаевичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ († янв. 1907). Бракъ этотъ былъ романическій, съ похищеніемъ невѣсты изъ строгаго родительскаго дома. Знавшіе Константина Николаевича въ позднѣйшіе годы едва-ли могутъ себѣ представить возможность такого подвига съ его стороны; а между тѣмъ это достовѣрный фактъ.

Перехожу къ основнымъ и прочимъ предметамъ нашего камеральнаго разряда. 1) Государственные законы (не право государственное, ибо слово „право“ тогда не пользовалось хорошей репутаціей въ „высшихъ сферахъ“) [1]) или, какъ подробнѣе значилось въ спискѣ преподаваемыхъ предметовъ, „публичное россійское правовѣдѣніе, государственныя и губернскія учрежденія и право о состояніяхъ“ читалъ намъ замѣнившій ушедшаго въ 1853 г. въ Харьковскій университетъ профессора Станиславскаго, молодой симпатичный профессоръ Семенъ Викентьевичъ Пахманъ (нынѣ сенаторъ). Въ Казань С. В. перешелъ въ 1852 г. изъ Одесскаго Ришельевскаго лицея, гдѣ онъ состоялъ съ 1848 г. адъюнктомъ по каѳедрѣ энциклопедіи и исторіи правовѣдѣнія. За неимѣніемъ же въ Казани каѳедры исторіи права ему поручена была вакантная каѳедра законовъ государственнаго благоустройства и благочинія (т. е. полицейскаго права); съ уходомъ же профессора Станиславскаго ему пришлось преподавать и государственное право. Что касается до характера преподаванія этого предмета, то надо замѣтить, что при тогдашнемъ государственномъ режимѣ, много распространяться о государственныхъ теоріяхъ и т. п. скользкихъ предметахъ не очень-то было удобно, да и прямо не позволялось. А поэтому преподаваніе ограничивалось лишь изложеніемъ нашихъ государственныхъ законовъ (т. е. 1-го тома Свода законовъ), съ кое-какими поясненіями. Курсъ, такимъ образомъ, былъ очень кратокъ; для приготовленія же къ экзамену мы пользовались просто на просто гимназическими учебниками законовѣдѣнія, кто учебникомъ Рождественскаго, кто Проскурякова, состоявшими, особенно первый, изъ сплошной перепечатки статей Свода законовъ, только (какъ выше сказано) безъ ихъ нумераціи и безъ указанія источниковъ. Одновременно съ полицейскимъ правомъ приходилось С. В. Пахману читать и международное право и исторію русскаго права. Перейдя за-

---

[1]) Впрочемъ еще въ концѣ 1820-хъ годовъ читалось въ Казани «право естественное», но въ «обличительномъ смыслѣ». И прочіе предметы правъ, какъ докладывалъ правительству тогдашій ректоръ Фуксъ, преподавались въ Казанскомъ университетѣ, съ «такими отъ прочихъ университетовъ отмѣтками»: «вся теоретическая часть, все, что не можетъ быть изъ правъ древнѣйшихъ народовъ и даже римскаго приложено къ россійскому законодательству» проходилось «кратко, не теряя времени ни на тщетныя умозрѣнія теоріи правъ, ни на познанія, безполезныя для русскаго, употребляя какъ можно болѣе времени на изученіе законодательства и судопроизводства отечественнаго“ (См. рѣчь Е. П. Янишевскаго о Лобачевскомъ, 1868 г.). Отчасти въ этомъ духѣ читались нѣкоторыя изъ юридическихъ наукъ и въ мое пребываніе въ Казанскомъ университетѣ, можетъ быть по традиціи, а можетъ быть и страха ради.

тѣмъ въ 1856 г. (съ уходомъ профессора Д. И. Мейера въ Петербургскій университетъ) на свой любимый предметъ—гражданское право, профессоръ Пахманъ окончательно отдался ему. На этой каѳедрѣ Семенъ Викентьевичъ былъ, какъ рыба въ водѣ; тутъ вполнѣ проявились и его блестящій лекторскій талантъ, и основательное знаніе предмета, и умѣніе поддерживать вниманіе слушателей во-время разсказаннымъ анекдотомъ или остроумной цитатой. Странно только то, что онъ не попалъ въ стихотворную характеристику профессоровъ Казанскаго университета [1]).

Небогатъ былъ учеными силами въ наше время Казанскій университетъ; нѣкоторымъ профессорамъ приходилось быть то совмѣстителями, разбрасывая свои силы одновременно на нѣсколько каѳедръ, то и совсѣмъ переходить временно съ своей каѳедры на другую. Такъ случалось впрочемъ и въ позднѣйшее время: напр.. профессору римскаго права Н. А. Кремлеву приходилось въ разное время читать студентамъ и уголовное право съ судопроизводствомъ, и политическую экономію; профессоръ государственнаго права Н. К. Нелидовъ читалъ также энциклопедію, и исторію философіи права, и исторію иностранныхъ законодательствъ; А. В. Соколовъ читалъ въ разное время римское право и его исторію, энциклопедію, русское государственное право, гражданское право и судопроизводство, также—уголовное, и велъ еще практическія занятія по уголовной и гражданской юридической практикѣ.

Такія совмѣстительства и перескакиваніе съ одной каѳедры на другую были возможны для профессоровъ прежней формаціи благодаря тому, что для пріобрѣтенія ученыхъ степеней тогда требовалось знаніе бо̀льшаго числа предметовъ, чѣмъ это установлено правилами 1864 г., очень съузившими требованія, что очень облегчило полученіе степеней, но едва-ли принесло пользу дѣлу, какъ мало принесутъ пользы, конечно, и нынѣ проектируемыя правила, еще болѣе облегчающія пріобрѣтеніе профессорскаго званія.

Политическую экономію и статистику читалъ молодой профессоръ Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ. Изъ учителей исторіи въ Московскомъ сиротскомъ домѣ онъ былъ назначенъ въ Казанскій университетъ въ 1851 г. Обладая основательной исторической подготовкой, читалъ онъ хорошо, иногда довольно смѣло, по тогдашнимъ понятіямъ, критикуя то-другое; но разумѣется въ большія подробности какихъ-либо „сомнительныхъ“ ученій онъ вдаваться не могъ, такъ какъ политическая экономія читалась по „установленной“

---

[1]) Впослѣдствіи мнѣ привелось быть изъ ученика сослуживцемъ С. В. Пахмана въ С.-Петербургскомъ университетѣ (1867—1876).

программѣ, состоя, кажется, на-ряду съ философіей, изъ всѣхъ наукъ на наихудшемъ счету у правительства, всегда у насъ боявшагося „разрушительныхъ“ ученій, всегда однако бравшихъ свое въ нашемъ обществѣ, несмотря на запреты.

Вслѣдствіе „установленной“ программы, курсъ политической экономіи былъ, какъ выражались студенты, короче воробьинаго носа. И курсъ статистики былъ тоже не обширенъ. Кромѣ того И. К. читалъ намъ еще о государственномъ кредитѣ. Говорятъ, что, перейдя въ Москву, въ 1857 г., онъ сталъ читать болѣе подробно, что отчасти видно и изъ напечатаннаго имъ начала курса политической экономіи, къ сожалѣнію не пошедшаго дальше 1-го выпуска.

Въ предпослѣдній (1855) годъ его пребыванія въ Казанскомъ университетѣ много надѣлала шуму его актовая рѣчь „о нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала“. Нѣкоторыя мѣста и выраженія въ этой рѣчи, прекрасно написанной, казались необычайно смѣлыми для того времени, когда и наука, и общество только еще начинали, не безъ робости, дышать смѣлѣе съ перемѣной царствованія.

Бабстъ былъ человѣкъ съ обширнымъ образованіемъ, очень начитанный, охотно бесѣдовавшій съ обращавшимися къ нему студентами и вообще добрѣйшей души человѣкъ [1]).

Въ Москвѣ онъ впослѣдствіи пустился въ коммерческія предпріятія, кажется, съ извѣстнымъ Чижовымъ; потомъ былъ директоромъ купеческаго банка. Я видѣлся съ нимъ послѣ университета только разъ въ Москвѣ въ концѣ 1857 г. проѣздомъ изъ Нижняго въ Петербургъ, при чемъ онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ извѣстному статистику, своему знакомому по Казани, А. И. Артемьеву. Но желанію моему сдѣлаться статистикомъ не суждено было исполниться... Еще разъ я видѣлъ Бабста мелькомъ на одномъ изъ безобразовскихъ экономическихъ обѣдовъ у Донона. Умеръ онъ въ 1881 году въ своемъ подмосковскомъ имѣніи, на 58-мъ году жизни [2]).

---

[1]) Не даромъ въ вышеупомянутой характеристикѣ профессоровъ о немъ поется:

Бабстъ Иванъ Кондратьевъ
Славный человѣкъ:
Любитъ насъ, какъ братьевъ;
Жить бы ему вѣкъ!

[2]) Имъ написано нѣсколько историческихъ и экономическихъ работъ; а докторская его диссертація „Джонъ Ло или финансовый кризисъ Франціи въ первые годы регентства“, (1852 г.) весьма замѣчательная монографія по тогдашнему состоянію исторической и экономической литературы.

„Законы о податяхъ и повинностяхъ“, т. е. финансовую науку и финансовое право читалъ профессоръ Евграфъ Григорьевичъ Осокинъ. Какъ большинство тогдашнихъ казанскихъ профессоровъ, это былъ серьезный ученый, хорошо знавшій свой предметъ и обладавшій, какъ всѣ профессора—юристы стараго поколѣнія, широкимъ юридическимъ образованіемъ, дававшимъ возможность имъ читать не одинъ свой спеціальный предметъ, но и другіе, даже не очень къ нему близкіе. Осокинъ—совоспитанникъ Д. И. Мейера по Главному Педагогическому Институту, штудировалъ вмѣстѣ съ нимъ за границей въ 1840—44 годахъ (откуда привезъ себѣ, кажется, и жену-нѣмку) и почти одновременно съ нимъ получилъ званіе профессора [1]).

Недостатокъ Осокина, какъ профессора, былъ тотъ, что онъ не обладалъ ни даромъ краснорѣчія, ни искусствомъ заинтересовывать слушателей, почему и не пользовался особымъ расположеніемъ студентовъ, хотя всегда былъ къ нимъ добръ и внимателенъ, и съ полной любезностью давалъ указанія и совѣты къ нему обращавшимся. Неумѣніе красно выражаться и неясность дикціи дѣлали то, что лекціи его посѣщались неохотно; иногда устанавливалась даже очередь, кому пойти на „финансовое право“. Если къ неясности произношенія прибавить еще очень несильный голосъ профессора, то отсутствіе у него полной аудиторіи („все равно немного услышишь“) станетъ еще болѣе понятнымъ [2]).

Не мало пугала студентовъ и обширность курсовъ, читавшихся Осокинымъ, осложненныхъ массою подробностей, историческихъ и сравнительныхъ очерковъ. Исторію онъ особенно выдвигалъ въъ своихъ лекціяхъ, вѣроятно подъ вліяніемъ историческаго направленія въ разработкѣ политической экономіи и финансовой науки,

---

[1]) И какая странная игра случая! Конечно, ни Евграфъ Григорьевичъ Осокинъ, вологодскій уроженецъ, въ позднѣйшее время, ни профессоръ исторіи, его однофамилецъ, Николай Алексѣевичъ, уроженецъ Петербургскій, получая назначеніе въ Казань, не ожидали встрѣтить здѣсь тоже однофамильцевъ среди мѣстной аристократіи.

[2]) Вышеописанныя внѣшнія качества Осокина, какъ профессора, и отмѣчены въ стихотворныхъ характеристикахъ профессоровъ слѣдующимъ юмористическимъ четверостишіемъ:

Осокинъ Евграша
Говоритъ мастакъ:
Во рту словно каша,
А въ глазахъ столбнякъ!

Послѣдній стихъ объясняется тѣмъ, что взглядъ у Осокина былъ дѣйствительно какой-то странный, малоподвижный, словно робкій.

основаніе которому было положено извѣстнымъ лейпцигскимъ профессоромъ Рошеромъ въ 1840-хъ годахъ [1]).

Не очень старательно посѣщая лекціи Осокина студенты, разумѣется, мало себѣ и усваивали, такъ что къ экзамену приходилось готовиться на „авось, кривая вывезетъ",—пользуясь записками, когда-то и кѣмъ-то составленными, едва-ли просмотрѣнными профессоромъ, частію же его печатными работами. Очень не по нутру была слушателямъ Осокина и обширность его курсовъ, какъ финансоваго права, такъ и временно читавшагося имъ полицейскаго, тѣмъ болѣе, что онъ слылъ за очень требовательнаго экзаменатора. Ввести же его въ заблужденіе однимъ изъ выше описанныхъ ухищреній съ билетами не было возможности, такъ какъ билеты для экзамена онъ приносилъ свои. Поэтому, „сдать финансовое право", говорили студенты,—„перейти Рубиконъ"; однако профессоръ, большею частію, относился къ отвѣчающимъ снисходительно, если они не слишкомъ уже завирались и не обнаруживали слишкомъ ясно отсутствія познаній. Но для этого и самымъ лѣнивымъ приходилось готовиться серьезно; и вотъ зубрили изъ всѣхъ силъ, бѣгая другъ къ другу за тетрадками лекцій, которыхъ чуть-ли не единственный полный экземпляръ съ добавленіями изъ другихъ, разрозненныхъ, находился въ то время въ моемъ обладаніи; имъ-то и пользовались мои товарищи, главнымъ образомъ, передавая другъ другу отдѣльныя тетради. Вѣдь надо было быть въ состояніи хоть малость отвѣтить толково на каждый билетъ!

По окончаніи мною курса мой экземпляръ остался у кого-то на пользу послѣдующихъ поколѣній слушателей Е. Г. Осокина. Имъ это, конечно, было на руку; но я потомъ очень жалѣлъ, что не сохра-

---

[1]) Историческія изслѣдованія и интересовали Осокина преимущественно. Такой характеръ носитъ уже магистерская его диссертація: «Историко-критическое изслѣдованіе пауперизма" (1846 г.). Его докторская диссертація «Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи» (1850 г.)—есть уже чисто-историческое изслѣдованіе. По поводу разбора этой книги профессоромъ Бѣляевымъ Осокинъ написалъ возраженіе, представляющее собою тоже экскурсію въ область исторіи. «Нѣсколько спорныхъ вопросовъ по исторіи русскаго финансоваго права (Юридич. Сборникъ Мейера, 1855). Въ сочиненіи «О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи» (1856, напеч. въ Сборникѣ статей въ память 50 лѣтія Казанскаго университета и отдѣльно) исторической части отведено значительно больше мѣста, чѣмъ теоретической. Есть и еще работа Осокина—тоже историческая. „Объ организаціи финансоваго управленія въ Аѳинахъ». (Уч. зап. Каз. унив. 1852), составляющая извлеченіе изъ книги извѣстнаго Böckh'a. . Темы для студенческихъ сочиненій Осокинъ предлагалъ обыкновенно историческаго характера. Я наприм. получилъ у него золотую медаль за «Историческій обзоръ мѣръ русскаго правительства касательно внѣшнихъ таможенныхъ пошлинъ».

нилъ этого солиднаго и обширнаго трактата о предметѣ, котораго самъ потомъ сдѣлался преподавателемъ [1]).

Преподаваніе полицейскаго права Осокинымъ отличалось тѣми же достоинствами и недостатками, что и финансоваго. Можетъ быть и не по душѣ было Евграфу Григорьевичу возиться съ обработкой еще этого обширнаго курса, но и къ нему онъ относился столь же добросовѣстно, какъ къ своему основному предмету. Его курсъ полицейскаго права былъ тоже очень подробенъ и съ обширными историческими справками. Этотъ курсъ сохранился у меня случайно; но написанъ онъ такими почерками, что можно сказать, только отсутствіе печатныхъ руководствъ могло заставлять студентовъ преодолѣвать подобныя каллиграфическія трудности (лишь бы не срѣзаться на экзаменѣ), уснащенныя при томъ искаженіями переписчиковъ.

Приводя въ порядокъ доставшіяся отъ кончающихъ товарищей записки, я, по мѣрѣ силъ, пополнялъ ихъ собственными записями лекцій и дополненіями изъ другихъ экземпляровъ, въ чемъ усердно сотрудничалъ товарищъ мой (впослѣдствіи членъ Кіевской судебной палаты) М. В. Суринъ († 1903).

До назначенія Осокина въ Казанскій университетъ въ 1845 г. адъюнктомъ по каѳедрѣ „законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ“, — финансовое право тамъ еще не читалось. Было оно, правда, поручено, „въ видѣ опыта“, кандидату правъ Бржозовскому, но курсъ его такъ и не состоялся за выбытіемъ Бржозовскаго на родину, въ Западный край. Осокину же пришлось сразу работать по двумъ каѳедрамъ — своей—финансовъ, и по каѳедрѣ полицейскаго права, за уходомъ проф. Сергѣева. Потомъ въ 1849—51 гг. онъ преподавалъ политическую экономію и статистику; 1851—52 и 1855—56 гг. — полицейское право; въ 1853—55 гг.—россійскіе государственные законы. Потомъ, за переходомъ проф. Иванова въ Дерптъ, Осокинъ былъ деканомъ юридическаго факультета; затѣмъ, съ 1863 года до кончины своей въ 1880 году (на 61 году жизни), дважды ректоромъ университета,

[1]) Вообще не къ чести прежнихъ, да и нынѣшнихъ студентовъ надо замѣтить, о нерасположеніи ихъ къ записыванію и обработкѣ лекцій. При существованіи печатныхъ учебниковъ это, конечно, еще извинительно; но и въ учебникахъ не всегда имѣется все то, что сообщается на лекціяхъ, не говоря уже о новыхъ изслѣдованіяхъ, открытіяхъ или перемѣнахъ въ воззрѣніяхъ преподавателей, совершившихся послѣ изданія ими учебниковъ. Во время моего студенчества печатныхъ руководствъ для большинства наукъ не существовало. Профессора указывали слушателямъ на иностранныя руководства; но многіе ли изъ изучавшихъ иностранные языки въ нашихъ гимназіяхъ способны читать на этихъ языкахъ?

въ 4-лѣтнимъ промежуткомъ. Съ Казанью онъ совсѣмъ сжился, обзавелся собственнымъ немудренымъ домикомъ и, повидимому, совсѣмъ не мечталъ о какомъ-нибудь другомъ университетѣ, какъ другъ и товарищъ его Д. И. Мейеръ, прямо на пагубу свою, при своемъ плохомъ здоровьѣ, перешедшій въ Петербургскій университетъ и умершій черезъ мѣсяцъ по полученіи здѣсь каѳедры.

Въ отчетѣ университета за 1880 годъ сказано объ Евграфѣ Григорьевичѣ такъ: „По общему отзыву онъ былъ одинъ изъ лучшихъ профессоровъ-преподавателей, собственно по исторіи финансовъ". Отъ себя могу прибавить, что и теорія у него была хорошо разработана. Далѣе: „громадное количество юристовъ и камералистовъ, учениковъ его, доселѣ вспоминаютъ съ признательностью и особымъ уваженіемъ имя покойнаго профессора, его даръ изложенія предмета, всегда сообщаемаго аудиторіи съ замѣчательною полностью. Всегда до крайности вѣжливый, тихій, почти робкій передъ аудиторіей, Е. Г. былъ особенно требователенъ на экзаменахъ".

Оригиналенъ онъ былъ и въ домашней жизни: мнѣ и другимъ, писавшимъ у него кандидатскія сочиненія, приходилось нерѣдко бывать у него для полученія совѣтовъ и указаній. На звонокъ онъ почти всегда самъ отстегивалъ крючекъ двери и затѣмъ поспѣшно убѣгалъ въ кабинетъ, откуда и выходилъ уже, какъ ни въ чемъ не бывало, къ намъ, обыкновенно въ пестромъ татарскомъ халатѣ. Замѣтивъ такую повадку профессора, мы, чтобы не конфузить его немедленнымъ появленіемъ въ передней, оставались на минуту въ сѣняхъ за дверью, чтобы дать ему время убѣжать въ кабинетъ. Принималъ онъ студентовъ всегда радушно, охотно бесѣдуя и давая желаемыя указанія [1]).

Перехожу къ прочимъ главнымъ предметамъ камеральнаго отдѣленія.

---

[1]) Лично я обязанъ Осокину устройствомъ моей профессорской карьеры: когда министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ задумалъ въ началѣ 1860-хъ годовъ командировать за границу молодыхъ людей для приготовленія къ профессорскому званію, я напомнилъ Евграфу Григорьевичу о себѣ, и онъ тотчасъ же сдѣлалъ обо мнѣ представленіе, имѣя въ виду, что я кончилъ университетъ кандидатомъ, съ золотою медалью на тему по финансовому праву. Во время пребыванія моего за границей въ 1862—65 гг. мы обмѣнивались съ нимъ иногда письмами. Но увидѣть мнѣ его послѣ университета пришлось только разъ, въ концѣ 1866 г., когда онъ, какъ ректоръ, былъ вызванъ въ Петербургъ въ комиссію по пересмотру правилъ для университетскихъ слушателей (правила 26 мая 1867 г.). Я тогда приглашалъ его на мой диспутъ, «pro venia legendi», но онъ былъ нездоровъ и не явился «пробрать» своего ученика. Въ 1876 г онъ участвовалъ въ комиссіи по пересмотру университетскаго устава, но въ этотъ разъ мнѣ не пришлось его видѣть. Кажется, что комиссія эта засѣдала лѣтомъ, когда меня не было въ столицѣ.

Ботанику, „примѣненную къ сельскому хозяйству", т. е, „общія начала и систему ботаники, съ обзоромъ сельскохозяйственныхъ и огородныхъ растеній, а также и вредныхъ", читалъ первому курсу камералистовъ, а въ слѣдующихъ курсахъ — сельское хозяйство, садоводство и лѣсоводство — кандидатъ Петръ Андреевичъ Пелль. Хотя ему тогда не было еще 50 лѣтъ, но онъ казался значительно старше. Это былъ сѣдоватый, высокаго роста блондинъ—оригинальная фигура и оригинальный преподаватель. По общему отзыву это былъ очень знающій ученый и до мозга костей преданный наукѣ; разсказывали, что за своими занятіями онъ иногда забывалъ даже объ обѣдѣ. Читалъ онъ ясно и толково, постоянно приправляя свои объясненія жестикулированіемъ своихъ длинныхъ пальцевъ. Аудиторія его съ нѣкоторыми другими помѣщалась въ лѣвой половинѣ университетскаго зданія, въ бель-этажѣ (какъ впрочемъ и всѣ общія аудиторіи), въ одномъ корридорѣ съ спальнями казенно-коштныхъ студентовъ [1]).

Посреди комнаты, служившей намъ здѣсь сборной, первой отъ входа въ этотъ этажъ съ боковой лѣстницы, стояли два огромныхъ умывальника красной мѣди, около которыхъ мы и блуждали въ ожиданіи лекціи Пелля, по-школьнически оттягивая ея начало, хотя профессоръ обыкновенно уже находился въ аудиторіи. Нерѣдко его терпѣніе лопалось, и онъ выходилъ изъ аудиторіи будто затѣмъ, чтобы велѣть служителю принести мѣлу; но это было намъ тонкимъ намекомъ, что пора на лекцію. Прямо же онъ никогда не обращался съ приглашеніемъ.

Странно было въ преподаваніи этого знающаго и усерднаго лектора то, что онъ ни разу не счелъ нужнымъ сводить насъ въ ботаническій садъ (въ который, увы, многіе изъ насъ, въ томъ числѣ и я, такъ и не собрались заглянуть), чтобы показать разныя растенія въ ихъ естественномъ, а не высушенномъ видѣ, чѣмъ онъ ограничивался, пользуясь гербаріумомъ, находившимся въ двухъ шкафикахъ тутъ же въ аудиторіи. Не возилъ онъ насъ и на учебную земледѣльческую ферму министерства государственныхъ имуществъ, находившуюся невдалекѣ отъ города. Весьма возможно, впрочемъ, что тому и другому путешествію, а особенно на ферму, препятствовала трудность сообщенія, въ виду осенней и весенней грязи, царившей не только на подгородныхъ дорогахъ, гдѣ она прямо засасывала лошадей и экипажи, но и на пути къ озеру Кабану, на берегу котораго находится ботаническій садъ университета.

[1]) Днемъ студенты эти, въ свободное отъ лекцій время, пребывали въ комнатахъ третьяго этажа, выходящаго окнами на университетскій дворъ, а спать спускались въ бель-этажъ.

Лѣтомъ же студенты отсутствовали, а зимою тамъ мало чего было смотрѣть.

Для преподаванія сельскаго хозяйства не было ни почвенныхъ картъ, ни образцовъ почвъ; были, кажется, только модели нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ орудій; но и тутъ профессоръ больше ограничивался ихъ описаніями и черченіемъ на доскѣ. Правда, что бюджетъ университета былъ тогда такъ скроменъ, что на пріобрѣтеніе всего необходимаго для нагляднаго преподаванія, вѣроятно, не имѣлось средствъ.

Тѣмъ не менѣе студенты, имѣвшіе хорошіе баллы по ботаникѣ и сельскому хозяйству, получали особыя свидѣтельства объ успѣшномъ изученіи агрономіи, дававшія какія-то преимущества въ службѣ по вѣдомству м-ва гос. имуществъ. Такое свидѣтельство получилъ и я, но воспользоваться имъ мнѣ не пришлось.

При ограниченности средствъ къ преподаванію Пелль дѣлалъ, что могъ, повидимому. Преподавалъ онъ толково и былъ снисходительнымъ экзаменаторомъ, который, конечно, ни одному студенту не испортилъ аттестата. Умеръ онъ въ отставкѣ, въ Петербургѣ, въ 1861 г.

Съ 1854—55 учебнаго года введено было на 1-мъ курсѣ камеральнаго разряда еще преподаваніе минералогіи и зоологіи, какъ пособіе для изученія сельскаго хозяйства, технологіи и химіи, съ порученіемъ этихъ предметовъ адъюнкту Н. П. Вагнеру (тогда носившему у студентовъ кличку „пискунъ"; впослѣдствіи столь извѣстному профессору Петербургскаго университета, спириту, „Коту мурлыкѣ"). Намъ слушать эти предметы уже не пришлось. Съ уходомъ Пелля Н. П. Вагнеру была поручена и ботаника. По настоянію Вагнера, вѣроятно, назначены были наконецъ особые часы для практическихъ занятій камералистовъ ботаникою; а за библіотекою отведено было мѣсто „для воспитанія растеній, замѣчательныхъ въ сельско-хозяйственномъ и техническомъ отношеніяхъ", какъ значится въ отчетѣ за 1855—56 г. Но еще въ 1857 г., при окончаніи нами курса, мѣсто это оставалось поросшимъ „травой забвенья", какъ поетъ Русланъ, т. е. репейникомъ и крапивой [1]).

Химію читалъ намъ очень молодой (р. 1829 г.), впослѣдствіи знаменитый творецъ русской химической школы, адъюнктъ Александръ Михайловичъ Бутлеровъ. Аудиторія и лабораторія его помѣщались, какъ и понынѣ, конечно, помѣщаются, въ нижнемъ этажѣ находящагося на университетскомъ дворѣ особаго знанія, въ верх-

---

[1]) Въ 1856 г. было проектировано еще ввести для камералистовъ преподаваніе англійскаго языка и архитектуры. Состоялось ли это—не знаю. Но раньше того англійскимъ языкомъ нѣкоторые изъ насъ занимались у лектора Бересфорда добровольно.

немъ этажѣ котораго помѣщаются физическіе—кабинетъ и аудиторія. Позади химической аудиторіи было помѣщеніе для химическихъ снарядовъ и матеріаловъ и лабораторія, тогда очень тѣсная; тутъ же была и квартира лаборанта Грахе, да отдѣльная комната для студента-метеоролога, обязаннаго нѣсколько разъ въ день подниматься въ будку на крышѣ зданія, въ которой помѣщались инструменты для наблюденій, и записывать направленіе вѣтра, количество осадковъ и прочее, что у метеорологовъ полагается отмѣчать. Кстати скажу, что такъ какъ студентъ этотъ не всегда же могъ быть на лицо въ требуемые часы, да при томъ не отличался трезвостью, то и записи эти дѣлались иногда наобумъ, приблизительно, а то подъ вліяніемъ Бахуса, можетъ быть и совсѣмъ расходились съ дѣйствительностью.

Мы слушали химію вмѣстѣ съ математиками и медиками, такъ что иногда народу набиралось очень много. На первомъ курсѣ читалась химія неорганическая, на 2-мъ органическая, на 3-мъ аналитическая. Читалъ Бутлеровъ очень бойко, вразумительно, большею частію удачно поясняя свои сообщенія опытами, при помощи лаборанта Грахе (впослѣдствіи, съ 1860 г., ставшаго адъюнктомъ по химіи). Читалъ А. М. настолько внятно, что была полная возможность записывать его лекціи, что́ нѣкоторые и дѣлали. Но большинство для экзамена пользовалось существующими руководствами—для неорганической химіи Гесса и Реньо. Для аналитической существовало руководство, довольно безграмотно переведенное съ чьего-то французскаго учебника, которое приходилось пополнять собственными записями; а для химіи органической печатной книжки вовсе не было; записанныя мною лекціи восполняли моимъ товарищамъ этотъ дефектъ, переходя изъ рукъ въ руки во время экзаменовъ.

Химія тогда была гораздо проще и менѣе сложна, чѣмъ теперь, особенно органическая, страшно подвинувшаяся впередъ за послѣднія 40—45 л. и обогатившаяся множествомъ 4-хъ и 5-ти этажныхъ названій разныхъ новыхъ соединеній и массою новыхъ формулъ, въ которыхъ мнѣ теперь уже и не разобраться, хотя въ тѣ времена, о которыхъ пишу, я изучалъ эту науку довольно основательно.

Лекціи химіи доставляли намъ не мало удовольствія. Благодаря прекрасной манерѣ изложенія, передъ нами болѣе и болѣе поднималась завѣса, скрывавшая тайны природы въ этой области знанія. Не симпатична была, правда, химія аналитическая, такъ какъ тутъ приходилось заучивать на память, чѣмъ, что, въ какомъ количествѣ и какими количествами разлагается, и что изъ этого получается...

Извѣстно, что такъ называемыя тайны природы интригуютъ умъ уже въ очень раннемъ возрастѣ; уже малолѣтній ребенокъ ломаетъ

игрушку, чтобъ узнать, отчего она пищитъ или вообще, какъ она сдѣлана,—производитъ своего рода анализъ... Физическіе и химическіе и т. п. опыты всегда находятъ не мало интересующихся не только между юнцами и юницами, но и между людьми всѣхъ возрастовъ и положеній. Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго, что камералисты интересовались химіей и технологіей нерѣдко больше, чѣмъ предлагаемыми имъ науками юридическими. Особенно увлекались химіей первокурсники; нѣкоторые занимались даже въ лабораторіи, портя иногда работы самого А. М. Бутлерова. Мой землякъ и товарищъ по гимназіи и отчасти по университету, нынѣ извѣстный писатель П. Д. Боборыкинъ въ первое время такъ предался химіи, что даже перевелъ на русскій и издалъ „органическую химію“ Лемана, а потомъ, желая совсѣмъ посвятить себя этой наукѣ, перешелъ, по совѣту Бутлерова, въ Дерптъ, чтобы изучить ее спеціально подъ руководствомъ знаменитаго проф. Клауса, перешедшаго изъ Казанскаго университета въ Дерптскій въ 1852 г. [1])

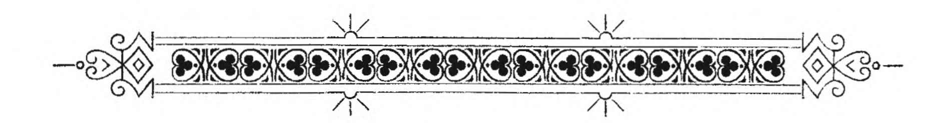
Бутлеровъ былъ очень симпатичный, доступный профессоръ и непридирчивый экзаменаторъ. Такимъ же онъ оказался и въ Петербургскомъ университетѣ, въ который перешелъ въ 1868 г., по предложенію Д. И. Менделѣева. Умеръ онъ въ 1886 г. въ своемъ имѣніи въ Казанской губерніи отъ случайной закупорки какой-то артеріи или вены, слишкомъ рано для своихъ лѣтъ и для науки, въ которой онъ былъ такимъ выдающимся работникомъ, создавшимъ свою „бутлеровскую“ школу въ химіи. Петербургскій университетъ почтилъ его память особымъ торжественнымъ собраніемъ, на которое было приглашено и его семейство.

В. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Впослѣдствіи, какъ извѣстно, жизненная карьера П. Д. Боборыкина сложилась совсѣмъ иначе: пробывъ Дерптѣ на физико-математическомъ и (кажется, одновременно) медицинскомъ факультетахъ около пяти лѣтъ, онъ сдалъ въ 1861 году, въ временно закрытомъ тогда Петербургскомъ университетѣ экзаменъ на кандита юридическихъ наукъ и, вскорѣ затѣмъ, окончательно отдался литературѣ; сначала былъ сотрудникомъ «Библіотеки для чтенія», потомъ ея редакторомъ-издателемъ, а когда дѣло это разстроилось, сдѣлался усерднѣйшимъ поставщикомъ романовъ, повѣстей и драматическихъ произведеній въ толстые журналы, корреспонденцій и статей въ газетѣ, словомъ «талантливымъ беллетристомъ» и наконецъ сопричисленъ къ Академіи Наукъ. Для казанцевъ пребываніе его въ Дерптѣ сказалось обширнымъ письмомъ къ одному изъ товарищей, въ которомъ П. Д. давалъ разныя наставленія и между прочимъ очень одобрялъ ихъ желаніе просить объ отмѣнѣ переводныхъ экзаменовъ. Послѣднее, кажется, особенно всѣмъ понравилось, какъ избавленіе отъ ежегодной зубрежки. Письмо ходило по рукамъ и, кажется, даже списывалось.

Къ 100 лѣтней годовщинѣ сраженія при Оровайсѣ.

2 сентября 1808 года, близъ береговъ Ботническаго залива по пути изъ Вазы въ Нью-Карлебю, произошло сраженіе при м. Оровайсъ между нашими войсками, предводимыми графомъ Каменскимъ, и шведо-финскими войсками, коими командовалъ генералъ Клингспоръ. Это сраженіе по числу войскъ, въ немъ участвовавшихъ (нашихъ до 6 т. и шведовъ до 7 т.), хотя и не было особенно значительнымъ, но весьма чреватымъ по послѣдствіямъ, ибо войска наши, преслѣдуя шведовъ, 12 сентября заняли городъ Гамла-Карлебю, а спустя 5 дней, по предложенію Клингспора, заключено было перемиріе, при чемъ шведы отступили къ с. Химанго. Такъ какъ на это перемиріе не послѣдовало Высочайшаго утвержденія, то графъ Каменскій 20 октября продолжалъ наступленіе и 17 ноября занялъ Улеаборгъ и вскорѣ, по Ольківнской конвенціи, походъ 1808 года года закончился занятіемъ Финляндіи до р. Кеми. Короче, рѣшительное пораженіе, нанесенное шведамъ при Оровайсѣ, привело къ быстрому окончанію похода, несмотря на затруднительное наступленіе, такъ какъ шведы, отступая, жгли за собою мосты и уничтожали все, что только могло быть въ пользу нашимъ войскамъ.

Въ заключеніе, приведемъ въ нѣсколькихъ словахъ и въ общихъ чертахъ ходъ сраженія при Оровайсѣ.

Въ 10 часовъ утра 2 сентября, авангардъ генерала Кульнева завязалъ дѣло и, слѣдя за противникомъ, остановился лишь тогда, когда со стороны залива начали дѣйствовать канонерскія лодки, прибывшія къ шведамъ на помощь изъ Улеаборга.

По прибытіи подкрѣпленія изъ двухъ полковъ подъ командою генерала Демидова начался упорный бой по всей линіи. Шведы двинули въ атаку резервы на нашъ центръ и опрокинули его, вслѣдствіе чего и фланговыя наши части начали отходить, но подоспѣвшіе резервы вскорѣ поправили дѣло. Шведы начали отступ-

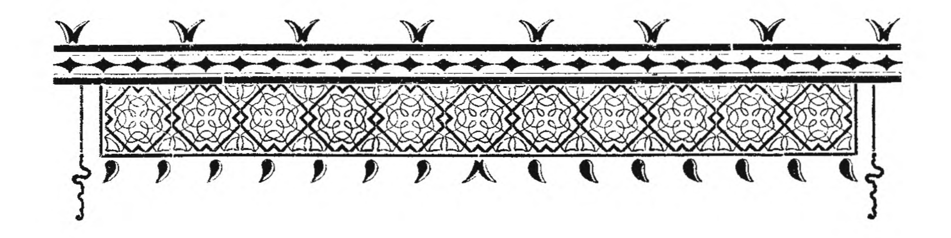
леніе къ своимъ позиціямъ, перешедшее въ бѣгство. Наступившія сумерки и туманъ не прекратили боя. Полки генерала Демидова двинулись въ обходъ лѣваго фланга шведской позиціи, и засимъ началась общая атака, завершившаяся взятіемъ шведскихъ окоповъ и батарей. Войска противника обратились въ бѣгство и были преслѣдуемы еще двѣ версты за Оровайсъ. Наши войска ночь провели на бивакахъ у Оровайской кирки.

Спустя два мѣсяца графъ Каменскій отправился, по болѣзни, въ Петербургъ и при отъѣздѣ, прощаясь съ войсками корпуса, сказалъ: *„мы завоевали Финляндію—сохраните ее!“* [1]).

Сообщ. Л. Драке.

[1]) Исторія 131 пѣхотнаго Тираспольскаго полка, г. Кіевъ 1900. Составилъ М. Михайловъ, стр. 95—98.

Воспоминанія К. П. Каблукова.

(Записанныя съ его словъ).

Одно изъ лицъ, упоминаемыхъ въ этихъ воспоминаніяхъ, есть героиня сенсаціоннаго процесса, такъ талантливо разобраннаго на страницахъ „Русской Старины“ высокоуважаемымъ А. Ѳ. Кони, въ декабрьской книгѣ за 1907 г.

I.

Въ первыхъ числахъ іюля 1866 г., въ селѣ Бекетовѣ, Сызранскаго уѣзда, шелъ пиръ горой. Кстати и дни выдались чудные и не слишкомъ жаркіе. Ночью накрапывалъ дождикъ, такъ что торныя дороги, не покрываясь невылазной грязью, были все-таки на столько влажны, что не окутывали проѣзжихъ облаками пыли.

Такія благопріятныя обстоятельства были очень на руку помѣщикамъ, спѣшившимъ въ церковь, по приглашенію моего отца, уѣзднаго предводителя дворянства Петра Александровича Каблукова, на бракосочетаніе мое, тогда гвардіи штабъ-ротмистра, съ Клавдіею Андреевной Бекетовой, дочерью очень богатаго, всѣми уважаемаго помѣщика.

Было около семи часовъ вечера, времени, указаннаго въ пригласительныхъ билетахъ часомъ вѣнчанія. Женихъ, конечно, уже минутъ двадцать, былъ въ церкви; невѣсту, какъ водится, ожидали. Самъ губернаторъ, во главѣ губернскаго Олимпа, удостоилъ пріѣхать къ обряду. Превосходные архіерейскіе пѣвчіе, любезно присланные владыкой, уже пропѣли жениху концертъ. Гости группами вели оживленный разговоръ. Шафера шутили съ женихомъ, подтрунивая надъ его нетерпѣніемъ.

Но вотъ въ отворенныя двери храма ворвался снопъ золоти-

стыхъ лучей заходящаго солнца, и въ этомъ волшебномъ освѣщеніи, въ полномъ расцвѣтѣ девятнадцатилѣтней красоты, подъ руку съ блестящимъ красавцемъ-кавалергардомъ, показалась невѣста.

Вся внутренность храма мгновенно окуталась золотистой дымкой, а мерцаніе сотенъ восковыхъ свѣчей у мѣстныхъ иконъ и вожженнаго паникадила придавали всей обстановкѣ и лицамъ присутствовавшимъ какой-то особенно торжественный колоритъ. Пѣвчіе грянули „гряде, голубица“, шаферъ уступилъ мѣсто отцу, съ видимою гордостью поведшему къ аналою свою красавицу дочь.

Обрядъ начался.

„Какая прекрасная парочка“, говорили мужчины.

„Какой душка женихъ“, слышалось у дѣвицъ.

„Невѣста немного блѣдна. Платье-то; съ лѣвой стороны лифъ какъ-будто морщитъ; а фата какъ приколота! Ну, ужъ одѣли!“ шептали дамы.

„Брильянтищи нацѣпила! Вотъ думаетъ удивить!“ подхватывали другія.

Но невѣстѣ было не до этихъ пересудовъ. Вся погруженная въ думы о предстоящей жизни, о важности переживаемаго момента, она усердно молилась и, держа въ лѣвой рукѣ свѣчу, правой рукой, время отъ времени, набожно осѣняла себя крестнымъ знаменіемъ. Въ безконечно добромъ, симпатичномъ взорѣ глубокихъ, голубыхъ ея глазъ отражалось столько вѣры, столько надежды на Бога, столько любви къ будущему мужу, что женихъ могъ считать свое счастье обезпеченнымъ. Украдкой взглядывалъ онъ на свою невѣсту, и когда взоры ихъ встрѣчались, лица ихъ озарялись счастливой улыбкой.

Между тѣмъ обрядъ шелъ своимъ чередомъ. Дамы уже успѣли замѣтить, кто изъ вѣнчавшихся раньше вступилъ на коверъ; чья свѣча больше сгорѣла: успѣли даже подмѣтить подробности болѣе интимнаго характера, давшія поводъ къ оживленному спору и догадкамъ.

Словомъ—все было въ порядкѣ.

Но вотъ обрядъ кончился. Гости шумною толпою обступили молодыхъ и въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ напутствовали новую жизнь ихъ лучшими пожеланіями. Изъ церкви всѣ направились въ барскій домъ Бекетовыхъ, гдѣ и пошелъ пиръ горой.

Шампанское лилось рѣкой. Тосты слѣдовали за тостами. Молодые только и дѣлали, что по требованію гостей подслащали горькое вино сладкимъ, сахарнымъ поцѣлуемъ. Послѣ обѣда оркестръ домашнихъ, очень хорошихъ музыкантовъ безъ устали игралъ вальсы, кадрили и польки. Танцовали, можно сказать, до упаду; и

не только молодые, но даже и почтенные люди, въ перерывахъ между робберами, показывались въ залѣ и принимали участіе въ танцахъ.

Но, по совѣсти, молодые превосходили всѣхъ ловкостью и граціей такъ, что приковали къ себѣ общее вниманіе. Наконецъ усталость взяла свое, и въ шестомъ часу утра гости частью разъѣзжались, другую же часть, и едва-ли не большую, приняли въ гостепріимномъ домѣ Андрея Васильевича объятія Морфея.

На утро встали, конечно, довольно поздно и только около трехъ часовъ сошлись въ столовой за раннимъ обѣдомъ. Опять пошли тосты, пожеланія. Вечеромъ танцы на открытомъ воздухѣ, и только на четвертый день жизнь обитателей Бекетова вступила на обычный путь. Молодые собирались уже ѣхать къ моему отцу, когда молодого пригласили въ кабинетъ Андрея Васильевича.

„Еще разъ поздравляю тебя, Костя“, встрѣтилъ меня тесть: „отъ души желаю тебѣ всего лучшаго въ жизни. Живи такъ, какъ жилъ весь свой вѣкъ твой отецъ, а мой съ дѣтскихъ лѣтъ другъ, Петръ Александровичъ. Увѣренъ, что моя Клавдія будетъ съ тобою счастлива. Я позвалъ тебя, чтобы переговорить о дѣлѣ. До сихъ поръ, въ чаду приготовленій и веселья все некогда было. Видишь ли: я опредѣлилъ, за каждой изъ моихъ дочерей, которыхъ, какъ тебѣ извѣстно, у меня три, по сто тысячъ и по имѣнію. Когда мы со старухой умремъ, все вамъ останется“.

„Да полно-те, Андрей Васильевичъ“, перебилъ я зять. „Успѣемъ еще поговорить объ этомъ“.

„Нѣтъ, нѣтъ“, настаивалъ старикъ: „дѣло-дѣломъ“.

„Да вѣдь я женился на вашей дочери совсѣмъ не ради денегъ. Слава Богу, отецъ мой богатъ; я женился съ его согласія, слѣдовательно“...

„Все это прекрасно“, перебилъ старикъ: „и дѣлаетъ честь твоимъ благороднымъ чувствамъ. Я знаю, что у Петра Александровича прекрасное состояніе, но никогда не допустилъ бы, чтобъ моя дочь ушла изъ дому ни съ чѣмъ, съ пустыми руками. Итакъ, когда поѣдешь въ Петербургъ, я вручу тебѣ ломбардный билетъ на назначенную сумму и дарственную на Пензенское имѣніе, если къ тому времени утвердятъ; или вышлю въ Петербургъ. Кстати, когда кончится твой отпускъ?“

„Да еще осталось двѣ недѣли гулять“.

„Ну, хорошо. Я думаю, къ тому времени справлюсь“.

„Не безпокойтесь; это рѣшительно все равно“.

„Извини; я, кажется, задержалъ тебя?“

„Мы съ Клашенькой собираемся ѣхать къ отцу“.

„Поѣзжайте, поѣзжайте. Погостите тамъ. Только смотри недолго. А то и такъ ужъ увозишь Клавдію, да и послѣдніе-то дни не дашь на васъ полюбоваться. Приглашай своихъ на проводы къ намъ. Съ Богомъ!“

II.

Семейство предводителя дворянства Андрея Васильевича Бекетова состояло изъ жены и трехъ дочерей.

Самъ онъ въ молодости служилъ въ гвардейской кавалеріи и сохранилъ въ памяти благодарныя воспоминанія о прежнихъ временахъ, когда товарищество и point-d'honneur были признаваемы за главную доблесть всякаго, имѣвшаго честь носить военный мундиръ. Дошелъ Бекетовъ до чина ротмистра, вышелъ въ отставку и пріѣхалъ хозяйничать въ деревню. Не то, чтобы онъ разстроилъ свое состояніе, служа въ гвардіи, нѣтъ—онъ даже не пошатнулъ его. Ему просто захотѣлось пожить на свободѣ, послужить по выборамъ, чего онъ и достигъ. Хотя дворянство нѣсколько и косилось на него за женитьбу на дѣвушкѣ незнатнаго рода и не богатой, но такъ какъ онъ этимъ бракомъ показалъ благородство своихъ чувствъ, а его вообще любили и уважали, то скоро примирились съ Пелагеей Пахомовной, тѣмъ болѣе, что она дальше своего хозяйства не шла и была всегда радушна.

Отъ этого брака произошло на свѣтъ три дочери: Елисавета, Клавдія и Софія. Нашъ разсказъ застаетъ старшую уже года два-три замужемъ за сосѣдомъ по имѣнію, помѣщикомъ, тоже бывшимъ военнымъ, Лазаревскимъ, очень хорошимъ и добрымъ человѣкомъ. Вторая дочь Клавдія—моя жена. Третья—Софья, или, какъ ее звали дома, Сонюрочка, премилая семнадцатилѣтняя стрекоза, всеобщій баловень. Очень неглупая, довольно образованная какъ барышня, немного рѣзкая, но безъ угловатости, столь свойственной всѣмъ дѣвушкамъ, показывающимъ изъ себя не то, что онѣ на самомъ дѣлѣ есть. Если природа и не дала ей ослѣпительной красоты ея сестры Клавдіи, то вознаградила умомъ, миловидностью и симпатичной внѣшностью. Портретъ ея, на которомъ слѣдуетъ остановить вниманіе, такъ какъ ей принадлежитъ въ моемъ разсказѣ выдающаяся роль, будетъ полонъ, если сказать, что это была средняго роста брюнетка съ темносиними глазами и чудными бровями и рѣсницами.

Все время, пока шли приготовленія къ свадьбѣ да и къ самому объявленію о семейной радости она отнеслась очень холодно; холоднѣе даже, чѣмъ можно было ожидать отъ дружныхъ между со-

бою сестеръ. Родители не могли налюбоваться отношеніями между сестрами. Сонюрка очень любила Клашеньку и всегда старалась быть ей пріятною, часто не безъ жертвъ. Та, разумѣется, цѣнила это и съ своей стороны выражала сестрѣ полное расположеніе.

Въ массѣ хлопотъ и безпокойства по случаю свадьбы, интересы Клавдіи были, конечно, на первомъ планѣ, и о Сонѣ въ семьѣ какъ-то позабыли. Между тѣмъ опытный глазъ непремѣнно обратилъ бы вниманіе на перемѣну, происшедшую въ Сонѣ съ той поры, какъ я сталъ свататься къ сестрѣ ея. Она замѣтно похудѣла и поблѣднѣла. Стоило только мнѣ показаться, какъ Соня почти не отходитъ отъ меня, предупреждаетъ мои желанія, ловитъ каждое мое слово и каждый взглядъ. Такое поведеніе Сони бросалось въ глаза; всѣ объясняли себѣ любезности Сони желаніемъ угодить сестрѣ. Никому и въ голову не приходило, что дѣвочка Соня сама страстно влюбилась въ жениха сестры. Между тѣмъ это было такъ, и чувство въ ней развилось на столько сильно, что въ день свадьбы сестры она занемогла и не могла принимать участія въ общемъ весельѣ. Это нездоровье удерживало ее въ постели почти до самаго отъѣзда молодыхъ въ Петербургъ. При сестрахъ, въ качествѣ не то гувернантки, не то компаньонки, находилась дѣвица среднихъ лѣтъ, изъ петербургскихъ институтокъ, любившая своихъ питомицъ до обожанія.

Семья жениха была еще малочисленнѣе. Самъ Петръ Александровичъ, вдовецъ лѣтъ шестидесяти, съ хорошими средствами, честнѣйшій англоманъ во вкусѣ пушкинскаго Муромцева, образцовый хозяинъ. Два его сына, почти ровесники, милые молодые люди. Старшій кончилъ курсъ въ лицеѣ и служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, на очень хорошемъ счету, съ прекрасной карьерой впереди; второй я — Костя, гвардейскій уланъ, не сегодня— завтра адъютантъ покойнаго принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

Петра Александровича Каблукова можно было, не обинуясь, назвать другомъ своихъ сыновей. Такъ велъ онъ ихъ съ малолѣтства, что, при полномъ, глубокомъ уваженіи къ отцу, они обращались съ нимъ, какъ съ другомъ, и никогда отъ него ничего не скрывали. Все равно: серьезное дѣло или юношеская шалость — отецъ прежде другихъ посвящался въ тайну; въ отцѣ находили мы съ братомъ опору, поддержку и совѣтъ. Словомъ, жили мы, какъ говорится, душа въ душу. Онъ насъ не особенно баловалъ: обрекая себя на одиночество и скуку деревенской жизни, насъ онъ заставлялъ служить. „Молодой человѣкъ долженъ работать“, вотъ

его девизъ. Въ средствахъ онъ намъ не отказывалъ и поселился въ деревнѣ, чтобы быть ближе къ своему состоянію и лично за нимъ слѣдить. Мы съ братомъ были вполнѣ обезпечены, цѣнили труды отца и платили ему безграничнымъ уваженіемъ, искреннею сыновнею любовью и почтительностью.

III.

Незамѣтно пронеслось первое время пребыванія молодыхъ въ Петербургѣ: устройство квартиры, визиты знакомымъ, которыхъ у Константина Петровича было не мало поглощали массу времени. Вскорѣ послѣ пріѣзда состоялось и назначеніе, о которомъ я такъ долго мечталъ. Повидимому, жизнь улыбнулась молодой четѣ. Выѣзды въ свѣтъ, сегодня вечеръ, завтра балъ, а тамъ спектакль, и такъ день за день.

Нельзя сказать, что жена моя очень любила свѣтъ,—далеко нѣтъ; но такъ сложились обстоятельства, что нельзя было отказываться или избѣгать приглашеній.

Не прерывалась связь и съ деревней; дѣятельная переписка съ родителями ставила насъ въ извѣстность, что тамъ все обстоитъ благополучно. Всѣ здоровы, дѣла идутъ хорошо. Но въ каждомъ письмѣ Андрея Васильевича непремѣнно сообщалось, что Сонюрочка скучаетъ безъ сестры и очень хотѣла бы погостить у нея въ Петербургѣ.

„Я очень понимаю, писалъ старикъ, что бѣдной дѣвочкѣ скучно. Она выросла съ Клавдіей, это ея единственный другъ. Не знаемъ, чѣмъ и развлечь ее; никуда не хочетъ выѣзжать: все сидитъ дома и дома. Мнѣ кажется, что, если это васъ съ Клавдіей не стѣнитъ, очень не худо бы ее послать къ вамъ въ Питеръ, мѣсяца на четыре. Это развлекло бы ее; да, кстати, она людей бы увидала и себя показала бы. Право, братъ Костя, устрой. Не худо бы... Что ты думаешь?“ и такъ далѣе.

„Какъ же ты думаешь, Клашенька? обратился я къ женѣ.

„Я тебя хотѣла просить объ этомъ, Костя. Мнѣ самой очень ее жаль. Пусть бы пріѣхала съ Марьей Петровной погостить. Комната ей есть“.

„Если это твое желаніе, я, конечно, согласенъ и сейчасъ же напишу папашѣ. Будемъ поджидать“.

Но ждать пришлось не долго: не прошло и трехъ недѣль, какъ прибыла Соня съ компаньонкой.

Дѣвочка дѣйствительно очень измѣнилась: похудѣла, поблѣднѣла.

Клавдія очень обрадовалась сестрѣ; пошли разспросы о деревнѣ; обмѣнялись новостями.

Появленіе Сонюрочки въ свѣтѣ произвело хорошее впечатлѣніе. Она прекрасно себя держала, а ея нѣсколько рѣзкій тонъ даже нравился. Такъ прошелъ конецъ зимы, великій постъ, и настало лѣто, проведенное нами на дачѣ въ Петергофѣ.

Въ концѣ августа мою семью постигло первое горе. Клавдія Андреевна родила сына и, заболѣвъ горячкой, умерла. Скорби моей не было границъ.

Сонечка не отходила послѣдніе дни отъ умиравшей сестры, а только-что та скончалась, перенесла всѣ свои заботы и ласки на молодого вдовца.

Понятно, что послѣ смерти сестры Соня уже не могла оставаться жить у меня хотя бы даже и съ компаньонкой, и вотъ, когда прошли первые дни горя и печальныхъ хлопотъ, я далъ ей понять необходимость отъѣзда ея къ родителямъ.

„Ты меня гонишь отъ себя, Костя? со слезой въ голосѣ воскликнула она. Я тебѣ надоѣла“.

„Нисколько, милая дѣвочка; но я думаю, ты сама очень хорошо понимаешь, что нельзя тебѣ оставаться у меня. Я слишкомъ дорожу твоей репутаціей, что бы допустить на твой счетъ какіе-нибудь слухи или намеки“.

„Я не боюсь никакихъ слуховъ, Костя. Я такъ люблю тебя, что готова на все, лишь бы не оставить тебя одного въ такое время, когда ты въ горѣ и я могу быть тебѣ полезной“.

„Спасибо, милая; я высоко цѣню твое расположеніе и считаю себя на вѣкъ твоимъ должникомъ. Но все-таки тебѣ нельзя остаться со мной. Богъ знаетъ, что начнутъ говорить. Да и родители твои, конечно, будутъ недовольны“,

Время шло. Сонечка всегда находила предлогъ для отсрочки отъѣзда въ деревню: то нездоровье, то какое-нибудь недоразумѣніе въ туалетѣ; и такъ день за день.

Наконецъ обстоятельства такъ сложились, что поневолѣ пришлось отложить поѣздку. Я серьезно захворалъ и слегъ въ постель. Врачи констатировали воспаленіе легкихъ. Соня не отходила отъ моего изголовья. Никакая сестра милосердія или опытная сидѣлка не несла бы съ такой любовью и такъ добросовѣстно тяжелыхъ обязанностей, связанныхъ съ уходомъ за больнымъ. Ночи на пролетъ, не смыкая глазъ, просиживала она у моей постели; когда я сталъ поправляться, то почувствовалъ, что смотрю на Соню уже не прежними, братскими глазами.

Нѣсколько словъ довершили дѣло. Да и въ словахъ-то этихъ

не было особенной надобности, такъ какъ и я и она чувствовали, что любимъ другъ друга.

Словомъ сказать, черезъ годъ съ небольшимъ, послѣ усиленныхъ хлопотъ по консисторіямъ, не говоря уже о большихъ издержкахъ, неразрывныхъ съ такими дѣлами, Константинъ Петровичъ Каблуковъ сталъ законнымъ супругомъ Софіи Андреевны Бекетовой, родной сестры первой его жены.

IV.

Надо сказать, что со стороны Андрея Васильевича большихъ препятствій не было. Сперва онъ какъ-будто и не соглашался на этотъ бракъ, но несогласіе его скорѣе истекало изъ вліянія его жены, Палагеи Пахомовны, и слышать не хотѣвшей о такой, по ея мнѣнію, незаконной и безнравственной свадьбѣ.

Долго убѣждалъ ее Андрей Васильевичъ, долго приводилъ всякіе резоны—ничто не помогло.

„Какъ же будетъ на томъ свѣтѣ, затруднялась старушка. И Сонечка—жена, и Клашенька—жена. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что. Нѣтъ моего благословенія".

„Да вѣдь здѣсь-то ему съ ней жить, а не тебѣ", возражалъ онъ. А на томъ свѣтѣ, говоритъ владыко, нѣтъ ни женъ, ни мужей. Они любятъ другъ друга. Не знаешь ты Сонюрку, что-ли? Хуже будетъ, какъ она сбѣжитъ съ нимъ, помяни мое слово: сраму надѣлаетъ—сбѣжитъ; непремѣнно сбѣжитъ. Что ты тогда про тотъ свѣтъ заговоришь?"

„Ни за что не соглашусь! Такой грѣхъ, упорствовала Пелагея Пахомовна. Сбѣжитъ—такъ прокляну на вѣки. Да ты-то что хлопочешь! Хорошъ папаша—нечего сказать! Чѣмъ бы остановить, уговорить, а онъ, вотъ, на-поди! Вотъ какъ запру ее на ключъ, подъ замокъ, вся блажь сойдетъ".

Убѣдившись, что ему ничего съ женой не подѣлать, Андрей Васильевичъ призвалъ Костю.

„Плохо, братъ, Костя, говорилъ онъ; не хочетъ и слышать Поля о свадьбѣ твоей. Ужъ просто не знаю, какъ и помочь тебѣ... Развѣ вотъ что. Сумѣешь ты ее украсть? А? Какъ думаешь? Ужъ я-то, конечно, препятствовать не стану. Гдѣ тутъ препятствовать? Помогу. Ну, рѣшился?"

Я, конечно, не заставилъ себя упрашивать, и скоро планъ бѣгства былъ готовъ.

Въ тридцати верстахъ отъ села Бекетова было большое мѣстеч-

ко Кравково, гдѣ долженъ былъ въ мѣстной церкви ожидать священникъ, вполнѣ подготовленный къ совершенію брачнаго обряда.

Все совершилось какъ нельзя лучше. Хотя Пелагея Пахомовна и привела свою угрозу въ исполненіе, и дѣйствительно заперла бѣдную Соню на ключъ, но для наблюденія за ней приставила дѣвушку, бывшую на сторонѣ заговорщиковъ. Наступилъ вечеръ, назначенный для бѣгства. Утомленная хозяйствомъ, а главнымъ образомъ нравственно потрясенная ссорою съ мужемъ и слезами любимой дочери, Пелагея Пахомовна крѣпко уснула. Андрей Васильевичъ не дремалъ и собственноручно вывелъ заключенную изъ-подъ ареста и проводилъ до воротъ сада; здѣсь сдалъ ее, съ рукъ на руки, вмѣстѣ съ той самой горничной, которая должна была ее стеречь, Константину Петровичу, уже поджидавшему ее на тройкѣ чудныхъ лошадей.

Съ нимъ ожидалъ бѣглянку и братъ его, ихъ будущій единственный шаферъ.

Тридцать верстъ проскакали они часа въ полтора, а черезъ два послѣ бѣгства изъ дома родителей Сонечка была обвѣнчана съ Костей, такъ что погоня, посланная Пелагеей Пахомовной, уже застала ихъ мужемъ и женой, и Лазаревскому, руководившему погоней, пришлось первому поздравить молодыхъ съ законнымъ бракомъ.

Переночевавъ въ мѣстечкѣ, молодые послали на утро шафера, брата Кости, просить за нихъ прощенія у стариковъ, особенно у Пелагеи Пахомовны.

Добрый Андрей Васильевичъ не заставилъ себя упрашивать.

„Да, что вы! говорилъ онъ. Я ничего не имѣю противъ этого брака. Костя ее любитъ, она его также. И слава Богу! Я очень радъ, очень радъ, повторялъ онъ. Пусть бы только Костя оберегалъ ее. Вотъ только не знаю, какъ жена; она какая-то чудная, Богъ съ ней. Все о грѣхѣ что-то толкуетъ“...

У Пелагеи Пахомовны шаферу пришлось долго говорить и убѣждать упрямую старушку. Онъ уже потерялъ всякую надежду на успѣхъ и собирался откланяться, какъ ему пришла мысль подѣйствовать на нее ея же оружіемъ.

„Пелагея Пахомовна, сказалъ онъ: Христосъ, пострадавшій за насъ, самъ простилъ намъ грѣхи наши и намъ велѣлъ прощать виноватымъ передъ нами. Костя и Соня виноваты: словъ нѣтъ. Но ради заповѣди Христовой простите ихъ и позвольте имъ явиться къ вамъ испросить ваше благословеніе.

„Ну, уговорилъ ты меня, согласилась она. Ладно. Пусть пріѣдутъ. Какъ Богъ дастъ—такъ пускай и будетъ“.

Молодые скоро пріѣхали въ Бекетово. Ставъ передъ старушкой

на колѣни, они выслушали длинное наставленіе, не возражая ни слова и только по временамъ цѣлуя ея руки.

Такая покорность тронула старушку, въ душѣ не злую и любившую Соню.

„Богъ съ Вами! Прощаю и благословляю“, сказала она, осѣнивъ ихъ приготовленною заранѣе иконою.

Живите мирно и дружно, какъ мы со старикомъ. А все же ты отвѣтишь передъ Богомъ. Всю жизнь надо отмаливать такой грѣхъ Христосъ съ Вами!“

„Простила! Ура! Человѣкъ, шампанскаго! кричалъ искренно обрадованный Андрей Васильевичъ. Поздравляю, поздравляю! Очень радъ, повторялъ онъ, обнимая и цѣлуя то Костю, то Соню. Ну, слава Богу, все устроилось! Я и за Соней даю сто тысячъ, какъ за покойной Клашенькой. Приходи, Костя, ко мнѣ; надо кончать дѣло“.

„Дѣло-то дѣломъ, вмѣшалась Пелагея Пахомовна, но вина больше не пей. Тебѣ вредно. Ты, Костя, не позволяй ему. А то вѣдь онъ случаю радъ“.

„А ты-то, мой батюшка, хорошъ, обратилась она къ Лазаревскому. Поручила ему, какъ путному, догнать и вернуть Соню; а онъ, на-поди, къ шапочному разбору поспѣлъ“.

„Да вѣдь у нихъ лошади“, оправдывался тотъ.

„Нечего тутъ, лошади... Знаю я... Обвели меня. Ну, да Богъ съ вами! Теперь уже все кончено“.

Свадьба и прощеніе матери были отпразднованы роскошнымъ обѣдомъ, послѣ котораго молодые вернулись въ Петербургъ.

V.

Прошло восемь лѣтъ. За это время неумолимая смерть унесла въ могилу добрѣйшаго Андрея Васильевича, его жену Пелагею Пахомовну и старика отца, такъ что въ рукахъ моихъ образовалось довольно крупное состояніе, заключавшееся въ имѣніяхъ, домахъ въ Петербургѣ и денежныхъ капиталахъ. Постоянно занятый службою, я увидѣлъ, что не могу самъ управлять своими собственными дѣлами и вынужденъ былъ пригласить управляющаго.

По рекомендаціи многихъ знакомыхъ выборъ палъ на нѣкоего Іосифа Петровича Гулакъ-Артемовскаго.

Съ перваго взгляда этотъ господинъ произвелъ на меня очень выгодное впечатлѣніе. Молодой, красивый, образованный и, какъ

всѣ поляки, нѣсколько вкрадчивый Іосифъ Петровичъ выказалъ: недюжинныя познанія въ управленіи имѣніями, нуждавшимися въ опытномъ руководителѣ. Нѣсколько словъ, брошенныхъ по поводу способа употребленія капитала, показали, что онъ не чуждъ и этого рода операціи.

Дипломъ одного изъ южныхъ университетовъ и заграничной агрономической академіи довершили дѣло, и Іосифу Петровичу была вручена полная довѣренность на управленіе имуществомъ мужа и жены Каблуковыхъ.

Дѣйствительно, онъ оказался человѣкомъ весьма даровитымъ и, на первый взглядъ, честнымъ. Доходъ съ имѣнія увеличился; дома стали приносить больше прежняго.

Между тѣмъ увеличилась и моя семья. На третій годъ брака Софія Андреевна подарила меня сыномъ, названнымъ въ честь крестнаго отца, принца Ольденбургскаго — Петромъ, а спустя два года у насъ родилась дочка—Клашенька. Рожденіе дочери сильно отразилось на здоровьи Софіи Андреевны. Она стала прихварывать и по совѣту врачей должна была ѣздить лѣтомъ за границу, на воды. Первая ея поѣздка состоялась въ сопровожденіи мужа и старшихъ дѣтей. Но на слѣдующій годъ, служебныя обязанности не позволили мнѣ отлучиться изъ Петербурга, и Софія Андреевна поѣхала за границу съ той же неизмѣнно преданной ей Марьей Петровной.

Случилось такъ, что въ это время Іосифъ Петровичъ ѣздилъ за границу для покупки земледѣльческихъ машинъ, такъ какъ освобожденіе крестьянъ вызвало настоятельную потребность въ замѣнѣ ручного труда машиннымъ, и встрѣтился съ Софіей Андреевной въ одномъ изъ большихъ нѣмецкихъ городовъ. Сонечка, кончившая курсъ минеральныхъ водъ, ѣхала теперь на морскія купанья, и встрѣча ихъ, совершенно случайная, очень обрадовала ее, уже болѣе двухъ мѣсяцевъ не видѣвшую знакомаго лица. Вотъ какъ описывала она мужу эту встрѣчу:

„...въ Кельнѣ, на дебаркадерѣ желѣзной дороги я была въ очень печальномъ положеніи. Представь себѣ, дорогой Костя, какой случай. За нѣсколько станцій до Кельна Марья Петровна вышла изъ вагона, чтобы выпить стаканъ воды. Какъ это случилось я не знаю, но ударилъ звонокъ, и моя Марья Петровна осталась на станціи, а меня поѣздъ увезъ дальше. Это бы ничего, потому что я могла бы подождать ее на слѣдующей большой станціи, въ Кельнѣ; но бѣда въ томъ, что мы еще не рѣшили, гдѣ остановиться, а у нея были въ саквояжѣ и деньги, и билетъ, и багажная квитанція. Я такъ растерялась, что сижу въ Кельнѣ, въ пассажирскомъ залѣ и

плачу. Вдругъ подходитъ ко мнѣ, можешь вообразить себѣ мою радость и удивленіе, кто бы ты думалъ?—Іосифъ Петровичъ. Я его едва узнала. Онъ уже не тотъ скромный, застѣнчивый, у котораго едва можно было вытащить слово, а совершенно измѣнившійся и наружностью, и манерою держать себя господинъ. Начать съ того, что одѣтъ онъ съ головы до ногъ вполнѣ изысканно-прилично. Видимо обрадованный встрѣчей со мной и узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ совершенно успокоилъ меня. Черезъ часъ, благодаря его помощи, я уже имѣла отвѣтъ отъ Марьи Петровны и ожидала ее въ „Hotel Imperial", гдѣ мы съ тобой останавливались въ прошломъ году, и гдѣ Іосифъ Петровичъ, не желая оставить меня одну, взялъ и для себя небольшой номеръ.

Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ сильно простудился въ Лондонѣ на пробѣ первой молотилки для нашего Бекетова. Говорилъ, что доктора совѣтуютъ ему полѣчиться, а главное—покупаться въ Остенде. Онъ былъ такъ деликатно-внимателенъ со мной, что я сочла своею обязанностью, да я думаю и ты бы такъ поступилъ, пригласить его ѣхать съ нами. Онъ не хотѣлъ согласиться. Ему казалось, что ты будешь недоволенъ его отсутствіемъ изъ деревни въ спѣшное время хозяйства. Но я взяла вину на себя и, давъ ему слово упросить тебя не сердиться, уговорила его ѣхать съ нами, на что онъ послѣ многихъ отказовъ согласился"...

Слѣдующее письмо отъ Софіи Андреевны изъ Остенде посвящало ея мужа въ подробности пребыванія ея въ этомъ излюбленномъ морскомъ курортѣ,

„Никогда еще, — писала она, — не приносили мнѣ морскія купанья такой видимой пользы, дорогой Костя. Въ этомъ году я дѣйствительно поправилась, окрѣпла. Даже не могу пожаловаться на скуку, такъ сильно дававшую себя чувствовать на водахъ. Іосифъ Петровичъ такъ любезенъ, внимателенъ, такъ предупреждаетъ мои желанія, что я не знаю, какъ благодарить его".

Въ этомъ же духѣ были и дальнѣйшія письма Сонечки. Каждое изъ нихъ изображало бюллетень ея здоровья, расточало похвалы удивительнымъ качествамъ Іосифа Петровича и заключалось просьбой о переводѣ денегъ по той или другой причинѣ. Просьбы эти, конечно, безпрекословно удовлетворялись.

VI.

Повидимому, все шло прекрасно, какъ вдругъ обстоятельство, совершенно ничтожное, имѣло большое значеніе въ жизни супруговъ Каблуковыхъ.

„Вернувшись какъ-то со службы домой, я нашелъ у себя на столѣ карточку одного пріятеля, только-что пріѣхавшаго изъ заграничнаго путешествія. Пріятель, передавая мнѣ поклонъ отъ жены, очень жалѣлъ, что не засталъ дома и звалъ поговорить вечеркомъ.

Заинтересованный и обрадованный возможностью услышать о женѣ живое слово, я едва дождался вечера.

„Очень радъ тебя видѣть,—говорилъ я, обнимая пріятеля. Разсказывай, гдѣ видѣлъ жену и какъ она поживаетъ".

„Видѣлъ я ее въ Парижѣ. Просила поцѣловать тебя и дѣтей, что я охотно исполнилъ. Въ Парижѣ я встрѣтилъ ее на скачкахъ и не замедлилъ быть у нея въ Грандъ-Отелѣ, гдѣ она остановилась проѣздомъ въ Остенде, на морскія купанья. Она была очень опечалена тѣмъ, что вынуждена была уступить свою золотую, безцѣнную,—какъ она выразилась,—Марью Петровну, больной старухѣ Безверховой, а сама ѣдетъ въ Остенде одна. Положеніе Безверховой дѣйствительно критическое: одна, и ни слова ни на какомъ языкѣ, и больна. Кстати — болталъ пріятель,—познакомила меня она тутъ съ какимъ-то полякомъ, кажется, Гулакъ-Артемовскимъ что-ли? Что это за личность? На меня онъ произвелъ какое-то странное впечатлѣніе своей ужъ слишкомъ искательной манерой. Софія Андреевна рекомендовала мнѣ его какъ чуть ли не спасителя ея. Ты его знаешь? Кто онъ такой?"

„Ты ошибаешься, называя его полякомъ. Онъ русскій, даже малороссъ, но совершенно ополячившійся. Это очень образованный, очень неглупый господинъ. Служитъ, кажется, гдѣ-то въ Сенатѣ, или въ юстиціи, то есть, вѣрнѣе, числится. Кандидатъ университета и агрономъ; слушалъ, кромѣ того, гдѣ-то за границей какія-то лекціи. Главное его занятіе — управляющій и руководитель нашего состоянія. Ловкій, вкрадчивый и, до настоящей минуты, честный. Правда, что онъ много грѣшитъ манерою держать себя. Это польское „па̀дамъ до ногъ" въ немъ дѣйствительно шокируетъ. Но, вѣроятно, это происходитъ отъ недостатка въ хорошемъ обществѣ".

„Ну какъ бы то ни было, онъ мнѣ не нравится",—брезгливо отозвался собесѣдникъ.

„Ты говоришь, что жена хотѣла ѣхать въ Остенде? Такъ?"

„Да, въ Остенде. Очень ее уговаривалъ этотъ Артемовскій. Рисовалъ ей картины чуть не земного рая", — насмѣшливо отвѣчалъ пріятель,

„Вотъ какъ! Это удивительно! невольно вырвалось у меня. А я думалъ..."

*

„Что ты думалъ? Что удивительно?“ — спрашивалъ пріятель, догадавшійся, что выдалъ какую-то тайну.

„Нѣтъ, ничего. Я такъ... Скажи, гдѣ же ты потомъ видѣлъ Соню“,—заговорилъ Костя, называя жену уменьшительнымъ именемъ, чтобы не дать пріятелю возможности что-нибудь заподозрить.

„Позволь; надо припомнить. Вотъ ужъ точно не помню: не то во Флоренціи, не то въ Вѣнѣ. Но это уже было послѣ морскихъ ея купаній. Да, въ Вѣнѣ. Она осталась въ Вѣнѣ, поджидая извѣстіи о какихъ-то машинахъ для деревни. Молотилка, что-ли?“

„А! Ну, братъ, спасибо тебѣ за поклонъ. А какже ты нашелъ ее!..“

„Она очень понравилась. Пополнѣла. Въ хорошемъ распололоженіи духа, хотя и говорила, что скучаетъ по тебѣ и дѣтямъ“.

„Ну еще разъ спасибо. До свиданья“,—поторопился я.

„Куда же ты? Посиди у меня сегодня. Я хотѣлъ тебѣ предложить вспрыснуть немного нашу встрѣчу послѣ столь долгой разлуки. Вѣроятно сейчасъ пріѣдутъ Дурасовъ, Кушелевъ. Сыграемъ. Поужинаемъ. Вспомнимъ прошлое и съ Богомъ“.

„Нѣтъ, спасибо. Не могу. Что-то нездоровится. Другой разъ— съ удовольствіемъ“.

„Ну, какъ знаешь. А жаль... Впрочемъ, ты дѣйствительно будто блѣдный. Поѣзжай домой и лягъ пораньше спать. Дастъ Богъ, пройдетъ“.

VII.

Взволнованный, нервный вернулся я домой. Обдумавъ и взвѣсивъ все, что говорилъ мнѣ пріятель, и говорилъ совершенно просто, безъ всякой задней мысли, не имѣя даже и отдаленной цѣли внушить мнѣ какія-нибудь подозрѣнія, или намекать на какую-нибудь двусмысленность отношеній моихъ къ Артемовскому, я невольно сопоставилъ слова его съ письмами Софіи Андреевны. Выводы, къ которымъ я пришелъ, были далеко не выгодны для послѣдней. Къ чему, думалось мнѣ, было ей писать, что трудно было уговорить Артемовскаго ѣхать въ Остенде, когда уговаривалъ онъ, а не она? Да и почему это надо было вдругъ разстаться съ Марьей Петровной? Что за порывъ великодушія, что за самопожертвованіе, на которое она далеко уже не такъ способна? Уже не стѣсняло ли ее присутствіе этого преданнаго нашей семьѣ человѣка? Тутъ и Артемовскій. Пріятель говоритъ, что Соня весела, довольна. Да и какъ небыть веселой, живетъ въ свое удовольствіе, да еще въ придачу

этотъ развернувшійся тихоня. И какая наблюдательность въ отношеніи къ нему; даже до туалета. Пополнѣла! Что-то подозрительно. Денегъ хватитъ и на двоихъ.

Всю ночь безпокойно промучился я въ постелѣ, и наступившее утро не только не принесло успокоенія и сна, но напротивъ еще болѣе раздражало меня. Наскоро выпивъ стаканъ чаю, я усѣлся за письмо за границу, какъ человѣкъ доложилъ мнѣ о прибытіи Маріи Петровны.

„Проси, проси ее скорѣе ко мнѣ,—заспѣшилъ я и всталъ навстрѣчу входившему въ кабинетъ другу дома.—Здравствуйте, дорогая; съ пріѣздомъ!—привѣтствовалъ я ее.—Садитесь и разсказывайте".

„Здравствуйте, Костя. Мнѣ и самой хочется поскорѣе оправдаться передъ вами. Иванъ, принеси мнѣ чаю! Я вѣдь прямо изъ вагона. Даже не проводила Безверхову, такъ какъ ее встрѣтила дочь".

„Ну, вотъ и спасибо, спасибо вамъ. Садитесь же, дорогая. Вы говорите оправдаться; въ чемъ же? Что за пустяки"?!.

„Нѣтъ, Костя, для меня не пустяки. Я васъ такъ давно знаю и люблю, какъ родныхъ. Вы мнѣ довѣрили и поручили жену вашу, и мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы подумали, что я чѣмъ-нибудь способна нарушить довѣріе и бросила Сонечку ради какихъ-нибудь выгодъ".

„Что вы, что вы, Марья Петровна,—отвѣчалъ я—мнѣ и въ голову не могло придти ничего подобнаго".

„Да позвольте я разскажу вамъ все по порядку; тогда судите сами, кто виноватъ въ этомъ недоразумѣніи".

„Такъ у васъ было даже недоразумѣніе? Что же такое? Разскажите".

„Сначала у насъ все шло хорошо. Передъ Кельномъ со мной случился эпизодъ: я осталась на станціи, а поѣздъ съ Сонечкой ушелъ. Конечно, я растерялась, страшно испугалась, не столько за себя, сколько за Сонечку, такъ невольно мною покинутую. Каково же было мое удивленіе, когда, ожидая поѣзда на Кельнъ, я вдругъ услышала свою фамилію, выкликаемую дежурнымъ телеграфистомъ. Смотрю: подаютъ мнѣ депешу и кѣмъ подписанную? Какъ вы думаете?—Іосифомъ Петровичемъ. Телеграфируетъ, что Софія Андреевна будетъ ждать меня въ Кельнѣ въ Hotel de Russie. Я, разумѣется, страшно обрадовалась, сейчасъ же отвѣчала и чрезъ нѣсколько часовъ была уже въ этой гостинницѣ и застала ихъ за ужиномъ. Смѣху сколько было! Іосифъ Петровичъ такъ комично представлялъ мое смущеніе, когда поѣздъ ушелъ. Съ этого времени онъ съ нами

не разставался. Мы ѣздили вмѣстѣ въ Парижъ. Веселились какъ никогда. Были во всѣхъ театрахъ, въ маскарадѣ въ Grand-Opera, даже въ Мабиль попали; и все Іосифъ Петровичъ. Тутъ я стала замѣчать, что Соня со мною точно перемѣнилась: стала суше обращаться, точно я ее чѣмъ-то стѣсняю или будто лишняя. Я не знала, чѣмъ это себѣ объяснить. Наконецъ отношенія такъ обострились, что мы обѣ ухватились, какъ за спасеніе, за просьбу Безверховой перейти къ ней, такъ какъ она больна и не знаетъ языковъ. Да теперь во мнѣ уже не было необходимости, простодушно говорила Марья Петровна, меня замѣнилъ не отстававшій отъ насъ Артемовскій. Конечно, отъ этой замѣны Соня только выиграла, ей гораздо веселѣе и пріятнѣе".

Непріятныя думы тѣснились въ моей головѣ. Теперь я былъ окончательно увѣренъ, что отставка Маріи Петровны не есть плодъ великодушія Сони. „Такъ вотъ, думалъ я, какая штука. Она просто стѣсняла ихъ своей особой, и они ухватились за первый благовидный предлогъ, чтобы отъ нея отдѣлаться. Но не желая и виду подать, что я догадался, въ чемъ дѣло, съ напускной веселостью и добродушіемъ сказалъ:

„Ну, ужъ Марья Петровна. Вамъ вездѣ видится сухость и холодность. Какъ можетъ быть, чтобы Соня измѣнилась къ вамъ. Это предположеніе невозможно. Вы послѣ этого пожалуй и меня заподозрите въ какой-нибудь интригѣ противъ васъ. Нѣтъ, полноте, полноте. Соня, напротивъ, писала мнѣ, что ей было очень трудно и больно разстаться съ вами и, если бы не болѣзнь нашей доброй старушки Безверховой, она никогда и не рѣшилась бы. Иначе, какъ незамѣнимой она васъ и не зоветъ. Да вы и сами хорошо знаете, какъ горячо мы васъ любимъ".

Эти теплыя, ласковыя слова видимо успокоили Марью Петровну такъ, что она ушла въ свою комнату, примиренная съ Софьей Андреевной.

Очень нехорошо было у меня на душѣ, когда я остался одинъ на одинъ съ своими думами. Чтобы хотя немного развлечься, я поѣхалъ завтракать въ ресторанъ, гдѣ нашелъ нѣсколькихъ знакомыхъ. Но ни шумный завтракъ, ни обѣдъ въ загородномъ кабачкѣ, ни вечернее представленіе одной изъ каскадныхъ этуалей не дали желаннаго результата, а вызвали лишь утомленіе.

VIII.

Прошло нѣсколько дней. Писемъ изъ-за границы не было. Это молчаніе уже начинало меня, и безъ того нервно настроеннаго, сильно тревожить, какъ полученная телеграмма изъ Вѣны извѣщала о днѣ прибытія въ Петербургъ Софіи Андреевны. Нельзя сказать, что извѣстіе это очень меня обрадовало; далеко нѣтъ: уже въ сердцѣ моемъ произошелъ расколъ. Если и хотѣлось увидѣть жену, то желаніе поскорѣе выяснить мучившія меня сомнѣнія было главною тому причиною.

Не вѣрилось, не хотѣлось вѣрить, что Сонечка, которую я такъ нѣжно любилъ, которую я окружилъ такими нѣжными заботами, могла такъ легкомысленно разбить мою жизнь. Но если фактъ ея невѣрности произошелъ?

Этотъ сорвавшійся съ языка пріятеля намекъ и, наконецъ, твердая увѣренность добрѣйшей, но огорченной Марьи Петровны въ томъ, что виновникъ ихъ разлуки Артемовскій! Нѣтъ, надо непремѣнно убѣдиться въ положеніи дѣла. Соня провела за границей слишкомъ три мѣсяца, слѣдовательно какихъ-нибудь двухъ мѣсяцевъ достаточно, чтобы увѣриться, намекалъ ли пріятель или говорилъ о полнотѣ, происходящей отъ здоровья. А Марья Петровна?!. Ну, да мало ли что можетъ показаться взволнованной и обиженной женщинѣ. Рѣшеніе, къ которому я пришелъ, даже обрадовало меня. Я рѣшилъ избѣгать супружеской близости съ женой въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ: болѣзни, предписанія врача: разстроены нервы, что ли въ сильной степени, и докторъ предписалъ полное отсутствіе волненія и покой. Наскоро устроилъ себѣ въ кабинетѣ спальню, переставилъ мебель, и на этомъ остановился.

Въ этотъ же вечеръ была получена еще депеша, извѣщавшая, что съ тѣмъ же поѣздомъ, съ какимъ я ожидалъ жену, возвращается изъ-за границы и принцъ Ольденбургскій. Поэтому я рѣшилъ выѣхать навстрѣчу этому поѣзду въ Гатчино. Вмѣстѣ со мной поѣхали навстрѣчу принцу, пользовавшемуся заслуженно общею любовью и уваженіемъ, еще нѣсколько приближенныхъ принцу людей.

Въ Гатчинѣ пришлось немного подождать, и скоро показался ожидаемый поѣздъ. Встрѣчавшіе подошли къ салонъ-вагону, изъ котораго показался маститый принцъ.

„Здравствуйте, господа. Очень радъ васъ видѣть. А вамъ,— обратился онъ ко мнѣ,— я привезъ жену вашу. Идите скорѣе къ

ней. Мы успѣемъ еще и завтра повидаться", любезно, какъ всегда, съ присущей ему добрѣйшей улыбкой, разрѣшилъ онъ.

„Благодарю васъ, Ваше Императорское Высочество", отвѣчалъ я, и пошелъ къ вагону I класса, изъ окна котораго Соня уже махала мнѣ платкомъ.

Встрѣча была самая нѣжная, и, странное дѣло, мнѣ показалось, что Сонечка была искренна. Разсказывала массу подробностей о своемъ путешествіи, о пользѣ морскихъ купаній въ Остенде, о впечатлѣніи, произведенномъ на нее Парижемъ, Венеціей, Вѣной. Одно не вполнѣ естественно: она тщательно хотя и неумѣло избѣгала произносить фамилію Артемовскаго и какъ-то обошла и встрѣчу и путешествіе съ нимъ; тоже ничего не сказала объ эпизодѣ съ Марьей Петровной.

Когда она стала разсказывать кельнскій случай, я невольно перебилъ ее.

„Ты писала мнѣ объ этомъ. Гдѣ же ты его оставила?" спросилъ я.

„Онъ остался въ Вѣнѣ. Ему надо еще купить кое-что для хозяйства", просто отвѣчала она.

„Вотъ какъ! Онъ повидимому очень усердно радѣетъ о нашемъ имѣніи. Ты вѣдь нѣсколько разъ встрѣчалась съ нимъ за границей"?

„Да и спасибо ему. Онъ выручилъ меня въ Кельнѣ изъ большой бѣды".

„Ну, спасибо, такъ спасибо. Однако вотъ и Петербургъ. Будемъ собираться. Вѣроятно, дѣти выѣхали къ тебѣ навстрѣчу. Впрочемъ ты подъ такимъ обаяніемъ заграничнаго вояжа, что и не спросишь о нихъ", не могъ удержаться я отъ упрека.

Она поняла шпильку и не нашла, что отвѣтить. Поѣздъ подходилъ къ вокзалу и черезъ нѣсколько секундъ уже вошелъ подъ его темные своды.

Пока дѣти цѣловались съ Соней, я успѣлъ откланяться принцу и, усѣвшись съ семьей въ карету, покатилъ домой.

IX.

День или, вѣрнѣе, остатокъ дня прошелъ незамѣтно, и послѣ чаю и легкаго ужина мы разошлись спать каждый къ себѣ. Хотя это и произвело на Софію Андреевну извѣстное впечатлѣніе, но она приписала это деликатности мужа, не хотѣвшаго безпокоить ее усталую отъ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ вагонѣ.

Послѣдующіе за этимъ дни она видимо недоумѣвала, но не рѣшалась спросить. Я же, съ своей стороны, не считалъ нужнымъ начинать щекотливый разговоръ. Наконецъ, не въ силахъ уже долѣе выдерживать мою холодность:

„Костя,—прерывающимся голосомъ и страшно волнуясь, спросила она,—почему ты видимо избѣгаешь меня? Мнѣ больно, мнѣ невыносимо тяжело думать, что ты меня разлюбилъ и забылъ за это время“.

„Ты знаешь меня, Соня; я никогда съ тобой не хитрилъ и не прибѣгалъ къ обману. Не знаю, люблю ли я тебя по-прежнему, но суди сама. Ты отсутствовала болѣе трехъ мѣсяцевъ. Правда, ты часто писала мнѣ, но, къ огорченію моему, я убѣдился, что ты въ письмахъ не одну правду писала. Многое ты скрывала, многое не договаривала. Мы, конечно, не будемъ перебирать теперь все это. Пришла минута, когда мнѣ необходимо удостовѣриться въ томъ, на что мнѣ только намекали. Однимъ словомъ, мнѣ надо увѣриться, что ты не беременна: тогда я навсегда твой должникъ. Если же это подозрѣніе станетъ дѣйствительностью, то извини меня, но мужемъ своимъ меня больше не считай. Я согласенъ даже на расторженіе брака, тѣмъ болѣе, что законный поводъ есть: я женатъ на родныхъ сестрахъ. Прошу тебя, скажи мнѣ прямо, откровенно. Обойдемся безъ мѣщанскаго скандала“.

Соня выслушала это, поникнувъ головой. Нѣсколько минутъ длилось томительное, еще болѣе укрѣпившее мои подозрѣнія, молчаніе. Ни слова не вымолвила она въ отвѣтъ на скорбную мою рѣчь и вышла изъ комнаты.

Нѣсколько дней прошло безъ перемѣнъ. Я не измѣнилъ своего обращенія съ женой; былъ вѣжливъ, любезенъ, внимателенъ, иногда даже нѣженъ, но не болѣе. Софія Андреевна, повидимому, свыклась съ такимъ положеніемъ и не начинала болѣе никакихъ объясненій. Въ это время пріѣхалъ Артемовскій. Изъ отчета его поѣздки можно было заключить, что денегъ онъ истратилъ много, даже слишкомъ много, но ничего существеннаго для деревни не сдѣлалъ. Правда, онъ ссылался на нездоровье, понудившее его временно оставить занятіе дѣлами, но ужъ слишкомъ прозрачно намекалъ, что сообщество Софіи Андреевны вовлекло его въ непосильные расходы. Вслѣдствіе такихъ намековъ, я считалъ неудобнымъ требовать отъ него точнаго разсчета.

„Я вынужденъ отказаться отъ услугъ вашихъ,—сказалъ я Артемовскому. Мнѣ не по средствамъ столь цѣнный управляющій“.

„Я и самъ хотѣлъ просить васъ, Константинъ Петровичъ, — отвѣчалъ Артемовскій,—освободить меня отъ занятій по вашимъ дѣ-

ламъ. Займусь службой въ Сенатѣ и другимъ трудомъ, или займусь адвокатской практикой, тѣмъ болѣе, что наклевывается выгодный, бракоразводный процессъ".

„Радуюсь за васъ и желаю вамъ успѣха. До свиданія".

Онъ вышелъ. На бѣду, я совершенно забылъ отобрать у него выданную Артемовскому полную довѣренность. Впослѣдствіи пришлось сильно раскаяться въ этой оплошности.

Вскорѣ послѣ отставки Артемовскаго, какъ-то утромъ выйдя къ завтраку, я не нашелъ жены на обычномъ ея мѣстѣ.

„Никифоръ,—обратился я къ лакею,—попроси барыню; доложи, что кушать подано".

„Барыни дома нѣтъ",—отвѣчалъ тотъ.

„Какъ нѣтъ? Давно уѣхала?".

„Да, онѣ какъ вчера вечеромъ изволили уѣхать, такъ и не были. Не ночевали. И горничная съ ними".

„А, да, да. Я и забылъ",—съ большимъ самообладаніемъ, не желая выдать себя и показать лакею, что отсутствіе жены для меня неожиданность, проговорилъ я.

Только-что кончилъ завтракать, какъ человѣкъ подалъ мнѣ письмо.

„Константинъ Петровичъ,—читалъ я. Такая жизнь стала мнѣ невыносимой. Правды не скроешь. Я беременна; вамъ, я думаю, все равно отъ кого. Вы предупредили меня не считать васъ больше моимъ мужемъ; я такъ и поступаю: больше къ вамъ не вернусь. Марья Петровна укажетъ вамъ необходимыя мнѣ вещи, а затѣмъ мы можемъ условиться въ разводѣ. Пока же прошу васъ дать мнѣ необходимый паспортъ и денегъ. Адресъ мой сообщу вамъ, когда это будетъ возможно и нужно".

София Каблукова.

Коротко и ясно.

Вотъ мой отвѣтъ:

„Софья Андреевна! Нужныя вещи и деньги посылаю. Въ постигшей васъ бѣдѣ былъ увѣренъ. Паспортъ на-дняхъ пришлю. Дѣло о разводѣ поручите адвокату, который пусть будетъ у меня для переговоровъ. Какъ нѣжной матери сообщаю, что дѣти здоровы".

К. Каблуковъ.

X.

Не представляло никакихъ затрудненій достать паспортъ, и черезъ нѣсколько дней желаніе Софіи Андреевны было бы исполнено. Безтактность ея испортила все дѣло.

Не было границъ моему изумленію и огорченію, когда въ качествѣ повѣреннаго жены моей предо мною предсталъ Артемовскій.

„Что вамъ угодно, милостивый государь,—спросилъ я. У насъ всякіе счеты съ вами покончены, а продолжать знакомство съ вами мнѣ не интересно".

„Я и не имѣю въ виду разсчитываться съ вами за себя,—отвѣчалъ Артемовскій,—хотя грубый вашъ тонъ и даетъ мнѣ право. Я повѣренный супруги вашей, Софіи Андреевны Каблуковой, и пріѣхалъ требовать отъ васъ паспортъ и условиться относительно развода и издержекъ по этому дѣлу".

„Жена моя можетъ у меня просить, а не требовать видъ на жительство; а такъ какъ она, по вашимъ словамъ, требуетъ, а не проситъ, то я вида не дамъ. Расходовъ по разводу никакихъ знать не хочу, такъ какъ начинаю дѣло не я. У нея свое состояніе, пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ".

„Но вѣдь тутъ возникаетъ щекотливый вопросъ о винѣ, то есть о виновной сторонѣ—замямлилъ Артемовскій".

„Это до меня не касается. Я ни въ чемъ не виноватъ и не хочу брать на себя несуществующей вины".

„Тогда придется вести дѣло о расторженіи брака, потому что вы женаты на родныхъ сестрахъ. Въ такомъ случаѣ вы понесете уголовное наказаніе и эпитимію".

„Прошу васъ обо мнѣ не заботиться. Хорошъ адвокатъ противной стороны!",—вскричалъ я взбѣшенный нахальствомъ Артемовскаго. Я хорошо понималъ, что Артемовскій безпокоился не обо мнѣ, такъ какъ почти такое же наказаніе понесла бы и Софья Андреевна. „Оставьте меня въ покоѣ и дѣлайте, что хотите. Я запрещаю вамъ являться ко мнѣ; въ противномъ случаѣ я прикажу лакею показать вамъ дорогу въ дверь. Никифоръ,—позвалъ онъ человѣка,—проводи этого господина.

„Вы вынуждаете меня принять мѣры, которыхъ я хотѣлъ бы избѣжать. Вамъ будетъ непріятно, когда васъ понудятъ дать супругѣ видъ",—уходя, произнесъ Артемовскій.

„Уходите вонъ отсюда! Чтобы ноги вашей здѣсь не было! Угрозъ вашихъ я не боюсь!"

Легко себѣ представить мое душевное состояніе послѣ такого

пріятнаго визита. Мысли одна другой горше, одна другой тяжелѣе шли въ возбужденномъ моемъ мозгу. Я не вполнѣ ясно сознавалъ, не хотѣлъ вѣрить дѣйствительности. Такъ вотъ на кого промѣняла меня любимая мною Соня: на проходимца, искателя состоянія, чуть не chevalier d'industrie! Вотъ кого она посылаетъ для переговоровъ со мною! Своего любовника! Какое оскорбленіе, какой цинизмъ! Могла бы сама. И это моя Сонечка, которой я такъ слѣпо вѣрилъ! И въ какія жалкія руки ввѣряетъ она свою судьбу! Вернись она сама, не только не проси прощенія, но даже не намекни на прошлое, на эту печальную заграничную поѣздку, а просто протяни она мнѣ руку, я взялъ бы эту милую ручку въ обѣ свои руки, расцѣловалъ бы и все было бы кончено. Я еще любилъ ее. Я былъ готовъ на всякую жертву, чтобы вернуть ее къ прежней жизни.

Но появленіе Артемовскаго въ роли заступника за нее, въ роли ея защитника отъ моего деспотизма, тонъ и манера этого импровизированнаго адвоката такъ оскорбили и огорчили меня, что я рѣшился не уступать и воспользоваться всѣми своими правами. Усѣвшись за письменный столъ, я написалъ женѣ своей письмо, которымъ увѣдомлялъ ее, что вида на жительство ей не дамъ, а если она въ теченіе недѣли не вернется домой, то буду требовать ее по закону, чрезъ полицію, для водворенія, для совмѣстнаго проживанія съ мужемъ и дѣтьми. Я старался изложить письмо возможно суше и оффиціальнѣе, хотя въ душѣ былъ далекъ еще отъ приведенія угрозъ въ исполненіе. Отправивъ это письмо, я успокоился, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось, что на душѣ какъ будто легче. Послѣ службы обѣдалъ съ дѣтьми и Марьей Петровной, все еще не смѣвшей поднять на меня глазъ, а вечеромъ повезъ семью въ циркъ.

XI.

Нѣсколько дней спустя, вернувшись домой къ обѣду, я былъ непріятно удивленъ, найдя повѣстку, гласившую:

„Состоящій при с.-петербургскомъ генералъ-губернаторѣ генералъ-маіоръ Ракѣевъ, по приказанію Его Свѣтлости, проситъ ротмистра К. П. Каблукова пожаловать въ канцелярію его, помѣщающуюся по Николаевской ул., № 4, въ 11 ч. утра для необходимыхъ объясненій“.

Я положительно недоумѣвалъ, въ чемъ дѣло и какихъ объясненій черезъ генерала Ракѣева, обязанности коего были всѣмъ хорошо извѣстны, могъ требовать свѣтлѣйшій князь Суворовъ, коротко знавшій не только лично меня, но и всю семью.

Служебныхъ отношеній не было никакихъ, тѣмъ болѣе, что я былъ личнымъ адъютантомъ Принца Ольденбургскаго и не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ міромъ, въ которомъ разбирался генералъ Ракѣевъ.

Частныхъ,—но какое можетъ быть дѣло свѣтлѣйшему до моихъ частныхъ дѣлъ?. Долговъ у меня нѣтъ. Контрактовъ и договоровъ, вызывающихъ жалобы, не было. Развѣ вотъ Артемовскій? Но кто же можетъ заставить держать насильно управляющаго, по чему-нибудь отставленнаго.

Политическаго—и быть за мною не могло. Странно, что порученіе было возложено на генерала Ракѣева, не пользовавшагося особенно завидной репутаціей и извѣстнаго скорѣй со стороны хорошаго сыщика, хотя часто прибѣгавшаго къ пріемамъ не вполнѣ корректнымъ: угрозамъ или матеріальнымъ подкупамъ для достиженія той или иной цѣли.

„Нѣтъ, это должно быть какая-нибудь ошибка или недоразумѣніе, думалось мнѣ. Но, такъ или иначе—ѣхать все-таки надо“.

На другой день, въ назначенное время я уже подъѣзжалъ къ дому на Николаевской. Въ девять оконъ, деревянный, одноэтажный домъ особнякъ наружностью своею ничѣмъ не обличалъ жительства въ немъ какого-нибудь важнаго лица или помѣщенія присутственнаго мѣста. Однако оказалось, что я не ошибся, такъ какъ встрѣтившійся дворникъ указалъ мнѣ ходъ къ генералу.

„Да вѣдь, мнѣ, братецъ, въ канцелярію, а не на квартиру“,—объяснилъ я.

„Все тамъ: и канцелярія, и сами живутъ“, было отвѣтомъ, послѣ чего я смѣло вступилъ въ стеклянныя сѣни, а изъ сѣней въ полутемную прихожую. На вопросъ вѣстового я отвѣчалъ, что вызванъ повѣсткою къ генералу.

„Пожалуйте сюда, въ канцелярію,—указалъ вѣстовой на комнату, направо изъ передней. Они сами тутъ“.

Войдя въ канцелярію, какъ ее назвалъ вѣстовой, я увидѣлъ два лица: писаря въ военной формѣ, что-то писавшаго за столомъ, и въ глубинѣ комнаты какую-то личность, въ военной тужуркѣ безъ погонъ, съ зеленымъ глазнымъ зонтикомъ на лбу.

Принявъ его за письмоводителя генерала:

„Могу ли я видѣть генерала Ракѣева, — спросилъ я эту личность“.

„Я генералъ Ракѣевъ,—отвѣчалъ тотъ. Что вамъ угодно?“

„Ротмистръ Каблуковъ. Я вызванъ къ вамъ вашей повѣсткой. Прошу, ваше превосходительство, сообщить мнѣ, что вамъ отъ меня угодно?“

„А, да, да. Дѣйствительно есть къ вамъ дѣло. Пожалуйте въ кабинетъ, тамъ удобнѣе будетъ объясняться. Вѣстовой! Проводи ихъ въ кабинетъ“!

Опять полутемная передняя, большая зала, убранная хотя и богато, но безъ вкуса. Тутъ была и золоченая, легкая мебель, и трельяжъ, дѣлившій залу на двѣ части, и консоли съ наставленными на нихъ статуэтками, и бюсты—изваянія не особенно важныхъ мастеровъ, красовавшіеся на кронштейнахъ по стѣнамъ. Были и картины: Юдиѳь съ головою Олоферна; неизбѣжная Сусанна съ любопытствующими старцами. Вѣстовой, подойдя къ запертой дубовой, черной двери, стукнулъ въ нее пальцемъ. Отвѣта не было.

„Немного извольте обождать, Ваше Высокоблагородіе, они сейчасъ отворятъ“, сказалъ онъ.

Дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ щелкнулъ замокъ. Дверь отворилась, при чемъ отворившій скрылся за отворенной половинкой. На приглашеніе войти, я переступилъ порогъ кабинета. Дверь опять закрылась и была замкнута на ключъ. Глазамъ моимъ представился небольшого роста жандармскій генералъ, въ разстегнутомъ сертукѣ, изъ-подъ котораго виднѣлась пунцовая фуфайка; свѣтовой зонтикъ на глазахъ; черные, какъ смоль, съ просѣдью волосы на головѣ, такіе же короткіе подстриженные усы и круглый, выбритый подбородокъ.

„Прошу садиться“, обратился ко мнѣ, не подавая руки и указывая на сафьянное кресло, стоявшее у чернаго письменнаго бюро, генералъ, занимая другое, спиной къ свѣту. „Дѣло вотъ въ чемъ. Свѣтлѣйшій поручилъ мнѣ вытребовать отъ васъ отдѣльный видъ для проживанія супруги вашей“.

„Ваше Превосходительство говорите, что свѣтлѣйшій поручилъ вамъ вытребовать отъ меня паспортъ?“

„Такъ, именно такъ“.

„Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только посмотрѣть, какъ это вамъ удастся исполнить приказаніе князя“.

„Да я увѣренъ, что вы не будете возражать и подпишете паспортъ супругѣ. Вѣдь вы съ ней не живете!?“

„Это мое дѣло, генералъ. Смѣю васъ увѣрить, что я никогда не соглашусь подписать ей паспортъ, разъ она прибѣгаетъ къ такимъ мѣрамъ и безпокоитъ князя жалобой на меня“.

„Она не жаловалась на васъ князю. Ея повѣренный, нѣкто Артемовскій обратился ко мнѣ по этому дѣлу. Я доложилъ князю. Вотъ и все“.

„Дѣйствительно, это очень не сложно. Такъ вотъ оно что. Зна-

читъ, вы отъ себя настаиваете на томъ, чтобы я выдалъ ей видъ?"

„Да, конечно, и отъ себя. Тѣмъ болѣе, что г. Артемовскій говорилъ"...

„Виноватъ, Ваше Пр-во", перебилъ я. „Мнѣ совершенно не интересно знать, что говорятъ Артемовскій и имъ подобные люди. Да и вы совершенно не знаете моихъ семейныхъ обстоятельствъ, если рѣшаетесь вмѣшиваться въ нихъ".

„Я все знаю; прекрасно знаю. Ужъ если люди не скупятся на издержки, то значитъ имъ плохо. Я совѣтую вамъ подписать ей видъ".

„Я не нуждаюсь ни въ какихъ совѣтахъ. Вѣдь не для совѣтовъ вы безпокоили и вызвали меня сюда", негодовалъ я.

Генералъ вскипѣлъ. Вскочивъ съ кресла, на которомъ сидѣлъ, онъ поднялъ къ волосамъ глазной зонтикъ, при чемъ я увидѣлъ пару черныхъ, не останавливавшихся на одномъ предметѣ и не выдерживавшихъ взгляда собесѣдника, быстрыхъ глазъ, съ почти сросшимися надъ ними бровями, онъ кричалъ: „Такъ вы не подпишете, такъ вы не подпишете? Худо вамъ будетъ! Будете сожалѣть. Я имѣю власть и могу васъ въ бараній рогъ согнуть!"

Мнѣ стало смѣшно. Расходившійся генералъ наскакивалъ на меня, извергая тучу брызгъ слюны. Я только-что хотѣлъ отвѣчать, какъ дверь изъ внутреннихъ комнатъ отворилась, и въ кабинетъ вошла средняго роста, молодая женщина, очень красивая брюнетка. Она подошла, вѣжливо отвѣтивъ на поклонъ Каблукова къ генералу, и что-то шепнула ему.

„Сейчасъ, Вѣра, сейчасъ", отвѣтилъ ей генералъ и затѣмъ, обращаясь къ Каблукову, продолжалъ: „Свѣтлѣйшій просилъ васъ пожаловать завтра часу въ 12 утра къ нему, если вы не хотите дать вашей женѣ паспортъ".

„Имѣю честь кланяться".

„Вѣстовой, проводи ихъ", приказалъ генералъ.

Опять зала, статуэтки, Юдиѳь, Сусанна, темная передняя, свѣтлыя сѣни.

Усѣвшись въ сани, я приказалъ ѣхать во дворецъ Принца Ольденбургскаго, которому хотѣлъ сейчасъ же разсказать эту исторію, чтобы Принцъ услышалъ ее прежде всѣхъ отъ меня самого.

Очень было непріятно, что въ интимную мою жизнь вмѣшалась административно-полицейская власть, да еще въ лицѣ такъ мало симпатичнаго генерала Ракѣева.

XII.

Тѣмъ больнѣе было мнѣ все это, что генералъ-губернаторъ былъ знакомъ съ нами домами. Мы съ женой бывали у него и запросто, и на званыхъ вечерахъ. Мнѣ было какъ-то стыдно, что теперь волей-неволей придется посвятить князя въ наше семейное горе, а черезъ генерала Ракѣева дѣло можетъ быть представлено ему въ неправильномъ освѣщеніи и можетъ заставить князя имѣть дурное мнѣніе. Поэтому я рѣшилъ быть у князя сегодня же, не ожидая назначеннаго времени. Такъ поступить казалось лучше, чтобы предупредить всякую неточность или инсинуацію со стороны генерала Ракѣева. Къ сожалѣнію, это не удалось.

Принцъ, которому я сообщилъ свою скорбь, очень долго задержалъ меня. Какъ могъ и умѣлъ, успокоивалъ онъ своего адъютанта.

„Я знаю васъ хорошо; и жену вашу хорошо знаю. Вы оба хорошіе люди и у васъ есть дѣти. Объ этомъ надо подумать. Если даже она и увлеклась, то повѣрьте мнѣ, уже раскаялась; а не говоритъ отъ глупой женской гордости. Зачѣмъ вы сказали ей, что вы больше ей не мужъ. Не надо было совсѣмъ. Вотъ пусть пріѣдетъ ко мнѣ, я ее отечески пожурю и все пройдетъ. Къ чему тутъ жандармы, не правда ли?“ сердечно отнесся принцъ къ адъютанту.

„Не знаю, какъ благодарить васъ, Ваше Высочество. Но навряд ли жена осмѣлится пріѣхать къ вамъ. Она подъ вліяніемъ Артемовскаго“.

„Ну, что жъ! Это ничего. Его можно убрать. Я скажу Суворову“.

„Будетъ большая огласка. Всѣ узнаютъ“,—отвѣчалъ я.

„Такъ располагайте мной, если я могу помочь. Ахъ, какъ жаль, какъ больно все это. Поѣзжайте теперь къ дѣтямъ, не оставляйте ихъ. Есть при нихъ хорошій человѣкъ?“

„Есть, Ваше Высочество, очень преданная нашей семьѣ особа“.

„Вотъ это прекрасно. Не надо, чтобы они знали. До свиданія. Не стѣсняйтесь службой и, если надо, приходите ко мнѣ“. Отпустилъ онъ меня.

Было уже поздно ѣхать къ князю Суворову. Пришлось ѣхать на другой день.

Въ пріемной первое лицо, которое я увидѣлъ, былъ генералъ Ракѣевъ. Но тутъ онъ былъ неузнаваемъ. Съ любезной улыбкой пошелъ онъ мнѣ навстрѣчу, пожалъ руку, такъ что оставалось только ожидать вопроса о здоровьи.

„Я доложилъ князю ваше дѣло. Свѣтлѣйшій желаетъ перегово-

рить лично съ вами. Будьте такъ любезны, подождите, князь скоро выйдетъ,—сказалъ онъ.

„Я подожду. Но повторяю вамъ, что у меня нѣтъ никакого дѣла, если только князю извѣстна правда",—отвѣчалъ я.

„Такъ и скажите князю; увидимъ, какое будетъ его рѣшеніе". Съ этими словами генералъ ушелъ въ другую комнату.

Не прошло и четверти часа, какъ въ пріемную вышелъ князь въ сопровожденіи генерала Ракѣева и дежурнаго чиновника. Ожидавшихъ его было человѣкъ десять; такъ какъ я пріѣхалъ послѣднимъ, то я и сталъ послѣднимъ въ ряду представлявшихся.

Увидѣвъ меня, князь подошелъ ко мнѣ и, ласково подавая мнѣ руку, сказалъ:

Bonjour, cher ami. Très content de vous voir. Mais pourquoi restez vous ici? Passez donc dans mon cabinet. Je serai tout à l'heure à vos ordres". (Здравствуйте, дорогой другъ. Очень радъ васъ видѣть. Но зачѣмъ же вы здѣсь? Идите ко мнѣ въ кабинетъ. Я сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ").

Около получаса пришлось подождать князя, наконецъ онъ появился и слѣдомъ за нимъ генералъ Ракѣевъ. Еще разъ подавъ мнѣ руку:

„Вы позволите, — сказалъ онъ, — генералу присутствовать при нашемъ разговорѣ. Я ручаюсь вамъ словомъ моимъ за полное сохраненіе тайны, тѣмъ болѣе, что ему по моему порученію пришлось уже наводить справки по этому дѣлу".

„Если вашей свѣтлости угодно, я ничего не могу имѣть противъ этого".

„Ну, и прекрасно. Тамъ вотъ генералъ передалъ мнѣ, что вы не хотите исполнить желаніе вашей супруги. Я не буду спрашивать, почему именно? Это ваше дѣло. Могу только ходатайствовать за нее".

„Ваша свѣтлость, мнѣ кажется, что женѣ моей слѣдовало бы обратиться прямо ко мнѣ, а не посылать разныхъ адвокатовъ къ генералу", отвѣчалъ я.

„Какъ адвокатовъ? Развѣ она посылала?" удивился князь.

„Такъ по крайней мѣрѣ сообщилъ мнѣ самъ генералъ".

„Дѣйствительно, ваша свѣтлость, пріѣзжалъ ко мнѣ ея повѣренный г. Артемовскій и подалъ прошеніе, которое я доложилъ вамъ", сказалъ генералъ.

„Да, конечно, это не совсѣмъ прилично, поморщился свѣтлѣйшій. Но что же въ этомъ прошеніи? Какіе доводы? Какія причины заставляютъ ее просить отдѣльнаго вида на жительство?" обратился онъ къ генералу.

„Супруга ихъ жалуется на ихъ дурное обращеніе... Князь не далъ ему кончить.

„Voila ce qui est curieux“! разсмѣялся онъ. (Вотъ это любопытно). Вы въ роли тиранна и деспота. Вы, котораго я всегда считалъ образцовымъ мужемъ, вы, котораго такъ любитъ и уважаетъ принцъ Петръ Георгіевичъ! Но это невозможно! Это прямо продиктовано. Это, passez moi le mot, подлогъ! Ну, а больше ничего нѣтъ“?

„Какъ же, есть, ваша свѣтлость. Ихъ супруга жалуется, что они страдаютъ болѣзнью, препятствующей брачной жизни и заразительною“, не устыдился заявить генералъ.

„Прошу васъ, князь, приказать освидѣтельствовать меня сейчасъ же. Вы убѣдитесь, что это гнусная клевета“.

„Я полагаю, вмѣшался генералъ, что въ такой рѣзкой мѣрѣ нѣтъ надобности. Ротмистръ! вѣдь, насильно милъ не будешь. Отчего бы вамъ не уступить супругѣ?“ просилъ онъ.

Тутъ уже я не выдержалъ. Наглый, насмѣшливый тонъ генерала сильно оскорбилъ меня.

„Ваша свѣтлость! едва владѣя собой, воскликнулъ я. Не знаю, что за причина побуждаетъ генерала такъ усердно хлопотать за жену мою и просить уступить ей. Я согласенъ, но на одномъ условіи. Вчера я видѣлъ его жену; она мнѣ понравилась; пусть онъ ее мнѣ уступитъ“.

Генералъ позеленѣлъ отъ злости.

„Calmez vous, mon cher. Je comprend que l'affaire est très desagréable. Mais ne faites pas attention à toutes ces vilenies. Je ne m'en mêle plus. Mille pardons de vous avoir dérangé. (Успокойтесь, дорогой. Понимаю, что дѣло очень непріятно. Не обращайте вниманія на всѣ эти гадости. Я больше не вмѣшиваюсь. Тысяча разъ извиняюсь, что побезпокоилъ васъ). Прикажите написать супругѣ ихъ, обратился онъ къ Ракѣеву что я въ это дѣло не вхожу“. Генералъ вышелъ.

„Venez me voir ce soir; je tacherai de vous consoler“, простился со мною князь. (Пріѣзжайте ко мнѣ вечеркомъ. Постараюсь утѣшить васъ).

XIII.

Вѣроятно отказъ свѣтлѣйшаго произвелъ сильное впечатлѣніе на Софію Андреевну и ея повѣреннаго, потому что болѣе уже не было покушеній меня испугать воздѣйствіемъ администраціи. Она

все-таки рѣшилась лично просить принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго уговорить меня выдать ей отдѣльный паспортъ, и только просьба принца, котораго я глубоко уважалъ и искренно любилъ, побудила меня выдать женѣ видъ.

Время шло, и приближался день, въ который Софья Андреевна должна была дать отвѣтъ за свое заграничное увлеченіе. За нѣсколько времени до событія я получилъ отъ нея письмо.

Въ горячихъ выраженіяхъ, обращаясь къ моему благородству, она просила согласія на крещеніе имѣющагося родиться ребенка, какъ ребенка ротмистра Каблукова и законной его жены.

Глубоко задумался я надъ этимъ письмомъ.

Несправедливо, думалъ я, было бы лишить своихъ законныхъ дѣтей части состоянія и давать имъ брата или сестру, ничего общаго съ ними не имѣющаго. Кромѣ того, это будущее дѣтище Артемовскаго было мнѣ противно и ненавистно. Жаль было Софью Андреевну, но, повинуясь долгу совѣсти, я рѣшилъ отказать ей въ ея просьбѣ. Къ счастью ея, она разрѣшилась мертвымъ младенцемъ.

Прошло болѣе года. Возбужденное, по доносу Артемовскаго, дѣло о расторженіи брака близилось къ концу, и въ одинъ прекрасный день бракъ ротмистра Каблукова, какъ противный уставу церковному, былъ расторгнутъ, и виновныя стороны понесли кару: подверглись эпитимьи.

Впослѣдствіи намъ разрѣшено было вступать въ бракъ, чѣмъ воспользовалась Софія Андреевна и вышла замужъ за Артемовскаго.

XIV.

Послѣдняя встрѣча моя съ моей ех-женой была настолько оригинальна, что надо разсказать и ее. Какъ-то утромъ получаю я записку, писанную женской рукой: приглашеніе въ маскарадъ въ Большомъ театрѣ, гдѣ будетъ ожидать меня маска съ пунцовымъ розаномъ въ головѣ и на правомъ плечѣ. Не разъ попадавшійся на такія записочки, я и не обратилъ бы вниманія и на эту, но въ тотъ же день я встрѣтилъ одну даму, обѣщавшую мнѣ пріѣхать въ этотъ маскарадъ.

Въ первомъ часу ночи я входилъ въ ярко освѣщенную залу. Сотни масокъ, домино и капуциновъ прогуливались попарно и въ одиночку. Буфетъ и цвѣточные кіоски работали на славу.

Тщетно проискавъ интересовавшую меня особу больше получаса,

*

я остановился посмотрѣть на танцующихъ, какъ ко мнѣ подошла дама, одѣтая такъ, какъ обѣщала мнѣ утренняя записка.

„Благодарю тебя, Костя, начала маска, взявъ меня подъ руку, за то, что ты исполнилъ мою просьбу",

„Сонечка, ты ли это? — воскликнулъ я, неподдѣльно изумленный. Но какъ же ты страшно похудѣла! Что съ тобой? Здорова ли ты?"

„Да, Костя, это я. Мнѣ очень худо живется. Очень плохо и тяжело. Всего тутъ не разскажешь: я хотѣла бы поговорить съ тобой наединѣ".

„Зачѣмъ же дѣло стало? Поѣдемъ ужинать и поговоримъ".

Отдѣльный кабинетъ лучшаго ресторана открылъ намъ свои гостепріимныя двери.

„Я такъ несчастлива, Костя. Такъ глубоко чувствую свою вину передъ тобой и дѣтьми,—сквозь слезы проговорила она. Что дѣти? Гдѣ они?"

„Дѣти здоровы; съ Марьей Петровной и англичанкой въ деревнѣ. Вспоминаютъ тебя. Думаю отдать Петю въ правовѣдѣніе, а Клавдю въ институтъ. Но почему же ты говоришь, что такъ несчастлива?"

„Я очень ошиблась въ мужѣ: онъ оказался сухимъ, черствымъ эгоистомъ. Все подозрѣваетъ меня въ невѣрности. Сцены, въ которыхъ онъ позволяетъ себѣ поднимать на меня руку, доводятъ меня до отчаянія. Больше нѣтъ терпѣнія".

„Такъ брось его, разойдись съ нимъ".

„Это не такъ-то легко сдѣлать. Я ему слѣпо вѣрила и подписывала бумаги, будто по разводу, не читая. Теперь оказывается, что онъ перевелъ все состояніе на свое имя, а у меня почти ничего нѣтъ".

„Этому можно помочь. Можно обратиться къ Высочайшей милости и просить возвратить обманомъ взятую собственность".

„Ахъ, Костя, если бъ ты зналъ, что это за человѣкъ. Какими онъ нечистыми дѣлами занимается и еще цинично хвастается ими. Сердца въ немъ не найдешь".

„Жаль мнѣ тебя, Соня. Очень жаль. Я ничѣмъ не могу помочь, кромѣ дружескаго участія и совѣта. Но если бъ я тебѣ понадобился — располагай мною, какъ хочешь. Я все готовъ сдѣлать, что въ моей власти".

„Спасибо тебѣ, дорогой. Не забуду тебя въ тяжелую минуту. Хотѣлось бы видѣть дѣтей! Но однако поздно. Проводи меня домой".

„Съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что у меня карета".

Ей однако не пришлось прибѣгать къ моей помощи. Вскорѣ мужъ ея получилъ большую непріятность, за которую поплатился

жизнью. Его сильно поколотили наслѣдники одного богатаго коммерсанта, такъ что онъ отдалъ Богу свою грѣшную душу. Состояніе его, такъ неправедно отнятое имъ у Софьи Андреевны, перешло къ его брату, а ей досталась лишь законная часть.

Печальная судьба Софіи Андреевны, сосланной въ Сибирь по громкому дѣлу съ Пастуховымъ, всѣмъ извѣстна.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ прошелъ слухъ, что въ ссылкѣ она вышла замужъ. Насколько это вѣрно—неизвѣстно.

Георгій Миллеръ.

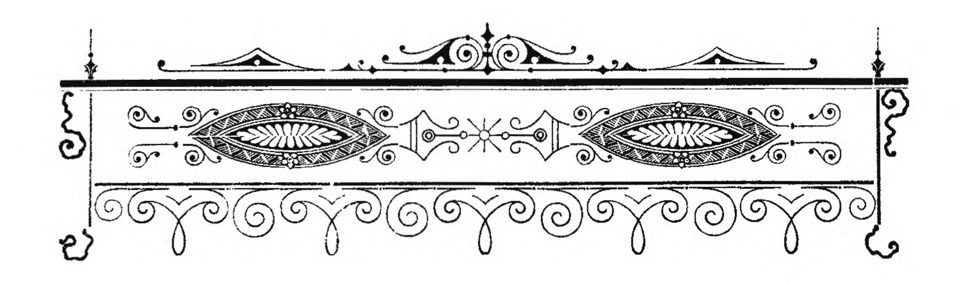

Къ исторіи монастырей (1671 г.).

Государю преосвященному Симону, архіепископу Вологодцкому и Бѣлоозерскому бьетъ челомъ Івашко Салтановъ Арсеньевы пустыни на бывшаго ігумена Іона (*sic*). Въ нынѣшнемъ, государь, во 179-мъ (т. е. 1671) году апрѣля въ 16 день зговорился онъ Іона Лопотова монастыря з бывшимъ ігуменомъ Іоною, не бивъ челомъ тебѣ, государю архіерею, поклепалъ напрасно, подалъ явки въ Николаевскомъ приходѣ на Комьѣ тоежъ Арсеньевы пустыни на казначея старца Ѳеодосія, да на казеннаго дьячка на Титка Іванова, да на вкладчика Івашка Елисѣева, будто онъ, казначей старецъ Ѳеодосій, стакавшись со мною, Івашкомъ Салтановымъ съ товарищи, будто, государь, мы унесли у него Іоны изъ сѣней посохъ воровски и будто съ тѣмъ посохомъ пропало платье, двѣ мантіи большие, да шуба, да ряска новая, да шапка, да клобукъ и будто всего на шесть рублевъ на двѣ гривны, и всѣмъ тѣмъ онъ поклепалъ напрасно, хотя помѣщиковъ и мірскихъ людей ссорить съ нами. А тотъ, государь, посохъ взялъ казначій хотя ево нести къ тебѣ, государю архіерею, для благословенія Пахомія игумена, какъ онъ Пахомій званъ былъ въ Арсеньеву пустыню на игуменство. Да онъ же Іона писалъ въ явкахъ своихъ, будто, государь, въ нынѣшнемъ во 179-мъ году апрѣля въ 9 день онъ же казначій Ѳеодосій съ товарищи научилъ дьячка Титка ево Іону бить и будто дьячекъ хотѣлъ ево Іону бить и ножемъ рѣзать, и тѣмъ онъ казначея, старца Ѳеодосія, и меня Івашка клеплетъ напрасно же, а тотъ казначей Ѳеодосій да дьячекъ Титко почели считать житенново старца Арсенія, и онъ Іона того старца Арсенія на счетъ не далъ, прибѣжавъ въ столовую, того дьячка Титка билъ ослопомъ, а азъ Івашко съ тѣмъ казначеемъ не стакивался и посоха воровски и платья не унашивалъ, и тѣмъ онъ меня клеплетъ и безчеститъ напрасно, а въ прошлыхъ, государь, годахъ онъ же Іона также клепалъ меня напрасно и составлялъ челобитную, подозвавъ къ себѣ крестьянъ сродниковъ своихъ, и въ томъ своемъ составномъ поклепномъ челобитьѣ предо мною прощался и запись на себя далъ, что впредь ему Іонѣ воровски на меня челобитенъ не составливать и изгони никакіе не чинить. Милостивый государь, преосвященный Симонъ, архіепископъ Вологодцкій и Бѣлоозерскій, пожалуй меня раба твоего: вели, государь, мнѣ съ нимъ Іоною въ тѣхъ ево составныхъ и поклепныхъ явкахъ дать очную ставку и съ очной ставки милостивой свой указъ учинить. Государь великій архіерей, смилуйся, пожалуй.

Сообщ. И. Суворовъ.

Примѣчаніе. Приводимый здѣсь документъ относится къ исторіи Арсеніева монастыря (въ Грязовецкомъ уѣздѣ Вологодской губ.), основаннаго игуменомъ Троице-Сергіевской лавры. Описаніе монастыря было издано Н. Суворовымъ въ г. Вологдѣ въ началѣ 1870 года. Лопотовъ монастырь—въ Кадниковскомъ уѣздѣ Волог. губерніи. Въ концѣ 1904 года Арсеніевъ монастырь обращенъ въ женскій, вслѣдствіе почти полнаго отсутствія въ немъ монаховъ.

Забытая писательница и ея заслуги.

I.

Біографическія данныя о Л. Х. Симоновой. — Бытъ русскаго духовенства.

Людмила Христофоровна Симонова-Хохрякова очень мало оцѣнена въ русской литературѣ, и само общество недостаточно знакомо съ ней. Причиною тому было между прочимъ, то, что она по преимуществу печаталась въ еженедѣльникахъ („Еженедѣльное Обозрѣніе", „Восточное Обозрѣніе", „Живописное Обозрѣніе" и т. д.) и очень рѣдко въ ежемѣсячникахъ, откуда выдаются аттестаты на литературное имя.

Между тѣмъ, по своему дарованію и разносторонней дѣятельности, Людмила Христофоровна несомнѣнно заслуживаетъ извѣстности среди женщинъ-писательницъ гораздо болѣе, чѣмъ прославленныя изобразительницы буржуазныхъ сферъ.

Цѣль нашей работы о ней заключается въ возстановленіи имени забытой писательницы и въ указаніи ей подобающаго мѣста въ русской литературѣ.

Это необходимо сдѣлать, по пословицѣ „лучше поздно, чѣмъ никогда", между прочимъ и въ виду готовящагося къ выходу въ свѣтъ „Полнаго Собранія" ея сочиненій.

Кромѣ литературной справедливости къ ея заслугамъ, разборъ ея произведеній тѣсно связанъ съ цѣлымъ рядомъ животрепещущихъ вопросовъ, которые были въ свое время подняты ею и которые до сихъ поръ не утратили своего интереса.

Такимъ образомъ, опираясь на ея произведенія, въ связи съ личнымъ матеріаломъ о писательницѣ, я надѣюсь сообщить своей работѣ современный интересъ и по многимъ вопросамъ русской жизни.

Людмила Христофоровна происходила изъ старинной дворянской фамиліи Эстляндской губерніи—Ребиндеровъ, предки которыхъ въ числѣ первыхъ рыцарей поселились на берегахъ Финскаго залива. Одинъ изъ позднѣйшихъ потомковъ, Христофоръ Ребиндеръ, женился на помѣщицѣ Орловской губерніи Измайловой. Отъ этого брака родилась въ 1838 г. дочь Людмила, когда ея родители жили въ г. Вологдѣ.

Такимъ образомъ, она происходила отъ обрусѣвшаго нѣмца и такой же татарки по линіи отъ Измаилъ-Бека, перешедшаго съ своей ордой въ царствованіе Ивана Грознаго черезъ Уралъ и принявшаго подданство Россіи.

Воспитывалась Людмила Христофоровна на Александровской половинѣ Смольнаго института. Во время своего пребыванія въ его стѣнахъ, она осиротѣла и, по окончаніи курса въ 1857 г., была взята сестрой въ Пермскую губернію. Здѣсь она вскорѣ вышла замужъ за чиновника министерства государственныхъ имуществъ—Симонова, и второй разъ—за Хохрякова.

Бѣдная развлеченіями провинціальная жизнь вызвала въ молодой и любознательной женщинѣ желаніе сопровождать перваго мужа въ его ревизіонныхъ поѣздкахъ по волостямъ. Это дало ей возможность основательно присмотрѣться къ жизни тогдашняго крестьянскаго населенія и впослѣдствіи провести въ литературу нѣкоторые типы и картины хозяйственной и семейной жизни какъ мѣстнаго крестьянскаго населенія за Ураломъ, такъ и инородцевъ, примыкающихъ къ нимъ.

— Во время поѣздокъ съ мужемъ по деревнямъ, — разсказывала мнѣ Симонова, — я и не думала, что когда-нибудь примкну къ литературѣ, а записывала всѣ наблюденія собственно изъ любви къ искусству. Овдовѣвъ въ 1864 г., я пріѣхала въ Петербургъ и получила мѣсто на телеграфѣ. Въ это время судьба свела меня съ писателями и издателями журналовъ... Одна изъ моихъ институтскихъ подругъ была замужемъ за издателемъ „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, Александромъ Ивановичемъ Поповицкимъ. Когда я съ нимъ познакомилась, онъ возсталъ противъ того, чтобы я подъ спудомъ хранила массу интереснаго матеріала, и заставилъ меня писать въ его газетѣ, небольшой по размѣру, но значительной по тѣмъ либеральнымъ тенденціямъ, какія въ ней проводились въ пользу бѣлаго духовенства.

Людмила Христофоровна часто говорила о себѣ:

— Бытъ бѣлаго духовенства былъ мнѣ знакомъ еще съ Сибири. Въ редакціи Александра Ивановича я познакомилась со всѣми вопросами, которые проводились тогда въ жизнь. Но участіе мое въ газетѣ А. И. Поповицкаго выражалось въ небольшихъ публицистическихъ статьяхъ. Редакторъ отдалъ въ мое распоряженіе общественную жизнь, самъ же занимался церковной. Скоро я очень привязалась къ газетѣ. Дѣло пошло такъ: каждый новый вопросъ въ церковной жизни я оттѣняла беллетристическимъ разсказомъ или очеркомъ. Мною были напечатаны статьи и разсказы по вопросамъ: о реформѣ бѣлаго духовенства и уравненіи ихъ въ правахъ съ мірянами (святочный разсказъ „Рогъ изобилія“), о необезпеченности духовенства, о вдовствѣ, о каноническихъ постановленіяхъ и необходимости пересмотра ихъ на новомъ церковномъ соборѣ и т. д. Таковы мои работки: „Праздничный сонъ до обѣда“, „Женитьба священника“, „Чудакъ“ и нѣсколько статей объ обездоленныхъ раскольникахъ. По поводу 300-лѣтія завоеванія Сибири появилось у меня въ печати нѣсколько сибирскихъ очерковъ и легендъ, а „Непраздничныя мысли“ — есть отвѣтъ на строгость цензуры того времени.

О бѣдности сельскаго духовенства и унизительномъ способѣ добыванія имъ средствъ жизни, путемъ требъ и поѣздокъ за подаяніемъ, г-жа Симонова писала столь образно и убѣдительно, что по ея газетнымъ статьямъ другія газеты составляли свои „передовицы“.

Она горячо доказывала, что зачастую приходится встрѣчать такихъ священниковъ, которые незадолго передъ поѣздкой за подаяніемъ стараются разузнавать домашнимъ способомъ, что называется подъ рукою, кто изъ прихожанъ и чѣмъ именно разбогатѣлъ, чтобы въ извѣстное время, въ случаѣ прижимистости крестьянина, имѣть возможность съ достовѣрностью указать на тотъ или другой въ обиліи хранящійся и скрываемый продуктъ и тѣмъ самымъ устыдить, допечь скупого человѣка, неохотно дающаго, упорно настаивающаго на своей крайней несостоятельности.

Кромѣ того, священники этой категоріи, по ея наблюденіямъ, передъ собираніемъ подаяній стараются сближаться съ богатыми крестьянами, съ кулаками и міроѣдами, пьютъ вмѣстѣ съ ними, льстятъ имъ, поддѣлываются подъ ихъ нравы и обычаи, съ затаенною надеждою поживиться на ихъ счетъ при собираніи руги (подаянія). Но, говоритъ г-жа Симонова, лелѣяніе такой надежды священникомъ не остается тайной ни для смѣтливаго міроѣда, ни для

окружающаго народа, такъ какъ не трудно догадаться о цѣли сближенія, практикуемаго изъ года въ годъ въ извѣстные періоды. Не всегда, конечно, и цѣль достигается; кулаки болѣе склонны къ глумленію, чѣмъ къ милосердію,—къ глумленію безпощадному при сознаніи ими своего значенія, своей силы надъ человѣкомъ, стоящимъ въ зависимости отъ нихъ. Легкія насмѣшки, балагурство, остроты надъ положеніемъ и поведеніемъ священника начинаются съ перваго шага.

— Никакъ батька за подаяніемъ пріѣхалъ, говоритъ глава семьи, поглядывая въ окно. Эй, Анисья, спрячь холсты-то подалѣ, а то, знамо, поповскіе глаза сейчасъ высмотрятъ, а высмотрятъ, такъ сама знаешь... попъ, что ни увидитъ, то ему и подай. Отъ него ни крестомъ, ни пестомъ не отдѣлаться...

— Эй, Иванъ, кричитъ другой, батька за сборомъ пріѣхалъ; вынеси ему пригоршню овса, ладно съ него. Попъ смиренный, слова не скажетъ и такъ уѣдетъ.

Симонова постоянно указывала на ненормальность подобныхъ отношеній и настаивала на увеличеніи жалованья причтамъ въ видахъ того, чтобы наше сельское духовенство, подобно протестантскимъ пасторамъ, не собирало бы милостыню, а подавало бы ее призрѣваемымъ вдовамъ и сиротамъ прихода, устраивало бы школы и пріюты, заботилось бы о нравственномъ воспитаніи своихъ духовныхъ чадъ и съ кулаками совсѣмъ не сближалось, а если и сближалось, то не для полученія лишнихъ пригоршней овса, а ради иныхъ высшихъ христіанскихъ цѣлей.

Защищая въ „Церк. Общ. Вѣстн." судьбу духовенства и настаивая на его большей обезпеченности, Симонова заботилась и объ его нравственномъ подъемѣ. Ее поражала участь священника-вдовца, не имѣющаго права вторично жениться. Она написала въ „Церков. Общ. Вѣстн." разсказъ „Порченый" и нѣсколько статей, посвященныхъ семейной жизни духовенства. Вопросъ о второбрачіи духовенства долгое время не сходилъ со столбцовъ газетъ, особенно послѣ того, какъ Симонова напечатала въ „Церк. Общ. Вѣст." свои воспоминанія о Достоевскомъ, говорившемъ ей:

— Второбрачіе — насущный вопросъ духовенства и вопросъ этотъ вопіетъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи. Но напрасно-напрасно вы взяли эту тему. Трудъ вашъ даромъ пропалъ. Это гласъ вопіющаго въ пустынѣ! Меня тоже просили сказать объ этомъ въ дневникѣ, но я не скажу, потому что не хочу бросать горохъ въ стѣну. Ничего изъ этого не выйдетъ. А почему? почему?—приставалъ онъ ко мнѣ,—вы знаете, почему?

И самъ же отвѣтилъ на свой вопросъ, разставляя и отчеканивая каждое слово:

— Потому—что—для—разрѣшенія—этого — вопроса — нужно — чтобы —собрался —вселенскій—соборъ. А развѣ это можетъ быть теперь? Тамъ, можетъ быть, послѣ, со временемъ, когда-нибудь, а теперь тутъ ни синодъ и никакая власть ничего не могутъ подѣлать! Вотъ видите ли? Апостолъ Павелъ заповѣдалъ имѣть одну жену. Они изъ этого и вывели ошибочное, ложное заключеніе. А развѣ апостолъ Павелъ былъ злой человѣкъ?

Онъ остановился и какъ бы ждалъ моего отвѣта. Я молчала.

— Я васъ спрашиваю, скажите же: апостолъ Павелъ былъ добрый или злой человѣкъ?

— Добрый!—отвѣтила я тономъ школьника.

— Ну, конечно! Конечно, добрый, — заговорилъ горячо Ѳедоръ Михайловичъ;—онъ эти слова сказалъ въ виду идолопоклонническаго многоженства, т. е. чтобы они не имѣли двухъ или трехъ женъ одновременно, а вселенскій соборъ этого не принялъ во вниманіе и ограничилъ въ этомъ отношеніи наше духовенство, поставивъ его тѣмъ въ безвыходное положеніе.

Статьи г-жи Симоновой и ея „воспоминанія“ о Достоевскомъ, въ связи съ вопросомъ о второбрачіи вдовыхъ священниковъ, вызвали противъ нея во многихъ петербургскихъ органахъ печати горячія нападки. Въ газетѣ „Русь“ Ив. Аксакова отъ 27 іюня 1881 года была помѣщена статья, подписанная „Одинъ изъ священниковъ“, въ которой послѣдній гнѣвно заявилъ:

„Одна изъ пропагандистокъ необходимости разрѣшить вдовымъ духовнымъ лицамъ вновь вступать въ браки, г-жа Симонова, сослалась даже въ этомъ случаѣ на незабвеннаго Ѳ. М. Достоевскаго. Мы охотно прощаемъ ему эту грубую съ богословской точки зрѣнія ошибку. Мы не только сами лично признаемъ невозможнымъ и противнымъ слову Божію и ученію св. Православной вселенской церкви вступленіе духовныхъ лицъ во второй бракъ, но глубоко убѣждены, вопреки мнѣнію приснопамятнаго Ѳ. М. Достоевскаго, что и никакой вселенскій соборъ не разрѣшитъ второбрачія для духовныхъ лицъ, какъ противнаго прямому и очевидному смыслу свящ. писанія,—не говоря уже о томъ, что вѣчныя и неизмѣнныя каноническія постановленія одного вселенскаго собора, вершающаго церковно-религіозные вопросы не произвольно, а по изволенію Св. Духа, отнюдь не могутъ быть уничтожаемы и перевершаемы другимъ соборомъ, служащимъ органомъ того же Св. Духа. Если бы св. апостолъ Павелъ, предписывая епископамъ поставлять на ду-

ховныя должности только мужей одной жены (Тит. I, 6; Тимоѳ. III, 2), имѣлъ въ виду лишь идолопоклонническое многоженство, какъ думалъ Ѳ. М. Достоевскій, то правило это, намъ кажется, было бы по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ,—въ виду того, что и всякій мірянинъ иначе и не могъ быть принятъ въ число членовъ церкви Христовой, какъ предварительно отрекшись не на словахъ только, а фактически отъ языческаго многоженства. Ясно, слѣдовательно, что смыслъ апостольскаго правила о единобрачіи духовныхъ лицъ не допускаетъ никакихъ измѣненій и лжетолкованій,—почему на вселенскихъ соборахъ ему и придано значеніе вѣчнаго и неизмѣннаго церковно-каноническаго постановленія".

Нападки на г-жу Симонову участились, но она отважно повторяла одно и то же: положеніе вдоваго священника весьма незавидное, если не сказать безвыходное. Овдовѣвъ часто, въ молодыхъ лѣтахъ, человѣкъ, полный силы и жизни, онъ долженъ нести поневолѣ крестъ вѣчнаго вдовства, что, безъ сомнѣнія, вредно вліяетъ на его нравственность. Нерѣдко молодыя экономки и различныя дальнія родственницы, встрѣчаемыя въ домахъ нашихъ священниковъ, служатъ доказательствомъ стремленія вдоваго духовенства къ семейной жизни, но при этомъ является неизбѣжное лицемѣріе передъ обществомъ. На нѣкоторыхъ запрещеніе жениться во второй разъ дѣйствуетъ еще вреднѣе. Не имѣя довольно смѣлости поставить въ этомъ отношеніи протестъ въ видѣ экономки, они предаются тайному разгулу. И въ этомъ мы видимъ самыя ужасныя послѣдствія запрещенія второбрачія. Отсюда дурной примѣръ прихожанамъ, потеря вліянія на пасомыхъ, потеря чувства собственнаго достоинства, а все вмѣстѣ взятое нерѣдко влечетъ за собою полное нравственное паденіе.

На упреки о томъ, что о второбрачіи за послѣднее время стали писать свѣтскіе люди, мало понимающіе его богословское значеніе, г-жа Симонова съ гордостью заявила письмомъ въ редакцію „Улей" о томъ, что вопросъ этотъ былъ поднятъ въ послѣднее время не свѣтскими лицами и не свѣтскою печатью, а „Церковно-Общественнымъ Вѣстникомъ" въ 1875 году; что вопросъ поддерживается самимъ духовенствомъ, которое печатало въ „Церк. Общ. Вѣстникѣ" массу статей и сочувственныхъ писемъ по этому вопросу въ теченіе 1875, 1876 и частію въ 1877 годахъ; что въ послѣднее же время, за исключеніемъ ея „Воспоминаній о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ", о второбрачіи духовенства никто и не говорилъ изъ свѣтскихъ писателей.

II.

Быть сибирскаго инородца.

Поратоборствовавъ за судьбу вдовствующаго духовенства не менѣе горячо, чѣмъ и за его матеріальное обезпеченіе, г-жа Симонова начала въ томъ же „Церк. Общ. Вѣстн.“ защиту сибирскаго инородца, близко ей знакомаго.

Она рѣзко осуждала административное обрусеніе Сибири, указывая на то, что съ нашей стороны почти ничего не сдѣлано для подъема инородцевъ въ культурномъ отношеніи. Если въ средѣ ихъ съ давнихъ поръ существуетъ православное миссіонерство, то оно поставлено тамъ, по ея наблюденію, въ слишкомъ неблагопріятныя условія и, кромѣ того, просвѣщеніе инородцевъ свѣтомъ религіозной истины составляетъ только одно изъ средствъ къ нравственному подъему ихъ. Является еще цѣлая сѣть мѣропріятій, столь же необходимыхъ для ихъ развитія: школы, гражданскія и экономическія права, пути сообщенія, жилища, орудія хозяйственнаго производства, правильный сбытъ произведеній, взаимность интересовъ ихъ съ русскими собратіями, пріобщеніе ихъ къ общей русской жизни,—а между тѣмъ ничего подобнаго нѣтъ. Она постоянно писала о томъ, что страшная эксплоатація инородцевъ и кулачество достигли высшихъ размѣровъ; что у инородцевъ за безцѣнокъ отбирались цѣнныя шкурки звѣрей и рыба; что ихъ заставляли непосильно работать, спаивали водкой, вовлекали въ неоплатные долги и закабаляли, какъ самихъ инородцевъ, такъ и ихъ дѣтей, въ крѣпостничество; что такія сношенія съ русскими однихъ истощали до крайности, другихъ вынуждали бѣжать и забиваться за непроходимыя болота, въ такія трущобы, куда проникать возможно только зимою, и тамъ, изолированные отъ всего живого, они стали постепенно гибнуть отъ голода, суровости климата и болѣзней; что голодный тифъ и эпидемическія болѣзни не рѣдкость среди инородцевъ; что люди умираютъ цѣлыми сотнями прежде, чѣмъ слухъ о бѣдственномъ положеніи ихъ доходитъ до русскихъ властей, умираютъ безпомощно, среди всякаго рода лишеній.

Народы кочевые, находящіеся въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ звѣроловы и рыболовы, по ея мнѣнію, въ послѣднее время также начинаютъ жаловаться на стѣсненія ихъ пастбищъ и угодій русскими поселенцами. При уменьшеніи пастбищъ уменьшаются стада, а стало быть, и благосостояніе инородцевъ. Затѣмъ, эксплоатація промышленниковъ проникла и къ кочевникамъ и проявляетъ здѣсь такія же послѣдствія, какъ среди рыболововъ и звѣролововъ. Поль-

зуясь простодушіемъ и неопытностью нецивилизованныхъ кочевниковъ, русскіе промышленники обманываютъ ихъ всѣми способами.

Вмѣсто ассимиляціи по сибирскимъ окраинамъ инородцевъ, г-жа Симонова обнаруживала среди нихъ „Вымирающія племена". („Церк. Общ. Вѣст." отъ 4 апр. 1883 г.).

Въ „Новомъ Времени" отъ 22 іюня 1883 года также встрѣчается ея надѣлавшая шуму статья о томъ, какъ послѣдней зимой въ Нарымскомъ и Якутскомъ округахъ, населенныхъ первый—остяками, второй—якутами, свирѣпствовала оспа, уносившая цѣлыя семьи. Люди въ ужасѣ бѣжали въ снѣжныя пустыни и тамъ умирали. Въ Туруханскомъ краѣ, въ зиму 1883 года, благодаря оспенной эпидеміи и плохому улову рыбы и пушнины, инородцы крайне бѣдствовали; часть изъ нихъ вымерла, часть отдалась въ кабалу къ кулакамъ и міроѣдамъ. Сотни юртъ стоятъ пустыми. Бывали случаи, что голодные остяки и самоѣды набрасывались на трупы умершихъ и пожирали ихъ. Не менѣе бѣдствовали и вогулы, жители восточной части Пермской губерніи и западной части Тобольской. По словамъ очевидца, эти инородцы питались горячей золой, въ которой варился оленій рогъ да горсть толченаго урака. Дѣти жевали край лосиной шкуры, лежавшей на полу. Подобнаго рода питаніе представляетъ не исключительное явленіе, а часто повторяющееся. Эксплоатація вогулъ русскими промышленниками доводитъ ихъ до нищеты: при покупкѣ у вогулъ рыбы и звѣриныхъ шкуръ имъ даютъ ничтожныя цѣны, а при продажѣ имъ продуктовъ берутъ съ нихъ за все болѣе, чѣмъ втрое, противъ существующихъ цѣнъ. Такъ мѣшокъ ячменя въ Пелымѣ въ минувшую зиму стоилъ 1 руб. 80 коп., съ вогуловъ же брали по 4—5 руб.; 1 фунтъ дроби въ Пелымѣ стоилъ 15 коп., вогуламъ же продавали по 84 коп. и т. д. У вогулъ есть отличные кедровые участки,—промышленныя артели арендуютъ ихъ, платя инородцамъ по 12 руб. за три урожайные года, сами же въ одинъ 1882 годъ выручили отъ промысла орѣховъ двѣ тысячи рублей.

Мы,—продолжаетъ Симонова—не винимъ темную массу, эксплоатирующую инородцевъ. Масса эта въ Сибири едва-ли просвѣщеннѣе какихъ-нибудь вогуловъ. Но образованному классу смотрѣть равнодушно на гибель инородцевъ непростительно. Ни одного факта или проявленія состраданія со стороны мѣстной интеллигенціи не было заявлено въ печати. Вѣдь и инородецъ такой же человѣкъ, какъ и русскій крестьянинъ, такой же сынъ общаго отечества, такой же подданный Россіи, платящій ясакъ на пользу государства и для удовлетворенія общихъ нуждъ. Неужели мы еще долго не перестанемъ равнодушно смотрѣть на вымираніе его отъ болѣзней и

голода инородческихъ племенъ? Пускай горсть сухихъ педантовъ видитъ въ процессѣ вымиранія удѣлъ низшей расы. Мы не можемъ признать этого процесса неизбѣжнымъ. Мы предпочитаемъ ему метисацію и обрусеніе. Многими учеными доказана возможность такого предположенія. По ихъ мнѣнію, нужно поднять условія экономическаго быта инородцевъ, чѣмъ и предотвратится конечное исчезновеніе ихъ. Это должно бы лежать всецѣло на обязанности мѣстной администраціи и интеллигенціи. Ей слѣдовало бы сдѣлать починъ въ этомъ дѣлѣ, т. е. постараться предупредить окончательное истощеніе тѣхъ средствъ къ существованію, которыя даетъ бѣднымъ инородческимъ племенамъ занимаемая ими территорія. Уже во всякомъ случаѣ на ея обязанности сохранить инородцевъ отъ различныхъ видовъ эксплоатаціи. Можетъ, возможно было бы поднять уровень экономическаго и умственнаго развитія путемъ ознакомленія съ лучшими орудіями промысловъ и новыми производствами, а главное—посредствомъ установленія справедливости при торговыхъ сношеніяхъ, хотя бы путемъ обязательной таксы, съ отвѣтственностію за нарушеніе. Послѣ нерѣдкихъ случаевъ голодной смерти и вынужденнаго людоѣдства, долгъ совѣсти требуетъ вспомнить о нашихъ инородцахъ, этихъ аборигенахъ Сибири [1]).

Своими статьями о сибирскихъ инородцахъ Симонова обратила вниманіе Ник. Мих. Ядринцева. Ея переходъ въ его „Восточное Обозрѣніе“ совершился самъ собою.

III.

Кружокъ Н. М. Ядринцева.

Отъ 12 марта 1882 года Николай Михайловичъ Ядринцевъ пишетъ г-жѣ Симоновой:

„Милостивая Государыня, Людмила Христофоровна. Съ величайшимъ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе по части сотрудничества въ „Восточномъ Обозрѣніи“. Будучи знакомъ съ вашими статьями и обративъ на нихъ вниманіе, я самъ искалъ случая съ вами познакомиться и пригласить васъ оказать честь нашей

---

[1]) По вопросу объ обезпеченіи сибирскихъ инородцевъ, въ журналѣ «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» за іюль 1897 года помѣщена статья П. И. Войнаральскаго, подъ заглавіемъ «Приполярное земледѣліе». Авторъ доказываетъ возможность обезпечить якутскихъ рыболововъ и звѣроловозъ земледѣльческимъ трудомъ: возможностью произростанія земледѣльческихъ продуктовъ на крайнемъ сѣверѣ. Смотри о Войнаральскомъ и его трудахъ въ Якутской области въ моей книгѣ: «Семидесятники». А. Фаресовъ.

газетѣ своимъ участіемъ. Ваше письмо и адресъ были весьма кстати.

Въ первую свободную минуту я постараюсь быть у васъ, но если бы обстоятельства и хлопоты отчасти задержали меня, то имѣйте въ виду, что въ воскресенье до 12 часовъ могу быть къ вашимъ услугамъ, а въ четвергъ вечеромъ всегда. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и уваженіи. Н. Ядринцевъ".

Ея разсказъ въ „Вост. Обозр.": „На Уралѣ" направленъ противъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, когда изъ-за бумажной формальности погорѣльцы сибирскихъ деревень и селъ не могутъ получить во́-время изъ казны ни лѣсу на построенія, ни хлѣба на обсѣмененіе полей изъ запасныхъ магазиновъ.

Вскорѣ она становится въ „Сибирскомъ кружкѣ" своимъ человѣкомъ.

Она была приглашена на его собранія, происходившія у Ядринцева по четвергамъ. Въ этомъ кружкѣ преобладали интересы сибирской жизни и члены его раздѣлялись по мѣсту жительства. Были въ немъ „томичи", „тоболяки", „иркутяне", „забайкальцы" и др. землячества. Кружокъ Ядринцева былъ не многочисленъ, но въ числѣ членовъ были люди замѣчательные, какъ, напримѣръ, молодой ученый по антропологіи, Михаилъ Викторовичъ Малаховъ. Онъ доказалъ, что на Уралѣ существовалъ каменный вѣкъ, тогда какъ десятки ученыхъ, производившихъ до него изслѣдованія, не могли найти искомыхъ доказательствъ и отказались отъ мысли о существованіи тамъ каменнаго вѣка. Михаилъ Викторовичъ страстно любилъ свое дѣло и погибъ жертвою научной любознательности. Въ холодную осень онъ продолжалъ свои изслѣдованія, простудился и получилъ скоротечную чахотку.

„Была я на годовыхъ обѣдахъ, — писала мнѣ Симонова,—гдѣ всегда была общая, откровенная, честная бесѣда между сибиряками; высказывались разнообразныя нужды края. Иногда тутъ же шла подписка, и все это дѣлалось изъ любви къ родинѣ. Антропологъ Малаховъ, этнографъ Потанинъ, беллетристикъ Наумовъ были видными лицами этого кружка. Масса учащейся молодежи-сибиряковъ посѣщали журъ-фиксы Ядринцева. Душой всего этого кружка, дававшей жизнь ему, конечно, былъ самъ Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Иллюстраціей къ журъ-фиксу можетъ служить глава изъ романа „На поискахъ за богатствомъ", написаннаго мною подъ псевдонимомъ „Соборный". Предполагалось писать его втроемъ: Н. И. Мердеръ, Митуричъ и я,—а когда дѣло подошло къ работѣ, то двое изъ нихъ отказались, и мнѣ пришлось одной сдержать обѣщаніе редакціи написать этотъ романъ въ теченіе 1884 года.

Иногда на какомъ - нибудь журъ-фиксѣ высказывались идеи, скорѣйшее осуществленіе которыхъ было для всѣхъ очень желательно, и Николай Михайловичъ совѣтовалъ намъ провести ихъ въ газетахъ. Многіе изъ присутствующихъ дѣлили между собою газеты, въ корыхъ и помѣщались ихъ замѣтки. Мнѣ большею частью доставались „Новое Время", „Молва" и „Церковно-Общественный Вѣстникъ". Конечно, Николая Михайловича радовало, что въ одно и то же утро въ нѣсколькихъ газетахъ появлялись одновремено статьи на темы, интересовавшія сибиряковъ. Цѣлый рядъ вопросовъ, школа, средне-учебныя заведенія, университетъ, земство, удобные пути сообщенія, гуманное отношеніе къ инородцамъ и т. д., былъ поднятъ сибиряками и захватывалъ меня всецѣло".

До какой степени Ядринцевъ считался съ мнѣніемъ г-жи Симоновой и дѣлился съ нею своими литературными радостями и огорченіями, можно усмотрѣть изъ его собственноручной замѣтки, присланной г-жѣ Симоновой тотчасъ по прочтеніи имъ одной изъ статей въ „Новостяхъ" по переселенческому вопросу...

Озаглавивъ замѣтку: „Образецъ невѣжественнаго отношенія къ переселенческому вопросу", онъ пишетъ:

„Всякій русскій человѣкъ не можетъ быть противникомъ колонизаціоннаго вопроса, а вопросъ о переселеніяхъ именно вопросъ колонизаціонный.

Посмотрите же, какъ на него смотрятъ нѣкоторые метафизики и какъ съумѣли спутать его.

Дѣло просто. Снимаются переселенцы, значитъ худо жить, масса корреспондентовъ говоритъ о недостаткѣ земли.

Переселенцы идутъ на востокъ и достигаютъ все-таки желаемаго. Дѣло, стало быть, въ помощи и облегченіи имъ достигнуть цѣли. Объ этомъ и идетъ дѣло. Но „Новости" поняли колонизаціонный вопросъ по-своему.

1) Программа министерства государственныхъ имуществъ...

Такого вопроса не существовало.

2) Причины выселенія не малоземелье. Это вздоръ. Спасеніе не въ переселеніяхъ, а въ поднятіи культуры и улучшеніи хозяйства. Значитъ, надо только заставить мужика пользоваться $^1/_2$ или 1 десятиной земли?

Поводъ переселенія — мужичья фантазія; надо положить предѣлъ этой фантазіи и переселеніе задержать (по словамъ „Новостей").

Но „Новости" не рѣшаются до конца развить свою мысль. Онѣ находятъ необходимымъ только регламентировать переселенія, раз-

дѣлить переселенцевъ на категоріи: кого пускать, кого нѣтъ. Кто же это сдѣлаетъ, квартальный или „Новости"?

Далѣе высказано, что отъ вспомоществованія и субсидій мужикъ балуется, а потому можно допустить одни совѣты.

Мужики даже сравнены съ получающими прогоны чиновниками.

И о ненужности помощи, о баловствѣ мужика говорится въ такую минуту, когда доносятся вѣсти о страданіяхъ переселенцевъ на пути, о несчастіяхъ піонера, идущаго заселять новыя земли.

Нѣтъ! Лучше бы „Новостямъ" оставить судить объ этомъ вопросѣ народной жизни, въ которомъ онѣ, какъ видно, не оріентировались.

Задерживать переселенія и искать другихъ средствъ—это взглядъ извѣстной партіи, весьма выгодной крупнымъ землевладѣльцамъ. Повысятся цѣны на земли, аренды, увеличится батрачество, удешевится трудъ, создастся крупное фермерство, а затѣмъ и культура, купленная дешевизной батрака. Можетъ быть, этой культуры желаютъ „Новости". Но тогда надо это уже прямо сказать, только не прикрываясь либерализмомъ".

Относясь горячо ко всѣмъ вопросамъ далекой окраины на востокѣ, Н. М. Ядринцевъ всегда страстно полемизировалъ съ противниками и устно какъ у себя по „четверговымъ" вечерамъ, такъ и въ чужомъ домѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ одно изъ его писемъ къ той же Симоновой.

„Многоуважаемая Людмила Христофоровна. Желая чѣмъ-нибудь искупить и загладить буйно-этнографическое настроеніе, проявившееся въ послѣдней моей бесѣдѣ, совершенно безсознательно, единственно изъ горячей любви къ наукѣ, я постарался для изглаженія сего впечатлѣнія, къ обоюдному нашему согласію и миру, пріобрѣсти: Петра Коппена съ Вогуличами и всякими прелестями, которымъ не прочь буду подѣлиться, дабы послѣ смерти ревниваго этнографа вы сохранили доброе воспоминаніе о преданномъ redactor-furioso Н. Ядринцевѣ. 2 мая. Лѣто 1883-е".

Этотъ „redactor-furioso" не могъ не остаться въ благодарной памяти Людмилы Христофоровны навсегда. Она часто говорила мнѣ о томъ, что послѣ перваго кружка по редакціи „Церковно-Общественнаго Вѣстника" либеральнаго Поповицкаго на ея литературное направленіе и упроченіе на писательскомъ поприщѣ оказалъ значительное вліяніе „Сибирскій Кружокъ" Н. М. Ядринцева.

Сибирскій бытъ, съ его серьезной экономически-бытовой стороной и вмѣстѣ съ индивидуальными страстями его представителей,

воспроизведенъ въ романахъ и очеркахъ г-жи Симоновой если не съ такимъ блескомъ, какъ у Мамина-Сибиряка и Немировича-Данченко, то гораздо правдивѣе ихъ. Среди писательницъ она не имѣетъ въ этомъ жанрѣ соперницъ себѣ. Романъ „Баской" („Живоп. Обозр.") можно считать этнографическимъ, какъ отмѣтило его географическое общество. Героемъ романа является политическій преступникъ, бѣжавшій отъ рукъ правосудія. Въ зимнее время онъ попадаетъ на Уралъ и тамъ отъ истощенія и голода падаетъ на дорогѣ. Крестьяне подобрали его, обогрѣли и вылѣчили. Идти далѣе пришельцу было некуда, и онъ остался въ деревнѣ, весь отдавшись обученію ребятишекъ. Крестьяне сдружились съ нимъ, полюбили его. Между тѣмъ, мѣстный священникъ сталъ завидовать его популярности и интриговать противъ него. Наконецъ, онъ сдѣлалъ на него доносъ. При появленіи властей молодой человѣкъ лишилъ себя жизни...

Наиболѣе этнографически-беллетристическимъ произведеніемъ надо считать очеркъ подъ заглавіемъ „Голодъ", напечатанный въ „Русскомъ Богатствѣ" за 1884 г.

Сюжетъ взятъ изъ инородческой жизни вогуловъ и остяковъ въ ту пору ихъ жизни, когда звѣрь убѣжалъ въ новыя мѣста, какъ только въ лѣсу раздался звукъ топора и шумъ русскихъ селеній, подвигавшихся все болѣе и болѣе къ сѣверу; когда и птица улетѣла, и инородцамъ нечего было стрѣлять, и нечѣмъ было питаться. О томъ, что гдѣ-то существуютъ запасные хлѣбные магазины, они не имѣли понятія и сами запасать что-нибудь не могли, находясь въ эксплоатаціи русскихъ. Они продавались имъ въ крѣпостные работники или умирали съ голоду.

Въ одну изъ своихъ раннихъ поѣздокъ съ мужемъ Людмила Христофоровна была разбужена ночью какимъ-то шумомъ и возней въ деревнѣ. Оказалось, что крестьяне поймали двухъ бѣглыхъ. Изъ сообщенія крестьянъ она узнала объ ихъ преступленіи, за которое они были пойманы, о дорогахъ, какими они шли, и какими средствами они находили себѣ пропитаніе. Это дало ей сюжетъ для очерка „Бѣглые" („Живоп. Обозр."). Онъ обратилъ на себя вниманіе сибирскихъ газетъ и „Восточнаго Обозрѣнія".

Достаточно было бы и этой части ея работъ, перечисленныхъ здѣсь, чтобы она пользовалась значеніемъ въ литературѣ. Немногіе критики, читавшіе ее, охотно признавали, что ея этнографически-беллетристическіе очерки изъ быта вогуличей наглядно иллюстрируютъ уроки по отечественной географіи и исторіи: что авторъ не придумываетъ характеры лицъ и картины природы, но самъ долго жилъ среди этой природы и людей, понялъ и полюбилъ ихъ; что

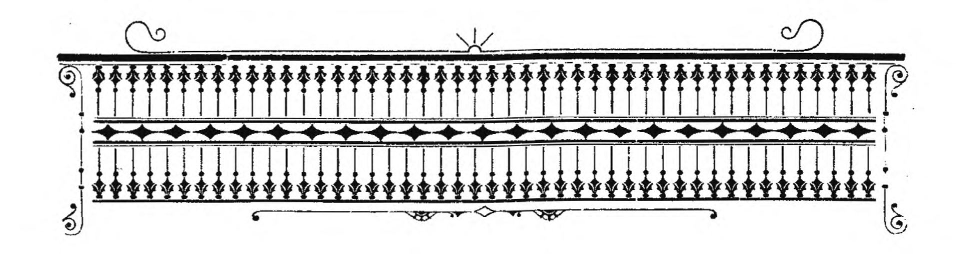
этотъ родъ литературы, особенно полезный для юношества, исполненъ точныхъ свѣдѣній, безъ моральныхъ сентенцій, безъ заднихъ мыслей наказать порокъ и вознаградить добродѣтель, безъ предвзятыхъ ужасовъ, вліяющихъ на воображеніе дѣтей и т. д.

„Лаача“ – значитъ по-русски утка. Вогуличи, какъ и многія первобытныя племена, даютъ новорожденнымъ имена тѣхъ предметовъ, которые первыми попадутся имъ на глаза при рожденіи ребенка. Изображая „Лаача“ охотникомъ, убивающимъ дробинкою бѣлку въ глазъ и плѣняющимъ своимъ молодечествомъ вогульскую красавицу, Симонова въ то же время знакомитъ съ ихъ жилищами, убранствомъ, занятіями, способами охоты, свадебными и похоронными обычаями, съ торговыми отношеніями и т. д. Въ разсказѣ „Эзе“ (что значитъ деньги) выведены полудикія черты изъ жизни остяковъ, преимущественно изъ жизни остяцкой дѣвочки и т. т. Разсказы эти читаются въ школахъ съ волшебнымъ фонаремъ и переведены на французскій языкъ, подъ заглавіемъ: „La Russie inconnue“.

А. И. Фаресовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ардаганскій отрядъ [1])

Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 годовъ.

(Окончаніе).

Неудачный штурмъ Эрзрума, произведенный генералъ-лейтенантомъ Гейманомъ 28-го октября, огорчилъ всѣхъ до крайности. Войска, бывшія подъ его начальствомъ, должны были отойти за Деве-Бойну и переносить холодъ и всевозможныя лишенія по разоренным турецкимъ деревнямъ. Причины неудачи подъ Эрзрумомъ кроются не столько въ обстановкѣ и сопротивленіи турокъ, сколько въ диспозиціи данной на этотъ день, и составленной ранѣе рекогносцировки. Цѣли для колонныхъ начальниковъ были поставлены неточныя. Обходныя колонны блуждали всю ночь и въ бой не поспѣли. Дружный ударъ центра на укр. Азизіе, не поддержанный резервами, коихъ было недостаточно, обратился намъ во вредъ. Азизіе мы взяли, но, отстаивая малыми силами, должны были отступить, понеся громадныя потери.

По зимнему времени турки ограничились этимъ успѣхомъ и вновь борьбу за Деве-Бойну не переносили. Въ дѣйствительности они были въ свою очередъ разстроены до крайности.

Въ концѣ ноября обнаружилось, что обезпеченіе войскъ нашихъ провіантомъ обѣщаетъ быть затруднительнымъ и на самомъ дѣлѣ оно стало таковымъ уже въ началѣ декабря. За фургоны, возившіе

---

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1907 г.

провіантъ въ Карсъ и въ отрядъ генерала Геймана, платили отъ 120—140 руб. сер. въ мѣсяцъ. Провіантъ доходилъ еще въ Карсъ полностью, но по Эрзрумской дорогѣ этимъ провіантомъ кормились не только возчики, но и лошади; такимъ образомъ, погрузивъ на фургонъ 15 четвертей въ Александрополѣ, возчикъ утрачивалъ въ дорогѣ почти половину. Дѣлали фургоны по два оборота въ мѣсяцъ. Лошади были изнурены. Фуража по дорогѣ имъ не было вовсе или за него брали баснословныя деньги. Въ войскахъ подъ Эрзрумомъ тоже обнаружился во всѣхъ видахъ тифъ.

22-го ноября меня потребовалъ къ себѣ главнокомандующій и, очертивъ кратко неблагопріятную обстановку Кобулетскаго отряда, предложилъ мнѣ ѣхать въ Ардаганъ, составить отрядъ и черезъ перевалъ Яланусъ-Чамъ идти въ г. Артвинъ, лежащій въ тылу, т. е. къ юго-востоку отъ Батума, и этимъ способомъ отвлечь часть турецкой арміи, дѣйствовавшей по берегу Чернаго моря, отъ Батума до Чуруксу.

Въ составъ моего отряда вошли полки: Владикавказскій, Пятигорскій, 1-й стрѣлковый батальонъ, три сотни казаковъ (полка полковника Унгернъ-Штенберга), 4 сотни конно-иррегулярнаго полка и батарея горныхъ орудій (полковникъ Горбатовъ). Главною задачею было обезпечить отрядъ продовольствіемъ, коего въ Ардаганѣ былъ избытокъ. Надо бы было сократить тѣ 94 версты, которыя отдѣляли Ардаганъ отъ Ардануча черезъ единственный перевалъ Яланусъ-Чамъ, высотою свыше 7 т. футовъ, который и лѣтомъ-то былъ трудно проходимъ, а зимою представлялъ истинное бѣдствіе. Чтобы достигнуть этого, съ 24-го ноября по 6-го декабря я устроилъ подъ самымъ переваломъ складъ сухарей и нѣкоторыхъ продуктовъ въ дер. Райванъ, употребивъ на это какъ червадарскій транспортъ, по найму, такъ и полковыхъ вьючныхъ лошадей. Погода благопріятствовала: были морозы, но снѣга еще не было.

6-го декабря я двинулся въ путь и 10-го уже былъ въ Ардanучѣ, гдѣ и началъ устраивать свои магазины, дабы обезпечить себя продовольствіемъ для дальнѣйшаго наступленія.

Появленіе мое въ Лазистанѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, формально ошеломило турокъ. Дервишъ-паша съ невыразимою быстротою приступилъ тамъ къ сформированію отрядовъ частью изъ 6 батальоновъ низама, присланнаго изъ Батума, частью изъ мѣстныхъ жителей, вызванныхъ со всего теченія Чороха, начиная отъ Байбурта. Г. Ардачучъ я занялъ безъ боя. Непріятель не успѣлъ организовать тутъ никакого сопротивленія, но уже въ 2-хъ верстахъ отъ этого

города по обоимъ берегамъ рѣки Ардanучъ-Чая стояли сильные турецкіе аванпосты. Ранѣе устройства базы и накопленія запаса сухарей двигаться далѣе, во внутрь страны, не было никакой возможности. Достать муку покупкою тоже было нельзя. Страна эта достаточно хлѣба не производитъ. На высотахъ родятся хорошо только лишь одинъ ячмень и травы. Фуража было въ изобиліи. Вьючный транспортъ между Ардаганомъ и Арданучемъ ходилъ исправно. Къ 28 декабря я былъ настолько уже обезпеченъ, что вновь началъ наступленіе внизъ по Арданучъ-Чаю къ Долисъ-Хана. Едва авангардъ мой тронулся съ мѣста, какъ появилась турецкая депутація съ просьбою остановить движеніе, вслѣдствіе того, что заключено перемиріе, о чемъ имъ дано знать телеграммой изъ Батума. Волей неволей я остановилъ войска и, черезъ нарочнаго, послалъ телеграмму въ Тифлисъ, въ штабъ кавказской арміи запросъ: точно ли это правда? Отвѣтъ, что никакого перемирія не заключено, и что отъ меня ждутъ самыхъ энергическихъ дѣйствій, пришелъ лишь 31-го декабря. Медленность отвѣта зависѣла отъ того, что нашего телеграфа въ Арданучѣ тогда еще не было, а ближайшая станція Ардаганская отстояла отъ моего штаба на 90 верстъ.

2-го января я перешелъ въ рѣшительное наступленіе. Непріятель занималъ позиціи на обоихъ берегахъ рѣки, такъ какъ не могъ опредѣлить, куда направляется нашъ ударъ: на Долисъ-Хану, или же на Орджохи, съ цѣлью переправы черезъ р. Чорохъ, по имѣвшемуся здѣсь мосту. Мнѣ, во что бы ни стало, надо бы было овладѣть каменнымъ мостомъ около деревни Долисъ-Хана, отрѣзать отъ вліянія турецкой администраціи Шавшетію и пользоваться изъ этой зажиточной страны продовольствіемъ, во всѣхъ видахъ. Была другая дорога въ Шавшетію, черезъ горный хребетъ Годохвеція (Иветы), но столь невозможная и опасная въ зимніе мѣсяцы, что сами жители отказывались ею пользоваться. Съ главою Шавшетіи Нури-Бекомъ, происходящимъ отъ древняго грузинскаго дворянскаго рода, я вошелъ въ соглашеніе относительно поставки провіанта и продуктовъ, но онъ выговорилъ непремѣнное условіе занять Долисъ-Хану, опасаясь иначе за свою голову. Выбирать мнѣ было не изъ чего, я рѣшилъ цѣлью дѣйствій брать Долисъ-Хану.

Большая часть моихъ войскъ направилась по правому берегу Арданучъ-Чая, между рѣкою и горою Бацъ, изображавшею изъ себя сахарную голову, а меньшая дѣлала диверсію къ Чороху и прикрывала какъ городъ Арданучъ, такъ и собранные здѣсь запасы.

На обоихъ берегахъ я встрѣтилъ столь сильное сопротивленіе, что не только не подвинулся впередъ ни шага, но и понесъ зна-

чительныя потери убитыми и ранеными. Обледенѣлыя покатости горъ дѣлали маневрированіе почти невозможнымъ: войска скучивались къ дорогѣ и представляли изъ себя самую наилучшую мишень. Пришлось работать ночью. 1-й кавказскій стрѣлковый батальонъ, съ своимъ славнымъ командиромъ капитаномъ барономъ Зальца, преодолѣвая крутизну, напрямикъ полѣзъ на гору Бацъ. Пятигорскій полкъ съ горною артиллеріею пошелъ обходить эту же самую гору съ запада. Въ ночной темнотѣ я потерялъ путь этой послѣдней колонны и около полуночи попалъ съ своимъ незначительнымъ конвоемъ на турецкіе аванпосты, но успѣлъ благополучно отъѣхать, не сдѣлавъ даже тревоги; колонна наша оказалась въ полуверстѣ ниже по покатости горы.

3-го января съ утра закипѣлъ бой. Непріятель началъ отходить за р. Иммерхеви, не имѣя нигдѣ возможности удержаться. Потерь въ моей колоннѣ было мало. Вечеромъ турецкая батарея, ставшая сзади Долисханскаго каменнаго моста, открыла по нашимъ войскамъ стрѣльбу, но безвредную.

Съ 4—8-го января я сдѣлалъ рядъ рекогносцировокъ, на пространствѣ отъ Орджокъ до Теприи-Хеви, и долженъ былъ удостовѣриться, что перейти Чорохъ въ первомъ изъ этихъ пунктовъ и дѣйствовать на Артвинъ значило бы рисковать всею своей обстановкою, разбросать свои силы, поставить въ опасное положеніе свой тылъ и позабыть, что главная моя задача была отвлечь часть войскъ Дервишъ-паши отъ Батума. Вслѣдствіе этихъ данныхъ я рѣшилъ штурмовать мостъ у Долисъ-Хана и отбросить турокъ за хребетъ Карчхалъ.

Всѣ послѣдніе дни погода стояла то снѣжная, то дождливая. Рѣка Иммерхеви вздулась на 4 ф. вверхъ и мѣстами клокотала, имѣя всѣ свойства каскада, ни выше моста, ни ниже нечего было и думать искать бродовъ. Провіантъ мой приходилъ къ концу, количество больныхъ увеличивалось. Утромъ 8-го числа я собралъ совѣтъ изъ полковыхъ командировъ полковниковъ: князя Чавчавадзе (Севастопольскаго полка) и Козелкова (Владикавказскаго полка), подполковника Іоселіани (конно-иррегулярнаго), капитана барона Зальца (1-го стрѣлковаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича батальона) и начальника штаба отряда генеральнаго штаба подполковника Левашова. На совѣтѣ этомъ вопросъ поставленъ прямо: штурмовать ли урочище Долисъ-Хана по единственному, ведущему туда каменному мосту, или же, въ виду полнаго истощенія провіанта и невозможности его добыть, отойти къ Ардануч̆у. а затѣмъ отступать и обратно къ Ардагану.

Всѣ члены совѣта, кромѣ полковника Козелкова, рѣшили, что надо пробовать штурмовать непріятельскую позицію и что отойти мы всегда успѣемъ. По выходѣ изъ моей ставки полковникъ Козелковъ былъ такъ неостороженъ, что громко порицалъ принятое рѣшеніе.

Я слышалъ также заключеніе полковника Козелкова, а потому вышелъ изъ своей ставки и, повторивъ начальнику штаба, подполковнику Левашову, нѣкоторыя подробности къ диспозиціи, обратился къ полковнику Козелкову съ слѣдующими словами: „Вамъ я дѣлаю честь идти въ авангардѣ вслѣдъ за охотниками, но предупреждаю васъ, что мы встрѣтимся не иначе, какъ за мостомъ. Я все вами сказанное слышалъ и увѣренъ, что вы будете сегодня работать лучше, чѣмъ когда-либо". Отвѣта не было, инциндентъ былъ исчерпанъ. Прибавляю, полковникъ Козелковъ пользовался репутаціею человѣка несомнѣнной храбрости, но у него былъ развитъ духъ противорѣчія, при отсутствіи научныхъ свѣдѣній. Онъ всегда и безосновательно не любилъ офицеровъ генеральнаго штаба. Вся суть предстоящаго дѣла сводилась къ тому, чтобы съ одного удара перебѣжать Долисханскій мостъ и схватить въ свои руки наскоро построенныя здѣсь турками траншеи, вооруженныя 3-мя орудіями. Требовалась подготовка и лихой предводитель.

Первая выразилась въ томъ, что къ 9 часамъ вечера 200 охотниковъ собрались за утесомъ, близко подходящимъ къ мосту, а предводителемъ къ намъ назначенъ прапорщикъ Дегтянниковъ, внушавшій къ себѣ полное довѣріе по своей предыдущей службѣ.

Отдавая лично приказаніе названному выше офицеру, я любовался его физическою силою и смѣтливостью. Его единственная просьба была дозволить взять, вмѣсто шашки, палицу, въ которой ночью онъ видѣлъ оружіе болѣе сильное, нежели шашка.

Въ 10 часовъ вечера, безъ всякихъ сигналовъ, команда охотниковъ дружно ринулись на мостъ. Турецкій аванпостъ былъ снятъ, едва подавъ нѣсколькими выстрѣлами тревогу. Турецкая траншея не успѣла развить своего огня, какъ всѣ защитники были перебиты, а батарея дала всего лишь нѣсколько выстрѣловъ. За охотниками шелъ Владикавказскій полкъ и отбросилъ непріятельскій резервъ прямо передъ собою. Севастопольскій полкъ, подъ командою замѣчательнаго храбреца князя Арчила Чавчавадзе, разыскавъ тропинку, ведущую въ аулъ Долисъ-Хана, полѣзъ прямо въ гору. Ночь была холодная. Временами налеталъ сильный ураганъ. Въ 2 часа ночи все затихло. Я находился на мосту, обогрѣваясь въ сосѣдней турецкой саклѣ. Извѣстій ни откуда не получалось. Меня

утѣшала наступившая тишина, изображая изъ опыта предвѣстницу успѣха.

Свѣтало. Со своимъ маленькимъ конвоемъ я двинулся въ путь, желая найти свой авангардъ. По мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ и встрѣчалъ то раненаго, пріютившагося подъ скалою, то упавшую съ крутизны, разбившуюся лошадь, я дивился той энергіи и той беззавѣтной удали, съ которою работали въ эту ночь войска.

Въ 8 часовъ утра я выѣхалъ въ аулъ Долисъ-Хана, обогнавъ Севастопольскій пѣхотный полкъ. Князь Чавчавадзе, потерявшій голосъ отъ холода и сильнаго напряженія, рапортовалъ мнѣ такъ: „Ваше Превосходительство! случилось великое несчастіе: по оплошности патруля, шедшаго впереди, два турецкихъ орудія успѣли уйти вмѣстѣ съ бѣжавшимъ непріятелемъ“. Успокойтесь, князь, сказалъ я, съ насъ довольно и той батареи, которую мы взяли; позвольте мнѣ васъ обнять, и идемте вмѣстѣ благодарить вашихъ героевъ.

Въ аулѣ Долисъ-Хана, съ населеніемъ до 3-хъ тысячъ жителей, намъ достался турецкій продовольственный магазинъ съ запасомъ въ 2 тысячи пудовъ англійскихъ галетъ и столько же пудовъ ячменя. Восторгъ мой былъ полный: этимъ запасомъ я обезпечивалъ отрядъ, по крайней мѣрѣ, на двѣ недѣли. Правдивое донесеніе о взятіи Долисъ-Хана я отправилъ въ Тифлисъ къ главнокомандующему, съ героемъ ночи—прапорщикомъ Дегтянниковымъ и былъ очень счастливъ, когда узналъ, что Его Императорское Высочество властію своею наградилъ его чиномъ поручика и Владиміромъ 4 степени съ мечами, а къ Георгіевскому кресту приказалъ представить особо. Для молодого офицера цѣлая карьера въ одну ночь. Орденъ Св. Георгія 4 степени полковнику князю Чавчавадзе достался послѣ весьма долгой переписки и особыхъ моихъ ходатайствъ. Это былъ тотъ самый Чавчавадзе, который, въ званіи юнкера милиціи, былъ начальникомъ караула въ башнѣ Пахалистави и сдавшійся съ своимъ ничтожнымъ гарнизономъ, въ 1854 г. полчищамъ Шамиля, дѣлавшимъ набѣгъ на Кахетію, окончившійся плѣномъ княгини Чавчавадзе со всѣмъ ея семействомъ.

Наряженный тогда судъ не принялъ отъ князя Чавчавадзе заявленій, что онъ произвелъ сдачу не по личной волѣ, а по принужденію своего гарнизона, и былъ обвиненъ. Неблагопріятный этотъ эпизодъ въ жизни Чавчавадзе тяготѣлъ надъ нимъ во всю его службу, хотя и было у общества сознаніе, что его вины тутъ не было. Можно представить себѣ, какъ велико было счастіе князя Чавчавадзе, когда георгіевская дума сама ходатайствовала какъ объ уничтоженіи штрафа, такъ и о награжденіи его орденомъ Св.

Георгія. Результатъ ходатайства получился благопріятный. Въ Долисъ-Хана я долженъ былъ дать своимъ войскамъ продолжительный отдыхъ. Блужданіе по горамъ въ январѣ мѣсяцѣ, переправы черезъ Ардanучъ-Чай и Иммерхеви въ бродъ по студеной водѣ, ночлеги то подъ дождемъ, то подъ снѣгомъ сдѣлали свое дѣло: были молодцы, но не было почти здоровыхъ людей. Въ Долисъ-Хана мы нашли все: квартиры, продовольствіе, бани. Черезъ нѣсколько дней начался подвозъ и хлѣба и живности изъ Шавистіи.

Бѣжавшія турецкія войска получили подкрѣпленіе изъ Батума, собрались вновь и расположились лагеремъ на позиціи у Тольгома на перекресткѣ дорогъ, ведущихъ и въ Батумъ и въ Артвинъ. Позиція ихъ, грозная сама по себѣ, начала укрѣпляться еще и фортификаціонными сооруженіями. Обѣ воюющія стороны были раздѣлены недоступною въ это время года горою Карчхивъ, возвышающеюся на 10.000 ф. Вокругъ горы шла широкая дорога, извиваясь змѣею по горнымъ отрогамъ. Ширина дороги почти вездѣ доходила до 4—5 саженъ. Обходовъ не было нигдѣ. Надобно было рѣшиться или идти этимъ путемъ или считать кампанію оконченною. Я рѣшился на первое и нашелъ во всѣхъ своихъ подчиненныхъ полное сочувствіе этому рѣшенію.

14 февраля авангардъ мой дошелъ до впаденія рѣки Иммерхеви въ рѣку Чарохъ и расположился на утесахъ, дивно здѣсь нагроможденныхъ природой. Оказалось возможнымъ сдѣлать точную рекогносцировку позиціи турецкихъ войскъ, расположившихся за оврагомъ Малый Тольгомъ, при чемъ лѣвый флангъ ихъ позиціи доходилъ до снѣговой линіи г. Карчхивъ, а правый упирался въ обрывъ, ведущій по едва проходимой дорожкѣ въ г. Артвинъ, расположенный на лѣвомъ берегу рѣки Чороха. Рекогносцировка показала, что путь отступленія намѣченъ турками на Батумъ, и что только оттуда и могутъ прибыть подкрѣпленія. Главнымъ своимъ врагомъ я считалъ уже не турецкое войско, а ту мѣстность, которая меня окружала. Нигдѣ нельзя было развернуться, а приходилось формально штурмовать каждую точку, закрѣплять ее за собою и продвигаться чуть-чуть, что не шагомъ. Разстояніе въ 10 верстъ мы прошли въ 6 дней, употребляя постоянно одинъ и тотъ же маневръ: завоевывали 600 саженъ пространства и возводили брустверъ на 4 горныхъ орудія, такъ какъ весь мой перевѣсъ надъ турками и состоялъ въ одной горной батареѣ, послѣдовательно мною выдвигаемой по полубатарейно.

17 февраля отрядъ мой сталъ твердою ногою надъ д. Тольгомъ, оказалось возможнымъ сосредоточить здѣсь главныя мои силы и дать имъ возможность подготовиться къ атакѣ турецкой весьма

сильной позиціи. Свѣдѣнія, получаемыя мною о непріятелѣ, рисовали бѣдственное его положеніе, особенно по части продовольствія; видимо энергія турокъ ослабѣвала.

22 февраля, съ ранняго утра закипѣлъ бой по всей линіи. По полудни непріятель началъ свое отступленіе, но вдругъ съ его стороны прекратились выстрѣлы. Недоумѣніе выяснилось скоро. Изъ рядовъ турецкихъ войскъ выѣхало около 12 всадниковъ съ бѣлымъ значкомъ, тихо подвигаясь въ нашу сторону. У насъ эту группу кавалеристовъ приняли за парламентеровъ, но затѣмъ выяснилось, что это депутація, получившая изъ Батума приказъ остановить всѣ военныя дѣйствія, такъ какъ 19 февраля въ С.-Стефано заключенъ миръ. Не повѣрить этому извѣстію на сей разъ я не могъ, но такъ какъ отъ своего начальства я не имѣлъ еще никакихъ указаній, то и объявилъ депутаціи, что остановить дѣйствія я не признаю возможнымъ.

— Требуейте, что вамъ угодно, былъ отвѣтъ турокъ, привозимое нами извѣстіе вполнѣ точно; больше мы оружія употреблять не будемъ.

Я потребовалъ: 1, чтобы турецкія войска сейчасъ же должны отойти на 25 верстъ къ Батуму; 2, наши войска располагаются на позиціи у Тольгома и, 3-е, путь въ Артвинъ для обѣихъ сторонъ признается свободнымъ.

Къ вечеру слѣдующаго дня всѣ мои войска стянулись въ Тольгому и занялись устройствомъ лагеря. Больныхъ, а особенно усталыхъ было весьма много. Тотъ только, кто самолично знакомъ съ Лазистаномъ, можетъ оцѣнить всю тяжесть той обстановки, въ которой оказались войска и ихъ хозяйство.—Интендантство вполнѣ отсутствовало, для него Ардаганскій отрядъ какъ будто бы и не существовалъ. Сухари и мука привозились изъ Ардаганскаго продовольственнаго магазина на вьюкахъ, съ платою по 5 коп. за версту пудъ, или за пространство около 80 верстъ и 7 пудовъ на вьюкѣ 28 руб. за весь путь. Цѣна по истинѣ баснословная, но ее приходилось платить, такъ какъ было вполнѣ констатировано, что при безкормицѣ ни одна вьючная лошадь болѣе 2-хъ рейсовъ сдѣлать не могла и приходила или въ полное изнеможеніе, или же падала. Бывали дни, когда провіантъ запаздывалъ, а потому приходилось отдавать приказы: растянуть провіантъ на извѣстное время.

Въ половинѣ марта въ отрядѣ обнаружился полный недостатокъ сухарей, муки тоже недоставало. Я былъ вынужденъ войти въ сношеніе съ интендантомъ округа и получилъ отвѣтъ: сухари отправлены изъ Александрополя. Впослѣдствіи обнаружилось, что они

дѣйствительно были отправлены, но по ошибкѣ доставлены не на Яланусъ-Чамскій перевелъ, а на Панджеретскій, т. е. за 100 верстъ въ сторону, гдѣ были свалены и сгнили. Не могу объяснить, почему произошла эта грустная ошибка, но она поставила Ардаганскій отрядъ въ тяжелое положеніе.

Въ заботахъ о продовольствіи войскъ я просто изнывалъ и часто прибѣгалъ вполнѣ къ произвольнымъ дѣйствіямъ, принимая на себя всю отвѣтственность: мнѣ нельзя же было обнаружить свою слабость и отойти въ этихъ видахъ на сближеніе съ своими магазинами, безъ прямого на то указанія своего высшаго начальства.

Въ такомъ тяжеломъ положеніи я простоялъ до половины апрѣля на позиціи у Тольгома, въ 5-ти верстахъ отъ города Артвина, въ коемъ все-таки былъ во всемъ относительный достатокъ. Занять Артвинъ являлось самою насущною потребностью. Я донесъ объ этомъ телеграммою помощнику главнокомандующаго генералъ-адъютанту князю Мирскому. Отвѣтъ получился слѣдующій: на конференціи въ Берлинѣ постановлено, что мы имѣемъ право занимать тѣ мѣстности и позиціи, которыя турки будутъ намъ постепенно очищать. Отвѣтъ этотъ не разъяснилъ ничего; я рѣшился дѣйствовать по личному усмотрѣнію и во что бы то ни стало занять Артвинъ, несмотря на присутствіе тамъ турецкихъ войскъ.

Съ турецкими властями наружно я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и не рѣдко въ лагерь ко мнѣ пріѣзжалъ турецкій генералъ Мустафа-Паша и турецкіе офицеры, но на самомъ же дѣлѣ было сдѣлано распоряженіе никакихъ продуктовъ въ нашъ лагерь не привозить и ничего русскимъ не продавать. Платили мы за все баснословныя цѣны. Кромѣ того, черезъ лазутчиковъ я получилъ свѣдѣнія, что христіанское народонаселеніе въ г. Артвинѣ подвергалось всѣмъ возможнымъ притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ. Наступалъ день 17-го апрѣля—день рожденія Государя Императора Александра II.

Турецкія власти, во главѣ съ Мустафой-Пашею, пріѣхали ко мнѣ въ лагерь 16-го по полудни. Началось самое широкое угощеніе, продолжавшееся всю ночь.

Утромъ 17-го, въ 8 часовъ утра, войска выстроились. Отслужили молебенъ при громогласномъ ура. Я прочиталъ депешу, полученную отъ князя Мирскаго, обратился къ Мустафѣ-Пашѣ и сказалъ ему: „Сейчасъ я вступаю въ Артвинъ, такъ какъ вы мнѣ его обязаны очистить". „Съ большимъ удовольствіемъ", отвѣчалъ турецкій генералъ. Я нарядилъ для этого 6 батальоновъ и горную батарею. Къ 11 часамъ дня мы были уже у моста черезъ Чорохъ и начали переходить съ праваго берега на лѣвый. Вдругъ предъявилось

препятствіе: командиръ турецкаго табора, расположеннаго карауломъ впереди моста, объявилъ, что онъ войска наши съ одного берега на другой болѣе не пропуститъ и начнетъ стрѣлять. Съ большими усиліями мнѣ пришлось его остановить и успокоить. Къ этому времени перешло уже около 4-хъ батальоновъ и горная батарея. Остальные забивакировали на лѣвомъ берегу и назначены охранять мостъ.

Въ самый городъ я не вступилъ, но нашлись площади въ его предмѣстьѣ, и тутъ я расположилъ всѣ четыре батальона въ хорошей позиціи.

Турецкій телеграфъ началъ работу съ Батумомъ, чтобы получить приказанія отъ Мушира-Дервишъ-Паши. Отвѣтъ турецкаго главнокомандующаго получился слѣдующій: требовать, чтобы рускія войска отошли обратно на лѣвый берегъ на свои позиціи. Подчиниться этому требованію я не могъ и не хотѣлъ. Отвѣтъ мой былъ коротокъ: обо всемъ донесу своему начальству и поступлю соотвѣтственно съ его приказаніями.

Сухарей у меня было на 2 дня. Мостъ для движенія вьюковъ турки закрыли. Положеніе моихъ перешедшихъ войскъ было критическое; я всѣми способами долженъ былъ избѣгать дать первый выстрѣлъ. Во что бы ни стало мнѣ надобно было обезпечить отрядъ продовольствіемъ. Здѣсь предъявилось могущество золота. Я заплатилъ пекарю турку по 20 коп. за око (около 3 фунтовъ) хлѣба и началъ получать его въ изобиліи.—Отвѣта на мое донесеніе изъ Тифлиса не было. На шестой день, послѣ пребыванія нашихъ войскъ на позиціи, турецкія войска оставили городъ. По мѣрѣ того, что турки уходили, я измѣнялъ свои позиціи и занялъ какъ самый городъ, такъ и высоты, его окружающія. Жители насъ встрѣтили съ необычною радостью.

Съ занятіемъ Артвина мы отрѣзали весь верхній Чорохъ отъ всякаго вліянія изъ Батума и хотя не въ большомъ, но все-таки въ достаточномъ количествѣ стали получать оттуда и скотъ и другіе продукты. Цѣны на припасы установились довольно сносныя.

Я занималъ оба берега р. Чороха Артвинъ и Тольгомъ; въ военномъ смыслѣ крѣпость обѣихъ позицій незыблемая, и быть съ нихъ сброшеннымъ я не опасался.

Время отъ времени получались извѣстія, что Лазы, независимо отъ турецкаго правительства или же по тайнному его наущенію, намѣрены атаковать наши войска, но я особеннаго вѣроятія этому не придавалъ, вполнѣ увѣренный, что это было не по ихъ силамъ, но тѣмъ не менѣе переживалъ тяжкія минуты, вполнѣ сознавая, что виновникомъ за всѣ послѣдствія я буду одинъ. Ардаганскаго уѣзднаго

начальника Меписова я перевелъ въ Артвинъ и назначилъ его главою учрежденнаго здѣсь уѣзда. Энергія, здравый умъ и необычная его умѣлость обращаться съ народомъ вскорѣ водворили вполнѣ удовлетворительный порядокъ. Довольно и того — оказалась возможность существовать.

На этомъ я прекращаю мои воспоминанія о войнѣ 1877—78 годовъ. Задача исполнена была войсками и ихъ руководителями блистательно, въ особенности въ виду малой нашей подготовленности къ занятію обширныхъ пространствъ турецкой территоріи. Можно ли было исполнить лучше?..

На послѣдній вопросъ, впрочемъ, вопросъ совершенно праздный, можно было бы и не отвѣчать, но мы отвѣтимъ тѣмъ, что на всю борьбу 1877—1878 года бросимъ бѣглый очеркъ. Распредѣленіе нашихъ войскъ было крайне разбросанное, вопреки чистой стратегіи, въ силу горькой необходимости защищать громадную границу отъ Арарата до Новороссійска.

Война начинаетсясъ народнаго волненія и измѣны племени, прилегающаго къ Сухуму. Малочисленный Сухумскій отрядъ держаться не можетъ и отступаетъ во внутрь страны, съ большою утратою казеннаго имущества; Сухумъ разграбленъ и частью сожженъ. Сейчасъ же нужно было принять самыя энергическія мѣры, не дать этой неудачѣ принять большіе размѣры и достигнуть благопріятнаго результата. Кобулетскій отрядъ не достигаетъ своей цѣли—взять съ налета Батумъ и обращается самъ въ заслонъ, не позволяющій туркамъ вторгнуться въ наши предѣлы, и всю кампанію удерживаетъ здѣсь до 25 т. турецкихъ войскъ. Даетъ бой, несетъ потери, но стоитъ твердо.

Паденіе Ардагана, ясно очертившаго превосходныя качества нашихъ войскъ, не отуманиваетъ насъ ни на мунуту, и черезъ двое сутокъ главныя силы направляются къ Карсу, оставивъ здѣсь лишь слабый заслонъ, на который возлагается обширная задача охранить нашу границу отъ Карса до Абесъ-Тумана.

Карсъ берется въ блокаду и осаду. Удачи нѣтъ отъ 2-хъ причинъ: крѣпость имѣетъ сильный гарнизонъ и хорошо снабжена всѣми рессурсами для продолжительной обороны. Соотвѣтственно съ силою верковъ и дальнобойностью артилл. орудій, наша осадная артиллерія стараго образца оказывается не на высотѣ своего призванія. Турецкая администрація не дремлетъ, а проявляетъ дѣятельность поразительную: количество ихъ войскъ растетъ не по днямъ, а по часамъ; уже въ началѣ іюля турецкій главнокомандующій Мухтаръ-паша самъ переходитъ въ наступленіе и ставитъ въ затруднительное положеніе Эриванскій отрядъ генерала Тергукасова. Пре-

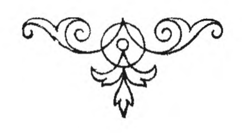
восходная комбинація разбить турокъ гдѣ-либо около Гассанъ-Кала намъ не удается вслѣдствіе неудачнаго боя, даннаго нами подъ Зивиномъ, гдѣ мы разбились объ превосходно укрѣпленный фронтъ турецкой позиціи и вынуждены были отступить. Но головы мы не теряли, и энергія наша не падала ни на одну минуту. Едва мы получили подкрѣпленіе, какъ вновь взяли инициативу въ свои руки. Послѣдовательно мы дали рядъ боевъ, которые заканчивались славнымъ днемъ Авліара. Здѣсь на насъ надвигается непобѣдимый врагъ— зима. Мы холодаемъ, терпимъ иногда нужду и въ провіантѣ, и въ дровахъ, но съ безпримѣрной удалью штурмуемъ Карсъ и бьемъ турокъ у Деве-Бойну. Подъ Эрзрумомъ терпимъ новую неудачу, но энергія наша все растетъ и растетъ.

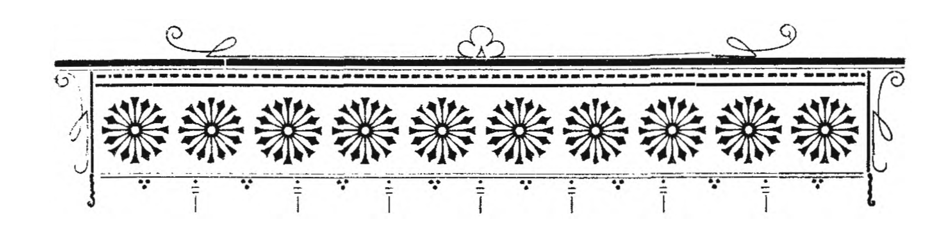
Заканчиваемъ войну проходомъ нашихъ войскъ по обледенѣлымъ тропинкамъ, по переваламъ выше Альпійскихъ, черезъ весь Лазистанъ и ставимъ Батумъ въ невозможность защищаться.

Военное искусство вещь трудная, и объ немъ спорить можно сколько угодно, но энергія вещь осязательная. Ежели міръ можетъ чему удивляться, при изученіи послѣдней на Кавказѣ войны, такъ это именно той энергіи, съ которою она велась. Силы были разновременно на обѣихъ сторонахъ то равныя, то съ большимъ колебаніемъ въ перевѣсѣ, но энергія была не равная, и послѣдняя побѣдила.

Слава побѣдителямъ! Слава русскому фельдмаршалу великому князю Михаилу Николаевичу, вдохновителю этой энергіи!

В. Комаровъ.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. [1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Кампанія 1810 года.

Князь Багратіонъ былъ принятъ въ Бухарестѣ съ большими почестями. Всѣ бояре поспѣшили выказать ему знаки своего расположенія, но, конечно, дѣйствовали болѣе въ своихъ интересахъ, чѣмъ искренно; одни изъ страха, другіе—въ надеждѣ добиться его расположенія.

Мое командованіе распространялось на Молдавію и Валахію, и вскорѣ составъ моихъ войскъ увеличился на 2 дивизіи.

Пріѣхавъ въ Яссы, я нашелъ тамъ только-что прибывшую 18 дивизію, которая состояла изъ слѣдующихъ полковъ:

Тамбовскій пѣхот., командиръ полка полковникъ Башиловъ.
Днѣпровскій „ „ „ князь Хованскій.
Костромской „ „ „ г.-м. князь Щербатовъ.
Якутскій „ „ „ подполк. Демьяновъ.
28 егерскій „ „ „ полковн. Корниловъ.
32 егерскій „ „ „ полковн. Мещериновъ.
Александрійскій гусарскій, командиръ полка г.-м. графъ Ламбертъ (въ отпуску), полков. Яфимовичъ.
Серпуховскій драгунскій, командиръ полка полк. Григоровичъ.
Арзамасскій „ „ „ г.-м. Крушевъ.
12 орудійная батарея полков. Бушуева.
12 „ „ полков. Рутковскаго.

---

[1]) См. «Русск. Стар.», августъ 1908 г.

Начальникъ этой дивизіи г.-м. князь Василій Долгоруковъ, 27 лѣтъ, генералъ-адъютантъ Государя, былъ сынъ князя Георгія, старѣйшаго изъ всѣхъ русскихъ генераловъ. Онъ былъ однимъ изъ богатыхъ и знатныхъ вельможъ Россіи, но такое счастливое положеніе совершенно не соотвѣтствовало ни его характеру, ни его поведенію. Этотъ несчастный молодой человѣкъ, умершій въ концѣ этой кампаніи, соединялъ въ себѣ всѣ недостатки и пороки, какіе только свойственны человѣку. Сильно пристрастившійся къ вину, необузданный игрокъ въ карты, мало деликатный, распущенный, трусливый до смѣшного, но въ то же время фанфаронъ, самолюбивый и съ претензіей, невозможный въ обществѣ, хотя онъ не былъ лишенъ ни ума, ни образованія, жалкій и презрѣнный на войнѣ, онъ никогда не имѣлъ друзей и не заслуживалъ имѣть ихъ.

Его дивизія считалась очень хорошей, въ особенности оба егерскіе полка; также артиллерія была прекрасная; вновь сформированные драгунскіе полки были посредственны. Александрійскіе гусары пользовались хорошей репутаціей, а ихъ шефъ—графъ Карлъ Ламбертъ, считался однимъ изъ лучшихъ генераловъ въ арміи; онъ былъ въ отпуску и потому не участвовалъ въ этой кампаніи, гдѣ, конечно, былъ бы произведенъ въ генер.-лейтенанты, чего такъ желалъ и графъ Каменскій, сожалѣя, что эта дивизія не досталась ему. Говорятъ, что и самъ Ламбертъ сильно разсчитывалъ получить эту дивизію и былъ очень недоволенъ, когда начальникомъ дивизіи былъ назначенъ князь Долгоруковъ, котораго онъ презиралъ, имѣя на то свои причины, и подъ начальствомъ котораго не хотѣлъ служить.

Черезъ нѣсколько времени, въ составъ войскъ, бывшихъ подъ моимъ начальствомъ, вошла также и 10-я дивизія.

Генералъ-лейтенантъ Левисъ, командовавшій этой дивизіей, былъ человѣкъ мужественный, храбрый, честный и образованный, но въ то же время считался посредственнымъ генераломъ; его нерѣшительность и медлительность въ трудные моменты боя — вредили всѣмъ этимъ качествамъ.

Эта дивизія, дурно обученная и содержавшаяся не въ особенномъ порядкѣ, за исключеніемъ егерскаго полка, состояла изъ слѣдующихъ полковъ:

Кіевскій гренадерскій—командиръ полка г.-м. Инзовъ.

Ярославскій пѣхотный—командиръ полка полков. П. Соколовскій.

Курскій	„	„	„	г.-м. Огатинъ.
Крымскій	„	„	„	полков. Баумгартенъ.
Брянскій	„	„	„	полков. Шаровъ.
8-й егерскій	„	„	„	полков. Бѣлокопытовъ.

Кавалерія этой дивизіи осталась въ Россіи.

Обѣ эти дивизіи прибыли изъ Галиціи, гдѣ онѣ составляли часть арміи князя Сергѣя Голицина, которому суждено было дѣйствовать противъ Австрійцевъ въ ужасной войнѣ 1809 г., когда Наполеонъ оказывался нѣсколько разъ въ безвыходномъ положеніи и могъ бы погибнуть окончательно, если бы Россія, вмѣсто того, чтобы идти за него, соединилась съ Австрійцами, какъ того требовали политика и интересы какъ имперіи, такъ и всей Европы. Русская армія въ дѣйствительности не воевала противъ Австрійцевъ, но она угрожала имъ, сковывая ихъ дѣйствія, и заставила заключить невыгодный для нихъ миръ. Россія, найдя возможнымъ заключить союзъ съ Франціей, не дѣйствовала искренно, но союзъ этотъ побудилъ и другія государства Европы показывать видъ, что они стоятъ за Францію. Такая политическая ошибка имѣла послѣдствіемъ пустое и безчестное пріобрѣтеніе клочка Галиціи, въ чемъ слѣдуетъ упрекнутъ графа Румянцева, бывшаго главнымъ иниціаторомъ этой войны.

Война эта была причиной смерти князя Сергѣя Голицина, всѣми уважаемаго военнаго человѣка, разумнаго патріота, искренняго, честнаго, обладавшаго правильными взглядами на вещи. Опечаленный тою двусмысленною ролью, которую ему приходилось играть, затрудняясь своимъ положеніемъ (онъ командовалъ въ 1809 г. дѣйствующей арміей противъ Австрійцевъ), удрученный безпокойствомъ за послѣдствія того ложнаго пути, на который вступала Россія, онъ не перенесъ всѣхъ этихъ бѣдстій и скончался отъ апоплексическаго удара.

Молдавская армія, которою онъ долженъ былъ командовать, радостно встрѣтила его прибытіе, такъ какъ онъ былъ любимъ и уважаемъ рѣшительно всѣми. Я хорошо знаю, что Багратіонъ остался спеціально для того, чтобы служить подъ его начальствомъ; онъ былъ его племянникъ по женѣ, дочери графини Литтъ, урожденной графини Скавронской.

Несчастныя войска, оставленныя на правомъ берегу Дуная, сильно страдали не только отъ недостатка съѣстныхъ продуктовъ, скверпаго устройства землянокъ, наскоро воздвигнутыхъ и крайне вредныхъ для здоровья, вслѣдствіе своей сырости, но также и отъ множества ученій и парадовъ, которыхъ требовалъ отъ нихъ графъ Каменскій—бичъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ.

Онъ велѣлъ укрѣпить Гирсово, что было вполнѣ правильно, но, въ то же время, я думаю, что для насъ было большимъ счастьемъ, что турки не имѣли ни желанія, ни средствъ атаковать Гирсова

зимой, такъ какъ весьма возможно, что въ этомъ случаѣ нашъ главнокомандующій не задумался бы перейти Дунай.

Въ эту зиму армія, наконецъ, избавилась отъ генерала Милорадовича, а Валахія—отъ Филипеско; главная заслуга этого принадлежитъ Безаку. Генералы: Платовъ, Зассъ, Строгановъ, Трубецкой и я—давно давали понять князю Багратіону о необходимости измѣнить управленіе въ Валахіи и удалить администраторовъ, предавшихся нашимъ врагамъ и уличенныхъ въ расхищеніи казны, но, несмотря на наши безпрестанные протесты, если бы не вліяніе Безака, то командующій арміей никогда бы не рѣшился привести въ исполненіе этой правильной и необходимой мѣры. Безакъ, въ этомъ случаѣ, велъ себя прекрасно; полагаютъ, что онъ былъ подкупленъ какимъ-нибудь цѣннымъ подаркомъ Валахской администраціей, чему и я склоненъ вѣрить.

Безакъ составилъ очень основательную записку, которая была подписана Багратіономъ и послана Государю; въ ней очень хорошо и подробно была изложена вся административная дѣятельность Филипеско; онъ доказалъ, какъ мало довѣрія можно было имѣть къ нему, какъ велики его кражи, какъ опасны его сношенія съ Фанарскими греками, а также подчеркнулъ злоупотребленія Филипеско, вслѣдствіе довѣрія къ нему Милорадовича.

Эта записка пришла въ Петербургъ одновременно съ депешами, посланными изъ Вѣны нашимъ посланникомъ гр. Андреемъ Разумовскимъ, открывавшимъ преступную переписку Филипеско съ Константинополемъ.

Генералъ Милорадовичъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ г. Кіева, и армія съ большимъ нетерпѣніемъ ждала его отъѣзда. Отправляясь къ мѣсту назначенія, онъ, безъ стыда, обратился къ кн. Багратіону, котораго онъ такъ публично и незаслуженно обидѣлъ, прося у него денегъ на дорогу. Багратіонъ далъ ему около 5000 р., которыхъ обратно не получилъ.

Милорадовичъ оставилъ въ Бухарестѣ долговъ болѣе, чѣмъ на 600.000 дукатовъ, которыхъ онъ также не уплатилъ. Если бы не его колоссальное вліяніе, то братья Филипеско непремѣнно были бы казнены, такъ какъ не было недостатка доказательствъ въ подтвержденіи ихъ виновности. Но въ Россіи никогда никого не наказываютъ, и въ данномъ случаѣ ограничились только выселеніемъ Филипеско внутрь имперіи, въ г. Елисаветградъ, что въ 170 вер. отъ Одессы. Они уѣхали съ огромнымъ обозомъ, который слѣдовалъ за ними на 400 повозкахъ, нагруженныхъ вещами, награбленными имъ. Къ сожалѣнію, вещей этихъ отъ нихъ не отобрали, что было бы необходимымъ. На это изгнаніе осуждалась

вся семья Филипеско. Сначала эти негодяи были отправлены въ Одессу, гдѣ герцогъ де-Ришелье принялъ ихъ ласковѣе, чѣмъ это было нужно.

Сенаторъ Кучниковъ, ихъ постоянный покровитель и другъ Милорадовича, очень недовольный подобными мѣрами, на желаніе кн. Багратіона видѣть его въ Бухарестѣ отвѣтилъ отказомъ, несмотря на то, что присутствіе его тамъ было необходимо. Между ними началась довольно непріятная переписка, и Кучниковъ подалъ сначала рапортъ о болѣзни, а потомъ попросился въ отставку. Объ его уходѣ никто особенно не сожалѣлъ, но многіе были неправы, слишкомъ сильно обвиняя его. Это былъ очень честный человѣкъ, но слишкомъ склонный къ преувеличеніямъ и не всегда правильно смотрящій на вещи; къ тому же, его окружали люди, имѣвшіе на него весьма дурное вліяніе; въ обществѣ же онъ былъ очень любезенъ, уменъ, держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и умѣлъ обращаться съ боярами, какъ того требовало его служебное положеніе.

Преемникомъ его былъ назначенъ сенаторъ Милашевичъ, человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ и слабаго здоровья, очень ограниченнаго ума, но съ большимъ упрямствомъ; онъ имѣлъ привычку къ дѣламъ и прилагалъ всю свою изобрѣтательность для достиженія поставленныхъ цѣлей. Въ обществѣ онъ былъ очень скроменъ и, для даннаго времени, считался честнымъ человѣкомъ.

Генералъ Чевкинъ, завѣдывавшій продовольствіемъ арміи, для того, чтобы не ѣхать въ Бухарестъ, гдѣ его присутствіе было такъ же необходимо, какъ и пріѣздъ Кучникова, подалъ рапортъ о болѣзни. Эти господа, очень недовольные распоряженіями Багратіона, и не смѣя ему это выразить, обратили всю свою злобу противъ Безака.

Чевкинъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ и дѣятельныхъ людей въ Россіи, былъ бы вполнѣ на своемъ мѣстѣ, если бы его служебное положеніе соотвѣтствовало его талантамъ; противъ него было слишкомъ много подозрѣній, нуждавшихся въ серьезныхъ разоблаченіяхъ его дѣяній, чего онъ сильно опасался, и подалъ въ отставку, которую вскорѣ и получилъ.

Уходъ генерала Чевкина поставилъ всѣхъ въ затруднительное положеніе, потому что не знали, кого назначить на его мѣсто. Безакъ не рѣшался отдать эту должность въ руки старшаго члена провіантской комиссіи, нѣкоему графу Грабовскому, самому нечестному человѣку изъ всего управленія и въ то же время самому ничтожному и ни къ чему неспособному. Этотъ Грабовскій служитъ какъ бы новымъ доказательствомъ, что въ Россіи не наказываютъ воровъ и терпятъ всевозможныя ничтожества.

Отданный подъ судъ, и не имѣющій рѣшительно никакихъ законныхъ оправданій, чтобы избѣжать наказанія, котораго онъ уже двадцать разъ заслуживалъ, онъ все-таки былъ спасенъ Безакомъ. Князь Прозоровскій, освѣдомленный объ его поведеніи, рѣшилъ примѣрно наказать его, но въ нашихъ арміяхъ воля начальствующаго генерала (какъ бы она ни была неограничена) часто принуждена уступать желаніямъ подчиненныхъ писакъ, которые его окружаютъ. И Безакъ спасъ Грабовскаго [1]). Такъ какъ на эту должность долженъ быть назначенъ человѣкъ, хорошо знающій страну, и мы не могли ждать, чтобы на это мѣсто прислали кого-нибудь изъ Петербурга, то я указалъ на стараго генерала Бѣлуху, могущаго замѣнить Чевкина. Онъ уже служилъ по этой части 20 лѣтъ назадъ, во времена князя Потемкина, и сдѣлалъ всю камнанію войны 1768 года въ качествѣ адъютанта графа Румянцева. Очень старый уже и тяжелый на подъемъ, онъ былъ не лишенъ ума и такта. Я рѣшилъ принять его на мѣсто интенданта и написалъ объ этомъ князю Багратіону, который и назначилъ его на эту должность. Въ первый годъ Бѣлуха оправдалъ мой выборъ, и графъ Каменскій былъ имъ очень доволенъ, но затѣмъ, говорятъ, что онъ, кажется, слишкомъ вошелъ въ роль и началъ злоупотреблять своимъ служебнымъ положеніемъ.

Генералъ Цициров, довольно неудачно назначенный кн. Багратіономъ военнымъ губернаторомъ въ Бухарестѣ, повелъ себя крайне не тактично; онъ предавался крупной игрѣ въ карты и однажды обыгралъ какого-то несчастнаго поставщика. Князь Багратіонъ принужденъ былъ смѣстить Цицирова [2]), скомпрометтиро-

---

[1]) Вотъ какъ разсказывали въ то время этотъ эпизодъ: книги графа Грабовскаго безспорно были самыми яркими обвинителями его, однако онъ ихъ уничтожилъ и завелъ вмѣсто нихъ новыя, въ которыя вписывалъ все, что ему было угодно. Но книги эти должны были быть подписаны съ печатью правителя канцеляріи командующаго арміей; эту должность занималъ тогда Безакъ. Меня увѣряли, что Грабовскій послалъ ему книгу въ 75 страницъ и 75.000 р., и что будто Безакъ послалъ ему сказать, что въ этой книгѣ не хватаетъ еще 25 страницъ, т. е. 25.000 руб. Такимъ образомъ, сдѣлалъ себя его сообщникомъ. Дѣло велось ужасно долго и кончилось тѣмъ, что забыли о немъ. Послѣ исторіи съ Безакомъ, Грабовскій пріобрѣлъ, вѣроятно такимъ же способомъ, протекцію нѣкоего Буткова, управляющаго канцеляріей гр. Каменскаго, и затѣмъ, во время командованія арміей Кутузовымъ, Емельяненко. Мало-по-малу онъ былъ всѣми признанъ за честнѣйшаго человѣка, получалъ чины, ордена, остался при своей должности до конца войны и ушелъ съ капиталомъ въ 300.000 руб.

[2]) Цициров, какъ это полагается въ подобномъ случаѣ, сейчасъ же заболѣлъ и вышелъ въ отставку.

ванный его поведеніемъ, и замѣнилъ его генераломъ Назимовымъ, человѣкомъ уже пожилымъ, спокойнымъ и честнымъ, но довольно ограниченнымъ и слишкомъ осторожнымъ для занятія имъ такого серьезнаго поста.

Энгельгартъ былъ на очень дурномъ счету у Багратіона и у всей арміи, однако, несмотря на всю свою ограниченность, онъ повелъ дѣла съ такою осторожностью, тактичностью и ловкостью, какой отъ него нельзя было и ожидать. Багратіонъ, несмотря на все свое презрѣніе и дурное отношеніе къ нему, за неимѣніемъ никого лучшаго, оставилъ его при прежней должности; какъ ни прискорбно—однако это фактъ.

Осенью, въ окрестностяхъ Яссъ появились шайки воровъ; мѣстная полиція поймала многихъ изъ нихъ, оказавшихся главнѣйшими боярами; одинъ изъ нихъ былъ Кантакузинъ (жена его, разведясь съ нимъ, вышла замужъ за русскаго офицера, по фамиліи Болховскаго, служащаго въ обмундировальной комиссіи), другого звали Катаржи. Оба были осуждены на казнь; вмѣстѣ съ ними также былъ повѣшенъ извѣстный разбойникъ—Бужоръ, который передъ висѣлицей признался, что былъ агентомъ у главнѣйшихъ ясскихъ вельможъ; у нихъ же, прибавилъ онъ, можно найти всѣ украденныя имъ вещи. Но это сообщеніе пропустили мимо ушей и были весьма неправы. Нетрудно было бы убѣдиться, что его слова были близки къ истинѣ. Нѣтъ болѣе ничтожныхъ людей, какъ эти молдавскіе и валахскіе бояре; это самые негодные люди во всей Европѣ, хотя быть можетъ въ Азіи они могли бы считаться честными.

Въ февралѣ мѣсяцѣ я получилъ письмо отъ князя Багратіона, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что нездоровье вынуждаетъ его просить у Государя позволенія оставить службу. Я прекрасно понялъ по этому письму, что князь Багратіонъ зналъ, что его кампаніей недовольны. Онъ предвидѣлъ, что его смѣнятъ, и хотѣлъ уйти самъ—пріемъ, къ которому часто прибѣгаютъ, но которому обыкновенно никто не вѣритъ.

Тѣмъ не менѣе Багратіонъ продолжалъ приготовленія къ кампаніи, которую онъ хотѣлъ начать очень рано. Не разсчитывая больше на милость двора, онъ хотѣлъ имѣть возможность опереться на мнѣнія генераловъ своей арміи, для чего онъ приказалъ имъ собраться въ Бухарестѣ и высказать ему свои взгляды относительно плана кампаніи 1810 года. Я былъ единственнымъ, который не прибылъ на этотъ совѣтъ, такъ какъ не могъ оставить штаба, да и Багратіонъ уже заранѣе зналъ мое мнѣніе относительно предстоящей кампаніи: мы много говорили объ ней въ Гирсовѣ.

Генералъ Гартингъ хотѣлъ, чтобы въ мартѣ мѣсяцѣ начать

переправу черезъ Дунай въ Гирсовѣ, дабы утвердиться на правомъ берегу, а чтобы оттуда двинуться на Силистрію и Варну, онъ хотѣлъ, чтобы наша операціонная линія тянулась бы влѣво отъ нихъ и шла бы съ сѣвера на югъ. Послѣ взятія Силистріи и Варны, онъ хотѣлъ, не приближаясь ни къ Рущуку ни къ Шумлѣ, перейти Балканы по возможности ближе къ морю и, затѣмъ, идти въ Константинополь. Мнѣнія генераловъ Эссена, Олсуфьева, Маркова и Засса согласовались съ планомъ Гартинга: я также былъ согласенъ съ нимъ, но только иначе думалъ относительно Шумлы и считалъ, что ее необходимо было занять. Оперируя на нашемъ лѣвомъ флангѣ, мы были бы ближе къ нашимъ магазинамъ и къ продовольственнымъ запасамъ, высланнымъ изъ Польши и Херсонской губерніи; наконецъ, мы знали, что турки смотрѣли на Варну, какъ на бульваръ Константинополя, и что послѣ взятія этого города можно было уже увѣренно ждать мира; населеніе столицы принудило бы къ тому султана.

У насъ было довольно силъ, чтобы охранять обѣ Валахіи и наблюдать за Рущукомъ, Журжево, Систовымъ, Никополемъ, Видиномъ и пр.

Инженеръ ген.-маіоръ графъ Сиверсъ высказалъ свое своеобразное мнѣніе, которое, хотя и выражало смѣлость его характера, но въ то же время доказывало, что онъ очень мало освѣдомленъ, какъ надо вести войну съ турками. Въ странѣ, гдѣ всякій житель —солдатъ, никакимъ образомъ нельзя оставлять позади себя всѣ крѣпости, и необходимо было занять по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ изъ нихъ.

Онъ хотѣлъ вмѣстѣ съ большею частью арміи перейти Дунай въ Туртукаѣ и двинуться на Шумлу и къ Балканамъ.

Безакъ тоже составилъ планъ кампаніи, съ которымъ однако я далеко не соглашался; видно было, что этотъ планъ былъ написанъ человѣкомъ, имѣвшимъ очень мало военнаго опыта. Его проектъ представлялъ много несообразностей, и главнѣйшая трудность его исполненія заключалась въ томъ, что Безакъ перенесъ операціи на центръ и правый флангъ, куда очень трудно было бы доставить продовольствіе; вслѣдствіе этого, цѣлые мѣсяцы пришлось бы терпѣть въ нихъ недостатокъ. Къ нашему общему изумленію, Багратіонъ одобрилъ планъ Безака и непремѣнно привелъ бы его въ исполненіе, если бы оставался нашимъ главнокомандующимъ.

По этому плану 13 батальоновъ и 4 полка казаковъ назначались гарнизонами на сообщеніяхъ въ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи и для защиты береговъ Чернаго моря; 5 батальоновъ—для службы во флотиліи; 5 батальоновъ, 5 эскадроновъ, полкъ Бугскихъ

казаковъ и хорватовъ—для защиты Малой Валахіи и наблюденія за Видиномъ и Кладовой; 11 батальоновъ, 3 полка казаковъ, 6 двѣнадцати-фунт. пушекъ и 5 конно-артил., орудій подъ начальствомъ генер. Исаева, назначались для переправы черезъ Дунай между Видиномъ и Кладовой и соединенія съ Сербами.

Корпусъ, изъ 20 батальоновъ, 14 эскадроновъ, 3-хъ полковъ казаковъ, 6 двѣнадцати фунт. пушекъ и 6-ти конно-артил., орудій со всей осадной артиллеріей, долженъ былъ, подъ моимъ начальствомъ, наблюдать за Силистріей, Зимницей, Турно, Никополемъ, а затѣмъ начать осаду Журжева [1]).

Въ арміи, предназначенной для военныхъ дѣйствій на правой сторонѣ Дуная, составлялось: 83 батальона, 95 эскадроновъ, 10 казачьихъ полковъ, 72 двѣнадцати-фунт. пушки и 54 орудія конной артиллеріи. Я нигдѣ не обозначилъ полковыя пушки, а ихъ было болѣе 200.

Надѣялись, что, атакуя турокъ со всѣхъ сторонъ съ довольно значительными силами, на нихъ наведутъ этимъ паническій страхъ, благодаря чему, безъ особенныхъ трудностей, достигнутъ исполненія своихъ гигантскихъ плановъ. Я сомнѣвался, чтобы правому отряду удалось бы занять всю часть Болгаріи, находящуюся между рѣками Янтрой, Озиной и Видомъ. Великій визирь, конечно, сосредоточилъ бы всѣ свои силы въ Шумлѣ, которую не легко было бы занять, но тѣмъ не менѣе, только послѣ взятія этой крѣпости, Рущука и Журжево, можно было двинуться къ Балканамъ. Въ то же время Черноморскій флотъ долженъ угрожать Босфору и Варнѣ.

Я доказывалъ Безаку, одаренному поэтическимъ воображеніемъ, и снисходительному князю Багратіону, что считаю этотъ планъ кампаніи крайне опаснымъ. Уже видно было, сколько неудобствъ онъ представлялъ слишкомъ длиннымъ протяженіемъ фронта, которое приводило къ операціямъ, независимымъ одна отъ другой, что вызывало разброску силъ. Говорятъ, что въ крѣпостяхъ не было турецкихъ войскъ, но для защиты ихъ было бы достаточно мѣстныхъ жителей, которые, бросивъ свои очаги, легко могутъ соединиться въ Шумлѣ или Силистріи, какъ предоставленныхъ въ началѣ кампаніи самимъ себѣ.

Съ марта мѣсяца мы уже знали, что вмѣсто князя Багратіона, главнокомандующимъ арміей назначенъ графъ Каменскій, который прибылъ въ Яссы 8-го марта.

Генералъ Платовъ, будучи старше графа Каменскаго, не могъ

---

[1]) Эта операція была совершенно безполезна. Журжево совсѣмъ не требовало правильной осады; нужно было только наблюдать за нимъ съ 1.000 или 1.200 чел. и какъ только Рущукъ былъ бы взятъ, оно бы само сдалось.

оставаться въ арміи послѣ такого назначенія и былъ посланъ на Донъ. Проѣздомъ черезъ Яссы, онъ узналъ объ этой перемѣнѣ и былъ очень недоволенъ, такъ какъ она совершенно измѣняла его планы.

Графу Николаю Каменскому было только 52 года [1]), а выглядѣлъ онъ еще моложавѣе. Несмотря на необыкновенную живость, даже, можно сказать, буйность его характера, его лицо было очень кроткое, пріятное, манера обращенія очень мягкая; не созданный для общества, онъ мало вращался въ немъ и особенно избѣгалъ женщинъ, съ которыми чувствовалъ себя всегда стѣсненнымъ; вообще, въ свѣтѣ онъ не пользовался репутаціей умнаго человѣка, хотя на самомъ дѣлѣ и былъ таковымъ. Какъ генералу, ему недоставало главнѣйшаго качества, необходимаго каждому солдату, качества, безъ котораго всѣ остальныя не важны, а именно — онъ боялся опасностей. Зная, что эта его слабость была многимъ извѣстна, онъ страшно конфузился, краснѣлъ и старался приневолить свою натуру, но все-таки его страхъ выдавалъ его [2]).

Графъ Каменскій имѣлъ еще много другихъ недостатковъ; вспыльчивость его порой доходила до такой степени, что онъ часто забывался передъ такими, къ которымъ, вслѣдствіе ихъ лѣтъ и положенія, онъ долженъ бы былъ относиться болѣе почтительно.

Не простой и не ласковый съ солдатами, онъ не былъ любимъ ими; недостатокъ въ немъ мужества отталкивалъ его отъ нихъ; русскій солдатъ никогда не прощаетъ этой слабости своему начальнику. Онъ часто бывалъ слишкомъ поспѣшнымъ въ исполненіи своихъ плановъ и движеній; не умѣлъ хранить тайнъ и скрывать своихъ намѣреній; его легко можно было обмануть и провести.

---

[1]) Одинъ офицеръ написалъ товарищу, на вопросъ тоже объ арміи и начальникахъ — „одни слишкомъ молоды, другіе слишкомъ стары".

[2]) Я часто слышалъ отъ военныхъ, что главнокомандующему совсѣмъ не необходимо быть храбрымъ и всегда готовымъ идти въ опасность. Въ Россіи при этомъ постоянно приводятъ, какъ примѣръ, Румянцева, человѣка, обладавшаго высшимъ военнымъ талантомъ, но въ то же время очень нерѣшительнаго, что утверждаютъ всѣ служившіе подъ его начальствомъ (но такое мнѣніе распространялось, быть можетъ, тѣми, которые сами хотѣли найти себѣ оправданіе). Личная храбрость въ генералѣ, можетъ быть, важнѣе, чѣмъ въ оберъ-офицерѣ. Когда, во время дѣла, занимаются счетомъ получаемыхъ ружейныхъ выстрѣловъ, а не выпускаемыхъ, когда думаютъ слишкомъ много о себѣ, нельзя уже думать о другихъ. Часто генералъ своимъ примѣромъ такъ воодушевляетъ свои войска, что они доставляютъ ему побѣду. Если бы великій Конде пощадилъ бы себя при Фрицбургѣ, его бы войска потерпѣли страшное пораженіе.

Въ войнахъ, которыя ведутъ уже 20 лѣтъ французы, если бы генералы не подавали примѣровъ рѣшительности и смѣлости, развѣ солдаты торжествовали бы побѣды во всей Европѣ?

Его быстрый и пылкій умъ рѣдко былъ способенъ на необходимыя размышленія при начатомъ предпріятіи; онъ съ живостью принималъ всѣ новыя идеи, не вдаваясь глубоко въ ихъ существо и не взвѣсивъ ихъ, благодаря чему у него въ арміи часто происходили крупные безпорядки.

Наконецъ, онъ пе могъ и не умѣлъ держаться на лошади, ни скакать галопомъ; это было большимъ неудобствомъ для главнокомандующаго, такъ какъ въ дни сраженія онъ долженъ быть въ разныхъ пунктахъ, гдѣ его присутствіе было бы необходимо. Графъ Каменскій былъ очень самолюбивъ и не терпѣлъ никакихъ совѣтовъ и противорѣчій своимъ мнѣніямъ; когда же онъ убѣждался въ правотѣ другихъ, то всегда было уже слишкомъ поздно; его первымъ движеніемъ всегда былъ сухой и рѣзкій отказъ.

Но если графу Каменскому недоставало мужества и сердца, зато онъ обладалъ высокимъ качествомъ—умомъ; трудно было имѣть болѣе тактичности, разсудительности и сообразительности. Онъ не успѣлъ заставить полюбить себя, но зато никто лучше его не могъ и не умѣлъ заставить подчиняться себѣ. Несмотря на всѣ свои недостатки, онъ обладалъ военными способностями и, хотя его образованіе было и не полно, но у него все-таки были основательныя знанія, которыми онъ умѣло пользовался.

Онъ необыкновенно быстрс комбинировалъ движенія и дѣйствія различныхъ корпусовъ. Командованія арміей онъ достигъ послѣ долгаго и основательнаго изученія службы въ низшихъ чинахъ, благодаря чему пріобрѣлъ опытность и разсудительность, которыя даются единственно только временемъ и практикой; вообще я не сомнѣваюсь въ его хорошей репутаціи, но онъ былъ еще слишкомъ молодъ, и это обстоятельство отразилось на его командованіи и стоило намъ очень дорого.

Честность и безкорыстность гр. Каменскаго доходили до высшей степени; всякаго рода неделикатность не только была ему чужда, но онъ даже не выносилъ ее въ другихъ. Его чистая и благородная натура возмущалась всякими мнительными поступками, и лицо его при этомъ выражало глубокое презрѣніе. Я былъ съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ; 6 лѣтъ мы прожили съ нимъ вмѣстѣ въ Польшѣ, и я не могъ не оцѣнить его честности, твердой воли и другихъ качествъ. Ни разу въ нашей дружбѣ не произошло никакихъ недоразумѣній, и я никогда не переставалъ любить и уважать его, хотя нисколько не былъ ослѣпленъ на счетъ его недостатковъ и строго осуждалъ ихъ.

Графъ Каменскій сдѣлалъ свою первую кампанію генералъ-маіоромъ въ Италіи, подъ начальствомъ Суворова, въ 1799 г. Въ

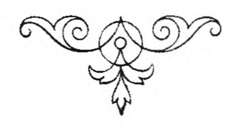
Швейцарской кампаніи онъ былъ отличенъ своимъ начальникомъ, который обращался съ нимъ очень дружески. Подъ Аустерлицемъ гр. Каменскій находился въ авангардѣ князя Багратіона. Его Архангелогородскій полкъ въ храбромъ бою былъ весь уничтоженъ. Въ Прусской войнѣ онъ также проявилъ свою дѣятельность: онъ командовалъ корпусомъ, назначеннымъ для охраны города, но ему не удалось этого сдѣлать, несмотря на всѣ старанія.

Въ концѣ кампаніи онъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, когда ему было всего 28 лѣтъ.

Въ войнѣ со Швеціей (1809 г.) онъ командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ, и успѣхи его надъ непріятелемъ обратили на него вниманіе нашего двора; особенно выдвинула его одна побѣда, когда онъ совершенно отрѣзанный, очутился въ очень критическомъ положеніи, изъ котораго однако очень счастливо и удачно сумѣлъ выйти. За эту войну онъ получилъ чинъ генералъ аншефа, чѣмъ опередилъ всѣхъ генералъ-лейтенантовъ.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Опечатки: въ іюльской книгѣ (т. CXXXV) на страницѣ 74, 4-я строка сверху напечатано Волочжаня, слѣдуетъ читать Вологжаня; 18-я строка сверху напечатано цифра 3, слѣдуетъ читать буква з и на страницѣ 210 въ книгѣ и на оберткѣ напечатано заглавіе къ «Къ исторіи монастырей 1670 г.», слѣдуетъ читать «Къ исторіи винной монополіи 1670 г.».

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1908 г.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и воспоминанія.

СТРАН.

I. Генералъ Залѣсовъ. (Воспоминанія). А. Жиркевича . . . . 13—20
II. Учебныя воспоминанія. В. Лебедева. 21—36, 241—255, 581—600
III. Изъ записокъ стараго помѣщика. Сообщ. В. А. Шомпулевъ. . . . . 57—73, 551—558
IV. Дитя любви. (Изъ записокъ стараго помѣщика). Сообщилъ В. А. Шомпулевъ. . . . . 121—123
V. Изъ давно прошедшаго (Отрывочныя воспоминанія). Л. Драке. . . . . 129—132, 429—436
VI. Царская милость (Изъ воспоминаній восточной войны). Сообщ. И. Гловацкій. . . . . 133—134
VII. Записки гр. Ланжерона. Война съ Турціей, 1806—1812 г.г. Сообщ. Е. Каменскій. . . 159—209, 401—428, 661—672
VIII. Крахъ земельныхъ банковъ. (Изъ записокъ стараго помѣщика). Сообщ. В. А. Шомпулевъ. 223—226
IX. Воспоминанія стараго орловца. Конст. Ѳедор. Кулябка. . . . . 367—381
X. Памяти Г. Г. Даниловича, какъ выдающагося педагога. (Личныя воспоминанія). М. Прокопьева. . . . . 501—546
XI. Воспоминанія К. П. Каблукова. Георгій Миллеръ. . . . . 603—633
XII. Ардаганскій отрядъ. Воспоминанія о войнѣ 1877—78 гг. В. Комаровъ. . . . . 649—660

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

I. За кулисами дипломатіи. Ю. С. Карцова. 3—12

II. Очерки изъ исторіи Тамбовской церкви. А. Нечаева . . . . 37—56, 559—578

III. Къ исторіи винной монополіи 1659 г. Сообщ. И. Суворовъ 74, 210

IV. Исторія карелъ. В. Крохина . . . . 75—87

V. Отношеніе главноначальствующаго Кремлевскою экспедиціею П. С. Валуева къ преосвящ. Августину. 20 ноября 1812 г. Сообщ. В. Афанасьевъ 88

VI. Жизнь и литературная дѣятельность П. А. Плетнева. В. Н. . . . . 89—119, 265—316

VII. Акростихъ, поднесенный Д. П. Трощинскому. Сообщ. Петръ Челищевъ 120

VIII. Овладѣніе непріятелемъ крѣпостью Кинбургъ во время Крымской войны. Сообщ. Ив. Вороновъ . . . . 124—128

IX. Изъ исторіи русскаго театра въ XVIII вѣкѣ Б. В. Варнеке . . . . 135—158

X. Къ исторіи монастырей 1671 г. Сооб. И. Суворовъ 634

XI. Радостная кончина. Сообщ. А. Е. К. . . . . 211—213

XII. Великая совѣсть Н. Л. . . . . 215—216

XIII. Результатъ излишней довѣрчивости. Сообщ. А. Е К. . . . . 227—228

XIV. Къ біографіи И. С. Тургенева М. Гутьяръ. . 229—240

XV. Письмо М. Д. Скобелева Д. А. Скалону. Сообщ. Д. Скалонъ 256

XVI. С.-Петербургско - музыкально - драматическій кружокъ любителей. Сообщ. Крушковскій. . 257—264

XVII. Очеркъ гражданской дѣятельности нашей въ Болгаріи въ 1877—78 гг. М. Костырко. . . 317—337

XVIII. Къ 150-лѣтней годовщинѣ сраженія при Цорндорфѣ 14 августа 1758 г. Л. Драке. . . . . 338—340

XIX. Поѣздка изъ Петербурга въ Стокгольмъ на пароходѣ „Александрія“ въ 1838 г. Ал. К—ій. 341—365

XX. Къ путешествію Петра Великаго въ Архангельскъ въ 1694 г. Сообщ. И. Суворовъ. . . 366

СТРАН.

XXI. Начальникъ Соколовой горы. (Изъ записокъ стараго помѣщика). Сообщ. В. А. Шомпулевъ. 382

XXII. Изъ дневника Опочинина. . . . . . 383—400, 473—494

XXIII. Изъ дипломатической переписки сэра Джемса Гарриса—графа Мальмсбюри. 1777 — 1782 гг. Сообщ. В. Т. . . . . 437—467

XXIV. М. Т. Каченовскій и С. Н. Глинка подъ Иваномъ Великимъ. . . . . 468—472

XXV. Къ 200-лѣтней годовщинѣ сраженія при дер. Лѣсной. Л. Драке. . . . . 495—499

XXVI. Донесеніе генерала Скобелева начальнику штаба дѣйствующей арміи. Сообщ. Д. Скалонъ. 500

XXVII. Къ біографіи М. Н. Муравьева. Сообщ. А. Я. Бирюковъ. . . . . 547—550

XXVIII. Къ 100-лѣтней годовщинѣ сраженія при Оровайсѣ. Л. Драке. . . . . 601—602

XXIX. Забытая писательни а и ея заслуги. А. И. Фаресова. . . . . 635—648

Портреты.

I. Тамбовскаго епископа Пахомія (при 7-ой книгѣ).

II. Графа Л. Н. Толстого (при 8-ой книгѣ).

III. Тамбовскаго епископа Өеодосія (при 9-ой книгѣ).

IV. Людмилы Христофоровны Симоновой-Хохряковой (тамъ же).

Библіографическій листокъ.

1. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества Т. СXXV. Спб. 1906 (на оберткѣ іюльской книги).

2. Н. П. Лихачевъ. Инока Өомы слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ. Спб. 1908 г. (тамъ же).

3. Николай Брянчаниновъ. Впечатлѣнія бытія. Парижъ. 1907 г. (тамъ же).

4. А. И. Фаресовъ. Пробужденный народъ. Очерки съ натуры. Спб. 1908 г. (тамъ же).

5. Владиміръ Короленко. Отошедшіе. Спб. 1908 г. (на оберткѣ августовской книги).

6. Н. К. Кульманъ. Изъ исторіи общественнаго движенія въ

Россіи въ царствованіе императора Александра I. Спб. 1908 г. (тамъ же).

7. Н. Кашкинъ. Очеркъ исторіи русской музыки. Москва. 1908 г. (на оберткѣ сентябрьской книги).

8. Н. К. Кульманъ. Къ исторіи масонства въ Россіи. Кишиневская ложа. Спб. 1907 г. (тамъ же).

же представитель консерваторскаго образованія. Какъ свидѣтель, онъ живо чувствуетъ этотъ, нынѣ закончившійся періодъ борьбы просвѣщеннаго дилетантизма съ серьезной специальной школой,—какъ москвичъ, онъ относится безпристрастно и спокойно къ обѣимъ сторонамъ, поле дѣятельности которыхъ было собственно въ Петербургѣ. Но достоинства въ одномъ отношеніи являются недостатками въ другомъ. Только музыкантъ „второго" періода, доведя исторію до послѣднихъ дней, могъ пропустить Скрябина *), отдѣлаться по-прежнему общими сочувственными фразами о гордости нашихъ дней—Рахманиновѣ, не отмѣтить глубокаго вліянія Мусоргскаго на вокальную музыку послѣдняго десятилѣтія, не развить мысли о благотворныхъ послѣдствіяхъ консервативныхъ мнѣній Лароша. А вѣдь эти мнѣнія воспринялъ и на практикѣ провелъ даровитый, бывшій профессоръ московской консерваторіи С. И. Танѣевъ, обративъ очень большое вниманіе при преподаваніи на изученіе старинныхъ мастеровъ и стараго стиля. Такимъ образомъ онъ обогатилъ насъ технически-совершенными дарованіями, что и дало этимъ москвичамъ возможность въ 30 лѣтъ сдѣлаться европейски извѣстными музыкантами, тогда какъ одни изъ крупныхъ талантовъ предшествовавшаго періода путемъ личнаго, долгаго опыта достигали высшаго музыкальнаго образованія, другимъ же оно вовсе не было суждено.— Итакъ, воздавъ должное уважаемому Н. Д. Кашкину и поблагодаривъ его за полезный, основательный, популярный трудъ съ вѣрными въ большинствѣ случаевъ взглядами, признаемъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что еще необходимы работы въ двоякомъ направленіи. Съ одной стороны, нужна разработка первоисточниковъ, обслѣдованіе имѣющихся въ архивахъ матеріаловъ XVII и XVIII в.в. и сводка ихъ въ одно цѣлое; съ другой стороны слѣдуетъ приковать общественное вниманіе къ славному прошедшему 70-лѣтію, освѣтивъ его съ точки зрѣнія современнаго музыканта, пользуясь по возможности и эстетическимъ критеріемъ, также доведя обзоръ до нашихъ дней,— другими словами, нужно продѣлать приблизительно ту работу, что была блестяще выполнена Александромъ Бенуа по исторіи нашей живописи. Встрѣтимся ли мы въ первомъ случаѣ съ авторскими именами Ст. Смоленскаго или Ник. Финдейзена, а во второмъ съ петербургскимъ Оссовскимъ или московскимъ Энгелемъ—намъ неизвѣстно, но появленіе такихъ книгъ стало безусловно необходимымъ.

Вас. Яковлевъ.

Н. К. Кульманъ. Къ исторіи масонства въ Россіи. Кишиневская ложа. СПБ. 1907.

Кишиневская масонская ложа, съ которой связано имя Пушкина, разсказавшаго о своей принадлежности къ ней, долго служила предметомъ архивныхъ розысковъ, такъ какъ о ней почти ничего не было извѣстно, кромѣ нѣсколькихъ словъ Пушкина, стиховъ его генералу П. С. Пущину, анекдотическаго разсказа Липранди и упоминанія въ оффиціальной перепискѣ князя П. М. Волконскаго, спрашивавшаго о какихъ-то „масонскихъ ложахъ въ Бессарабіи", и И. Н. Инзова, отвѣчавшаго, что ложа въ Бессарабіи не открывалась. Между тѣмъ сообщеніе г. Кульмана знакомитъ насъ съ архивными документами, изъ которыхъ видно, что въ Кишиневѣ недолго существовала масонская ложа, носившая имя „Овидій" и внесенная въ списокъ ложъ подъ № 25-мъ. Она была закрыта 9 декабря 1821 г., просуществовавъ всего пять мѣсяцевъ, черезъ нѣсколько дней послѣ отвѣта Инзова Волконскому. Начальникъ ея, генералъ П. С. Пущинъ, былъ взятъ „въ особенное замѣчаніе", и масонство, въ связи съ нѣкоторыми служебными неудачами, стоило ему карьеры. Говоря объ отношеніи Пушкина къ этой ложѣ, г. Кульманъ справедливо замѣчаетъ: „какую роль игралъ онъ въ ней,—сказать трудно, но врядъ ли эта роль и по свойству характера Пушкина, и по недолговѣчности самой ложи, могла быть значительной". Отношенія Пушкина, которыхъ г. Кульманъ почти не коснулся, не прерывались и впослѣдствіи. Въ Одессѣ Пушкинъ, Пущинъ и Ал. Раевскій („Демонъ"), по разсказу современника, составляли „неразлучный тріумвиратъ". Изъ своего Михайловскаго Пушкинъ иногда ѣздилъ въ имѣніе Пущина Жадрицы, бывшее въ трехъ верстахъ. Къ своему сообщенію г. Кульманъ приложилъ всѣ новые документы, которыми пришлось ему воспользоваться.

Н. Л.

---

*) Кромѣ пропусковъ нѣкоторыхъ важныхъ дѣятелей первой половины XIX столѣтія, непонятными пропусками являются—неупоминаніе С. М. Ляпунова, Лисенко, замѣчательнаго артиста Ф. И. Стравинскаго и теоретиковъ Мельгунова и Сокальскаго. Сверхъ того, считая возможнымъ изложить дѣятельность молодыхъ Золотарева и Черепнина, авторъ не говоритъ объ имъ же расхваленномъ Василенкѣ, также нѣтъ ни слова о Метнерѣ, Ребиковѣ и нѣк. др. Шаляпинъ вспоминается мимоходомъ, Олениной д'Альгеймъ вовсе не нашли. Паречислены главнѣйшіе дѣятели оперной сцены, что вполнѣ правильно, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма ощущается отсутствіе въ книгѣ концертныхъ исполнителей (кромѣ прежнихъ профессоровъ консерваторій), а между тѣмъ въ настоящее время значеніе ихъ, благодаря развитію у насъ концертной музыки, очень возросло.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**